ДАРЫ ВОЛШЕБСТВА

Андрей Смирнов

Дары волшебства

(Повелители волшебства-4)

Благодарности:

Алексею Тищенко — за помощь в редактировании книги, Tantos-у — за отличную идею, органично вписавшуюся в структуру повествования.

1

…Кто-то тряс Дэвида за плечо, настойчиво возвращая к реальности. Он не хотел пробуждаться: знал, что ничего хорошего его не ждет. Завшивленная камера, ноющие почки, ужасающая головная боль… Нет, лучше уж беспамятство, чем все это.

И тем не менее на каком-то уровне он понимал, что следует проснуться. Словно актер, целиком отдавшийся игре, но все-таки знающий, каким будет следующий поворот сюжета. Должно произойти какое-то чудо. Ну ладно. Дэвид открыл глаза. Никого. Пустая вонючая камера в глубине бездонной утробы Большой городской тюрьмы Лачжер-тауна. Тускло светит ночник над дверью.

А где же чудо? Должно ведь что-то случиться. Он был в этом уверен, хотя и затруднился бы объяснить, на чем основана его уверенность. Но, может быть, чудо уже произошло, только вот он его не замечает? Что-то странное творилось с его зрением: он видел лишь то, что находилось прямо перед ним. Все остальное расплывалось, пропадало в каких-то дырах. И появлялось вновь, стоило сосредоточить на упущенном взгляд. Вещь как будто быстренько выныривала из небытия, демонстрируя смотрящему свою реальность и абсолютную надежность.

То же самое происходило с ощущениями. Дэвид вдруг вспомнил, что у него должна болеть голова и ныть почки. Да, и еще пара ребер сломана. Лучше бы он об этом не вспоминал. Сразу все заболело. Он хотел было бессильно опуститься на койку (а что еще прикажете делать человеку, находящемуся в столь плачевном состоянии?), когда опять вспомнил о чуде. Боль исчезла, как только он перестал думать о ней.

Он не знал или не помнил, что именно представляет собой чудо, но был уверен, что узнает его, как только увидит. Может, стоит поискать под койкой? Не исключено, что она туда спряталась. Она. Значит, чудо женского пола. Кошка? Сказочная фея? Меланта из Зергала? Нет, все не то…

Под койкой никого не обнаружилось. Только вонь и сырость. Может быть, в дальнем темном углу, выпадающем пока из его восприятия?… Нет, он понял, что так ничего не выйдет. Сначала он должен вспомнить, что это за чудо, и только потом Дэвид его увидит. Тупо обшаривать камеру можно до бесконечности. Под койкой были земляные ходы, ведущие в подземелья

гномов. Может быть, там он встретит своих друзей, Мелимона и Фили… но чуда он там не найдет, это точно.

Воспоминание о чуде казалось таким же близким, как знакомое, но забытое слово, которое вертится на языке — и никак не приходит на ум. Все усилия, все напряженные попытки вспомнить только отдаляют его, делают еще более призрачным и неуловимым. Дэвид испытал настоящее мучение от попыток найти — уже не в окружающем мире, а в своем разуме — образ, который приняло чудо. Оно… она постоянно ускользала. Нежная и хрупкая, «как… бабочка? Как ребенок?…

Так, уже теплее. «Ребенок» и «она». Выходит, это маленькая девочка? Он уже почти вспомнил… почти нашел ее — синеглазую Алису, явившуюся спасти его…

И тут Дэвид Брендом проснулся во второй раз.

Он лежал на широкой, мягкой кровати, нежась под теплым одеялом. Накрахмаленная простыня, почти хрустящая наволочка… Запах свежего, чистого белья. В комнате утренний полумрак, окно открыто, и, заставляя трепетать тяжелые шторы, в комнату струится ветерок с запахом росы, трав и облаков…

Это не его комната. Это спальня его невесты, Идэль-лигейсан-Саутит-Кион. Дэвид повернул голову. Рядом никого нет, на постели — след ее тела. Значит, принцесса уже встала…

«А вот интересно, — пришла мысль, — я заключенный, которому приснилось, что он стал волшебником, или волшебник, которому приснилось, что он заключенный?…»

Дэвид выбрал второй вариант — поскольку этот вариант нравился землянину намного больше первого. Посмотрел по сторонам. Окружающая действительность не возражала. Стены не таяли и не торопились исчезать. Мир казался достаточно устойчивым, чтобы ему можно было поверить. И Дэвид поверил.

Тем не менее у него возникло чувство, что он пропустил что-то важное. Или забыл. По мере того, как сон отступал, чувство становилось слабее. Дэвид все еще был дезориентирован и, чтобы привести мысли в порядок, стал вспоминать, кто он и что здесь делает.

Он и вправду когда-то сидел в тюрьме. Во сне он вернулся на шесть лет назад, в камеру, куда его посадили за несколько нелестных слов, публично сказанных в адрес Роберта Каннинхейма, Правителя Мира. Дэвида ждал скорый суд и ссылка на Остров Грядущего Мира, когда судьба послала ему Лайлу кен Апрей — одиннадцатилетнюю графиню из замка Тинуэт. Лайла происходила не просто из другого мира — а из мира, расположенном в

ином потоке миров. На Земле Т-1158А, родной планете Дэвида Брендома, она очутилась потому, что искала своего пропавшего отца, могущественного чародея Ролега кен Апрея, пропавшего без вести несколько лет тому назад. В мире, где родилась Лайла, волшебство было обычным явлением, ему никто не удивлялся. Позже Дэвид узнал, что магия пропитывает все миры, в том числе и его собственный. Искусство волшебства — всего лишь способ управлять энергиями, и в некоторых мирах в силу разных причин и условий она принимает особые, уникальные формы, которые остаются действенны только в границах данного мира. Такой аномальной формой волшебства, с точки зрения обитателей родного мира Лайлы, была вся земная наука.

Однако существовали не только уникальные формы магии, действующие лишь при соблюдении строго определенных условий, но и универсальные, работающие практически во всех мирах Сущего. Именно эти универсальные типы волшебства и изучались в Нимриане и Хеллаэне — двойной метрополии, откуда происходила Лайла кен Апрей.

Юная колдунья вытащила Дэвида из тюрьмы, а позже он познакомился с ее двоюродным братом, графом Лэйкилом. И даже сумел напроситься к нему в ученики.

Следующие два года Дэвид провел в Нимриане, в замке Тинуэт. Там его научили не только составлять заклинания, но и худо-бедно управляться с холодным оружием.

Позже он захотел вернуться на Землю, чтобы свергнуть бесчеловечный политический режим, установленный Правителем. Дэвида беспокоила судьба родной планеты, но именно с его желанием вмешаться в жизнь своего родного мира была связана их первая (и единственная) ссора с Лэйкилом. Граф был против возвращения ученика на родину, однако Дэвид настаивал, и Лэйкил отпустил его. На Земле Дэвид провел всего лишь несколько часов. На него было совершено магическое нападение, столь быстрое и мощное, что он даже не успел разглядеть напавшего. Нападение предпринял его учитель, решительно не желавший, чтобы Дэвид узнал, кто именно помог Роберту Каннинхейму создать на Земле XXI века мировое тоталитарное государство. Но все это Дэвид узнает позже, а тогда — он просто очнулся в незнакомом месте, толком не понимая, что именно произошло…

Как оказалось, он попал в мир, равноудаленный и от нимриано-хеллаэнского потока, и от потока миров, образуемого Террой, оригинальной Землей. Дэвид познакомился с компанией наемников — людей и гномов — и даже вступил в их маленький отряд в качестве

боевого чародея. Они два раза подряд кардинально изменили политическую ситуацию в тамошнем королевстве: в первый раз — помогли королю захватить взбунтовавшегося герцога, а потом, разобравшись на чьей стороне правда, освободили герцога и сделали его королем.

Дэвид знал, что те, кто способен создавать волшебные дороги, иногда путешествуют по вселенной в поисках Тальдеаров, Истинных Драгоценностей — камней, имеющих особую ценность для магов. Будучи лицом, весьма приближенным к новому королю, Дэвид установил слежку за всеми ювелирами столицы. Он ждал больше года и мог бы бесплодно прождать еще тысячу лет, но ему повезло: в Лаугатан, столицу Гоим-Гозара, прибыла ледяная колдунья Алиана.

Алиана была Обладающей Силой — одним из тех непостижимых существ, что перешагнули пределы как человеческой, так и божественной природы. Можно сказать и так, что в каком-то смысле Обладающие являлись новой разновидностью богов, сильно потеснившей богов более древних, бездеятельных и пассивных. В отличие от них, Обладающие могущественны, как боги, и деятельны, как люди. Совершенные маги, способные создавать новое из ничего, в масштабах вселенной являлись творческой силой, вернее, великим множеством Сил, противостоящим энтропии. Они игнорировали все законы, которые на родине Дэвида считались фундаментальными — вроде закона сохранения энергии — поскольку в качестве чистых Сил сами были принципами, формирующими вселенную, а в качестве существ, наделенных личностью и самосознанием, являлись теми, кто способен самостоятельно выбирать образ собственного бытия. Они были законами, которые определяют сами себя.

По необъяснимому капризу Алиана пошла навстречу обратившемуся к ней человеку и не только вернула его из Хешота на Землю, но и согласилась помочь уничтожить Роберта Каннинхейма. По подозрениям Дэвида, Роберт был могущественным черным магом — однако, Правитель Мира оказался всего лишь марионеткой, которую дергал за ниточки учитель Дэвида, граф Лэйкил кен Апрей. Когда это обнаружилось, Алиана и Лэйкил вступили в магический поединок — они были знакомы друг с другом и раньше, и отношения у них сложились не самым лучшим образом. Хотя Алиана была еще довольно юной и неопытной Обладающей, ей удалось победить графа… удалось бы, если бы на поле боя не появилась союзница Лэйкила, Леди Марионель, Говорящая-с-Мертвыми — еще одна Обладающая Силой. Марионель пленила Алиану и увлекла ее, а с ней и Дэвида в Долины Теней — те сумрачные пространства Сущего, куда после

смерти стекаются души умерших, чтобы, очистившись от воспоминаний, через некоторое время вернуться к жизни посредством нового рождения в каком-либо из миров. Марионель и Лэйкил рассказали пленникам о том, что подлинным тираном, захватившим родину Дэвида, был дядя Лэйкила, граф Ролег. На Остров Грядущего Мира людей отправляли для того, чтобы, выжимая энергию из их душ, наполнить Котел — исполинское хранилище силы. Используя энергию Котла, Ролег вызвал в Сущее Детей Смерти — кошмарных и вечно алчных обитателей Пределов, жаждущих поглотить все живое. Ролег соединил себя с одним из них, перейдя в качественно новое состояние. Он стал Обладающим Силой, но Сила его проистекала из Пределов, Царства вечной смерти за границами обитаемой вселенной. Однако Ролег так и не успел воспользоваться приобретенным могуществом. Обитатели Пределов и прежде неоднократно пытались вторгнуться в Сущее, однако в Сущем имелись силы, готовые и способные дать им отпор. На Остров Грядущего Мира во главе своей свиты прибыл Король Мертвых — один из самых могущественных Лордов, из числа тех, что стремятся поддерживать равновесие в шести Царствах. Несмотря на то, что Сила Короля Мертвых была сродни той, что питала Детей Смерти, он не стремился к тотальному уничтожению всего и вся: ведь если все живое исчезнет, оно перестанет рождаться, а перестав рождаться, оно перестанет и умирать. Последнее означает, что мертвые перестанут приходить в Долины Теней, и Король Мертвых, хозяин Долин, утратит часть своей власти. Король Мертвых не желал этого, он был подобен пастуху, стригущему свое стадо, но и охраняющему его от волков. Он изгнал Детей Смерти и пленил Ролега, заточив его в Долинах. Пожалев кузину, Лэйкил не стал рассказывать Лайле, в кого превратился ее отец, сообщил лишь, что тот пропал без вести. Это и побудило девочку через несколько лет начать собственные поиски. Вместе с тем Лэйкил и Марионель надеялись еще вернуть Ролега в прежнее состояние, для чего подвергали его невыносимым пыткам, дабы заставить отказаться от приобретем ной Силы. Однако все их попытки оказались тщетны. В конце концов пленник вырвался из заточения. Алиана, Марионель и Лэйкил — а с ними и Дэвид, не столько участвовавший в событиях, сколько наблюдавший за ними, пытались остановить Ролега, но потерпели поражение и остались в живых лишь благодаря новому вмешательству хозяина Долин. На этот раз Король Мертвых не пощадил Ролега.

После того как все закончилось, Дэвид мог остаться на Земле и зажить приятной, прямо-таки сказочной жизнью: будучи единственным магом в этом мире, он мог бы делать все, что ему вздумается, достигнуть любого

положения, обрести абсолютную власть или просто предаться всем мыслимым и немыслимым наслаждениям. Однако вместо этого он предпочел вернуться в Нимриан, осознавая, что жизнь, которая ему предстоит, не будет ни приятной, ни легкой, ни безопасной. Хотя фокусы, которым его обучили, и могли поразить воображение обычного человека, сам Дэвид, сравнивая свои способности со способностями настоящих колдунов из нимриано-хеллаэнской метрополии, прекрасно осознавал, что еще почти ничего не умеет. Он хотел большего.

Чтобы хоть как-то заработать себе на жизнь, он нанялся в охрану караванов, курсирующих между Нимрианом и Хеллаэном. По меркам метрополии это был весьма устаревший способ транспортировки товаров, однако мелкие торговцы, желавшие сохранить самостоятельность, предпочитали использовать именно его. Конечно, проще всего телепортировать грузы, но крупные нимриано-хеллаэнские компании стремились удерживать цены на магическую транспортировку товаров не ниже определенного уровня, и для этого использовали все возможности, чтобы выдавливать из этой сферы деятельности отдельных энтузиастов, которые могли бы помешать установленной гармонии. Рынок был давно поделен, и посторонние, не обладавшие достаточной агрессией и силой, чтобы завоевать себе место под солнцем, изгонялись или подминались теми, кто уже успел здесь утвердиться. Крупные компании могли позволить себе содержать специалистов, искажавших магические пути, по которым переправлялся груз мелких предпринимателей — телепортируемые товары последних нередко пропадали «по дороге». Поэтому тем, кто еще только начинал дело, приходилось пользоваться более примитивными способами передвижения: поклажа грузилась на здоровенных ящеров, которые затем пару недель брели по пустыне, связующей между собой Хеллаэн и Нимриан. Охранникам платили мало, да и маги, нанимавшиеся для охраны, как правило, были весьма невысокого уровня.

Дэвид несколько раз ходил через пустыню и, хотя ему приходилось сталкиваться с различными обитателями Диких Пустошей, в целом все проходило довольно мирно. Так было, пока он не начал работать на главу артели мелких торговцев, некоего Джейназа из Шегга. Джейназ занимался транспортировкой уже довольно давно, располагал большим караваном и мог себе позволить содержать не самую плохую (сравнительно с иными караванщиками) команду боевых магов. Несмотря на все это, вызывал некоторое удивление тот факт, что, незадолго до того, как к Джейназу нанялся Дэвид, на него же стал работать один хеллаэнский аристократ по

имени Мерклон кен Хезг. Ходили смутные слухи о каких-то неприятностях, подвигших Мерклона к такой жизни, — как выяснилось позже, он сам же эти слухи и распустил. И оказался намного более сильным магом, чем можно было ожидать. Мерклон знал, что в центре пустыни, под землей, живет один из древних демонов — или, точнее, один из мелких божков — которым поклонялись существа, населявшие Пустоши до того, как Хеллаэн поглотил этот мир. Кьютский божок, посаженный на голодный паек, большую часть времени спал, но иногда пробуждался и заманивал к себе в логово какой-нибудь караван. Он выжимал энергию из колдунов, сопровождавших караван, и таким образом восполнял недостаток собственных сил.

Мерклон сделал все для того, чтобы караван Джейназа попал в ловушку. В то время пока охрана сдерживала натиск многочисленных существ, внезапно атаковавших их в пещерах, Мерклон напал на кьютского божка и вскоре одержал верх в ожесточенном магическом поединке. Правда, это стоило жизни всем его спутникам, но Мерклона это обстоятельство ничуть не смутило — главное, он получил то, что хотел: магическое сердце хозяина Пустошей. Мерклон уже торжествовал победу, когда Дэвид — последний из оставшихся в живых — сильно испортил ему праздник, воткнув в спину заколдованный меч. Возможно, это был не очень-то благородный поступок, но в честном бою у Дэвида против Мерклона не было абсолютно никаких шансов… а отомстить за друзей хотелось.

Дэвид забрал сердце демона, имевшее вид драгоценного камня, и даже сумел выбраться из Диких Пустошей. Сначала он хотел использовать сердце сам, но быстро понял, что не способен совладать с его силой. Поэтому Дэвид его просто продал — к своему удивлению, по весьма высокой цене.

Так у него появились деньги на обучение. Дэвид немедленно отправился в Академию Волшебства — пожалуй, самую престижную и известную школу магии в Нимриане. Поскольку Академия занималась подготовкой высокопрофессиональных «классических магов», многие аристократы, предпочитавшие рассматривать волшебство не как науку, а как искусство, относились к Академии с демонстративным пренебрежением — что, как ни парадоксально, ничуть не мешало им там учиться или отправлять в Академию своих детей. «Классическая магия» предлагала магам не только методики и знания, но и определенную идейную базу, своего рода парадигму, суть которой состояла в том, что все явления и процессы во вселенной (в том числе и относящиеся к

внутреннему миру человека) можно описать на языке формул. Старая нимриано-хеллаэнская аристократия, для которой волшебство было прежде всего уделом избранных («избранными», конечно же, были сами аристократы), таинством и реализацией личностного творческого потенциала, была ничуть не против воспользоваться достижениями «классиков» — но сам подход, благодаря которому стали возможны все эти достижения, она глубоко презирала.

В Академии Дэвид познакомился со многими интересными людьми и — в конце первого курса — всерьез влюбился. Тому обстоятельству, что его любовь — принцесса из какого-то сателлитного мира, он не придал особого значения. Впрочем, в Нимриане статус Идэль был ненамного выше его собственного. В Академии обучалось не так уж мало людей, занимавших достаточно высокое положение в своих мирах (только очень богатые семьи в сателлитах могли оплатить обучение в метрополии), но кем все они были у себя на родине, здесь мало кого волновало.

Еще до того, как сойтись с Дэвидом, Идэль, красивая и независимая, привлекла к себе внимание Кантора кен Рейза, самодовольного сынка одного из хеллаэнских аристократов. Отношения у Кантора и Идэль не сложились, она бросила кен Рейза, чем жестоко уязвила его самолюбие. Кантор затаил обиду и позже пытался отыграться на новом любовнике Идэль — Дэвиде Брендоме. Он был уверен, что Дэвид станет легкой жертвой, на недооценил противника. Состоялась дуэль. Понимая, что ему нечего терять, Дэвид, в плане магии бывший на порядок слабее Кантора, сделал ставку на скорость и на собственный клинок, которым он однажды уже убил одного аристократа. С помощью волшебного меча ему удалось проломить охранные чары Кантора и жестоко проучить самоуверенного кен Рейза.

Начался второй курс обучения, но закончить его ни Идэль, ни Дэвид так и не успели. Из Кильбрена, родного мира Идэль, пришло известие о том, что был убит прадедушка Идэль — приор, верховный правитель. Идэль сочла, что обязана вернуться, и Дэвид отправился следом за ней. Четыре основных кильбренийских клана высокорожденных вкупе с младшими домами формировали различные партии, готовясь вступить в ожесточенную борьбу за освободившееся места. Верховный правитель также являлся высшим посвященным Рунного Круга, иначе называемого Кильбренийским Источником, — магической системы, способной передавать солидный объем энергии своим адептам в любую точку внутри нимриано-хеллаэнского потока миров. Идэль прошла инициацию и получила доступ к своей семейной силе; она стала собирать дворян и

нанимать чародеев для своей собственной свиты. В преддверии грядущей гражданской войны она полагала крайне необходимым располагать собственной гвардией, составленной из молодых честолюбивых воинов-магов. Вскоре, однако, стало ясно, что иметь дело им предстоит не только с другими высокорожденными, но и с внешней силой, стремившейся захватить Кильбренийский Источник. В тайном убежище Севегала, внучатого дядюшки Идэль, принцесса обнаружила информацию о Причащенных — существах, мысливших себя в качестве частиц единого организма и стремившихся вызвать этот организм в мир в полной мере, возродить его из праха, в который Древний некогда был повержен одним из Обладающих Силой.

Позже Идэль имела длинный разговор с Вомфадом, военным министром Кильбрена, в ходе которого узнала, что именно Причащенные стояли за убийством приора и исчезновением Севегала. Еще позже, однако, лидер другой партии, Кетрав, привел не менее убедительные основания в пользу иной версии событий: по его словам, убийство приора организовал сам Вомфад, стремившийся к верховной власти. Идэль не знала, кому верить и на чьей стороне теперь быть, а Дэвид, даже не подозревавший, какие мучительные сомнения переживает его возлюбленная, не нашел лучшего времени для того, чтобы сделать ей предложение руки и сердца. Это привело внутренний мир Идэль в полный хаос. Она хотела, чтобы Дэвид уехал из ее мира: любовь делала ее уязвимой, открытой, а сейчас, в преддверии внутренней войны между семьями высокорожденных, Идэль не могла позволить себе быть слабой. Дэвид уезжать отказался, и тогда принцесса, чувствуя себя бессильной прогнать его, решила одним махом разрубить клубок всех своих сомнений и страхов. Она привела Дэвида в Старый дворец, где находился Рунный Круг, и вынудила пройти посвящение так, как проходили его все высокорожденные. Дэвид, который не являлся потомком Гельмора кен Саутита, родоначальника всех кильбренийских семей, должен был погибнуть. Но он не погиб. Предположительно причина заключалась в том, что чувства, движения души, являются частью огромного спектра энергий, которым располагает всякий человек, а энергии Идэль и Дэвида переплелись столь тесно, что Источник принял их как одно существо. Источник не уничтожил Дэвида, но совершенно изменил его, сделав способным пользоваться теми силами, которыми Рунный Круг одарял каждого из своих адептов. Фактически Дэвид был рожден заново, его гэемон полностью переменился. Но главное — с точки зрения самого землянина — состояло в том, что Идэль наконец выбросила из головы глупые мысли избавиться от него, дабы уберечь от

неприятностей, и приняла все как есть. Она согласилась выйти за него замуж.

Это случилось вчера.

С тех пор, как пришло письмо, вызвавшее принцессу в Кильбрен, они спали порознь, но вчера Идэль находилась в таком внутреннем смятении, что Дэвид просто не мог оставить ее одну. Да и не хотел этого. Они заснули, тесно прижавшись друг к другу, как засыпали в студенческой гостинице в Нимрнане, в безвременье настоящего, когда не было ни условностей прошлого, ни страха перед будущим… только они двое — и больше никого.

Дэвид сладко вытянулся на огромной кровати. Теперь все будет хорошо. Он был в этом уверен.

Раздался осторожный стук в дверь. Двумя секундами позже ручка повернулась и в спальню вошла Лисс, собственная атта принцессы. Дэвиду стало интересно, как она воспримет его присутствие: будет удивлена? смущена? Но к виду обнаженного мужчины, вольготно развалившегося на кровати принцессы, Лисс осталась совершенно равнодушна.

— Доброе утро, — произнесла она, слегка наклонив голову. Должно быть, это означало поклон. — Госпожа просила разбудить вас.

— Где она?

— Ждет вас у себя в кабинете.

Лисс ушла, а Дэвид быстро оделся, посетил ванную, перекинулся несколькими репликами с гвардейцами, охранявшими особняк Идэль, и прошел в кабинет.

Там, как обычно, царил деловой беспорядок. Столы завалены книгами, свитками, папками, какими-то листками и кристаллами… Идэль сидела в кресле и внимательно изучала огромную старую книгу.

— Иди сюда, — сказала она, заметив его появление. Как обычно, забыла поздороваться. — Садись.

Чтобы освободить место напротив, Дэвиду пришлось переложить кипу книг, которая там лежала, на пол.

— Вот, — Идэль протянула ему лист бумаги, сложенный несколько раз. — Выбирай.

Дэвид стал разворачивать бумагу… Ого! Лист оказался довольно большим. Он полностью был исчеркан какими-то квадратиками, цифрами и именами. Все имена связывались между собой прямыми линиями… Нет, не везде прямыми. Были и прерывистые.

«И что все это значит?» — подумал Дэвид.

— Что выбирать? — спросил он.

Взгляд у Идэль сделался недовольным. Как будто он ляпнул какую-то глупость.

— Как это «что»? — раздраженно бросила принцесса. — Своего предка, конечно.

Дэвид посмотрел в верхнюю часть рисунка. Все линии, в конечном итоге, сводились к одному, особо крупному, квадратику, в котором стояло имя «Гельмор кен Саутит». Чуть ниже — даты рождения, коронации и смерти.

Что-то начало проясняться. Это генеалогическое древо высокорожденных. Опустив взгляд в нижнюю часть листа, Дэвид некоторое время искал там имя Идэль. Нашел не сразу.

Он сложил рисунок вдвое и посмотрел на принцессу.

— Какого еще предка? Мы ведь вчера выяснили, что дело вовсе не в этом. Ты сама мне рассказывала о каком-то философе, который придумал, как обмануть Источник и об этих… — Он на несколько секунд задумался. Имен вспомнить так и не удалось. — Ну, про этих ваших Ромео и Джульетту. Или ты все-таки думаешь, что дело в крови?… Нет, конечно, можно в принципе допустить, что кто-то из ваших посетил мой мир и является моим отдаленным предком, но… Но по-моему, эта вероятность настолько исчезающе мала, что даже не стоит принимать ее во внимание. Брось, дело не в этом.

— Ты что, идиот? — тихо спросила Идэль. — Ты вообще слушал, что я вчера тебе рассказывала или нет? Или ты еще не успел проснуться? Ну так просыпайся и начинай наконец думать головой…

— А в чем дело? — обиделся Дэвид. С его точки зрения, Идэль совершенно не следовало так с ним разговаривать. Хорошее, просто замечательное настроение было с утра — и вот на тебе, она умудрилась его испортить.

— Ты совсем не помнишь, что я рассказывала про Октольда и Нимру?

— О! Точно. Я никак не мог вспомнить, как их звали.

— А ты помнишь, что началось после того, как было объявлено, что Нимра — самая обычная девушка, да еще и атта — прошла Круг?

Дэвид почесал затылок. Да, что-то такое там было…

— Но ведь в конце концов все устаканилось.

— Только потому, что другие не прошли. И все уверились в том, что в Нимре тоже течет кровь Гельмора. Теоретически она может течь в любом кильбренийце. Но если мы завтра объявим, что ты, пришелец из другого потока миров, прошел Круг, твой хладный труп — и мой, кстати, тоже — образуется тут еще раньше, чем мы определимся с датой свадьбы. Человек,

который прошел посвящение, не являясь при этом потомком Гельмора, ставит под удар всю систему. Я не хочу, чтобы Вомфад — или главы кланов на экстренном совещании — решили устранить нас как угрозу потенциальному благополучию всех высокорожденных. Так что перестань молоть чепуху и выбирай себе предка.

Дэвид перевел взгляд на генеалогическое древо. В словах Идэль был резон, но…

— А если кто-нибудь захочет проверить? Отправится в мой мир, изучит информационные поля…

— Надеюсь, ты никому здесь не говорил, из какого именно ты мира? — спросила Идэль. — Нет? Вот и не говори. А на все вопросы отвечай уклончиво и прозрачно намекай при этом, что не станешь ничего сообщать о родном мире, поскольку тебя беспокоит безопасность друзей и родных. Они это проглотят. Использовать дорогих человеку людей для шантажа — вполне в духе нашей семьи. Так что и необходимая осторожность в связи с этим вполне понятна.

— Ну хорошо… — Дэвид развернул лист. — А кого выбирать-то? Честно говоря, я теряюсь… Может, назваться внебрачным сыном Джейбрина? Или, если я стану твоим внучатым дядюшкой это осложнит наш брак?…

— Нет, ты точно кретин. Назваться сыном приора, лигейсаном с преимущественным правом претендовать на приорат? Учитывая, что у нас сейчас творится? Да, так ты легко обеспечишь себе интересную и насыщенную жизнь. Жаль только, что недолгую…

— Хм. Пожалуй, я погорячился. Тогда кого выбрать в предки?

— Не знаю, — Идэль опять уткнулась в книгу. — Сама над этим уже час думаю…

Дэвид задумчиво стал разглядывать генеалогическое древо. Какая разница, кого выбрать? Все равно он понятия не имел, чем занимались все эти люди и какую память о себе оставили… Огромное множество имен и дат решительно ничего ему не говорило. Тевеид, Сьётсар. Ессераг, Фольёрк…

Затем…

Что-то изменилось. Имена не были незнакомыми. Ок вдруг понял, что знает про этих людей если не все, то очень многое…

Фольёркбыл соперником Асгана, сына Кион. После того, как верховная жрица Ёрри ушла из большой политики, претором — то есть предводителем, главой клана — стал ее сын. Фольёрк возглавлял другую партию внутри клана: возвышение жрицы им не слишком-то нравилось и

прошло уже достаточно много времени, чтобы все забыли о том, что именно она спасла всех от тирании Меддиля. Позже Асган стал приором, а Фольёрк утверждал, что этот пост несовместим с ролью главы клана. К новой системе управления перешли не так давно, и многие законы еще только обкатывались, поэтому претензии Фольерка вызвали определенный резонанс. Его поддержали те, кто хотел свалить Асгана: приор, оторванный от собственного клана, утратил бы всякую опору. Асган проигнорировал претензии кузена. Во время покушения, жертвой которого должен был стать приор, погиб его старший сын Моллион. И вот здесь богиня продемонстрировала свое могущество: пожалуй, это единственный случай за всю историю, когда удалось вернуть к жизни высокорожденного; Кион, избранница богини, воскресила своего внука. Но это, конечно, уже не могло остановить внутриклановой войны. Раздорами воспользовался секонд Урейнг, дабы…

Дэвид остановил поток мыслей и попытался вспомнить, откуда ему все это известно. Каждое имя, к которому он приглядывался, в какой-то момент вдруг оживало и начинало рассказывать ему свою историю. Какие-то рассказы были совсем маленькими, другие — большими, в них появлялись новые имена, и они тоже имели свою историю… Откуда он все это знает? Ах, да. Он ведь позаимствовал память у двоих людей из этого мира: один из них был лакеем, а второй — смотрителем архивов. Уж конечно, архивариус должен быть хорошо осведомлен относительно местной истории… Дэвид стал изучать рисунок более внимательно. Самые разнообразные сведения так и посыпались на него. От обилия информации начала пухнуть голова. Но он все равно не мог выбрать.

Разглядывая генеалогическое древо, он заметил одно имя… Первая часть имени ему ничего не сказала, но вот вторая — удивила, и сильно.

Джорейна кен Апрей. Кен Апрей — нимриано-хеллаэнская семья, и с этой семьей Дэвид был знаком очень близко… Откуда-то из глубин памяти всплыло еще одно воспоминание, принадлежавшее уже не слуге и не архивариусу, а ему самому. Когда он только познакомил Лайлу и Идэль, Лайла сказала нечто странное: в Кильбрене, мол, живут их родственники. Теперь становилось ясным, каких именно родственников она имела в виду.

Со времен Джорейны прошло три тысячи лет — срок, который перестает казаться большим, если принять во внимание, что жизнь как хеллаэнских аристократов, так и кильбренийских высокорожденных, может запросто перешагнуть за тысячелетний рубеж.

Из памяти архивариуса относительно Джорейны удалось выцедить следующую информацию:

Джорейна, еще довольно юная и любопытная особа, путешествуя по мирам, встретила юношу — кильбренийского графа Страйбнара, принадлежавшего к одной из младших семей высокорожденных. Это была слабая и небогатая ветвь, зависимая от более сильного клана. Но Джорейну не интересовала власть — она просто влюбилась в молодого и симпатичного графа. Замуж за него она так и не вышла, однако прожила в Кильбрене более десяти лет и даже родила сына. Со временем, однако, такая жизнь ей наскучила и она стала пропадать в своих путешествиях — чем дальше, тем чаще и дольше. Архивариусу Лижану было неизвестно, как в итоге сложилась судьба Джорейны — соответственно, это осталось неизвестным и для Дэвида Брендома. Сын Джорейны, Ниртог воспитывался в Кильбрене своим отцом. У него оказался весьма сильный магический Дар — что совсем неудивительно, учитывая, кровь каких двух семей в нем соединилась. Хотя и Джорейна, и Страйбнар тяготели к светлому волшебству (Свет, Жизнь) и к природной магии (Огонь, Вода, Земля, Воздух и прочие нейтральные стихни), Ниртог, уже с юности, увлекся темной стороной искусства. Он стал одним из самых могущественных чернокнижников, когда-либо появлявшихся в Кильбрене. Он не стремился быть лидером, но ему пришлось им стать, когда Сьётсар активно занялся укреплением королевской власти. Прошло не так много времени с тех пор, как закончилась Катастрофа, и кильбреннйцы, в период хаоса вынужденно превратившиеся в кочевников, опять вернулись в города. Многие знания о предшествующей эпохе были утрачены, элита перемешалась с простолюдинами, и не всегда удавалось разобраться, кто именно из вождей драчливых полудиких племен ведет свое происхождение от Гельмора кен Саутита, а кто — нет. Волшебство в установлении истины помочь не могло, поскольку информационные поля мира во время Катастрофы подверглись такой же деформации, как и все остальное. Проверить это можно было только одним способом, и множество людей погибло, не сумев совладать с энергиями восстановленного Круга. Поскольку испытать удачу мог любой желающий, в скором времени возникла новая элита, довольно разношерстная по своему составу. Из этой среды был выдвинут Тевеид — вождь одного из самых крупных племен, один из тех немногих, что были способны представить убедительный список предков, восходивших к власть имущим до Катастрофы. Тевеид вел свою родословную сразу и от Чандайна, и от Бирайте — лидеров двух партий, чья долгая вражда прекратилась лишь с появлением кен Церультов и последовавшими тяжелыми временами. Выбранный королем, Тевеид, конечно, стремился как можно больше возвысить и укрепить свою власть.

На место феодалов, происходивших от племенных вождей и доказавших свою «голубую кровь» испытанием в Круге, со временем должны были стать доверенными лицами короля. Сын Тевеида, Сьётсар, продолжил эту политику, прибегая к насильственным мерам значительно чаще отца: его власть уже была достаточно крепкой, чтобы он мог себе это позволить. Кильбрен вступил в период внутренних войн. Новый Айтэль, королевство Сьётсара, быстро рос, покоряя одну провинцию за другой. Формального признания власти короля было уже недостаточно, он требовал службы — которую желали нести далеко не все потомки независимых клановых вождей. Если Тевеид действовал не спеша и предпочитал добиваться своих целей мирными путями, то репрессивные методы Сьётсара уже в скором времени породили множество недовольных. Часть знати бежала из растущего Айтэля, другие — те, до кого еще не дотянулась карающая десница королевской власти, — заключали союзы, намереваясь силой отстаивать свои права. Их всех и возглавил чернокнижник Ниртог. На западе он создал свое собственное королевство С'Арагбан, и успешно противостоял всем попыткам Сьётсара покорить эту область. В конце концов, беглецы были оставлены в покое на какое-то время. Ниртогу наследовал его правнук, Лureген. Он был убит Меддилем, а королевство С’Арагбан превращено в герцогство. Меддиль не успел уничтожить всех потомков Ниртога — его самого свергла Кион. Так образовался клан Ниртог, включавший в себя великое множество младших семей — потомков всех тех, кто некогда последовал за молодым чернокнижником. Много лег спустя, при герцоге Рисмайне, с'арагбанцы попытались вернуть себе независимость. Восстание подавили, основная линия наследования была практически истреблена и власть в клане перешла к боковой ветви.

Для того чтобы обозначить принадлежность к какой-либо семье внутри клана, в Кильбрене использовали слово «ита», ставя его перед именем того» к кому восходила данная ветвь. Ита — буквально значит «ребенок», «потомок». К примеру, выражение «ита-Берайни» обозначало всех потомков Берайни, а «ита-Риттайн» именовались все, происходившие от первой жены Джейбрина. В свою очередь выражение «ита-Джейбрин» обозначало бы всех потомков Джейбрина как от его первой жены, так и от второй.

Обе ветви клана Ниртог — и та, которую лишили власти, и та, которую власть обрела, восходили к Томьеру — внучатому племяннику второго и последнего с'арагбанского короля Лурегэна. Первая линия шла от сына Томьера, Ларгата. Ларгат правил С’Арагбаном почти тысячу лет и приобрел огромное влияние в стране. Его сыну Ромольду не хватило лишь

полшага для того, чтобы получить приорат — Ромольд был убит, а его наследник Рисмайн обвинил в смерти отца приора и объявил о выходе С'Арагбанского герцогства из состава Айтэля. Результатом этого стала война, смерть самого Рисмайна и переход власти в клане к другой ветви потомков Томьера, происходивших от его дочери Мейгры. Именно тогда Хаграйд, и поныне являющийся главой клана, получил свою власть. Между тем, потомки Ларгата не были истреблены полностью. Помимо сына Ромольда, у Ларгата была дочь Жерейн. При уничтожении партии сепаратистов, возглавляемых Рисмайном, практически все наследники Жерейн, примкнувшие к восставшим, также были истреблены — но не все. Хотя ита-Мейгра вместе со своим лидером Хаграйдом безраздельно властвовали над С'Арагбаном, ита-Жерейн со временем смогли подняться из пыли. Конечно, Хаграйд прилагал все усилия для того, чтобы не дать им возвыситься. Периодическое появление трупов и бесследные исчезновения людей как с одной, так и с другой стороны не были редкостью.

Новое возвышение ита-Жерейн связано с именем Джейбрина, который, сам являясь праправнуком Хаграйда, был весьма озабочен претензиями своего прапрадедушки на верховную власть. Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», Джейбрин способствовал потомкам Жерейн в возвращении некоторой части их земель и всячески оберегал их от произвола главы клана. Хаграйду, конечно, все это не нравилось, но ничего поделать он не мог. Джейбрин не хотел его падения, но не желал и чрезмерного усиления главы клана Ниртог. Пока Хаграйд был занят неурядицами в своем собственном клане, Джейбрин мог не опасаться того, что его претензии на приорат станут чрезмерно серьезными.

Любопытно во всем этом, что мать Идэль, Налли, происходила как раз из семьи ита-Жерейн. По существу, этот союз гарантировал второй семье с'арагбанского клана определенную неприкосновенность, что, в условиях усиливающегося давления со стороны Хаграйда, было совсем не лишним.

Дэвид потряс головой. Надо перестать увлекаться деталями и сосредоточиться на главном. Таких историй из генеалогического древа память архивариуса Лижана могла извлечь еще очень, очень много.

— На мой взгляд, — сообщила Идэль, — есть два варианта. Либо приписать тебя к одной из боковых ветвей клана Кион. С таким расчетом, чтобы земли того, кому ты наследуешь, были включены в мои владения или во владения Фольгорма. Это будет проще всего. Ты сразу получишь свою территорию…

— А она мне нужна?

— Конечно, нужна. Ты же высокорожденный. У меня большое

герцогство и чуточку земли выделить своему супругу будет нетрудно, тем более, что эта земля никуда от меня не уйдет. — Идэль усмехнулась.

— А второй вариант?

— Забудь. Давай сначала рассмотрим первый. Мне кажется, так будет лучше всего.

— Лучше? Ну, если не считать того, что я получаюсь этаким жиголо.-

— Об этом стоило думать тогда, когда ты делал предложение принцессе, — назидательно сообщила Идэль. — А теперь поздно.

— Почему поздно?

— Потому что я уже согласилась. Попробуй только пойти на попятный — Она погрозила Дэвиду кулаком.

Землянин рассмеялся.

— И все-таки, — сказал он чуть позже, — я бы хотел узнать второй вариант.

Идэль вздохнула и несколько секунд рассматривала его, колеблясь — говорить или нет? Она не сомневалась, что второй вариант понравится Дэвиду гораздо больше. Но этот вариант не нравился ей.

— Либо можем выбрать в качестве твоего предка кого-нибудь из другого клана.

«Потрясающе, — подумал Дэвид. — Либо наш клан, либо любой из трех оставшихся. Ну просто поразительное богатство выбора…»

— А с какой целью? — спросил он.

«Он все еще не понимает…» — тоскливо подумала Идэль. Ей не хотелось ничего объяснять. Вместе с тем она чувствовала, что должна это сделать. Она сама поставила условие, при котором станет рассматривать Дэвида как равного игрока на поле. Как ни странно, Дэвид сумел это условие выполнить. Он выжил в Рунном Круге и действительно стал равен любому из высокорожденных. О временах, когда она давала ему дозированную информацию и просто использовала его как самого доверенного из своих людей, теперь следовало забыть. Он изменился, стал кем-то большим, чем был. Не просто ее помощником, а самостоятельной единицей на поле внутрисемейных интриг. И этого теперь уже никак не изменить.

— Появление нового высокорожденного, — начала Идэль, ощущая себя при этом так, как будто ей приходилось не говорить, а ворочать камни, — это целое событие. Тем более — того, кто в ближайшее время должен будет стать мужем самой первой по статусу наследницы Джейбрина. Многие люди проявят к тебе интерес. Если ты будешь объявлен как наследник кого-то из другого дома, гарантирую — этот дом

приложит все усилия для того, чтобы включить тебя в свою партию.

— Как способ влияния на тебя?

Идэль кивнула: — Совершенно верно.

— Ну, а нам-то зачем это нужно?… — Дэвид поднял руку. — Нет, подожди, попробую сам догадаться. Влияние — это всегда двухсторонняя штука, верно? Меня будут рассматривать как способ повлиять на тебя и на твою партию, но ведь и для ита-Риттайн я могу быть таким рычагом влияния на тот клан.

— Я сильно сомневаюсь, что ты сможешь повлиять на какую-то партию в ближайшие десять… а скорее всего, и сто лет, — Идэль улыбнулась.

— Кто знает.

— Конечно, все возможно, но будем реалистами. Ты по натуре не интриган и не лидер.

— Зато я могу быть шпионом.

Идэль кивнула.

— Я не надеюсь таким образом получить какие-то сверхважные секреты, но, по крайней мере, мы будем в курсе, что они замышляют.

— Ну что ж, — сказал Дэвид. — Эта идея выглядит намного лучше, чем первое предложение.

«Как я и думала…» — вздохнула Идэль. Она уже пожалела, что вообще упомянула о втором варианте.

— Теперь нужно определиться с семьей, — жизнерадостно сказал Дэвид. — Какие варианты? Может, заодно обрисуешь текущую расстановку сил? Раньше ты мне почти ничего не рассказывала, приходилось все выяснять какими-то окольными путями…

— Подробности потом. Сейчас мы решаем другой вопрос.

— Тогда тебе придется решать его самой. А я просто соглашусь с твоим мнением. — Он постарался, чтобы в голосе не было и тени упрека. Затевать очередной бессмысленный спор Дэвиду совершенно не хотелось. Он и вправду был готов согласиться с ее решением. Но при этом ему все-таки хотелось бы понимать логику происходящего.

— Ну хорошо, — сдалась Идэль. — У нас четыре явные партии, которые группируются вокруг четырех лидеров, намеренных выставить свои кандидатуры на пост приора. Это Ксейдзан, Кетрав, Шераган и Хаграйд.

— Но ведь…

— Да, Шерагана с нами больше нет. Но это не станет концом партии, которая формировалась вокруг него. Полагаю, теперь нас возглавит Вомфад.

— Хм. Учитывая то немногое, что ты мне рассказывала, Вомфад подходит на роль лидера куда больше, чем Шераган.

Идэль скривилась. Она ничего не говорила Дэвиду о разговоре с Кетравом. Но слишком уж многое указывало на то, что Кетрав не лгал, утверждая, что Вомфад с самого начала намеревался использовать Шерагана как подставное лицо.

— Значит, четыре возможных кандидата, — произнес Дэвид, блуждая взглядом по генеалогическому древу. — И двое из них — из дома Кион… А почему Аминор никого не выставляют?

— Они слишком слабы. После Селазара всегда играли вторую скрипку. Вопрос лишь в том, при ком они будут играть вторую скрипку на этот раз.

— А есть сомнения?

— Конечно, — Идэль усмехнулась. — Вдруг они все-таки обиделись на ту мою старую выходку.

Дэвид усмехнулся в ответ, покачал головой, но ничего не сказал. Радовало лишь то, что Эркат, несостоявшийся жених Идэль, вряд ли имел хоть сколько-нибудь значимое влияние в клане. Он был еще очень молод, и — если впечатление Дэвида, видевшего Эрката только один раз, во время доклада об исчезновении Севегала, верно — этот юноша не отличался твердостью характера. С другой стороны, история с пажем могла огорчить его дедушку Самилера, главу клана.

— Может, мне стоит поискать предка среди аминорцев? — предложил Дэвид. — Если они в сомнениях, чью сторону выбрать, это может стать аргументом в пользу вашей партии.

— Нет, — покачала головой Идэль. — Вряд ли. Вообще отвлекись от мыслей на что-то повлиять. Это тебе не по плечу Во всяком случае, в ближайшие годы. Лучше гарантированно решить скромную задачу, чем замахнуться на что-то значительное и не преуспеть.

— Ну хорошо. Тогда скажи мне сама, информация о ком нам наиболее необходима? Об ита-Берайни?

— Да, но в их число тебе входить точно не следует. Они ведь все потомки Джейбрина. Если ты будешь претендовать на титул лигейсан, это вызовет огромные проблемы. Я ведь уже говорила. В этом случае будет организована очень тщательная проверка, кто ты и откуда. А нам это совсем не нужно.

— Ну хорошо. Вычитаем Кион и Аминор. Остаются два дома. Какой посоветуешь?

Идэль набрала воздуха в грудь. Выдохнула и решительно сказала:

— Гэал. Хаграйду вряд ли что-то светит. Его обошел Джейбрин и

обходили раньше. Нет, он в этой гонке последний, на кого бы я поставила. А вот на Гэал опираются сразу двое: Ксейдзан и Кетрав. Поэтому иметь там своего человека вдвое важнее, чем где-либо еще.

— Ну, Гэал так Гэал, — Дэвид пожал плечами. — Кстати, а разве то, что двое используют один и тот же дом в качестве опоры, не делает их партии слабее? Это похоже на внутренний конфликт.

— Будет здорово, если так. Но пока Ксейдзан и Кетрав — союзники. Да, сейчас, до выборов, оба ведут деятельность по привлечению сторонников. Но когда соберется сенат, думаю, они договорятся. Если лидировать будет кто-то другой — договорятся точно. Для них обоих, безусловно, лучше, если приорат получит один из них, чем Вомфад или Хаграйд.

— То есть, в итоге эти две партии будут поддерживать кого-то одного?

— Да, скорее всего. Я думаю, сейчас они просто пытаются выяснить, кто лучший.

Дэвид посмотрел на рисунок. Лидер ита-Берайни приходился главе Гэал праправнуком… Кетраву было больше восьмидесяти лет, Ксейдзану — восемьсот. Но имел ли в данном случае возраст какое-то значение? Даже при таких длинных сроках жизни, восьмидесяти лет вполне достаточно для достижения зрелости.

Зрелости Дара, способностей, политической карьеры…

— Здесь много имен, — сказал Дэвид, не отрывая глаз от древа.

— На самом деле, не так уж много, — закрыв свою здоровенную книжку, Идэль встала и подошла к Дэвиду сзади. Книгу она положила на стол — Дэвид, скосив глаза, прочел название: «Дом Кион: младшие семьи. Полный список членов дома с перечнем их владений». Значит, она все-таки надеялась, что он согласится на безопасный вариант. Надеялась в этой здоровенной книге отыскать хоть что-то, что помогло бы ей убедить Дэвида его принять…

— Мы сразу исключаем всех, кто старше Ксейдзана, — сказала Идэль, отсекая пальцем верхнюю часть клана Гэал. — Потом мы исключаем засохшую ветвь ита-Энрас. Из этой ветви были Дейна и Джаран. Учитывая историю внутренней борьбы в клане, Ксейдзан, скорее всего, сам тебя убьет, если ты заявишь себя наследником той, более старшей, ветви. Младшая ветвь, ита-Нилайн, нам тоже не нужна. Она имеет мало влияния и вряд ли причастна к принятию каких-то значимых внутриклановых решений.

— Но тогда остается только сам Ксейдзан и его потомки.

— Верно. Теперь исключаем всех живых. И всех женщин. Мужчина может погулять на стороне, но женщине приходится еще и рожать, а в историю о том, что Берайни или Сигейза «забыли» свое дитя в каком-то далеком мире, вряд ли кто-то поверит. Не было в их жизни таких обстоятельств, которые могли бы вынудить их сделать нечто подобное.

Дэвид задумался. Идэль права: имен не так уж много, если исключить всех лишних.

— Таким образом, остаются трое: Нидкольм, Хэбиар и Бралтар, — констатировал землянин. — Мне кажется, нужно выбрать либо Нидкольма, либо его сына. Как раз то, что надо: близкие отношения и с кланом Гэал, и с семьей Берайни.

— В этом есть резон, но Нидкольм был старшим сыном Ксейдзана. Кто-то может решить, что ты рассчитываешь в перспективе занять место главы клана.

— А я правда могу на такое рассчитывать? Теоретически?

— Сложно сказать. — Идэль покачала головой. — Если тебя признают… если наберешь вес в семье… все возможно. Но конкретно в твоем случае, даже если будут выполнены все эти условия, я сильно сомневаюсь, что произойдет нечто подобное. Пусть даже через сто лет.

— Почему? Ты в меня не веришь?

— Ты слишком добрый.

— Неправда, я злой, — насупившись, хриплым голосом старого гремлина произнес Дэвид.

Пользуясь тем, что руки Дэвида заняты большим листом бумаги, Идэль снисходительно взъерошила волосы своему жениху.

— Значит, Хэбиар? — уже нормальным тоном сказал Дэвид. Помолчав, он добавил:

— Я смотрю, он был женат на твоей внучатой тетке из клана Ниртог. И она все еще жива. Это не вызовет осложнений?

— Какого рода?

— Ну, ей может не понравиться мысль о том, что ее покойный муж гулял где-то на стороне. Или у вас относятся к таким вещам спокойно?

— По-разному. Честно говоря, я не знаю, как отреагирует Рия. Я с ней не знакома.

— У них и сын есть, Тахимейд. Как он отнесется к появлению «братика»?

— Запомни, — строго сказала Идэль. — Ты будешь ему не «братиком», а внучатым племянником в черт знает каком поколении.

— Ах, да. Кстати, а в каком году поженились Рия и Хэбиар?

— Не знаю. Надо будет это выяснить. Кажется, не так уж давно. По меркам нашей семьи, конечно.

— Ну, тогда все в порядке, — произнес Дэвид. — Вряд ли Рию так расстроит мысль о том, что ее любимый муженек имел дело с кем-то до того, как взял ее в жены. Если цифры не врут, к этому моменту ему уже стукнуло пятьсот лет, и ей примерно столько же. Хм, правда в этом случае я все равно получаюсь самым старшим в клане — если, конечно, учитывать

не возраст, а линию наследования… Хотя нет, старшими будут ита-Берайни.

— Подожди-ка… — Идэль наклонилась и начала что-то разглядывать на генеалогическом древе.

— Что?

— А ведь действительно, они совсем старички. И вдруг собрались пожениться.

— Любви все возрасты покорны, — философски заметил Дэвид.

— Ручаюсь, любовью тут и не пахло… Не все же у нас такие дуры, как я.

— Ну-ну-ну. По-моему, это самое разумное решение в твоей жнзни.

— «Самое разумное»? — В голосе Идэль появились опасные нотки. — Не зли меня.

— Ладно, не буду, — улыбнулся Дэвид. — Значит, ты думаешь, это был брак по расчету?

— Уверена. Посмотри — Тахимейд родился через несколько лет после несостоявшегося бунта Берайни и Нидкольма. Вероятно, брак заключили незадолго до всех этих событий.

— Какая связь между браком и бунтом?

— Прямая. — Идэль выпрямилась и ткнула пальцем в квадратик с именем Ксейдзана. — Рия — старшая из ита-Жерейн. Ксейдзан женил на ней своего сына для того, чтобы получить поддержку от ита-Жерейн во время предстоящего мятежа.

У Дэвида возникло чувство, что тут что-то не сходится. Пытаясь проанализировать природу этого чувства, он вскоре понял, что его причина кроется в украденной памяти.

Архивариус Лижан не знал точную дату брака Хзбиара из клана Гэал и Рии из клана Ниртог, но помнил, что тот состоялся уже после расправы над Берайни и ее отцом.

— Ммм, — сказал Дэвид. — Я вспомнил. Читал в одной книге. Они поженились после бунта. Точно. — Он сделал вид, будто мучительно пытается что-то вспомнить. — Не помню, как называлась эта книга, но…

Под взглядом Идэль он осекся.

— Никогда не пытайся врать, — сказала она. — Особенно мне. Ты делаешь это так неумело, что мне становится стыдно за тебя.

— Да? — Дэвид сделал задумчивое лицо. — Надо потренироваться вечером перед зеркалом…

— Откуда ты знаешь про Хэбиара и Рию?

Он попытался уйти от ответа, но Идэль была неумолима. Тут Дэвид

понял, что посвящение в Источнике имеет и свои неприятные стороны. Конечно, он врал неумело, но дело было не только в качестве вранья. Они чувствовали друг друга. Он просто не мог ей солгать при всем желании. Они были открыты друг другу, как две половинки одного целого, лишь иллюзорно разделенные каким-то расстоянием.

«И станут двое одной плотью, — подумал Дэвид. — М-да, а ведь старик Павел знал, о чем говорил…»

— Что это? — спросила Идэль. Дэвид и не заметил, как пробормотал цитату вслух.

— А?… Так. Не обращай внимания… Вспомнилось высказывание младшего ученика одного знаменитого волшебника, жившего в моем мире пару тысяч лет тому назад.

— Я думала, в твоем мире магии нет, — удивилась Идэль. — Ты ведь сам мне это говорил.

— Да, но…

— Постой. — Она нахмурилась. — Не пытайся сбить меня с толку. Про твою Землю поговорим в другой раз. А пока я хочу услышать ответ на свой вопрос.

— Какой еще вопрос?

— Хватит вилять. Про Хэбиара и Рию. Откуда ты про них узнал?

— Ну хорошо, хорошо… — сдался Дэвид. — Помнишь архивариуса, память которого я исследовал на предмет, подменял ли он какие-нибудь документы в архиве? Ну, когда ты послала нас с Миреком найти сведения о Шерагане?…

— Помню. И?..

— Я скачал у него часть воспоминаний… Нет, — поспешно заверил он Идэль, увидев, как изменилось ее лицо. — С ним ничего не случилось. Просто копию сделал. Чтобы на книжки время не тратить. Теперь у меня в подсознании лежит здоровенный пакет информации. Оттуда иногда что-то всплывает на поверхность. Вот и сейчас…

Идэль покачала головой. Он чувствовал, что она рассержена, но пытается держать себя в руках. История с архивариусом, когда он рассказал ее в первый раз, вызвала у принцессы бурю отрицательных эмоций.

— В общем, твоя версия не годится, — поспешно добавил Дэвид, чтобы вернуть ее внимание к основной теме дня. — Брак был позже.

Идэль долго молчала, разглядывая генеалогическое древо. Дэвид ощущал, как раздражение медленно покидает принцессу.

— Если позже, — произнесла она, — значит, Ксейдзан не успокоился.

Впрочем, это понятно. Хотел отомстить за внучку и сына… Свою дочь Альтану отдал за амйнорца Хенкарна… Да, он оперативно породнился со всеми кланами. Молодец.

— Если он собирался свалить Джейбрина, почему твой прадедушка смотрел на его деятельность сквозь пальцы?

— А он и не смотрел… — тихо сказала Идэль.

Дэвид, наверное, минуты три тупо пялился на генеалогическое древо, прежде чем до него начало доходить то, что Идэль разглядела значительно раньше.

Они — Ксейдзан и Джейбрин — действовали с поразительной синхронностью. Ксейдзан породнился с семьей ита-Жерейн из клана Ниртог — Джейбрин женит своего внука Глойда на Налли, принадлежащей к той же семье. Ксейдзан отдает Альтану за Хенкарна, сына главы клана Аминор, — Джейбрин пытается устроить брак Эрката, внука Самилера, с Идэль, С последним браком, правда, случилась натяжка, но сама попытка более чем прозрачна… Несмотря на то, что Идэль все испортила, один только намек на возможность такого союза должен был дать понять Ксейдзану, что за всеми его телодвижениями очень внимательно следят сверху.

— Не понимаю, почему вместо всех этих сложных игр Джейбрин просто не расправился с ним, как с остальными своими врагами.

— Мне иногда такие вещи тоже кажутся странными, — ответила Идэль. — Но мы ведь не знаем всех обстоятельств и условий. К тому же нельзя ведь убить всех. По крайней мере, сразу. И потом, Ксейдзан всегда был очень осторожен.

— Но тогда… тогда получается, что он-таки переиграл Джейбрина, и убийство приора, скорее всего, организовал тоже он.

Идэль задумчиво посмотрела на Дэвида, Он делал слишком поспешные выводы. Конечно, он не обладал той информацией, которую имела она. Она ничего не рассказывала ему ни о беседе с Вомфадом, ни о разговоре с Кетравом, ни о других, также весьма любопытных беседах, имевших место быть в Геильском дворце либо за его пределами, в частных владениях высокорожденных.

Теперь предстояло вводить его в курс дела, и побыстрее. Потому что в ином случае за обработку новичка возьмутся ее старшие родственники.

Они в любом случае возьмутся. Но так он будет играть в эту игру хотя бы не совсем вслепую…

«А я, — подумала Идэль, — Разве я могу сказать, что понимаю, что происходит? Кетрав был прав: мне известны какие-то кусочки

информации, обрывки… Полной картины у меня нет… А есть ли она вообще у кого-то? Вполне возможно, что и нет… Но это не важно. В любом случае Дэвид должен узнать то, что знаю я. Так он хоть что-то поймет…».

Она взяла со стола колокольчик и потрясла им. Звука Дэвид не услышал. Однако его новое восприятие, позволяющее видеть мир энергий без помощи Ока, подсказало, что на колокольчик наложено заклинание, переносящее звук куда-то поблизости, Идэль звонила, сидя в своем кабинете, а слуги слышали звон там, где они находились.

— Скажу, чтобы принесли завтрак, — объяснила Идэль свои действия. — Поедим, и поговорим. Есть кое-что, что тебе стоит узнать.

2

Содержание своей беседы с Вомфадом она пересказала полностью, из разговора с Кетравом убрала заключительную часть — ту, где лидер ита-Берайни сделал ей вполне недвусмысленное предложение. Некоторые вещи Дэвид просто не был способен воспринимать адекватно. Если она расскажет, это с самого начала определит его отношение к Кетраву, а Идэль не хотела такой определенности. Прежде всего, ради самого Дэвида. Теперь, когда он стал посвященным Источника, да еще и намеревался объявить себя в качестве потомка претора Гэал, их с Кетравом знакомство неизбежно. Кетрав расчетлив и умен, а Дэвид некоторые вещи принимает слишком близко к сердцу. Отчасти, именно этим нелепый землянин и нравился принцессе, но если его отношение к Кеграву изначально будет негативным, лидер ита-Берайни поймет и почувствует это сразу. Проницательность «дядюшки Кетрава» ее откровенно пугала. А то, чего Дэвид не будет знать, он не сможет и выдать ненароком. Кетрав без особого труда читал ее саму, как открытую книгу, и думать, что Дэвид сумеет его обмануть — наивно.

Тут ей пришло на ум, что если забыть о желании вести игру на равных и посмотреть на затею с «засылкой шпиона» со стороны хоть чуточку трезвым взглядом, то станет очевидно: Гэал и ита-Берайни раскусят их замысел в два счета.

Она прямо об этом Дэвиду и сказала. Мол, будь морально готов к тому, что все все поймут сразу же, с первого твоего хода.

— …С другой стороны, — продолжала Идэль, — как-то вводить тебя в семью в любом случае надо. Эта роль ничем не лучше и не хуже любой другой. Допустим, они поймут, что все, что становится известно тебе, в скором времени станет известным и мне. Ну и что? Иногда шпион, про которого всем известно, что это шпион, может быть жизненно необходим.

— Здорово, — усмехнулся Дэвид. — Ты меня просто обнадежила. Ты предлагаешь мне изначально смириться с мыслью о том, что про все мои еще не сделанные действия уже заранее известно, что никакого результата они не дадут?

— Отсутствие результата — тоже результат, — возразила Идэль. — Мои старшие родственники намного умнее и тебя, и меня вместе взятых. Но если ты не можешь быть умнее, иногда лучше сделать глупость —

особенно если именно глупости от тебя и ждут. Это поможет создать у того, кто умнее, иллюзию контроля. А поскольку никто не совершенен, умный рано или поздно себя обманет сам, и победит дурак.

— Оригинальная логика, ничего не скажешь.

— Это еще церекхаймисты придумали, — призналась Идэль.

— Я думал, ты убежденная Ёррианка.

— Но это же не значит, что я больше ничем другим не могу интересоваться! — возмутилась Идэль. Сделав благочестивое выражение лица, она добавила. — Конечно, вся полнота истины только у Ёрри, но и в других учениях иногда можно найти что-то разумное.

— Мне кажется, в данном случае ты нашла что-то безумное.

— Вполне возможна, что в безумном мире безумная логика и будет в каких-то случаях самой правильной…

Помолчав, Идель закончила фразу уже без всякого оптимизма:

— И, к сожалению, это случается гораздо чаще, чем хотелось бы.

— Похоже, ты всерьез увлеклась церекхаймизмом, — Дэвид покачал головой. История и основные положения религий Кильбрена были ему известны из украденных воспоминаний Лижана.

— Нет, — она, улыбаясь, некоторое время смотрела на Давида. — Не совсем. Просто церекхаймизм чем-то напоминает мне тебя: такая же абсурдная, нелепая и бестолковая вещь, которой в принципе не должно быть, но вот, пожалуйста, — она есть, и от нее никуда не деться.

Дэвид мрачно поглядел на свою невесту. Идэль тихо засмеялась. Против воли и он улыбнулся. Он просто не мог на нее злиться, что бы она ни говорила.

— Ладно, — сказал он, — Будем считать, что психологическую подготовку ты провела. Я ни на что не надеюсь, принимаю мысль о неизбежной неудаче и поэтому готов действовать спокойно, естественно и целеустремленно. Когда я буду иметь счастье расцеловать своего любимого дедулю, Ксейдзана?

— Только не переигрывай.

— Конечно-конечно. Буду вежлив и корректен. Так когда? Какая у нас вообще программа действий?

— Ксейдзан подождет, — Идэль ненадолго замолчала, мысленно выстраивая цепочку шагов, которые предстояло сделать. — Сначала мы встретимся с Фольгормом и еще раз все обсудим.

— Еще раз?

— Да, Я хочу, чтобы он все узнал. И про тебя, и про Причащенных, и про… про то, что Кетрав рассказал.

— Но зачем?

— Фольгорм — единственный, кому я тут могу доверять. Я знаю его с детства, и обо мне он заботился не меньше, чем Севегал, и гораздо больше, чем Джейбрин. По большому счету, мне совершенно наплевать, кто именно станет приором. Что, если Вомфад и вправду сделал все то, в чем его обвинил Кетрав? Этот подлец все-таки посеял во мне сомнения… Вомфад очень привлекателен, но я его не знаю. Понятия не имею, что у него на уме. И совпадает ли — на самом деле — «моя сторона» с «его стороной»? Хорошо, если так. А если нет? Но мне нужно за кем-то идти — по крайней мере до тех пор, пока я не повзрослею настолько, чтобы вести собственную игру. Единственный, кого я знаю и кто мне по-настоящему дорог — и кто при этом все еще жив — Фольгорм, не стремится к приорату и ему незачем подставлять или использовать меня. В общем, пока я во всем сама не разберусь, я просто приму ту сторону, которую он примет.

Дэвид пожал плечами.

— Ну хорошо. Тебе лучше знать, кому тут можно верить, а кому нет. Когда встречаемся с… кем тебе Фольгорм приходится?

— Дядей. Он внебрачный сын моего деда, Халгара. Если Йатран не вернется, из всех потомков Халгара останемся только мы с Фольгормом.

— Внебрачный? Интересно, как к его появлению отнеслась твоя бабка…

— К тому моменту она уже лет двадцать как была мертва. Матерью Фольгорма была простая девушка, даже не дворянка. Дед не женился на ней, она просто согревала ему постель, пока была молода. Потом он обеспечил ее средствами к существованию и сплавил подальше. Нашел другую девушку, а Фольгорма окружил такой же заботой и дал ему такое же образование, как до этого — своим законным детям от Рейканы: Атвальту, Геркле и моему отцу.

— «Такое же» — это какое? — спросил Дэвид. — Они учились в Академии волшебства?

— Нет. Халгар состоял в магическом хеллаэнском ордене Селпарэлитов, Ткачей Заклятий. У них и своя маленькая частная школа есть. Фольгорм рассказывал, что учат там не хуже, чем Академии, хотя выбор предметов, конечно, не так велик. Поступить кому-то со стороны — невозможно, школа открыта только для «своих». В Академии Фольгорм тоже учился, но позже и уже на свои собственные деньги. Хотел освоить пару дисциплин из тех, что у Селпарэлитов не преподавали…

— Есть еще что-нибудь, что я должен о нем знать? Как с ним лучше держаться?

— Естественно. Знаешь, я думаю, вы понравитесь друг другу, — задумчиво предположила Идэль. — В личном общении Фольгорм совершенно не конфликтный человек. И чувство юмора у него есть. И к обычным людям он без всякого высокомерия относится…

— Сгораю от нетерпения при мысли о встрече с таким уникумом.

Страничка из записной книжки Кетрава.

Диспозиция до смерти Шерагана:

За Шерагана — 9: Вомфад, Шераган, Етен, Гарауб Лвермус, Ведаши Идэль, Галдсайра, Майдлар. Вероятно, также Саша и Фольгорм,

— ? Хаграйд, Фэбран, Сераймон, 5 J ягтш, Финейра.

За Ксейдзана — 3: Ксейдзан, Велъдария, Сайрип.

За меня — 5: я, Цзарйн, Ялъма, Сурешии, Эрдап (если Эрдтиг вообще допустят!), Лодиар, Хенкарн, Салшяер, Смайреп —?

Нужно провести работу с… (замарано)

— Любопытно… — изрек Фольгорм после того, как Идэль заончила говорить. — Очень любопытно.

В Холгомияр, старый замок Халгара, они переправились через бинарный портал. День клонился к вечеру, они обедали (или уже ужинали?) на широкой террасе с великолепным видом на горы. Небо было чистым, безоблачным, громада замка давала тень, в которой они прятались от солнца, теплый ветер был приятен и ласков. Если встать и подойти к перилам, внизу можно увидеть зеленый ковер древесных крон и блестящую ленту реки…

Дэвиду понравился замок. Мощная постройка из гранита, облицованного белым камнем, внутри — лабиринт комнат и залов. Здесь было уютно и тихо. Бесшумно сновали по коридорам немногочисленные слуги.

— Значит, все-таки верна теория о том, что Источник воспринимает инициируемого не по частям, а целостно и в этом смысле он напоминает не просто механизм, а своего рода живое существо… — Фольгорм потер кончик носа. — И при определенных условиях его можно обмануть… Да, это интересно. Надеюсь, у тебя не возникло глупой мысли рассказать об этом кому-то еще?

— Нет, конечно. Я понимаю, что при распространении этой информации нас с Дэвидом ничего хорошего не ждет.

Фольгорм кивнул. Испытующе посмотрел на молодого человека, которому предстояло стать мужем его любимой племянницы. Дэвид пытался разрезать кусок мяса, лежавший на его тарелке. Получалось не

очень; мясо было твердым и упругим, как подошва ботинка. Он мучился с ним уже минуту, старательно делая вид, что все в порядке и что в первую очередь его интересует ход разговора, а не содержимое собственной тарелки. В общем, так оно и было бы, не потребуй разделка мяса стольких усилий.

Он уже совсем отчаялся, когда всплыло воспоминание, принадлежавшее, вероятнее всего, не архивариусу, а лакею. Это было мясо сужо — редкого морского существа, обитающего в водах Кильбрена. Хотя само по себе это мясо — жесткое и невкусное, существовал специальный соус, которым его следовало поливать непосредственно перед употреблением. Тогда ненадолго — приблизительно на минуту или чуть меньше — сужо приобретало просто божественный вкус и разрезать его становилось не сложнее, чем обычную отбивную. Через минуту вкус терялся, и восстановить его было уже нельзя никакими средствами. Поэтому есть сужо следовало быстро, намазывая соусом за один раз не весь кусок, а ровно столько, сколько можно было отрезать от основной части и положить в рот.

А где соусница? Дэвид поискал глазами. Ну конечно: стоит прямо перед его тарелкой. Он зачерпнул золотой ложечкой вязкую массу, цветом и консистенцией напоминавшую абрикосовое варенье, полил краешек сужо (пропиталось поразительно быстро), отрезал и осторожно попробовал. Потрясающе, никогда ничего подобного не ел.

— Ну и что вы теперь намерены делать? — полюбопытствовал Фольгорм, снова переводя взгляд на Идаль.

Принцесса, остановившись лишь для того, чтобы отправить в рот ложечку кижумового желе, изложила свои замыслы.

Фольгорм какое-то время молчал. Размышлял, потягивая золотистое вино. Хотел что-то сказать, но сам же себя и оборвал. Тихо рассмеялся.

— Что? — спросила Идэль.

— Хотел сказать, что твоему жениху гораздо безопаснее будет объявить себя потомком кого-нибудь из младшей семьи, подчиненной дому Кион…

— Вот-вот, — кивнула Идэль, — и я так думаю… — Она быстро посмотрела на Дэвида.

— Да нет, — Фольгорм сделал движение кистью руки, как будто отмахивался от этой мысли. — Ерунда это. А если победит Ксейдзан или Кетрав? В этом случае на их стороне быть куда безопаснее…

— Вообще-то, лично меня заботит не безопасность, — сказал Дэвид, решив, что пора бы и ему вставить словечко. — А место, где я смогу быть

наиболее полезен.

Фольгорм скептически посмотрел на молодого волшебника.

— Полезен для чего? — спросил он. — У тебя есть какой-то глобальный план действий?

— Нет, но возможно, у тебя есть.

— Стоп. Во-первых, что касается обращения. Потомки Гельмора кен Саутита в своем кругу не говорят друг другу «вы». Есть, конечно, исключения: например, при обращении к официальному лицу в официальной обстановке — к приору, секонду или претору — но в остальных случаях — нет. Это не принято. Ты здесь недавно и я в двух словах попробую объяснить суть дела. Наше общество разбито на три основные группы: это простолюдины, дворяне и высокорожденные. У каждого слоя своя культура и свои нормы общения. Простолюдины разговаривают как придется потому, что они невежественны и невежливы. Дворяне, наоборот, свято чтят все формальности, этикет — это все. Но мы не можем поступать так же, иначе мы были бы слишком похожи на дворян, тем более что среди них полно отличных магов. Никому не придет в голову сравнивать высокорожденного с простолюдином, и поэтому мы разговариваем так же свободно и просто, как они. «Так же» — если, конечно, смотреть на внешнюю форму, а не на суть. Наше «ты» — это божественное «ты». Боги выше формальностей.

— По-моему, ты слегка перегибаешь палку, дядя, — заметила Идэль.

— Нет, именно так. В сознании обычного человека мы являемся чем-то вроде столпов, поддерживающих мировой порядок. Я не считаю, что рождение в том или другом сословии делает человека каким-то уж особенным, в этом — уже полубог, в том — еще полузверь… Я так не считаю, но по нормам нашего общества это ересь. Впрочем, — Фольгорм широко улыбнулся, — богу даже ересь позволена. Но только богу, а не кому-то еще.

«Не такой уж он добряк, каким его расписывала Идэль, — подумал Дэвид, искоса разглядывая Фольгорма. — Способен с одинаковой легкостью сначала отстаивать одно мнение, а через пять минут — противоположное. Явный сторонник «ситуационной этики»… Если бы не Идэль, я бы ему доверять не стал…»

— Но это все во-первых, — сказал Фольгорм, глядя на Дэвида. — А во-вторых, при чем тут я?

Дэвид посмотрел на принцессу: с его точки зрения, этот вопрос предназначался Идэль, а не ему. Не в его голову пришла мысль заявиться в этот замок.

— Если вкратце и по существу, — сказала Идэль, слизывая с губ остатки кижума, — то Дэвид будет на той стороне, где я. А я, посмотрев на ситуацию в целом, пришла к мысли, что еще не созрела для того, чтобы самостоятельно определиться, кто из претендентов не нравится мне меньше остальных — Вомфад, Ксейдзан, Кетрав или Хаграйд. Поэтому я просто займу ту сторону, на которой будешь ты. Но для этого я должна ее знать.

— А ты не знаешь? — по губам Фольгорма пробежала улыбка.

— Думала, что знаю. Партии определены и все понятно. Но с учетом того, что рассказал Кетрав… — Идэль покачала головой. — А вдруг это правда?… Что ты об этом думаешь? Майдлар ему, кажется, верит. А с тобой они не проводили какого-то… подобного разговора?

— Проводили, конечно, — Фольгорм опять улыбнулся. — Хотя акценты расставлялись иначе. Учитывая мой имидж беспринципного типа, не имеющего ни привязанностей, ни убеждений, Берайни не особенно давили на то, какой Вомфад негодяй и как подло он убил моего дедушку Джейбрнна…

«Вот черт… — подумал Дэвид, смотря на принца. Недоверие и удивление боролись в его душе. — Так, значит, образ приверженца „ситуационной этики" — всего лишь удобная маска… Она выгодна тем, что такого человека никто не станет рассматривать как принципиального, упорного противника, врага, готового биться с тобой до последней капли крови… У него нет своей стороны, он легко займет любую, если почувствует, что сила именно там… У такого человека нет друзей, но нет и врагов… Ита-Берайни могут планировать, как убрать Вомфада или Галдсайру, но никому не придет в голову сживать со света Фольгорма… Но если все это — лишь маска, то каково его настоящее лицо? Любит ли он хоть кого-то? Идэль ему доверяет… Наверное, не зря».

— Ита-Берайни делали упор на том, какие они могущественные и как выгодно быть на их стороне? — Теперь улыбалась Идэль.

Фольгорм кивнул.

— Что-нибудь полезное удалось выяснить? Может намекнули на то, каким образом им удалось так ловко устранить Шерагана?

— Нет, — принц покачал головой. — Во-первых, мы беседовала еще до убийства Во-вторых, они все-таки не идиоты. Было много общих фраз — и полная тишина, как только я пытался перейти к конкретике.

— Жаль, — Идэль вздохнула. Хотелось бы знать… Так что ты об этом всем думаешь? Это правда?

Фольгорм поскреб короткую бороду.

— Полагаю, что да. По большей части.

— Почему? — Было видно, что Идэль не хочется в это верить. — Они могли все придумать. Их основное доказательство — скорпионец, которого они якобы вытащили из Страны Мертвых. Все остальное — фантазии, домыслы. Но ты ведь понимаешь, что этому несчастному человеку, если он действительно существует, уже сто раз могли переписать все воспоминания…

— Могли, — согласился Фольгорм. — Но дело не в скорпионце. Я подозревал… Нет, практически был уверен в том, что смерть Джейбрина на совести Вомфада еще и до встречи с Кетравом.

— Но… почему? — убито спросила Идзль. — И мне ты ничего не сказал…

— Ну, почему я тебе ничего не сказал, вполне понятно, — с холодком в голосе произнес Фольгорм. — Ты слишком импульсивна. И слишком молода. Вообще, со стороны Кетрава были настоящим свинством вводить тебя в игру. Ты к ней еще не готова. Тебе и дальше было б лучше ничего не знать, и мирно жить при новом приоре Вомфаде. Который — до смерти Шерагана — безусловно, имел самые высокие шансы на победу.

— Но зачем? — спросила Идэль. — Может быть, я полная дура, но до меня совершенно не доходит, для чего ему понадобилось убивать Джейбрина. Разве он имел мало власти? Он был вторым лицом в государстве. Так хотелось стать первым? И что же, он не понимал, с какими последствиями столкнется? Сейчас его положение куда хуже, чем при Джейбрине… и это только начала.

— Думаю, в данном случае жажда власти была на втором месте, — ответил Фольгорм. — А на первом — жажда жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаешь, — Фольгорм сцепил пальцы, — все тирании строятся по одному и тому же принципу: уничтожай всех, кто слишком высовывается. Вомфад высунулся очень сильно. Ты совершенно права: он был вторым человеком в государстве. В том-то и дело. А ведь Джейбрин методично убирал всех, кто мог составить ему конкуренцию, Думаю, если бы не история с Причащенными, Вомфад был бы уже мертв. А может быть, он покинул бы нас еще раньше — если бы не случилось того грандиозного заговора, созданного секондом Нидкольмом и его дочерью. Во всех этих конфликтах Вомфад неизменно доказывал свою незаменимость приору и только поэтому сохранял свою власть. И приумножал ее, конечно — неизбежное следствие того, что приор был вынужден раз за разом опираться именно на него, дабы сохранить свою. Но вечно так

продолжаться не могло. Рано или поздно военный министр должен был быть убран со сцены и заменен кем-нибудь другим. Думаю, Вомфад это хорошо понимал, Все, что ему оставалось — или исчезнуть самому, перебраться в другой мир и зажить тихой жизнью, или попытаться опередить Джейбрина.

— Благая Ёрри… — тихо сказала Идэль. — У меня такое чувство, что я нахожусь по уши в грязи.

Давид мысленно с ней согласился.

— Ты всегда можешь забыть обо всем этом и уехать а один из своих замков, — легкомысленным тоном предложил Фольгорм. — Оборвать все контакты, найти себе мирное занятие по примеру Смайрена…

Он не договорил. Предложение прозвучало как дурная шутка. Всем, сидящим за столом, было понятно, что Идэль им не воспользуется. Не тот характер.

— Смайрен на похоронах брата так и не появился… — Вздохнула Идэль. — Видимо, и в сенате мы его не дождемся.

Фольгорм кивнул.

— А знаешь, что он сказал, когда я сообщил ему об убийстве Шерагана в ту ночь?

— Что?

— Только одно: «Доигрался». И разорвал связь.

Идэль улыбнулась и покачала головой.

— Я вот чего не понимаю, — подал голос Дэвид. — Вомфад был вторым человеком в стране. Но почему сейчас, когда нет первого, он стал упускать власть? По логике, его влияние, наоборот, должно возрасти.

— Вовсе нет, — откликнулся Фольгорм, — в том-то и дело, что если бы он подготовился как следует, у него, скорее всего, ничего не получилось бы. Кажется странным, правда? Но только на первый взгляд. Так уже было с Нидхольмом и Берайни. Чем больше людей вовлечено, тем больше вероятность срыва, ошибки, предательства. Ведь Джейбрин тоже не дурачок. Я тебя уверяю, дурачок не сумел бы свалить Гарабинда и продержаться на самой верхушке без малого двести лет. Магическую подготовку Вомфад провел безукоризненно, а вот заранее подготавливать условия для своего безусловного избрания поостерегся. Так бы он себя выдал столь же явно, как если бы написал красной краской на лбу: «Готовлю переворот». Понадеялся, что разберется со всем уже после того, как Джейбрина положат в склеп. Но не получилось.

— Почему?

— Слишком много действующих сил на сцене. Дедушка мог их

держать под контролем — всех этих Ксейдзанов, Хаграйдов и ита-Берайни. Но Вомфаду это не по зубам. Пока не по зубам. А дальше… посмотрим, кто из них выживет в сваре.

— Ты собираешься оставаться над схваткой? — спросила Идэль.

— Хотелось бы. Но, боюсь, не получится. Стороны уже перешли к активным действиям: Шераган открыл счет. Точнее, счет открыли Шераганом. Рано или поздно мне придется выбирать, в кого стрелять. И скорее рано, чем поздно. Сторона, в которую я выстрелю, методом исключения определит, на чьей же стороне я нахожусь. Между прочим, это не только ко мне относится, — Фольгорм внимательно посмотрел на свою племянницу, а затем на ее жениха. — Но и к вам тоже. Даже если сила безусловно на вашей стороне, подумайте десять раз, прежде чем убить кого-то. Каждый труп — это не просто мертвое тело, которое можно положить в склеп и забыть о нем. Это еще и фактор, определяющий ваше собственное текущее положение в семье. Бездумно наделав кучу покойников, можно оказаться в таком положении, когда самый лучший выход — повеситься самому, пока тебя не достали другие. Если обязательно нужно устранить кого-то, практически всегда — если, конечно, есть такая возможность — лучше сделать это чужими руками. Теперь он смотрел только на Дэвида. — Для Идэль это азбучные истины, а вот тебе придется их усваивать… если еще не пропало желание остаться с нами.

Дэвид открыл было рот, собираясь выдать что-нибудь в духе «Нет. Конечно, не пропало, сэр», когда подумал: «А какого, собственно, черта?…» — и сказал совершенно другое:

— Знаете… знаешь, у меня никогда и не было желания жить по вашим законам. Я здесь только из-за Идэль. Если для того, чтобы быть с ней, нужно приспособиться к вашему змеиному гнезду, я приспособлюсь. Так что давайте продолжим этот… инструктаж… без подначек, договорились?

Идэль сидела очень тихо, пытаясь понять, как Фольгорм воспримет такое заявление. Принц помешал в вазочке полурастаявшее мороженное.

— Инструктаж, — повторил он, криво ухмыльнувшись. По тону невозможно было понять, понравилось ему это словечко или, наоборот, задело. — Ну что ж, продолжим. Если все то, что ты тут сейчас наговорил — правда, если ты тут действительно только из-за Идэль — об этом больше никто не должен знать. Всегда скрывай правду. Тот, кто знает настоящие мотивы, движущие твоими поступками, всегда может придумать способ, как использовать себя в своих целях. Поэтому всегда носи маску, и желательно — не одну, а несколько.

— Может быть, ты сразу и посоветуешь, какую ему выбрать? — Идэль произнесла эти слова так, что их можно было воспринять и как просьбу, и как вопрос. На усмотрение Фольгорма.

Фольгорм, прищурившись, поглядел на землянина. У Дэвида возник отголосок того чувства, которое он не раз испытывал во время обучения в замке Тинуэт. Глухое раздражение от осознания того, что на тебя смотрят как на несмышленыша, которого еще очень и очень долго предстоит вразумлять.

Дэвид усилием воли подавил все эмоции. Уж что-что, а это за годы жизни в метрополии он худо-бедно научился делать.

— Прежде всего личина должна быть естественной, — стал объяснять Фольгорм. — Ты действительно должен верить в то, что говоришь, когда находишься в ней, а не играть, что веришь. Поэтому образ должен быть не внесен откуда-то со стороны, не выбран произвольно, а должен стать твоим собственным выражением, воплощением какой-то другой стороны тебя. Что ты любишь? Пусть не так сильно, как мою очаровательную племянницу, — принц с улыбкой взглянул на Идэль, — но любишь?

Вопрос был неожиданным. Дэвид пожал плечами.

— Не знаю…

— А надо знать, — сказал Фольгорм жестко. Дэвид раздумывал несколько секунд. Потом посмотрел принцу в глаза.

— Волшебство. Мне нравится этим заниматься. Не для того, чтобы чего-то достичь или доминировать над кем-то, а просто — нравится. Это способ познать мир. И я думаю, лучший из всех, что есть.

— Ну что ж, — Фольгорм беззвучно и мелко похлопал в ладоши — что, по видимости, должно было изображать бурные и продолжительные аплодисменты. — Прекрасная заготовка. Теперь чуть-чуть сместим акценты. Поставим волшебство на первое место, а Идэль — на второе. Подумай сам: разве женитьба на кильбренийской принцессе — это не превосходное средство войти в семью, а значит, и получить доступ к новым видам магии? Я говорю сейчас не столько об Источнике — понятно, что любой высокорожденный должен рано или поздно пройти эту инициацию — сколько о знаниях, которыми располагают ее родственники. Знания о природе сил, вырабатывавшиеся веками приемы волшбы, различные специфические виды магии… Разве мужа принцессы этому не обучат? Это прекрасная возможность, ее нельзя упускать. И потом — богатство. По меркам Кильбрена Идэль весьма состоятельна. Само по себе богатство тебе не нужно, но ведь оно тоже дает возможность сосредоточиться на личном развитии… Разве нет?

Во время речи Фольгорма Дэвид попеременно то краснел, то бледнел. Принц перевернул все с ног на голову. С изумительным цинизмом переврал все мотивы. А главное… это не было правдой, но это было настолько близка к правде, что Дэвиду мучительно захотелось вытащить из ножен меч, приставить к горлу Фольгорма и потребовать, чтобы тот немедленно заткнулся. Да, он любил Идэль. Но ведь и волшебство он тоже любил, вот в чем штука. Мысли, которые с таким неприкрытым цинизмом изложил Фольгорм, приходили на ум Дэвиду и раньше… хотя он старательно гнал их и давил, как только мог. В том-то и дело, что, хотя большая часть его души хотела использовать волшебство для того, чтобы защитить Идэль, другая желала использовать саму Идэль и отношения с ней как средство для личного развития. Сознательно он стремился только к первому. Подсознательно — и к первому, и ко второму.

Фольгорм просто вывел эту грязь на божий свет — точно так же, как ранее несколькими фразами обрисовал подноготную отношений Джейбрина и военного министра Айтэля в совершенно неприглядном виде. Можно было назвать его подонком и циником, но это не изменяло того обстоятельства, что эта грязь уже существовала, еще до того, как он ее коснулся. В ином случае слова Фольгорма просто не задели бы внутренний мир Дэвида. А они задели.

— Войди в этот образ, чувствуй мир так, как свойственно ему, — продолжал Фольгорм. Как будто бы это действительно просто урок и ничего больше. — Ничего не говори о мотивах своей маски другим людям — ты же не хочешь, чтобы они что-то узнали, правильно? Просто переживай мир так, и этого будет достаточно…

— Но я не хочу.

Фольгорм еще секунду смотрел на землянина, после чего констатировал: — Безнадежен, — и перевел взгляд на Идэль.

— Дэвид, — в голосе принцессы раздались просительные нотки, что само по себе было событием. — Так надо. Пожалуйста, не упрямься. Не будь дураком…

— Это способ выжить, — Фольгорм предпринял еще одну попытку. Слова он проговаривал очень тщательно и делал паузы между предложениями. Так говорят с детьми. Или с людьми, которые страдают расстройством слуха. — Ты не должен показывать, кто ты есть. Должен казаться кем-то, кем ты на самом деле не являешься. И делать это нужно убедительно, иначе тебя прочитают в момент. А что убедительнее правды?…

Если ты не научишься носить маску, но при этом сунешься туда, куда

собираешься сунуться, ваши отношения с Идэль рано или поздно используют для того, чтобы вынудить тебя или ее сделать что-то. Ты этого хочешь? Наверное, нет. Поэтому выбирай личину и вживайся в нее. Живи в ней — постоянно, а не только когда с кем-то общаешься. Оставайся в ней и тогда, когда она тебе не нужна, и даже тогда, когда ты уверен, что совершенно один и за тобой никто не следит. Так ты быстрее привыкнешь к ней…

Дэвид с отчаяньем посмотрел на людей, сидевших с ним за одним столом. Он понимал, что Фольгорм говорит разумные вещи, но не смел признаться в том, чего боялся на самом деле: он боялся, что эта маска может со временем стать его настоящим лицом. Ради нее он должен был начать чувствовать мир так, как если бы не любил… Это казалось невозможным. Любовь к Идэль была сильнее, чем жажда жизни: из-за нее он два раза осознанно шел на смерть. Сначала — в истории с Кантором, потом — в Источнике. Теперь требовалось отказаться и от самих чувств, перемениться внутренне, а именно этого он сделать не мог. Отказаться от чувств к Идэль ради самой Идэль? Нонсенс. Противоречие.

— Ну хорошо, — сказал он вслух, чтобы поскорее закрыть эту тему. При этом он знал — не думал об этом, а именно знал, знал настолько, насколько вообще себя знал: совету Фольгорма он не последует. — Хорошо, я попробую.

Фольгорм хотел еще что-то добавить, но Идэль его опередила:

— Хватит для первого раза. Мы так с рождения живем, а ему это чуждо.

— Ты от него недалеко ушла. Два младенца, — Фольгорм вздохнул и закатил глаза. — Свалились на мою голову…

Дэвид скрипнул зубами. Идэль рассмеялась.

— Брось, дядюшка, не ворчи. Зато теперь ты можешь почувствовать себя старым и мудрым. Приятное ощущение, правда?

Давид почувствовал, как злость проходит и против воли на его собственном лице образуется улыбка. Да уж, при желании Идэль могла любому рот заткнуть.

— В общем, да… — Теперь смеялся и Фольгорм. Он чуть кивнул головой, как бы признавая: стрела попала в цель, ты молодец.

Через несколько секунд Идэль убрала улыбку и снова сделалась серьезной.

— Мы говорили о твоей стороне. О нашей стороне. Я понимаю, что задаю до ужаса бестактный вопрос, но я хочу знать, на чьей стороне ты. Кого ты собираешься поддерживать? Мне, честно говоря уже все равно.

Все четверо претендентов — отъявленные мерзавцы, и я не думаю, что можно выбрать наименьшего мерзавца. Все они друг друга стоят. Я просто хочу быть на той стороне, которая победит. И поэтому готова довериться твоему чутью. Мы, — она посмотрела на Дэвида. — Мы готовы довериться.

«Говори за себя», — недовольно подумал Дэвид.

Может, Идэль и выросла на глазах у Фольгорма, но лично он сидел за столом с этим неопределенным господином первый раз в жизни.

Потом Дэвид подумал, что даже если Идэль говорит, что готова довериться, это еще не значит, что она на самом деле готова.

Потом он подумал, что думать об этом не следует (мало ли что Фольгром сумеет прочитать на его физиономии), и вовсе прекратил думать…

— Ну хорошо. Я ведь учил тебя пользоваться методом исключения. Если ты затрудняешься выбрать то, что тебе нравится, определи то, что тебе не нравится, и возьми то, что останется. Давай попробуем применить этот метод, — Фольгорм поставил локоть на стол. Четыре пальца он выставил вверх, а большой прижал к центру ладони. — Итак, у нас четыре кандидата. Я лично сразу исключаю Хаграйда. Во-первых, его позиции недостаточно сильны и у него нет рычагов, чтобы их как-то значительно усилить. За ним — только половина дома Ниртог, а это — всего лишь одна восьмая от общего числа высокорожденных. Конечно, всегда возможны сюрпризы, но от Хаграйда я бы их ждал в последнюю очередь. Он всегда был слишком медлительным. Кроме того, он чересчур авторитарен. Слишком любит давить на окружающих: будет так, как я сказал — и никак иначе. Чтобы так себя вести и при этом еще и побеждать, нужно обладать большой силой и проницательностью, а Хаграйду этого недостает — по крайней мере, чтобы действовать в масштабах всего Айтэля, а не половинки одного из кланов. В общем, мимо, — Фольгорм загнул один палец. — Смотрим дальше. Ксейдзан. Ты что-нибудь знаешь о Ксейдзане? — спросил он Идэль. Та покачала головой. Она знала то же, что и все. Но дядя явно имел в виду не это. Фольгорм посмотрел на Дэвида:

— А ты?

Дэвид повторил движение принцессы.

— Вот и я тоже ничего не знаю о Ксейдзане, — удовлетворенно закончил принц. — Глава Гэал, хитрый и двуличный. Почти такой же, как я. А может, я почти такой же, как он? — Фольгорм сделал вид, будто задумался. Глаза его при этом лучились весельем. — Он ведь все-таки в

десять раз меня старше. А значит, по идее, может быть в десять раз умнее и хитрее.

— Мне уже страшно, — улыбнулась Идэль.

— Вот-вот, а ведь именно к такому типчику мы планируем «заслать» Дэвида. Чтобы, значит, этот милый мальчик пошпионил за Ксейдзаном и выведал, как у них там, в Гэале, вдут дела. Верх абсурда. Это до такой степени похоже на идиотизм, что даже может сработать.

— Не отвлекайся.

— Даже и не думал. Я веду к одному. Ксейдзан — это большая неизвестность. Неопределенная величина. И нашим и вашим. Затрудняюсь представить, что будет, если он придет к власти. Вроде бы он готов всех объединить, никому ничего не собирается навязывать, уже породнился со всеми домами, стоит «над» какими-то отдельными конфликтами». Но есть логика власти. Он все-таки глава дома Гэал, праправнук последнего короля Кильбрена. И у них там, в Гэале, всегда бродили мысли о том, что монархию неплохо бы и реставрировать, упорядочить наследование верховной власти строго по старшинству, как было раньше — ну и так далее. Даже если у Ксейдзана таких мыслей нет, он не может не понимать, что дом Кион, в целом — первейший конкурент Гэала. Последние пятьсот лет мы абсолютно и безусловно доминируем над остальными кланами. Значит, чтобы сохранить власть, ему нужно будет ослаблять, ослаблять, еще раз ослаблять нас. Потихоньку, аккуратно, никого не провоцируя, методично двигаться в этом направлении. Тебе это нужно? — спросил Фольгорм у Идэль. Та опять покачала головой.

— Вот и мне не нужно. — согласился принц и загнул еще один палец. — В итоге у нас имеются двое, — он пошевелил оставшимися двумя пальцами. — С моей точки зрения, они абсолютно равны. Скажу честно, что по-человечески мне больше нравится Кетрав. У него выше харизма. До сих пор он находился в оппозиции и поэтому не замаран в тех гадостях и глупостях, которые в изрядном количестве наворотил режим моего любимого дедушки Джейбрина. У Вомфада, само собой, такого оправдания нет. Вообще, если кому-то придет в голову заняться апологетикой Кетрава, всегда можно сказать, что все его личные преступления и подлости — это просто вынужденная реакция на те условия, в которые его поставили. Мол, убили его отца, бабушку, прадеда и еще тучу родственников — вот он и мстит (точнее, мстил) спятившему деду. И вот если теперь пустить его к рычагам власти, он, конечно же, станет править мудро и справедливо, — Фольгорм усмехнулся. — В общем, по-человечески я глубоко сочувствую тому образу, который Кетрав себе создал. Тем не менее, харизма у него

есть, это факт. В отличие от Ксейдзана, он не скрывает своих амбиций и антипатий. Это высший пилотаж. Иногда даже мне начинает казаться, что он думает именно то, что говорит. С другой стороны, возможно, так оно и есть, кто знает? С его аналитическим умом и непреклонной решимостью он может позволить себе даже и такое. С другой стороны, это и пугает. Он больше, чем кто-либо из ныне здравствующих высокорожденных, похож на героя — или на злодея, я уж не знаю — а нормальным людям вроде нас с вами стоит держаться от героев и злодеев как можно дальше. Вдруг я окажусь в той части мира, которую Кетраву захочется перекроить? Рисковать как-то не хочется.

Что касается Вомфада, то от него вроде бы понятно, чего можно ждать Он хороший функционер, он давно в системе управления и не раз доказал, что способен договариваться, действовать обдуманно и методично. С ним легко общаться, он кажется открытым, доброжелательным и тактичным. В общем, у него приятная маска. Еели он решит вас убить — убьет без жалости и без малейших сомнений, но до тех пор, пока этого не произошло, вам всегда будет приятно с ним общаться… и так и будет тянуть на доверие и откровенность. Такого Вомфада мы до сих пор знали. Но остается неизвестным, что будет, если он получит возможность развернуться по-настоящему, уже без сдерживающего фактора «сверху» в лице Джейбрина. Каким он будет приором? Кажется, что мы знаем Вомфада, но на самом деле это обманчивое впечатление. Со своими обязанностями до сих пор он справлялся сносно, но это вовсе не означает, что он способен править. Неизвестно. Он происходит из боковой ветви ита-Зурон, которая восходит к Тинорду, деду Юлианара. У Вомфада нет ни жены, ни детей — по крайней мере нам них ничего неизвестно — и поэтому можно надеяться, что он не захочет перебить всех потомков Юлианара, чтобы перевести линию наследования в другое русло. С другой стороны, никто не знает, что придет человеку на ум, когда на его плечи ляжет золотая цепь приора.

— Никто не может знать будущего, — сказала Идэль. Дэвиду показалось, что она повторяет его слова, произнесенные деред тем, как они вместе вошли в Рунный Круг. — Но на ком-то свой выбор все-таки нужно остановить.

— Увы, — Фольгорм улыбнулся и пожал плечами. На правой руке, локоть которой по-прежнему покоился на столе, все пальцы теперь были сжаты в кулак. — Я могу лишь сказать, на ком не нужно останавливать выбор. Точнее, на ком я лично его не останавливаю. Я не хочу, чтобы приором стали Ксейдзан или Хаграйд. Что касается оставшихся двух

кандидатов, на данный момент разумнее всего лавировать между ними, выжидая, пока один не свалит другого или пока общий баланс как-то не изменится.

— А как он может измениться? — полюбопытствовал Дэвид.

— Понятия не имею, — ослепительно улыбнулся Фольгорм.

Смеркалось. С востока надвигалась тьма и воздух на террасе стал холоднее. Основная часть разговора была окончена, последние полтора часа они говорили о разним, сбиваясь то на одну, то на другую тему. Обсудили, как и при каких условиях будут знакомить Дэвида с остальной семьей, как лучше преподнести информацию о том, что он ведет свое происхождение из клана Гэал. Фольгорм задал несколько вопросов о родном мире Дэвида. Потом они покинули террасу и вошли во внутренние помещения Холгомияра. Фольгорм приказал Руббо, своему домашнему магу, подготовить бинарный портал для Идэль и ее жениха.

Воспользовавшись тем, что Дэвид заинтересовался библиотекой, Фольгорм тихо спросил у племянницы:

— Ты уверена, что он тот, за кого себя выдает?

Принцесса улыбнулась. Она и не сомневалась в том, что реакция дядюшки будет именно такой. Аналогичным путем станут рассуждать и все остальные. Она знала Дэвида, но они его не знали. Женитьба на nравнучке приора с преимущественным правом наследования — слишком важное событие, чтобы оно могло произойти просто так, по причине какой-то там «влюбленности». За этим обязательно что-то кроется… Да, именно так они и будут рассуждать. Улыбка принцессы стала шире.

— Уверена.

— Почему?

Труднее всего отвечать на самые простые вопросы. Она могла бы сказать, что познакомилась с Дэвидом в Академии, что любит, его, что он слишком непохож на ее родственников, чтобы быть чьим-то шпионом… Но она понимала, насколько несерьезны все эти доводы. Фольгорм их вряд ли воспримет. Как раз наоборот: если исходить из предположения, что появление Дэвида в ее жизни неслучайно, что это часть какого-то хитрого замысла, все и должно выглядеть предельно естественно.

— Он рисковал ради меня жизнью, — сказала Идэль, — Он любит меня и поэтому вошел вместе со мной в источник.

— Если он подосланкакой-то семьей, — возразил Фольгорм, — то он ничем не рисковал. Он знал, что выживет в Источнике.

— Раньше он был гораздо слабее. Но дрался за меня с Кантором кен Рейзом, представителем хеллаэнской семьи.

— Дэвид победил?

— Да, но…

— Значит, на самом деле он был уверен в своих силах.

Идэль поняла, что не в состоянии ничего доказать. Для нее самой все было очевидно, но Фольгорм жил в мире интриг и предательств. Он бы не протянул так долго, если бы не научился подозревать всех и вся.

А как бы она сама реагировала на его месте? Будь она старше на несколько десятилетий и имей в своем запасе побольше опыта и цинизма — как бы она восприняла неожиданное появление жениха у какой-нибудь своей младшей и наивной родственницы? При том, что родственница занимает важное положение в текущем раскладе и претендент на место правителя, сумевший привлечь ее на свою сторону, получит немалые преимущества… Да, именно так она бы и реагировала: заподозрила бы, что тут дело нечисто. Может быть, вся игра в том и состояла, чтобы создать у юной и доверчивой принцессы впечатление, будто бы это она помогла своему возлюбленному пройти посвящение в Источнике, так же как когда-то Октольд провел Нимру? А на самом деле, «возлюбленный» прекрасно знал, что в нем течет кровь Гельмора, поэтому и шел якобы «на смерть» совершенно спокойно… может быть даже, он сам проходил это посвящение намного раньше, чем Идэль? Может быть, он был козырем в рукаве Хаграйда или Ксейдзана, внебрачным ребенком, воспитанным в другом мире и введенным в игру так ловко, чтобы создать у Идэль впечатление случайной встречи?…

Именно в таком ключе она и стала бы рассуждать, будь она на месте Фольгорма. Собственно говоря, даже на своем месте ей следовало бы рассуждать именно так. Если бы только ее сознание не было замутнено любовью. Идэль понимала, что оно замутнено, но не хотела избавляться от своих «иллюзий», дабы взглянуть на происходящее «трезво и непредвзято». Умом она понимала, что Фольгорм, может быть, и прав, но в сердце не оставалось места для сомнений. Даже если появление Дэвида в ее жизни — это чья-то хитроумная игра, она будет слепо верить Дэвиду до тех пор, пока останется хоть какая-то возможность для такой веры. Она выбрала этот путь, когда шагнула вместе с Дэвидом в Источник. Он доказал, что верит ей безусловно, несмотря на то, что все выглядит таким образом, будто она ведет его на смерть. Теперь наступила ее очередь доказывать. Она будет верить, несмотря ни на что.

— Ты знаешь… — сказала Идэль Фольгорму. — Мы так привыкли к нашему образу жизни, что сами создаем себе иллюзии. Я понимаю, что нельзя иначе. Если быть открытым, тебя предадут. Но если не быть — а

потом столкнуться с чем-то, что действительно произошло случайно? Ничему не веря, мы тут же начнем искать в происходящем какой-то глубинный смысл, думать, кому это выгодно и кто все это мог организовать — в то время как оно просто случилось, без всякого особенного смысла и цели. Ведь и такое бывает, правда? Но мы в это принципиально не верим, мы пытаемся залезть поглубже и найти что-то еще… и, конечно, находим. Мы сами создаем себе иллюзии, внутри которых потом живем. Я понимаю, что противоположный подход — вообще ничего не искать, все принимать за чистую монету — приводит к иллюзиям так же быстро. И срединный путь — чему-то верить, а чему-то нет — также ошибочен: тот, кто знает тебя, способен подстроить ситуацию так, чтобы ты поверил обману, но не поверил правде, В общем, получается, что какой бы подход мы не выбрали, мы в любом случае будем обмануты. Я это осознаю. Но я верю Дэвиду, потому что это мой выбор. Я ни на что не надеюсь. Я просто верю.

— Да, в этом что-то есть, — огладив бородку, произнес Фольгорм. — Я тоже когда-то думал об этом. И мне кажется, что Джейбрин любил детей именно по этой причине. Ты думаешь, он был добр только к тебе, пока ты росла, но так же было с каждым из нас в свое время — и с ита-Берайни. Ребенок — прост и целостен, он еще ни физически, ни интеллектуально не приспособлен к тому, чтобы участвовать в игре наравне с остальными. Поэтому он — частичка искренности в мире тотальной лжи, который мы создали и из которого не способны вырваться, даже если бы захотели… потому что искренность, как ты верно заметила, тут же будет использована кем-то в своих целях. Ребенок вырастает и втягивается в водоворот обмана, он теряет внутреннюю чистоту и все больше и больше оттачивает искусство менять личины. Это неизбежно, но это вызывает печаль. Я верю тебе, потому что ты только расправляешь крылья, и я все еще слишком хорошо помню тебя ребенком — но человеку, которого ты привела, я не верю ни на грош. Прости. Я не предлагаю тебе принять свою веру, но если ты думала, что я приму твою, — мне придется разочаровать тебя.

Идэль опустила глаза и некоторое время молчала. Затем она посмотрела на Фольгорма и произнесла — без тени улыбки, серьезно и честно:

— Я очень ценю твою откровенность, дядя. Правда. Я понимаю, что это гораздо больше того, на что я могла рассчитывать.

Фольгорм обнял ее и привлек к себе. «Конец моего детства… — подумала Идэль. — Я расправляю крылья, чтобы наравне с остальными парить в небесах лжи и обмана…».

— То, что ты не веришь Дэвиду, означает, что мне следует держать его

подальше от тебя? — тихо спросила она.

— Наоборот, — улыбнулся Фольгорм. — То, что я не верю Дэвиду, означает, что я хотел бы узнать его поближе.

Идэль слабо улыбнулась в ответ. Странное ощущение — как будто в мире что-то изменилось. В мире… или в ней самой? Невозможно ответить. Как будто она пересекла какую-то невидимую черту. Но между чем и чем? Какие два мира эта черта разделяла? На этот вопрос невозможно было ответить. В любом случае, черта существовала лишь в ее воображении.

Дэвид отвлекся от стасорокапятитомной «Энциклопедии Кильбрена», заметив движение. Фольгорм обнимал Идэль — целомудренно и нежно, как отец мог бы обнимать дочь, которую готовится отпустить в большой мир, Дэвид не стал подходить — не хотел им мешать. Он хотел было сделать вид, что полностью поглощен изучением «Энциклопедии», когда Фольгорм заметил его взгляд и поманил к себе. Идэль отстранилась от дядюшки.

— Мы как раз говорили о тебе, — жизнерадостным тоном сообщил принц. — Поскольку теперь ты член семьи, твое образование должно быть на уровне. А пока оно… как и твое, впрочем, — Фольгорм посмотрел на Идэль, — оставляет желать лучшего. В иных условиях вас стоило бы отправить в какую-нибудь школу, но, как я понимаю, этот вариант вам не подходит?

Дэвид покачал головой — даже чуть-чуть опередив Идэль. Ему-то этот вариант как раз очень даже подходил. Он не подходил принцессе. О своем мнении в данном вопросе следовало забыть — все уже не раз говорено-переговорено.

— Поэтому, — продолжил Фольгорм. — Обучать вас придется мне самому. У меня не так много времени, но больше, похоже, этим некому заняться.

— Да я больше никому из семьи и не доверюсь, — улыбнулась Идэль.

— Очень разумно.

— Спасибо, — Дэвид был и удивлен и обрадован. — А чему именно вы будете нас учить?

— Тому, чего вы не знаете, — хмыкнул Фольгорм. Дэвид хотел было ответить, что для этого надо знать, как минимум, что они уже знают — но тут вспомнил, что ряд вопросов, заданных принцем во время ужина, в той его части, когда они говорили обо всем подряд, вроде бы без всякой специальной цели, как раз и была посвящена выяснению того, что в области Искусства Дэвид уже умеет, а что еще нет.

У землянина возникло неопределенное подозрение, что предложение Фольгорма не так просто, как кажется. За ним стояло еще что-то, но что?…

«Брось, — сказал себе Дэвид. — Ты начинаешь думать как они».

Однако секундой позже пришла мысль: «А может быть, это и неплохо?…»

Он не успел вернуться к мысли о возможной подкладке в предложении Фольгорма — появился домашний маг принца и сообщил, что бинарный портал готов.

Они прошли в одну из комнат, служащих Фольгорму в качестве заклинательных покоев. В этой — только голые стены и рисунок на полу. Больше ничего.

— Не возражаешь, если я проверю? — спросила Идэль, кивнув на узор.

— Конечно.

Пока она осматривала линии, что-то шепча себе под нос, Фольгорм сказал Дэвиду:

— Подумай еще раз обо всем. Причисляя себя к Гэал, ты потом не сможешь переиграть и отменить это решение. Если ты объявишь его, пути назад уже не будет. Тебе могут не поверить, и наверняка не поверят, но ты будешь приписан к этому клану и объявлен, как потомок Ксейдзана. Это все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Если Ксейдзан решит, что твое пребывание внутри Гэал представляет для него угрозу, он тебя убьет. Из кланов не выгоняют. Это не предусмотрено.

— А как же Джейбрин, который перевел Ведаина в Аминор?

— Это исключение, которое лишь подтверждает правило. У Ведаина не было отца, а мать его происходила из младшей семьи, зависимой от нашего клана. Говорят, она была неразборчива в связях и меняла одного

любовника за другим. Сыном она мало интересовалась, и всего, чего он достиг, он достиг сам. Она давно умерла, а Ведаин выслужился при дворе Джей-брина. После того, как Нидкольма убили, потребовался новый секонд. Было смутное время, и тут Хаур из младшей семьи, подчиненной Аминор, объявил, что Ведаин на самом деле — его сын. После чего Ведаин очень быстро переходит в Аминор, выдвигается на пост секонда и единогласно принимается в этом качестве на Малом совете. Всем было очевидно, кто за этим стоит, но, чтобы нарушать правила так же, как нарушал их Джейбрин, ты должен обладать такой же силой, какой обладал он. Ты ею не обладаешь.

— Ясно.

— Я закончила, — сказала Идэль, отрываясь от узора. — Все правильно, кажется. Можем отправляться.

Они вышли из портала в заклинательных покоях особняка. За столом сидели Сибан, Лийеман и Яджи. Играли в «1024». Лийеман при этом еще поигрывал «бомбой» — Истинным Рубином, до предела насыщенным энергией. Когда из воздуха образовались Идэль и Дэвид, от неожиданности он свою бомбу чуть не выронил. Сибан и Яджи быстро встали.

— Гельмор кен Саутит ненавидел овсяную кашу, — сказала Идэль. Напряжение, повисшее в комнате, погасло: пароль был верен. Лийеман также поднялся из-за стола и, краснея из-за своей оплошности, поклонился принцессе и Дэвиду вслед за Сибаном и Яджи. Идэль забрала рубин. «Бомбу» предполагалось использовать в случае, если бы появился кто-то посторонний, с кем трое дворян не сумели бы справиться собственными силами.

— Пойми вот какую вещь, — произнесла Идэль, пока они с Дэвидом шли в направлении ее кабинета. Мысленно она все еще была там, в замке Фольгорма. — Мы с тобой знаем, кто ты, но они этого не знают. И не поверят, что бы мы не говорили.

— Ты уже предупреждала меня об этом.

— Да, но какие выводы они сделают?… Чтобы это понять, нужно посмотреть на мир так, как видят его они. Самое естественное предположение, которое напрашивается: ты — шпион и был заслан одной из партий с целью обворожить меня.

— Это смешно.

— Это тебе смешно, потому что ты знаешь правду. Но они ее не знают и не догадываются о ней. Посторонний человек, прошедший Круг?… Это принципиально чуждо их воззрениям. Романтический бред Октольда и Нимры. Поэтому они будут ломать головы, думая, кто же ты на самом

деле.

— Забавно, — по лицу Дэвида пробежала улыбка. — И кому же «на самом деле» все это может быть выгодно?

— Это же естественно: Ксейдзану. Ты, неожиданно образовавшийся «далекий потомок» претора Гэал, после женитьбы переманиваешь меня в его партию. По крайней мере, все в первую заподозрят именно это. Ведь Ксейдзану это выгодно.

— Но ведь сам Ксейдзан знает, что он никого не подсылал к тебе.

— Правильно. Поэтому он тоже задумается, кому выгодно соединить Кион и Гэал без его участия. Знаешь, я не завидую Ксейдзану. Встань на его точку зрения и посмотри сам, что получается. Ты, кириксан Дэвид из Ниоткуда, кем-то подослан. Но не им. Ты выдаешь себя за потомка Ксейдзана, но им не являешься. Кому это может быть нужно? Если мыслить в том параноидальном духе, который принят среди высокорожденных, получается, что мы с тобой — вершина какого-то грандиозного заговора, целью которого является, вероятно, слияние Гэал и Кион или, как минимум, объединение их под одной властью. Не нашей властью, естественно, а властью того или тех, кто за нами стоит. Понимаешь?

— Понимаю и обалдеваю, — сказал Дэвид, открывая дверь в кабинет и пропуская вперед Идэль. — А ты уверена, что Ксейдзан будет рассуждать именно так?

— О, он будет рассматривать множество возможностей, но эта, не сомневаюсь, будет рассмотрена первой.

— Хорошо. Но тогда законный вопрос: а кто все-таки может за мной стоять? Ну, с точки зрения Ксейдзана.

— Для ответа на этот вопрос достаточно посмотреть, кто настолько хитер, чтобы провернуть такое, и кому это может быть выгодно. А вариант тут, на самом-то деле, выходит только один. У нас есть целая партия, которая в равной степени опирается и на Гэал, и на Кион. Они плотно связаны с обоими кланами и, уж конечно, хотели бы объединить их под одной властью. Больше это никому не надо. Но с ними это так очевидно, что… — Идэль не договорила.

— Они — это кто? — спросил Дэвид. Ему следовало бы уже догадаться и самому, но рассуждения Идэль зачаровали его. Это было поразительное, стройное здание, и ему хотелось, чтобы она закончила его так же легко и изящно, как и начала. Он уже и сам почти поверил, что кем-то заслан.

Идэль посмотрела на него и улыбнулась.

— Ита-Берайни, конечно, — сказала она. — Если Ксейдзан знает, что

он тут не при чем, то они — единственные, кому это может быть нужно. И уж Кетрав-то достаточно умен и дальновиден, чтобы такое организовать. Ксейдзан заключит, что ты, вероятнее всего — потомок кого-то из ита-Берайни, которого они воспитывали в тайне от остальных и прятали до тех пор, пока не пришло время ввести тебя в свет, одно временно осуществив миссию по соблазнению Идэль-лигейсан-Саутит-Кион.

— Миссию по соблазнению? — переспросил Дэвид, делая шаг вперед. У него было такое серьезное, думающее лицо, что Идэль не поняла, в чем дело, до тех пор, пока неожиданно не оказалась у него в объятьях. — Ты сказала «миссию по соблазнению»? Ты действительно так считаешь?… Как ты узнала об этом?…

Они занялись любовью прямо на письменном столе, скинув с него на пол все книги и бумаги.

3

Тринадцатого сентября девять тысяч пятьсот третьего года — то есть в тот день, когда Дэвид Брендом впервые проснулся не обычным коддуном с посредственным Даром, а посвященным Кильбренийского источника — членов семьи ита-Жерейн (если не считать Рию-узей-Сорквейн, которая после замужества практически переселилась в Гэал) было пятеро: Вилайд, его дочери Сэан и Нильза, сестра Вилайда Дифрини и ее сын Дагуар. Четырнадцатого сентября того же года ита-Жерейн осталось лишь трое. Случилось это так.

…Со стороны замок Шурбо — подарок герцога Ларгата своей дочери Жерейн в день ее совершеннолетия — казался просто группой высоких башен, построенных рядом друг с другом наобум, без всякого плана. Впечатление хаотичности производило обстоятельство, что среди трех десятков башен найти две похожие было просто невозможно. Если по толщине некоторые из них еще были примерно одинаковыми, то высотой различались все. Самая высокая будто протыкала облака своей конусообразной крышей, а самая низкая была не больше трехэтажного дома.

Ио первое впечатление бессистемности было обманчивым. Приглядевшись, случайный путник улавливал в расположении башен определенный порядок, а пассажиру спегсайба, смотрящему на замок сверху, этот порядок становился ясен почти сразу. Имелись четыре «ведущие» башни, каждая из которых возглавляла ряд башен поменьше. Башни в каждом ряду уменьшались постепенно, каждая следующая — на одну пятую величины предыдущей. Ряды, отходившие от «ведущих» башен, не были прямыми, они изгибались полукругом — четыре изогнутых луча свастики, восходящих к единому центру. Башни соединялись между собой крытыми переходами и воздушными мостами.

Нынешняя хозяйка замка, Дифрини-кириксан-Саутит-Ниртог, занимала самую высокую из четырех ведущих башен, ее сын Дагуар — другую ведущую, меньшую по высоте. Во всех остальных башнях жили елуги и дворяне. Некоторые башни пустовали — их комнаты предназначались для возможных гостей.

Герцогиня Дифрини, капризная и вздорная особа, обожавшая быть в центре внимания, легла спать незадолго до полуночи, предварительно

отругав служанку за какую-то мелкую провинность. Дифрини находилась в состоянии хронического недовольства окружающим миром, исключая лишь те часы, когда она собирала в своем замке дворян или отправлялась вместе со свитой в гости к какому-нибудь высокорожденному из младшей семьи, подчиненной клану Ниртог. Тогда все смотрели ей в рот, вертелись вокруг нее, выслушивали ее советы и отвешивали комплименты. В эти минуты в мире Дифрини все было хорошо и ладно, она ощущала, что порядок вещей естествен и правилен — именно таков, каким он и должен быть. В остальное время все шло не так, и это ее сильно раздражало. Конечно, в обычные дни служанки тоже вертелись вокруг нее, но этого было недостаточно. Не ее масштабы. Она подозревала, что слуги и дворяне, постоянно жившие в замке, не очень-то ее любят, и ей это не нравилось. Почему приятные и галантные люди всегда служат кому-нибудь другому, а не ей? Вокруг нее — сплошные тупицы и честолюбивые пройдохи: им она нужна только ради милостей, которыми их осыпает. Никто не ценит ее по-настоящему, никто! Даже ее собственный сын. Герцогиню подчас просто ужасало, насколько несправедлив к ней окружающий мир.

С высокорожденными, равными ей по статусу или превосходившими ее, Дифрини предпочитала не общаться. Встреча с такими персонами на светском рауте могла испортить даже те немногие минуты радости, которые у нее были: она переставала быть единственным центром внимания, ее собственный блеск затмевался блеском иного светила, занимавшим место по соседству. Это было отвратительно, невыносимо, вызывало изжогу и мигрень. В скором времени у нее возникало желание заколоть соседа десертным ножом или ненароком опрокинуть на него бокал с шампанским. Конечно, она никогда не позволяла себе ничего подобного, но чувство того, что рядом с тобой сидит твой самый смертельный враг, усиливалось с каждой минутой, особенно в тех случаях, если сосед был красив и остроумен. И усиливалось втрое быстрее, если рядом сидел не сосед, а соседка. Она ненавидела это чувство и не желала, чтобы оно появлялось. Поэтому она просто избегала таких встреч. В сущности, Дифрини была добрым созданием и даже служанок, которых третировала ежечасно, практически никогда не увольняла и не подвергала телесным наказаниям, хотя регулярно грозила им как первым, так и вторым.

С точки зрения окружающих, ее сын Дагуар был привлекательнее матери, хотя никакими особенными талантами не блистал. Он был хорошим фехтовальщиком — что, впрочем, не удивительно для

высокорожденного. В магии его интересовали лишь ее боевые аспекты, изучение классического волшебства представлялось Дагуару занятием смертельно скучным. Большую часть своего времени он посвящал развлечениям. Развлекался он и в ночь с тринадцатого на четырнадцатое сентября — закатил в своей башне пирушку в компании таких же молодых бездельников, как и он сам. Дворяне во главе со своим предводителем от души повеселились, а когда пришло время, разбрелись по комнатам в сопровождении девиц. Дагуар прихватил сразу двух красоток.

Герцогиня Дифрини спала уже несколько часов, ее сны были мутны и бессвязны. В какой-то момент призрачные видения отступили в сторону — как дым, разгоняемый сильным ветром. Дифрини почти осознала, что спит… почти. Перед ней было что-то странное. Как будто бы далекое солнце звало ее к себе и манило, но это солнце было необычным: оно состояло из черной паутины. Паутина двигалась, как живая. Она не была материальной, ее линии словно состояли из чистого черного света. Влечение к солнцу было необратимым, казалось самой неизбежностью, не возникало и мысли о сопротивлении. Дифрини ощутила, что что-то идет не так, лишь потому, что ожил амулет, который попытался пробудить ее. Амулет не был способен защитить свою обладательницу от той разновидности чар, под властью которых оказалась Дифрини: это волшебство проникало через классические заклятья амулета так же, как вода проходит сквозь ткань. Тем не менее некоторый результат магическая охрана дала, поскольку Дифрини наполовину очнувшись, стала сопротивляться влечению — пока еще только внутри своего сна. Но пробудиться ей так и не позволили. Паутина поглотила защиту и опутала Дифрини. Нити прошли сквозь ее разум и, используя те же каналы, которые сознание использует для передачи сигналов гэемону и телу, проникли на более плотный уровень реальности Если кто-нибудь в этот момент смотрел бы на Дифрини при помощи магического зрения, то увидел бы, как на ее гэемоне возникают пятна порчи, как энергетические каналы чернеют и начинают жить собственной жизнью — уже не как структуры, поддерживающие жизнедеятельность человека, а как части той внешней энергетической системы, которая пожирала герцогиню. В момент между жизнью и смертью, когда магическое тело Дифрини уже было необратимо повреждено, но агонизирующее сознание еще сохранялось, черные нити снова истончились и стали сокращаться, проходя цикл преобразований, обратный тому, который им пришлось проделать, чтобы захватить гэемон высокорожденной. Они втянулись в ту часть ее сознания, где по-прежнему сохранялся осколок сна, и полностью покинули Дифрини

за миг до того, как сознание погасло и ее измученная душа вступила на тропу мертвых. В Кильбрене остался лишь труп, мертвое тело с разрушенным гэемоном, окруженное практически неповрежденным полем амулета. Нападение на замок Шурбо началось спустя минуту после смерти Дифрини. Во внешнем охранном поле появились и почти мгновенно разрослись до устрашающих размеров дыры, будто проедаемые тонкими копошащимися червями. Черная паутина впитывала энергию как губка. Следившие за охранной системой чародеи подняли тревогу, но было уже слишком поздно. Поскольку внешнее поле больше не препятствовало открытию пути непосредственно в сам замок, ничто не помешало нападающим этот путь открыть. Появилось несколько десятков дворян — прекрасно обученных боевых магов, несколько защищенных от магии огров, и трое высокорожденных. Дворяне, служащие ита-Жерейн, пытались оказать сопротивление, но нападение произошло слишком стремительно и они ничего не смогли сделать. Их раздавили в считанные секунды. Кто-то пытался сбежать при помощи магии, но все волшебные пути из замка были оплетены черной паутиной, и беглецы лишь запутывались в ней, становясь жертвами колдовства, с которым не могли бороться.

Всего этого Дагуар не видел. Он даже не успел раздеть своих красоток, как провалился в беспамятство: вино, которое он пил за ужином, было отравлено.

Когда большая часть дворян ита-Жерейн была уничтожена, двое — один из которых был принцем, а другой герцогом — из троих высокорожденных, оставив самого младшего командовать резней, прошли в спальню Дагуара. Дагуар лежал на кровати, и две женщины в страхе прижимались к нему Женщины умоляли оставить их в живых, но одного-единственного жеста принца хватило, чтобы заставит их замолчать навсегда. Потом он достал свой клинок и отрубил Дагуару голову. Никакого удовольствия он при этом не испытывал — это просто часть работы, которую необходимо сделать. Голову он бросил к ногам герцога, который все это время ничего не делал, молча наблюдая за происходящим.

— Это мой залог, — сказал принц. — Я держу свое слово. Вилайд и его дочери отправятся вслед за ними сразу после собрания сената.

Герцог чуть кивнул. Ему не нравилась заключенная сделка, но не в его воле было выбирать, заключать ее или нет. Он понимал, что в последних словах принца содержится не только обещание, но и предостережение. Ита-Жерейн станут мертвой ветвью лишь в том случае, если сторона, которую представлял герцог, в свою очередь, выполнит все условия

сделки. В противном случае на пол могла упасть его собственная голова. Принц доказал, что не остановится ни перед чем, чтобы достичь желаемого.

Они вышли из комнаты. Предстояло сжечь замок и разрушить значительный сектор информационного поля. До голосования в сенате никто не должен узнать, чью именно сделку скрепила кровь ита-Жерейн, старших наследников дома Ниртог.

* * *

Прошло три дня. Дэвид перезнакомился с кучей людей — высокорожденных из младших семей и высокопоставленных дворян, служащих дому Кион. Состоялся обед в узком «семейном кругу» — помимо Идэль и землянина присутствовали также Вомфад, Ведаин, Авермус, Фольгорм и Майдлар. Галдсайры, к счастью, не было, равно как и ита-Берайни. Убийство Шерагана положило конец общим обедам, теперь каждая партия собиралась отдельно. Знакомство Дэвида с «родственниками невесты» прошло спокойно. Внешне — все очень даже мило: тактичные расспросы, разговоры ни о чем… но Дэвид чувствовал, что все эти люди за ним очень внимательно наблюдают, как-то посвоему оценивая каждое произнесенное им слово, каждый взгляд и жест. Это ужасно нервировало, но он справился. Мысль о том, что в такой обстановке пройдет вся его дальнейшая жизнь, абсолютно не радовала, однако он понимал: придется принять все это, другого выхода просто нет, если он хочет быть с Идэль. Вскоре после обеда пришли приглашения от Авермуса и Майдлара — оба выражали желание встретиться с Дэвидом лично. Оба раза Идэль сопровождала его. Разговоры во время аудиенций были более интересными, чем за общим столом, но также ничего особенно примечательного ни в том, ни в другом случае не произошло. Просто знакомство, не более. Вомфад приглашения не посылал — похоже, для того чтобы составить впечатление о женихе Идэль, ему хватило и общей беседы.

Ведаин также не выразил интереса — вообще, секонд показался Дэвиду каким-то издерганным. Ведаина можно было понять — человеку в его положении не до знакомств с новичками. Вопросы о том, как сохранить, жизнь и власть, беспокоили незаконно выбранного секонда гораздо сильнее. Отсутствие на обеде Декмиса, Эрдана и Даны землянина не удивило: двое последних вращаются сейчас, вероятнее всего, среди ита-Берайни, а младший брат Вомфада, судя по рассказам Идэль, вообще почти никогда не выходил в свет. Вомфад был хорошим боевым магом и

фехтовальщиком, но прежде всего он был стратегом; в отличие от него, Декмис был бойцом и только бойцом. Он возглавлял особую ударную группу, о которой мало что было известно — только то, что это какой-то элитный боевой отряд, созданный для решения узкопрофессиональных задач, хотя каков характер этих задач, оставалось только гадать. Идэль считала — Дэвид так и не понял, основывается ли ее мнение на каких-то реальных данных или нет — что Декмис просто руководит хорошо подготовленной командой профессиональных убийц. Дэвид не особенно огорчился из-за того, что его не познакомили с этим типом… к тому же его гораздо сильнее волновала неизбежная встреча с Ксейдзаном.

Не вызывало сомнений, что информация о появлении «внучка» попадет к Ксейдзану довольно быстро, но все еще оставалось неясным, кто именно из семьи Кион сообщит об этом претору Гэал официально. Когда Дэвид попытался это выяснить, старшие родственники Идэль ненавязчиво дали ему понять, что, хотя Ксейдзан и будет проинформирован в ближайшее время — но кто, как и когда именно проведет эти переговоры, не его, Дэвида, дело. Пока его не воспринимали как члена дома Кион — и не факт, что станут так воспринимать когда-либо; для родственников Идэль он был всего лишь диковинным насекомым под колпаком: поди разбери, на что оно способно. Дэвиду не хотелось и думать о том, какой прием его ждет у Ксейдзана: уж конечно, тот захочет изучить «внучка» еще более пристально. Возможно, одним «колпаком» тут дело не ограничится, а при особенном невезении он может попасть — в высушенном виде — в ксейдзанову энтомологическую коллекцию…

От этих не слишком жизнерадостных мыслей его отвлекла только новая встреча с Фольгормом. Дядюшка Идэль, как и обещал, занялся натаскиванием племянницы и ее жениха в сфере магии.

Они перенеслись в Холгомияр, как и три дня назад, по бинарному порталу. На этот раз Фольгорм кормить их не стал и, выяснив, что они отобедали несколько часов тому назад, сразу приступил к делу.

— Учить вас всему постепенно, переходя, как положено, с этапа на этап, нет времени ни у меня, ни у вас. Детали вы освоите сами, я покажу лишь самые важные вещи. Первый урок будет посвящен открытию волшебных путей. Вероятно, вы уже поняли, что есть разные способы составления заклинаний, непосредственно зависящие от личной силы мага. Количественно измерить эту силу не просто, в результате чего в метрополии одновременно действует множество систем измерения, ни одну из которых нельзя назвать идеальной. Самая простая и интуитивно понятная градация выглядит следующим образом: Цекида-фар, Куде-фар,

Ильг-фар, Угал-джогус-фарот.

«„Уровень, предшествующий норме", „обычный уровень", „высший уровень", „выходящий за пределы уровней"», — мысленно перевел Дэвид.

— Иногда к ним прибавляют еще нулевой уровень — Бездарей, то есть тех, кто практически никак собственными энергиями управлять не способен, и некий сверхуровень, в который включаются боги и Обладающие Силой. На мой взгляд, обе эти добавки ничего полезного не дают, а нужны лишь для того, чтобы мага-классики ощущали моральный комфорт от осознания того, что весь мир теперь разложен по полочкам. Все живые существа способны в какой-то мере управлять собственными силами, поэтому граница между Бездарями и Цекида-фар размыта, ее практически и нет. Единственное существенное различие можно определить так: Бездарь, помимо того, что ничего не умеет, еще и не хочет ничему учиться, ему комфортнее существовать в потоке обыденной жизни, чем напрягаться, устремляясь к чему-то большему. В общем, разница между Бездарем и начинающим Цекидой не столько в силе, сколько в восприятии и целеполагании. В осмысленности добавления сверхуровня я сомневаюсь еще больше. Причина в том, что вообще-то вся эта градация предназначена для того, чтобы как-то, пусть очень примерно и условно, поделить заклинателей по объему их мощи. Обладающие же могут быть слабее магов, находящихся на Угал-джогус — высшем уровне, доступном человеку. Конечно, большинство из них все-таки сильнее, но отличие Обладающих не в этом, их отличие — уже не в объеме силы, а в ее, скажем так, качестве.

Теперь, собственно, о том, где приблизительно проходит границах этих уровней. Напоминаю еще раз, что все это деление — условно, на деле можно показать в лучшем случае лишь примерное положение человека на той или иной ступени данной системы, и нет никаких абсолютно точных признаков, которые могли бы увязать личную силу с той или иной категорией. В предлагаемой градации больше исключений, чем правил… и все же она нужна, чтобы различать магов по уровню силы хоть как-то.

На Цекида-фар, уровне, предшествующем норме — находятся маги, чей Дар недостаточно развит даже для того, чтобы поступить на первый курс Нимрианской Академии Волшебства. В Хеллаэне таковые попадаются лишь среди иммигрантов, в сателлитных мирах таких горе-колдунов, шаманов и знахарей довольно много. Огненный маг на Цекида-фар способен в лучшем случае зажечь свечу или воспламенить лист бумаги, а часто не способен даже и на это.

К Куде-фар, среднему уровню, причисляются все, способные

оперировать Формами и обычными заклятьями. В большинстве случаев их Дара достаточно, чтобы проучиться в Академии первые два курса — а по некоторым дисциплинам, не требующим высокой личной силы, и больше. Огненный маг на этом уровне способен создать сферу пламени, мощности которой достаточно, чтобы убить человека или спалить дерево. Естественно, речь идет не о подвешенных заклинаниях и не о заклинаниях, дополнительная энергия которым сообщена артефактами, — их мощность будет еще выше. Классический маг, при должном обучении, на Куде-фар уже способен создать бинарный портал и переместить себя и еще нескольких людей через него. К Ильт-фар, высшему уровню, принадлежат те, кто способен осваивать техники, которые преподаются на третьем курсе Академии и выше. Огненный маг этого класса способен создать пламя концентрации достаточной, чтобы проплавить каменную стену. Дар на этом уровне позволяет выходить на волшебные дороги, а при дальнейшем развитии — и создавать свои собственные. Хеллаэнская аристократия рождается с таким Даром, мы же, высокорожденные, окончательно переходим на Ильт-фар после инициации в Рунном Круге.

Угал-джогус-фарот, последний этаж в этом «здании» и одновременно выход за пределы всех этажей и уровней, — это высшая ступень развития для человека. Личность может идти и дальше, но в этом случае она примет нечеловеческую форму существования и уже не сможет быть как-то внесена в эту систему. На Угал-джогусе стоит могущественный хеллаэнский аристократ или чародей, вплотную подошедший к Силе. Здесь стоят полубоги и высшие демоны, некоторых из младших богов также можно отнести на уровень Угал-джогус. Уже на Ильт-фар можно учиться Высшему волшебству. Дары, которыми силы мира наделяют чародея, расцветают на Угал-джогусе, позволяя ему даже создавать собственные атрибутивные заклинания. Атрибут бога есть нечто, принадлежащее лишь ему одному, атрибут — это одновременно и предмет и способность, это качество, которое бог выделяет из себя, не опираясь ни на что вовне. На Угал-джогус-фарот уже можно делать нечто подобное: формировать своего рода прообразы чистых, универсальных свойств, источником которых будешь только ты один. Атрибутивные заклинания одновременно и универсальны, и единичны. Универсальны — потому что могут быть применены ко всему, единичны — потому что принадлежат лишь создавшему их чародею и больше никому. Ранее мы использовали для примера способности, присущие магам Огня на каждом из уровней… Ну что ж. На Угал-джогус-фарот маг, выбравший огненную стезю, способен создать такое пламя, которое может повредить и саму ткань пространства.

Теперь, собственно, о волшебных дорогах.

Если у вас достаточно личной силы, открыть магический путь легче легкого. Обычно для этого пользуются Формой «Путь», комбинируя ее с любой стихией…

— Есть проблема, Дядюшка, — перебила Фольгорма Идэль. — У меня этой Формы нет.

«Хорошо, что она это сказала, — подумал Дэвид. — У меня тоже».

Фольгормс упреком посмотрел на племянницу:

— Что ж ты молчала?

— А ты не спрашивал.

— Я думал, в Академии этому всех учат.

— Обычно на втором курсе стихиалистики, который я так и не закончила.

Фольгорм тяжело вздохнул.

— Ну что ж, значит, урок создания волшебных дорог откладывается. Достаточно продвинутые существа могут выходить на дороги и без всяких заклинаний, но новичкам, вроде вас, эта Форма нужна обязательно.

— Можем воспользоваться экскурсионным бюро, — предложил Дэвид. — Я видел их офис в Геиле. Смотаемся в Хеллаэн на пару дней, оплатим инициацию и продолжим, когда у нас будет эта Форма…

— Нет уж, с такой ерундой можем и сами разобраться, — возразил Фольгорм. — Пойдемте со мной.

Он повел их через комнаты и галереи, в ту часть замка, где располагались заклинательные покои. В маленьком коридорчике-тупике было три двери. Дэвид уже знал, что за правой находится пустая комната с бинарным порталом, которым они пользовались для прибытия и отбытия. Фольгорм открыл левую. Там обнаружилось что-то вроде кабинета — столик и шкафы с двух сторон, полностью забитые книгами и магическими предметами. Фольгорм взял несколько книг и, на ходу просматривая одну из них, вышел из комнаты. Далее он открыл центральную дверь, и Дэвид понял, что комнаты слева и справа — всего лишь подсобные помещения, не более того, а настоящая магия творится именно здесь, в большом зале за центральной дверью.

Зал действительно был очень велик. Он не имел окон и освещался колдовскими светильниками, которые зажглись как только Фольгорм переступил порог. Темные стены, множество свечей на полу. Пол разделен на несколько секций, в каждой начертан какой-то сложный узор. Сочетание надписей и геометрических фигур. Двух похожих магических кругов найти тут было нельзя, и это неудивительно, ведь у каждого было

свое собственное предназначение. Некоторые крути в данный момент находились в бездействии, другие работали — например тот, в центре которого сидела жуткая тварь, напоминающая помесь овчарки и ящерицы, и вдобавок при этом еще и полуразложившаяся. Заметив людей, существо вскочило и бросилось к ним, точнее, попыталось это сделать. Невидимая сила отбросила его назад, к центру круга. Издавая дикий душераздирающий вопль, существо предприняло еще одну попытку. Тот же результат. Фольгорм подошел к кругу, где сидела тварь, и сделал несколько пассов. Существо по-прежнему бесновалось и разевало рот в крике, но звук внезапно пропал. Принц вернулся к своим гостям.

— Не обращайте внимания, — посоветовал хозяин замка. — Результат неудачного эксперимента. Я давно собирался убрать его, да все как-то руки не доходили. Пойдемте.

Они подошли к центру зала. Там находился узор, который был не начертан мелом, а затем присыпан серебристым песком, как остальные, — нет, его линии были выплавлены в полу. Он был сложнее и больше остальных. На магическом пласте мира Дэвид увидел силовой вихрь, закручивающийся подобно спиральной колоне, нижним основанием которой служил рисунок на полу. Это был центр системы, Главное Сплетение Холгомияра, и отходившие от него энергетические линии питали не только все остальные узоры в этой комнате, но и вообще все постоянно работающие замковые заклинания.

— В Кильбрене только один настоящий Источник, — сказал Фольгорм, обращаясь к одному только Дэвиду, поскольку Идэль все это и сама прекрасно знала. — Он контролирует все энергетические потоки планеты. В принципе, с помощью Рунного Круга можно перенаправить потоки так, чтобы создать Источники и в других частях мира. Может быть, десять, может быть, сто — я не знаю, насколько его хватит. Но ничто не берется из ниоткуда: подобное перераспределение ослабит сам Круг. Что-то, подобное Источникам, есть только у девяти министров, всем остальным высоко-рожденным приходится довольствоваться сущими крохами. — Он усмехнулся. — Не слишком роскошно, но для повседневных нужд хватает.

— Как я понимаю, рисунок концентрирует и существенно увеличивает силу, которая здесь находится? — спросил Дэвид, кивнув на пол.

— Верно. Не будь возможности увеличивать ее прямо на месте, было бы совсем грустно. Тут используются призматические заклинания, если ты знаешь, что это такое.

— Да, мы это проходили в Академии, — Дэвид кивнул.

Они обошли Главное Сплетение и приблизились к одному из

второстепенных кругов. Заблокировав связь с замковым Источником, Фольгорм стер часть надписей и начал добавлять новые. Писал он их на полу не руками: в комнате находилось специальное заклинание, выводившее на полу линии вслед за движениями пальцев Фольгорма. Помимо вышеуказанной, заклинание имело еще несколько функций — например, поддерживало книги, которые принес принц, в воздухе в раскрытом виде и переворачивало страницы по его желанию.

Дэвид заметил, что Идэль рассеянно улыбается, думая о чем-то своем.

— Что? — спросил он.

— Просто вспоминаю. — Она показала вниз, на рисунок. — Обучающий круг. Здесь я училась своим первым Формам.

Дэвид пригляделся. Да, она была права. Такие штуки использовались и в Академии, хотя выглядели немного иначе. Но общая вязь заклинания оставалась все той же.

Обучающий узор выглядел следующим образом: два основных круга, соединенные четырехугольником, который захватывал уголок от круга, предназначенного наставнику, и уголок от круга, предназначенного ученику. Все прочие линии и надписи группировались вокруг этой трехсоставной фигуры. После того как предварительный чертеж будет закончен, ученик и учитель займут свои места. Форма, которую должен будет постигнуть ученик, возникнет в четырехугольнике между кругами. Двое людей одновременно войдут в транс, учитель отдаст Форму, ученик получит — субъективно это переживалось именно так, хотя на самом деле, конечно же, в процессе передачи свою собственную Форму учитель не терял. Энергетические поля двух людей в процессе ритуала частично объединятся, но не только их собственные поля — сюда будет включена и Форма, которую учитель вызывал и поддерживал в активном виде. Когда люди расходились, ученик обнаруживал, что получил что-то, чего не имел ранее. В нормальном Источнике все проходило быстрее и проще, но при обучении-передаче Форма поначалу отпечатывалась в ученике довольно слабо, и ему приходилось тратить еще некоторое время на то, чтобы в ходе длительных индивидуальных медитаций сделать ее более активной, полноценной. Ранее, в Академии, окончательное постижение новой Формы, если она давалась не на Источнике, а в таком вот круге, могло отнимать у Дэвида недели — но теперь, после того, как Рунный Круг полностью перекроил его энергетику, он подозревал, что дело пойдет куда быстрее. Интересно, как быстро они вернутся к Фольгорму, чтобы продолжить прерванный урок?

У него сердце замирало в груди, когда он думал, что теперь сам —

сам! — сможет открывать пути между мирами. Цель, которую он когда-то поставил перед собой, еще на Земле, когда Лэйкил спрашивал его, в каком мире он хочет теперь жить, — эта далекая цель вдруг стала неожиданно близкой. Теперь, если случится выходной, он смажет провести его на Земле в Лачжер-тауне. По правде сказать, Дэвид не очень-то туда рвался, особенно в последнее время — хватало и других забот, что ни говори, жизнь была достаточно насыщенной — но сама возможность… Он чувствовал, что почти счастлив.

— Располагайся, — Фольгорм кивнул своей племяннице. — Сначала ты, затем Дэвид.

Идэль сняла все магические предметы и устроилась на той половинке рисунка, которая предназначалась для ведомого. Фольгорм занял место ведущего. Принц разблокировал линию, что шла от Главного Сплетения к обучающему кругу, и, полузакрыв глаза, погрузился в медитацию. Когда энергия наполнила надписи и линии, они засветились. В четырехугольнике между Идэль и Фольгормом начал возникать смутный прообраз колдовского знака…

Как выяснилось немногим позже, Дэвид не ошибся. Выполняя различные магические упражнения, предназначенные для скорейшего освоения Формы, в последующие два дня землянин обнаружил, что процесс протекает куда быстрее и проще, чем в те дни, когда он учился в Академии. И гораздо быстрее, чем в Тинуэте — даже несмотря на то, что Лэйкил давал ему готовые, полноценные Формы, пользоваться которыми можно было практически сразу после получения. Но тогда он был еще слишком неопытен, только-только входил в мир волшебства и толком не понимал еще, как их нужно осваивать и использовать. В Академии в половине случаев тоже давали готовые Формы, проводя инициацию на Источниках, принадлежавших сему учебному заведению, но вторую половину ученики получали в ходе таких же процедур, через которые Фольгорм провел Дэвида и Идэль. Академия могла дать учащимся сразу все Формы в готовом виде, но воздерживалась от этого — предполагалось, что упражнения, направленные на самостоятельное освоение Форм, перевод их прообразов в полноценные знаки, полезны сами по себе. Укрепляют, так сказать, астральные мышцы ученика.

Это были довольно муторные медитативные упражнения, отнимавшие кучу времени, и заниматься ими Дэвид никогда не любил. С его крошечным потенциалом на самостоятельное преобразование Формы из прообраза в полноценную структуру могли уйти недели, даже месяцы. Конечно, существовали специальные приемы, позволяющие сократить это

время, — например, можно было медитировать на Форму не просто сидя на полу, а предварительно окружив себя соответствующим магическим узором. А еще лучше — находясь в каком-нибудь тренировочном зале Академии, где тот же самый узор можно было напитать силой от внешнего Источника. И все равно, это отнимало слишком много времени. В большинстве случаев он сдавал «домашнюю работу» по самостоятельному освоению Форм позже всех в своей группе.

Но теперь все изменилось. И не просто изменилось, а изменилось кардинально. Форму «Путь» он освоил за два дня. И для этого ему даже не пришлось чертить никаких узоров на полу своей комнаты. От трехлетнего ребенка поднятие табуретки и перенесение ее в строго определенное место может потребовать уйму усилий, в то время как десятилетний вообще не увидит в этом проблемы. Здесь было то же самое. Дэвид стал «старше» — то есть попросту намного сильнее — вот только произошло это очень быстро, скачком.

Он изменился значительно больше, чем меняется любой высокорожденный при посвящении в Рунном Круге.

Гэемон любого из потомков Гельмора кен Саутита проходит в Круге ряд преобразований, однако все они, по большому счету, лищь раскрывают внутренний потенциал членов этой древней семьи. Но у Дэвида не было такого Дара, даже в потенциале. В Академии он почти достиг своего потолка. Максимум, на что он был способен, даже найдись у него деньги, — проучиться еще один курс, и по немногим дисциплинам — третий. Но дальше — как бы он ни хотел, он бы не смог прыгнуть: гэемон, который намного подвижнее и гибче, чем физическое тело, все же имеет свои пределы развития. Однако Кильбренийский Источник поставил точку в естественной эволюции обыкновенного бездаря с планеты Земля. Он не просто улучшил его энергетическое поле, как это было в случае Идэль или любого другого из ее родственников, — он его полностью перестроил. Человек, чей Дар даже потенциально не способен достичь уровня ильт-фар, не в состоянии полноценно причаститься к Источнику и оперировать его силами. Будь Дэвид один, и даже будь он при этом высокорожденным — но имей он при этом столь же слабый Дар, какой у него был, — Кильбренийский Источник попросту бы его уничтожил или в самом лучшем случае так необратимо повредил бы его гэемон, что Дэвид уже никогда не сумел бы создать даже самое простейшее заклинание. Однако он пришел не один. Источник воспринял его как единое целое с Идэль — а уж она-то была полноценной посвященной. Связь с ней не позволила Дэвиду умереть, удерживая его на самом краю, в то время пока Источник

планомерно выжигал все «лишнее» и «нежизнеспособное» (с его собственной точки зрения) в гэемоне Дэвида Брендома. Фактически он уничтожил все — хотя и не сразу, это растянулось на довольно длительный промежуток времени (что касается Дэвида, то он вообще не смог бы назвать этот период «временем» — для него это была вечность, заполненная агонией). Но одновременно с разрушением шел и второй процесс. Внутри ветхого, истлевающего, формировалось новое магическое тело. В конце концов оно полностью заменило «предыдущую версию» гэемона. У этого тела был уже совершенно иной потенциал, и после того как этот потенциал — там же, в Источнике — раскрылся, Дэвид мог бы сказать, что родился заново с гораздо большим правом, чем любой из высокорожденных после прохождения Круга. Потому что в его случае это действительно было так, без всякого преувеличения.

Первые несколько дней он практически не пользовался магией: во-первых, сказывался шок от пережитого, а во-вторых, не понимая еще всей глубины произошедшей с ним перемены, он, конечно, восторгался новыми способностями — вроде умения видеть энергетический мир без помощи Ока, но полагал, что эти способности в целом остались такими же, как были, ну разве что улучшились в какой-то степени. Впоследствии он понял, что изменения тут не просто количественные, а качественные. Составляя заклинания для каких-то мелких бытовых нужд, он осознал, что есть и другие пути формирования энергетических структур, чем те, которые были известны ему до сих пор и которые представлялись ему само собой разумеющимися. Энергия могла течь по таким каналам, проходить через такие преобразования, описания которых ранее представлялись ему полным абсурдом — а теперь он видел, почему это не абсурд. Ранее он не мог составить заклинания таким способом, как карась не способен взобраться на дерево — теперь же, став не «карасем», а «кошкой» делал это легко, инстинктивно… хотя, надо признать, и срывался поначалу. Он знал, что может это сделать, и примерно понимал — нет, не понимал, скорее чувствовал — как это делать, но навыка еще недоставало. Вместе с тем уже и сейчас старые способы волшбы представлялись ему громоздкими, неудобными, состоящими из чрезмерного количества лишних операций. Он инстинктивно тянулся к тому, чтобы создавать заклинания по принципам, которые начинал угадывать на своем новом уровне Дара, и в итоге ошибался куда чаще, чем раньше, когда пользовался «громоздкими и неудобными» способами. Новые способности решительно требовали своего освоения.

Керамар — колдун, которого Дэвид нанял еще до того, как прошел

Рунный Круг, в качестве учителя — вдруг сделался бесполезен. Он обладал большими знаниями, и до того, как его гэемон искалечили, вплотную приблизился к уровню Ильт-фар — но все же, несмотря на всю искусность его методов, новому Дэвиду они были не нужны. Ему требовался новый учитель — такой, который обладал бы Даром не меньшим, чем сам Дэвид, и был бы достаточно опытен, чтобы провести Дэвида по тем новым путям волшебства, которые ему теперь стали открыты.

Некоторым второстепенным дисциплинам, для которых уровень Дара неважен, вроде астрологии или диалектов Искаженного Наречья, а также отдельным приемам — скажем, умению создавать бинарные порталы — Керамар его еще мог обучить, но, с точки зрения Дэвида, все это можно было преспокойненько отложить на потом. Он вообще не видел смысла учиться вычерчивать бинарные порталы, когда в самом ближайшем времени Фольгорм должен был показать ему, как открывать волшебные пути. Он прямо и заявил об этом Идэль и предложил определить Керамара на то место, которое еще раньше указала принцесса: на место инструктора дворян и «домашних магов», вшивающихся в особняке. Все равно им больше нечем было заняться. Идэль возразила: по ее мнению, уметь создавать двухсторонние порталы полезно даже тому, кто весьма поднаторел в открытии путей — а до последнего им с Дэвидом, пусть даже они потенциально на это и способны, еще ой как далеко. Дэвид, подумав, согласился: своим новым способностям он еще не настолько доверял. Вчера их не было, сегодня есть, а вдруг завтра их опять не будет? В итоге их с Керамаром обучение свелось, по большому счету, к теме бинарных порталов, а все остальное время старик занимался с молодыми дворянами, служившими Идэль.

Принцесса дала землянину несколько книг, посвященных магическим техникам, доступным на уровне Ильт-фар, и посоветовала периодически навещать дворцовую библиотеку — там литературы такого рода хватало. Но книги, конечно, не могли заменить живого учителя. Впрочем, учитель у Дэвида, кажется, уже появился. К концу второго дня Фольгорм связался с Идэль, чтобы узнать об успехах, а узнав, пригласил их обоих прибыть в его замок на следующий день. Завтра состоится урок, которого Дэвид так жаждал. Урок создания магических дорог, позволяющих магам бродить, где им вздумается, — и никуда не опаздывать.

Кроме того, на завтра была назначена еще одна важная встреча: Ксейдзана наконец оповестили о том, что у него «завелся» внучек. Как и ожидалось, глава дома Гэал выразил желание узреть своего предположительного потомка за общим обедом в той части дворца, где

разместили представителей его клана. Во всех этих переговорах Дэвид не участвовал и не знал даже, кто их вел; лично его о завтрашнем мероприятии известила сама Идэль. Она же собиралась отправиться с ним туда вместе — по крайней мере, в первый раз. Услышав об этом, Дэвид поначалу хотел стать в позу и заявить, что нянчиться с ним вовсе необязательно и никакая опека ему не требуется — но, подумав, промолчал. Начинались слишком серьезные игры, чтобы можно выкидывать фортели такого вот рода, изображая Мистера-Я-Сам-Со-Всем-Разберусь. Что ни говори, сколько не бей себя пяткой в грудь, но ему нужна опека, и он впервые за пять с половиной лет, проведенных в нимриано-хеллаэнской метрополии, мысленно согласился признать это. Если он ошибется, если что-то сделает не так, понадеявшись, что кривая вывезет, он подведет не только себя, но и принцессу. А ее безопасностью он не мог и не хотел рисковать.

Был поздний вечер, он сидел в своей комнатке и размышлял. Вообще, пора бы уже ложиться спать, но Идэль занималась какими-то делами в кабинете, а засыпать одному ему не хотелось. Мысли текли от одного предмета к другому, не задерживаясь ни на чем. Он только что провел около часа, созерцая Форму «Путь» и комбинируя ее с четырьмя Стихиями, которые у него были. Очень хотелось попробовать создать какое-нибудь новое заклинание с помощью этой Формы, но он опасался «обжечься»: даже привычные заклинания удавалось собрать теперь далеко не всегда, а при использовании новой Формы вероятность этого, конечно же, существенно возрастала. Поэтому он отодвинул мысли о «Пути» в сторону и решил посмотреть, а что же он, собственно, теперь умеет. Точнее не что, а как. Ошибки при составлении заклинаний, бывшие результатом интуитивного поиска новых, более удобных в теперешнем его состоянии способов волшебства не являлись единственной проблемой. Когда Дэвид использовал классику, возникали ошибки, но когда он применял голые Формы, появлялись совершенно неожиданные эффекты. Например, при составлении комбинации из нескольких Форм неизвестно откуда приходило чувство, что у Форм значительно больше возможностей применения, чем он полагал до сих пор. Можно было как-то очень тонко балансировать их, добиваясь совершенно ювелирных приемов воздействия на окружающий мир — но эти новые гипотетические возможности преподносились его сознанию в одном списке вместе с возможностями, которые он уже знал, и это дезориентировало. Он чувствовал, что может легко запутаться и в итоге неправильно соединить каналы. Последствия могли быть любыми: от никаких до очень неприятных. Требовалось время,

чтобы во всем этом разобраться.

Было еще кое-что, даже более опасное. Теперь он практически не мог правильно рассчитать силу, которую следовало вложить в заклинание. Ведь его мозг не был компьютером, он не мерил энергию в цифрах, он просто знал, какое усилие следует приложить, чтобы сделать то или это. Но вот теперь все эти знания стали ошибочными. Усилия, которого ранее было достаточно для того, чтобы подогреть кружку с остывшим чаем, сейчас хватало на то, чтобы испарить чай и расплавить кружку. Одну тумбочку в его комнате, совершенно изуродованную расплавленным стеклом, уже пришлось заменить. Дэвид не хотел портить мебель и обстановку и дальше, особенно с учетом того, что такие опыты могли, в конечном итоге, весьма плачевно кончиться для него самого. Пиала с чаем — ладно, бог с ней — но что, если ему потребуется создать, скажем, Воздушную Оболочку, в ситуации, когда надо пройти через дым или некоторое время просуществовать в отравленной воздушной среде? Переусердствовав, он вполне мог сплести Оболочку такой мощности, что воздух внутри просто разорвал бы легкие при первой же попытке вдоха. Надо было все осваивать заново, с самого нуля. И лучше раньше, чем позже. В противном случае все кончится тем, что в реальном бою, когда думать будет некогда, он подставит себя самого и покончит жизнь красочным самоубийством на глазах изумленного противника. И Дэвид вызвал Око. Ну конечно, ведь именно с этого он и начинал когда-то. Он даже улыбнулся, вспомнив свой первый урок под руководством Лэйкила. Тогда ему открылся целый новый мир, о существовании которого прежде он даже не подозревал. Этот мир всегда был рядом, Дэвид жил в нем, но он оставался невидимым и неосязаемым, потому что Дэвид не был способен его воспринимать, у него не было соответствующих органов чувств — вернее, они были, но, как и у всякого обычного человека, они находились в зачаточном состоянии. Форма длительное время служила заменой такого органа, своего рода сверхмощными очками, которые вручили практически слепому человеку. Теперь, когда магический пласт реальности Дэвид воспринимал естественным образом, без всяких «очков», он полагал, что Форма станет малополезной. Вызвав Око, он понял, что глубоко заблуждался. Формы не являются предметами, возможности которых строго ограничены. Очки помогут тому, у кого плохое зрение, но окажутся бесполезны и даже вредны для того, у кого с глазами все в порядке. Но Формы — это чистые функции; идеи, свойства которых тождественны их сущности. В каком-то смысле Форма Ока это не просто нечто, что улучшает восприятие, но и само улучшение восприятия. Улучшение как

таковое.

Ранее Дэвид естественным образом видел только обычный человеческий мир, и это было для него нормой. Форма позволяла перейти за границы этой нормы, увидеть больше. После Рунного Круга это «большее» стало нормой, Дэвид видел магический пласт естественным путем — но Око и теперь продолжило выполнять свою работу: оно перевело за границы того, что было естественно Дэвиду теперь, и открыло перед изумленным землянином еще больший — нет, не просто больший, а по-настоящему громадный мир. Ему почти невозможно дать хоть сколько-нибудь адекватное описание на человеческом языке. Магический пласт реальности слоился, в нем было множество уровней и подуровней, заселенных невообразимыми существами. Энергетические токи создавали структуры поразительной, красоты и сложности. Материи не было, вернее, она представляла собой лишь определенную конфигурацию всех тех же энергий, преломленных через призму восприятия некоего класса существ. Другие существа, чье восприятие преломляло энергию иначе, пребывали в иных мирах, в своих реальностях — и все это было совсем рядом, казалось, лишь протяни руку, шагни — и окажешься, там. Дэвид не смог бы точно сказать, сколько измерений у пространства, в котором все это вмещалось, — был уверен только, что больше четырех. Вообще, это сложно назвать «пространством»: оно было больше похоже на постоянно меняющийся калейдоскоп. Он потерялся в этом многообразии, Кильбрен исчез, ускользнул из-под ног, и Дэвиду показалось, что он сходит с ума. Безумная, немыслимая сложность мира, с которым без всякого предупреждения столкнуло его Око, путала не меньше, чем восхищала. Все равно что прожить целую жизнь, а потом понять вдруг, что никогда не было ни тебя, ни мира, в котором ты жил. Дэвид запаниковал. Он страстно захотел сбежать обратно, в свою маленькую и привычную реальность от всего этого блистающего великолепия. Ирония заключалась в том, что он, как и в самый первый раз, в Тинуэте, через Око увидел новую невероятную реальность… но как только он взглянул на нее, она поглотила все его внимание и он потерял связь с Формой, с тем, что давало ему возможность все это видеть. Лишь каким-то чудом ему удалось оторваться от этой великолепной картины и вновь ощутить связь с Оком. Как только это произошло, он немедленно изгнал Форму. Затем он притушил энергетический обмен в том узле гэемона, который хеллаэнские мага именуют вижкад и который обеспечивает наиболее ясное и интенсивное восприятие магического пласта реальности. Откинулся назад, ощущая лопатками и шеей стену спальни. Дэвид тяжело дышал, сердце колотилось

в груда, но он посмотрел на потолок, дверь, мебель в комнате и почувствовал, что рассудок возвращается, а сердце уже не грозится выпрыгнуть из грудной клетки. Все вполне реальное. С закрытым вижкадом он видел только обычную человеческую реальность, и это успокаивало. То, что лежит за пределами видимого мира, может обернуться кошмаром для человека, ибо отрицает все, чем человек был прежде, отрицает с убедительностью, которой нельзя противостоять.

Когда Дэвид оклемался, он открыл вижкад — видимый мир опять стал частью чего-то большего, частью «нормальной» магической реальности, но к этому землянин уже привык. Проблемы начнутся лишь в том случае, если он снова вызовет Око — водопад многомерности опять зашвырнет его в блистающую бездну надчеловеческого бытия Тем не менее, действуя с максимальной осторожностью, землянин его вызвал. Да, все придется повторить с самого начала, и первая на очереди задача — та же, что и стояла перед ним пять с половиной лет назад, в Тинуэте; смотря, не теряться в том, на что смотришь, и продолжать осознавать, хоть в какой-то степени то, через что смотришь. В противном случае, вызывая Око, можно было легко загипнотизировать самого себя и в итоге свихнуться — что он только что едва не сделал. Проведя несколько экспериментов, он поверил, что рано или поздно освоится с контролем и восстановит свое умение пользоваться Формами — уже на новом уровне. Тут не было учителя, который мог бы ему помочь и уберечь от ошибок, но этот путь он уже проходил и поэтому имел основания надеяться, что сумеет его пройти еще раз. Фокусируя Око разными способами, он обнаружил, что способен не только выходить за пределы «нормального» магического пласта в какое-то большее, невообразимое пространство, но и рассматривать отдельный сегмент какой-либо магической структуры словно под микроскопом. Там тоже была бездна сложности, связи и мельчайшие каналы, о которых он раньше и не подозревал, и в этой бездне так же легко было потеряться. В конце концов он устал. Глянул в окно: темным-темно. Сколько сейчас? Двенадцать? Два?… Он изгнал Форму, умылся и пошел в спальню.

В комнате охраны, находившей напротив опочивальни, сегодня дежурили Диар и кто-то из новеньких. Дэвид попытался вспомнить его имя — кажется, Джуваль, но землянин не был уверен на сто процентов. Новенький вскочил и приложил кулак к середине груди салютуя лейтенанту, Диар приветственно помахал рукой. Приближенные Идэль уже знали, что их лейтенант прошел Рунный Круг, оказался высокорожденным — это отдалило его от них, но пока еще не слишком. Дэвид, как раньше совершенно не заботился о соблюдении субординации, так пренебрегал ею и теперь, и старая команда — Лийеман, Крайгем, Сибан, Ллок, Яджи, Диар, Сойдор и другие — об этом знала. Наверное, он был не слишком хорошим начальником, но он никогда и не стремился им быть — званием лейтенанта Идэль наградила его чуть ли не насильно, а ведь изначально она вообще капитаном хотела его сделать.

Дэвид помахал рукой в ответ и осторожно приоткрыл дверь в спальню. Новичок попытался рыпнуться — лейтенант лейтенантом, но ведь они тут

поставлены для того, чтобы охранять принцессу! Очевидно, ему еще не успели сообщить о том, что у принцессы есть любовник. Неизвестно, каким именно способом новичок намеревался преградить Дэвиду путь — Диар не дал ему возможности продемонстрировать свой героизм, взяв за плечи и мягким рывком усадив обратно на место. Дэвид улыбнулся, но ничего не сказал.

В спальне было темно, занавески покачивались от ветра. Идэль спала, положив руку под голову и негромко посапывая. Дэвид тихо разделся и лег рядом — осторожно, чтобы не разбудить принцессу. Не просыпаясь, Идэль что-то пробормотала, обняла Дэвида свободной рукой и прижалась к нему — как ребенок прижимается к своей любимой мягкой игрушке.

4

Обед, на который глава клана Гэал пригласил своего новоявленного «внучка», начался вскоре после полудня. Появление Идэль неожиданностью для Гэал не стало — все уже было согласовано заранее, и кионской принцессе отведено место рядом с ее женихом. В центре внимания сегодня, однако, был Дэвид, а не она, и землянин это очень хорошо понимал. Как он ни подготавливал себя заранее, но все же, входя в изумрудную столовую Гэал под руку с Идэль, не мог одержать внутренней дрожи. Здесь собралось три десятка высокорожденных. Кто-то, не обращая внимание на слуг, поспешно заканчивавших последние приготовления к обеду, уже занял место за столом, другие сидели в креслах, третьи, разбившись на группки по два-три человека, стояли и негромко беседовали, четвертые — те, кто кому Дэвид был представлен двумя комнатами ранее, еще в приемной, вошли в столовую сразу вслед за землянином и его невестой. Началось знакомство с теми, кому Дэвида еще не успели представить. Никаких чрезмерно сложных или утомительно длинных церемоний — ведь боги выше формальностей, как справедливо заметил Фольгорм. Кстати, дядюшка Идэль тоже был здесь, и это стало сюрпризом не только для Дэвида, но и для принцессы. Его подчеркнуто «никакая» политическая позиция позволяла ему спокойно обедать в любой семье. Он дружески улыбнулся своим протеже и отошел в сторону, уступая место очередной важной птице из клана Гэал.

После вступительной части перешли, собственно, к столу. В некоторых культурах считается неприемлемым обсуждать дела во время приема пищи, но в Кильбрене — не так, в этом мире, наоборот, общие дела часто стараются приурочивать к завтракам, обедам или ужинам, поскольку предполагается, что принимающий пищу человек добродушен и менее склонен к несдержанности и гневу. Кроме того, еда позволяет заполнить — паузу, необходимую для обдумывания той или иной важной идеи, избежать скованности или неловкого молчания. По этой причине завтраки, обеды и ужины в Кильбрене могут длиться по нескольку часов. Естественно, это лишь общий принцип, и следуют ему лишь те, кто желает следовать. Ксейдзан пожелал. По крайней мере, в данном случае.

Во главе стола сидел сам претор клана. Волосы — как тусклая бронза. Зеленовато-серые глаза на худощавом лице. Не слишком представителен

внешне, без выдающихся лидерских качеств и далеко не самый лучший маг в семье — но в нем, тем не менее, ощущалась немалая внутренняя сила. Эта сила — не благородная мощь льва, а спокойствие гепарда, уверенного, что он возьмет свое. Особенной изысканностью его одежда не отличалась: простой и строгий костюм серых и темно-лиловых цветов.

По левую руку от Ксейдзана сидела его дочь Альтана, за ней — ее муж Хенкарн из клана Аминор. По правую — внук Ксейдзана Тахимейд и его мать Рия ита-Жерейн, жена покойного Хэбиара. Идэль и Дэвида усадили после Хенкарна — а не рядом с Рией и Тахимейдом, как следовало бы в случае, если бы претензии Дэвида на то, чтобы считаться потомком Хэбиара, тут они бы восприняли всерьез. В этом прослеживался более чем прозрачный намек на то, как именно Ксейдзан воспринял попытку внедрить в его клан человека со стороны. Так же разведение по разные стороны стола того, кто претендовал на близость к Хэбиару, и тех, кто был ему действительно близок, давало прекрасную возможность последним повнимательнее рассмотреть Дэвида. По левую руку от Дэвида посадили Сайрин — немолодую женщину, возглавлявшую младшую ветвь клана Гэал — семью ита-Шедан. За Сайрин — родственники Рии: Вилайд ита-Жерейн и его дочь Нильза. Далее — Фольгорм, а за ним следом, до самого конца стола — ита-Шедан вперемежку с высокорожденными из младших семей, подчиненных клану Гэал.

Уже на примере Фольгорма, Билайда и Нильзы видно, что присутствовали тут отнюдь не только члены клана Гэал. Гостей хватало, и даже с избытком: по правую руку от Ксейдзана, сразу после Рии расположились ровненьким рядком все ита-Берайни: Кетрав, Яльма, Цзарайн, Сурейлин. Цзарайн глумливо ухмылялся. Сурейлин смотрела со злобой (у Дэвида сложилось впечатление, что это ее обычное выражение лица). Яльма улыбалась очень мило и открыто — аж ямочки появлялись на щечках — во Дэвид подумал, что лучше уж он доверится дальмоту или гадюке, чем этой улыбке. Кетрав, великий и могучий лидер ита-Берайни, сидел на удивление тихо и за все время обеда не произнес ни слова. На Дэвида он глянул всего лишь пару раз, да и то без всякого интереса. Зато на Идэль, которую посадили как раз напротив Кетрава, его взгляд останавливался куда чаще Кетрав казался слегка опечаленным. У Дэвида этот человек вызвал сложные чувства. С одной стороны, в нем было что-то притягивающее. Сила всегда манит. Если Ксейдзана можно было сравнить с гепардом, то Кетрава — именно со львом. Он утверждал свой мир, не оглядываясь назад и не зная сомнений. «Спокойная мощь» — вот как Дэвид охарактеризовал бы Кетрава, если бы их встреча произошла в

другой обстановке.

Здесь же…

Здесь было кое-что еще, и это кое-что нравилось Дэвиду существенно меньше: реакция Идэль. За все время обеда она старательно избегала смотреть на Кетрава. Как будто бы она… робела перед ним. Это было совершенно на нее не похоже. В чем причина? Тот разговор в замке Майдлара, о котором она рассказала землянину? Что-то еще? Дэвид не знал. Но шерсть на его загривке сама собой поднялась дыбом, и в чем бы не заключалась причина этого неприятия, она стала вторым фактором, с самого начала обусловившим его внутренне противоречивое отношение к лидеру ита-Берайни.

По левую руку от Сурейлин занимал место еще один «сюрприз» — Эрдан, чудесным образом спасшийся внук Гарабинда. На этот раз, правда, без свой дочери Даны. В общем, половина клана Кион собралась здесь, чтобы поглядеть на жениха Идэль-лигейсан-Саутит-Кион — собрались все те, кто ранее, за столом правящего клана, где покойного Шерагана сменил военный министр Вомфад, более появляться не могли или не хотели. За Эрданом — опять вперемежку ита-Шедан и высокорожденные из младших семей. Всего за столом — около тридцати человек.

Начали с маленьких порций холодных закусок, предназначенных не накормить, а разогреть аппетит. Потом подали горячее — странную, с точки зрения Дэвида Брендома, смесь супа и каши. Впрочем, он почти не замечал, что ест — его внимание концентрировалось не на пище, а на окружающих людях. Высокорожденные разговаривали друг с другом, время от времени кто-то обращался к Дэвиду, он отвечал, и даже сам, по собственной инициативе выдал пару реплик, но чувствовал — все это только разминка. Его пока не трогают, только приглядываются, но этот обед посвящен новенькому, и ему еще предстоит отдуваться. «Основная часть» началась когда переменили блюда и Ксейдзан, как бы мимоходом, невзначай попросил Дэвида поведать им всем, каким же образом так получилось, что у Хэбиара вдруг появился наследник, о котором никому до самого последнего времени ничего не было известно. От тарелки, стоявшей перед Дэвидом, исходил восхитительный аромат, но землянин понял, что есть это блюдо он будет, в лучшем случае, холодным. А в худшем — его уже унесут к тому моменту, когда он закончит рассказ. С сожалением откладывая вилку и нож, Дэвид вдруг услышал, как за столом, стало очень тихо. Всем хотелось узнать эту историю. Собственно, ради нее они все здесь сегодня и собрались. При этом практически все заранее были уверены в том, что сейчас им выдадут солидную порцию вранья. Но все

равно пришли. Таково уж здание всей истории высокорожденных — Хрупкая конструкция из кирпичей лжи и балок полуправды.

Дэвид открыл рот… Стояла полная тишина, и в какой-то панический момент он решил, что потерял голос. Идэль прикоснулась к его бедру, и страх прошел. Это всего лишь три десятка людей, а не концертный зал…

— Как я уже говорил, я вырос в одном из сателлитных миров Терры, — начал Дэвид. Отвечая на вопросы, задававшиеся ранее, он уже вскользь казался этой темы. — В стране, которая называется Винланд. Она занимает большую часть американского континента, не считая маленькой северо-западной части, которая принадлежит России. Наш континент был открыт морскими пиратами более тысячи лет назад. В последующие века его заселяли скандинавы, постепенно вытесняя и порабощая индейцев — коренных обитателей Америки. К пятнадцатому веку эти древние королевства из-за внутренних войн стали приходить в упадок, и в это же время Англо-Нормандия, которой тогда принадлежала едва ли не вся Европа, начала экспансию в Новый Свет. Королевства викингов были захвачены, и около трех столетий мы были англо-нормандской колонией. Однако объединение Европы не было прочным, и постепенно все страны, подчиненные Англо-Нормандии, откололись от нее. Все это в итоге привело к Первой мировой войне, которая сильно опустошила Европу. Беды Старого Света Винланд почти не затронули, но дали нам шанс отстоять собственную независимость. Вторая мировая война началась спустя столетие. Русские активно расширяли свое влияние. В Европе они подмяли под себя ряд стран, ранее принадлежавших Англо-Нормандии — таких как Польша, Венгрия и Болгария, «освободили» Грецию, а на нашем континенте претендовали на ряд территорий, соседствующих с Аляской. Чтобы противостоять неуемным аппетитам Российской Империи, мы заключили союз с Англией, Германией и Китаем, и после десяти лет войны сумели вернуть себе оккупированные территории. Это случилось во второй половине девятнадцатого века, за двадцать лет до того, как Китай первым изобрел и применил атомную бомбу. Позже… — Дэвид запнулся и посмотрел по сторонам. — Простите, я увлекся. Я просто хотел нарисовать общую картину. Так вот, в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, когда русские, ранее захватившие едва ли не всю Британскую Колумбию, медленно отступали на север, лейтенант Марк Томас Брендом был поставлен заместителем командующего гарнизоном в местечке близ Берне-Лейка. Там он встретил девушку по имени Маргарет. Фамилии ее, к сожалению, наша семейная история не сохранила, известно только, что она была потрясающе красива. Неизвестно, вышла ли она замуж за Марка

Томаса, будучи беременной или к тому времени она уже родила ребенка — факт в том, что ее старший сын, которому Марк Томас дал свою фамилию, был зачат еще до встречи Маргарет и молодого лейтенанта. Обстоятельства, при которых это произошло, стали у нас… ну, чем-то вроде семейной легенды. Маргарет, еще до знакомства с Марком Томасом, жила вместе со своей семьей в особняке за городом. После отступления русских несколько месяцев эта территория вообще никем не контролировалась. Там хозяйничали банды мародеров, грабителей и прочих любителей легкой наживы. Случилось так, что одна из этих банд напала на особняк, перебила слуг и семью Маргарет, разграбила имение, а ее саму бандиты решили прихватить с собой. Однако по пути в укрытие они повстречались со странно одетым человеком, который оказался неуязвим для пуль. Нескольких людей он убил каким-то таинственным способом, остальные разбежались. Следующие дни он провел вместе со спасенной девушкой — расспрашивал ее о мире, в котором она жила, задавая подчас весьма странные вопросы. Потом он ушел — по словам Маргарет просто растворился в воздухе — а она вернулась в особняк, собрала то, что уцелело и переехала в город, где вскоре и познакомилась с Марком Томасом. Всю жизнь Маргарет была уверена, что повстречалась с каким-то могущественным демоном, а может быть, даже с самим Сатаной. Я должен объяснить. Сатана в нашем мире считается источником зла. Но Маргарет была… эээ… не совсем обычной девушкой. Хотя ее крестили и воспитывали как положено, вряд ли ее можно назвать примерной католичкой. Она увлекалась спиритизмом, а когда они вместе с Марком Томасом через десять или пятнадцать лет брака переехали на юг, в Денвер, даже стала членом какого-то местного оккультного общества. Она была уверена, что «демон», которого она видела и с которым имела телесную связь, не зря открыл ей свое имя, и посредством различных ритуалов пыталась вызвать его вновь. Однако ей это так и не удалось, и она никогда больше видела того, кто спас ее из лап банды грабителей и дезертиров. Ее старший сын, Генри, от рождения обладал способностями, которые в нашем мире у людей появляются настолько редко, что многие даже не верят, что они вообще бывают — мог усилием воли передвигать маленькие предметы и видел окружающих людей даже с закрытыми глазами или через стенку. К сожалению, он рано погиб — как раз во время Третьей мировой войны, когда бывшие враги, Винланд и Россия, заключили союз против Китая. У Генри, правда, осталась жена и маленькая дочь… Это моя… — Дэвид задумался, подсчитывая. — Три раза «пра» бабка. История Маргарет, как я уже сказал, стала семейной легендой… Когда я

познакомился с Идэль в Нимрианской Академии Волшебства, — Дэвид посмотрел на принцессу, — так случилось, что эту легенду я рассказал… как какой-то казус, анекдот. Вообще-то в нашем мире нет ни магии, ни демонов. Ну, почти нет. До того, как я попал в Нимриан, я во все это не верил, а рассказ Маргарет… его куда логичнее было объяснить тем, что дезертиры все-таки изнасиловали Маргарет, а демона-спасителя она придумала для того, чтобы заставить себя забыть о том, что произошло. Правда, то, что я увидел за пределами Земли, заставило меня иначе взглянуть эту историю. Так вот, когда я рассказал эту историю Идэль и упомянул имя «демона», которого так долго пыталась вызвать Маргарет на оккультных собраниях своего кружка, Идэль сказала, что человек с таким именем есть… был, в ее собственной семье. Точнее, в клане, который родствен клану Кион. Естественно, это могло быть простое совпадение имен, но я захотел проверить. Идэль поначалу была против, но в конце концов мы все-таки решили рискнуть. Источник принял меня как своего, а значит — это правда, и Маргарет действительно встречалась с Хэбиаром-кириксан-Саутит-Гэал. Только он, конечно, не был демоном, как она потом вообразила. — Дэвид сдержанно улыбнулся.

В этой истории выдумана была только встреча Маргарет с Хэбиаром и врожденная мистическая одаренность Генри Брендома, все остальное — святая правда. Согласно настоящей семейной легенде, Марк Томас возглавлял отряд солдат, спасших Маргарет от банды головорезов. Однако после рождения детей Маргарет действительно увлеклась оккультизмом, и в этом Дэвид не солгал.

— Очень интересно, — заметил Ксейдзан, кивнув рассказчику с самым что ни на есть доброжелательным выражением лица. — А как вы впервые попали в Нимриан?

Дэвид промочил горло глотком вина и продолжил повествование. Рассказал про объединение государств, приход к власти Роберта Каннинхейма и собственное «политическое выступление» на Центральной улице Лачжер-тауна, вызванное ударившим в голову алкоголем. Появление в тюремной камере девочки в синем платье, ученичество у Лэйкила. Он не вдавался в подробности, но и не лгал, Под грудой правды должна была затеряться маленькая крупинка лжи. Узнать, обучался ли такой человек у Лэйкила, гэальцам будет совсем нетрудно — достаточно лишь отправиться в Нимриан и спросить об этом у него самого. Пусть спрашивают.

Он сбился лишь раз, случайно встретившись глазами с Цзарайном: молодой принц смотрел прямо на него и откровенно усмехался, как бы говоря: ври дальше, тебе все равно тут никто не верит. Это было настолько

нагло и неприкрыто, что Дэвид на несколько секунд потерял нить истории. Собственная же оплошность вызвала в нем злость, но выказывать раздражение было нельзя. Он отвел взгляд, выпил еще вина и продолжил.

Когда история подошла к финалу, посыпались вопросы. В основном они касались реалий родного мира Дэвида — далеко не все, что он рассказал о нем ранее, было понятно присутствующим. Кому-то показалось странным, что Лэйкил и Лайла «случайно» наткнулись на Земле на потомка Хэбиара. Сердце Дэвида на мгновение замерло, когда он вдруг увидел ситуацию глазами тех, кто сидел с ним за одним столом: кен Апреи родственны дому Ниртог… и вот теперь представители этого дома вновь появляются на сцене, на этот раз — уже в связи с потомком другого дома. Кто-то мог увидеть во всем этом взаимосвязь, которой на самом деле не было. Можно было только порадоваться тому, что мысли этих интриганов пойдут по заведомо ложному пути, но Дэвид и представить не мог, какие выводы в конечном итоге они для себя сделают. Кому-то могло прийти в голову, что он — агент семьи кен Апреев, имеющей долгосрочные планы по захвату Кильбрена. Или еще какая-нибудь глупость в этом роде. Предсказать, в каком направлении потечет мыслительная активность присутствующих, землянин бы не взялся. Вполне могло оказаться и так, что вся эта затея с придуманной родословной открыла шкатулку Пандоры… а возможно, и нет. Дэвид играл вслепую. Существовало слишком много переменных, которых нельзя было учесть. Он двинул первую костяшку домино, она повалила следующие… но каким будет результат, не знал никто. Дэвиду оставалось только молиться, чтобы результат не оказался смертельным.

Никаких эксцессов за обедом не произошло. Никаких выходок, оскорблений, проверок, нападений, обвинений, откровений и прочего — высокорожденные покушали и мирно разошлись. Некоторые выразили желание познакомиться с Дэвидом поближе, как-нибудь. По внешности — ничего, кроме вежливого интереса. Кто-то осведомился, какие покои Дэвид занимает во дворце. Прежде чем землянин успел ответить, влез Фольгорм и сказал, что этот вопрос еще не решен. Очевидно, по каким-то причинам ответ «гостевые комнаты» или «те же, что и принцесса Идэль» категорически не годился, и дядюшка принцессы счел необходимым не дать землянину по незнанию ляпнуть глупость. Идэль, Дэвид и Фольгорм распрощались и вместе вернулись в ту часть дворца, которую занимал дом Кион, а ита-Берайни остались вместе с Гэал. На прощанье Ксейдзан сказал, что обязательно хотел бы еще как-нибудь пообщаться с Дэвидом, но никаких определенных сроков для новой встречи не назвал и вообще было

не совсем понятно, что это — дань вежливости или настоящее желание получше узнать «далекого потомка» своего младшего сына.

Когда обед остался позади, Дэвид перевел дух и подумал, что все, в целом, прошло гораздо лучше, чем он опасался.

* * *

…Прародитель полыхал над руинами, как солнце, а сомнения в сердце Йрага становились все сильнее и сильнее.

Десять всадников приближались к Городу Бога, десять всадников, восседавших на соорни — рогатых лошадях. Соорни составляли главную ценность племени: выносливые и неприхотливые, они могли пить кисловато-горькую воду, от которой люди умирали в страшных мучениях. Соорни питались колючками, а взамен давали мясо и молоко, из их шкур изготавливали одежду, из шерсти — одеяла, из костей — инструменты. Для верховой езды использовали только жеребцов соорни: у оседланных кобыл пропадало молоко, а молоко в пустыне, где с течением лет питьевая вода встречалась все реже и реже, заменяясь проклятой горчащей влагой, ценилось также дорого, как и сама жизнь — ибо молоко и было жизнью. Укротить жеребца-соорни непросто, ибо они, дети демонов и лошадей, по природе дики и необузданны, и едва ли не каждого третьего из них приходилось забивать за слишком яростный нрав (когда это случалось, в племени праздник — много мяса), но все же их можно было подчинить, заставив служить человеку. По закону тот, кто оседлает кобылу-соорни; заслуживает наказания не меньшего, чем тот, кто прольет кровь брата: если не удастся оправдаться, виновника ждет изгнание — а изгнание равнозначно смерти.

И все же, несмотря на столь строгие запреты, первый из десяти всадников, что мчались к Городу Бога, восседал на кобылице. На молодой соорни, отвислое вымя которой было пусто, как прохудившийся бурдюк. Ираг ехал следом — первый среди воинов, второй после шамана… ехал и смотрел на кобылицу, которая уже никогда не даст молока, и думал о том, что это… неправильно. В этом было что-то извращенное, противоестественное — как, впрочем, и в самом шамане, носившем женскую одежду вместо мужской. Женскую, да еще и вывернутую наизнанку. Сарабад напялил на себя полдюжины платьев, а сверху набросил толстый шерстяной плащ, и оттого казался массивным, хотя все знали, что без одежды молодой шаман выглядит тощим и болезненным, с кожей неестественно-бледного цвета, как у мертвеца. Сарабад не носил оружия, если не считать оружием кривой старушечий посох с

развевающимися хвостами волос из гривы соорни. Имелось еще одно обстоятельство, отличавшее молодого шамана от девяти всадников, следовавших за ним: Сарабад здесь был единственным, к чьей спине не прижимался ребенок. Остальные воины, не исключая и Йрага, везли детей.

Именно с детьми и были связаны сомнения Йрага. Он полагал, что такие же сомнения должны испытывать и другие члены отряда, хотя после того, как все было решено и они отправились в путь, никто не высказывал свои мысли вслух и не позволял беспокойству как-либо проявляться в словах и поступках. Пятеро везли своих собственных детей, еще четверо — детей своих погибших родственников, детей, которых они воспитывали, как родных.

Хотя Йраг был ненамного старше Сарабада, Йраг считался зрелым, даже старым вождем — еще несколько лет и ему придется уступить место кому-нибудь помоложе — в то время как Сарабад был необыкновенно молод для шамана. Обычно ученичество продолжалось десятилетиями, новый шаман заступал на место предыдущего не раньше, чем учитель умирал от старости, и, заступая, уже и сам был далеко не молод.

Йраг слышал, что учитель Сарабада, старик Неринэн, говорил, что способности ученика когда-нибудь намного превзойдут его собственные, и это значило немало, потому что получить похвалу от старого хрыча было не так-то просто. Отдавая должное талантам молодого колдуна, Йраг вместе с тем никогда не любил его, еще с самого детства. Сарабад не смеялся, когда было смешно, и не горевал, когда умирали родные; он был замкнутым, отчужденным, неправильным — с самого детства неправильным. Истеричный, капризный, жестокий и мстительный — вот какими бы словами вождь охарактеризовал того, кто занял место Неринэна после того, как старик погиб в битве с Чужаками, явившимися за волшебной кровью Прародителя. В детстве Сарабад был болезненным и слабым, он совершенно не умел драться и не был похож на того, из кого в будущем мог бы вырасти мужчина. Собственно говоря, мужчиной он и не стал. Он стал шаманом, и оказалось, что его омерзительные припадки, когда он трясся, рычал и, выплевывая пену, страшно бился о землю, имеют божественное происхождение.

До последних дней со своими обязанностями он справлялся вполне сносно: исцелял людей и взбесившихся соорни, отыскивал потерянные вещи и источники с чистой водой, предупреждал о встречах с иными племенами, изгонял опасных демонов пустыни и держал в узде прирученных демонов племени. Не было оснований не доверять ему, и все же у многих возникли сомнения, когда Сарабад сказал, что Прародитель

готов пробудиться от сна и ждет семилетних детей для того, чтобы наградить их своими дарами. Был собран совет: Йраг и двое его приближенных — от воинов, жена Йрага и две ее подруги — от женщин, еще трое стариков и три старухи — от тех, в чьих головах хранится память племени, и сам Сарабад. Все остальные — мужчины, женщины, старики и дети — слушали, не имея права говорить на собрании. Сарабаду во сне явились слуги Прародителя и открыли волю Бога — но подчиняться этой воле в племени захотели не все. Жестокость Бога общеизвестна: к нему приходили и раньше, принося богатые дары, но он неизменно пожирал своих потомков. Ходили легенды о том, что будто бы существовали и те, кого он не пожрал, а, напротив, одарил — но никто этим сказкам по-настоящему не верил. Идти не хотели. Но Сарабад утверждал, что прежде Бог убивал потому, что к нему являлись, когда он не звал — а теперь он зовет, и все будет иначе. Богу не по нраву Чужаки, а они приходят на эту землю все чаще и чаще, и беспокоят Бога. Ведь Чужакам нужна его волшебная кровь. Поэтому Прародитель желает заключить союз со своими людьми: он даст им силу, а они смогут лучше, чем прежде, охранять его сон. Без помощи Прародителя им все равно не обойтись: с течением лет источников с питьевой водой становится все меньше и меньше, и племена вынуждены истреблять друг друга для того, чтобы выжить. Когда племен останется мало, сюда придут Чужаки — не один, двое или трое, как прежде, а много, очень много — и истребят всех оставшихся. Именно Чужаки виновны в том, что вода становится горькой — так же, как виновны в том, что вместо Цветущей Земли все в Курбануне стало безжизненной пустыней. Никто из племени не знал, что это такое — Цветущая Земля, но легенды гласили, что когда-то жизнь была совсем не такой, как теперь. В конце концов Сарабад убедил всех в том, что надо поступить так, как велит Бог. Он отобрал девятерых детей, от пяти до семи лет. Каждому, кто умел Видеть (а таковых в племени хватало), были ясны критерии, которыми он руководствовался при отборе: Сарабад указал на детей, чей Дар был выражен наиболее ярко. Среди прочих был указан мальчик, который, как полагали, через несколько лет должен будет стать учеником Сарабада, ибо мальчик, как и сам Сарабад когда-то, страдал болезнью шаманов. Также была выбрана одна из дочерей Йрага — Чийни, умевшая исцелять раны, не прикасаясь к ним, и управлять маленькими глупыми демонами.

Всадники скакали несколько дней, пока не достигли руин. У самого города Сарабад велел отдать ему детей, а воинам — возвращаться обратно. Он сказал, что не знает, сколько времени может занять ученичество у ног

Прародителя; когда же они получат обещанные дары Бога, то вернутся в племя сами, на крылатых соорни, которыми одарит их Прародитель. Прародитель разгневается, если обычные люди вместе с избранниками войдут в его город. Сомнения Йрага еще больше усилились, но он не мог ни в чем открыто обвинить шамана: вождь не понимал, что за игру тот затеял. Каким бы высоким ни было положение колдуна, если Сарабад вернется без детей, его убьют, и это все знали, и в первую очередь сам Сарабад. Однако он действовал уверенно и целеустремленно, и так вести себя он мог лишь в случае, если Бог и в самом деле являлся ему. Поэтому воины подчинились. Всадники вернулись в пустыню, а Сарабад, в окружении робеющих детей, вошел в разрушенный город.

На этот раз Йраг ехал последним. Он постоянно оглядывался назад. Его сердце все сильнее и сильнее терзало дурное предчувствие…

5

После обеда с Гэал Фольгорм, Идэль и Дэвид решили сразу перенестись в Холгомияр и приступить наконец к освоению магии перемещений. Идэль и Дэвид переоделись в более удобную одежду, а затем, отправив гвардейцев и слуг добираться до особняка своим ходом, прошли в покои Фольгорма. Принц открыл Путь Ветров и увлек по этой дороге племянницу и ее жениха; пока перемещались, у Дэвида возникло ощущение, что они стремительно летят где-то очень высоко над землей. Здесь все было прозрачное, чистое, будто сделанное из неосязаемого стекла — какие-то бесконечные просторы, свежесть, запах дождя, облака впереди и бездна неба над головой, туманная дымка земли где-то далеко внизу… земли не было видно — она лишь угадывалась, сокрытая легкой пеленой на самом краю восприятия. Пастельные мазки, смещение серовато-голубого тумана…

Замок возник впереди как размытая воздушная тень; еще несколько шагов по небу — и он надвинулся на них, обрел резкость, окружающее пространство потемнело, бесплотные образы Дороги Ветров стали обретать вес и плотность, превращаясь в привычные вещи… Лэйкил кен Апрей несколько раз водил своего ученика по волшебным дорогам Света, красоты Пути приводили Дэвида в восторг и трепет, но прежде он не понимал и не видел, как осуществляется само перемещение, какие движущие силы стоят за теми необычайными эффектами, которые он наблюдал на Пути. Прежде сами эффекты поглощали его внимание целиком, и ему никогда не приходила в голову мысль вызвать Око или использовать какое-нибудь заклятье — и даже если бы такая мысль и пришла, ему бы не удалось ее осуществить. Он привык колдовать внутри мира, внутри обычного пространства, но волшебная Дорога любой стихии задавала свое собственное пространство, со своими законами. Прежде он был слеп и не понимал этого, но теперь ему не нужно было вызывать Око, чтобы видеть, как течет сила — он видел это и так. Воспринимать окружающее пространство только как энергию, ему стало не сложнее, чем обычному человеку, — перевести взгляд от книги перед глазами на горы, находящиеся где-то вдалеке — зрение само без труда меняло фокусировку. Теперь он впервые видел подноготную процесса, видел, как смещается сила и какие формы она принимает, какие энергетические структуры

приводятся в действие и как все это работает, пока длится переход. Все это было сложно, но он чувствовал, что пройдет время, и он сможет постичь эту сложность и научиться управляться с нею.

В самом конце пути, когда они уже входили в замок, он уввдел, как охранная система приходит в движение, окружает их троих, соприкасается с полем Фольгорма… обмен сигналами по закрытому каналу… пульсация волшебной пряжи успокаивается, паутина пропускает их, последний шаг и вот — они уже на балконе Холгомияра, в привычном мире вещей. Дэвид фокусирует на нем взгляд — картинка, в которую можно поверить… остальная часть того, что он видит — потоки энергий, перемещение немыслимых сияний, пульсации и волны — остается в качестве фона. Пока он смотрит на картинку — картинка реальна, мир вещей свидетельствует о себе с безусловной убедительностью, но стоит ему лишь чуть сместить взгляд — и вот уже сама картинка, весь материальный мир — лишь часть чего-то большего. И отнюдь не самая важная часть.

Дэвид ощутил легкую тягучую боль в вижкаде… как будто бы заслезились глаза при резкой перемене освещения. Он знал — еще несколько секунд и все устаканится, восприятие вернется к повседневному режиму.

— Ну что ж, — сказал Фольгорм. — За столом тебе никто не поверил, но мы ведь этого и не ждали, верно?

— Угу, — Дэвид кивнул. — Признаться, вновь и вновь берут сомнения насчет осмысленности всего этого вранья…

— Они не могут знать, где именно ты врешь и в чем, а поэтому примут твою историю к сведению. Просто будут вынуждены принять. А вдруг это правда? Или частичная правда? Никто не знает…

— Это и есть правда. Почти.

— Ну вот видишь. — Фольгорм улыбнулся.

Идэль, которая смотрела куда-то вдаль, на зеленый ковер древесных крон, на облака и ленту реки — смотрела для того, чтобы, как подозревал Дэвид, побыстрее вернуть свое восприятие к нормальному режиму, обернулась к мужчинам и произнесла:

— А по-моему, обсуждать тут нечего. За столом говорили в основном мы. Точнее, Дэвид. Что гэальцы спрашивали и как смотрели… все это и вправду было вполне ожидаемо.

— А каким будет следующий ход? — спросил Дэвид.

— Наш или их? — Улыбка Фольгорма стала шире.

— А чей будет следующим? — Дэвид сделал большие глаза и абсолютно тупое, недоуменное лицо. Идэль тихо засмеялась.

Фольгорм хмыкнул и сказал что зависит от того, что считать «ходом». «Вывернулся… — иронично подумал Дэвид. — Перекидываемся словами, как мячиками».

— А что вы обычно считаете «ходом»?

Фольгорм не успел ответить — встряла Идэль:

— Сегодня мы собирались изучать волшебные дороги. Потренироваться в пикировке можно как-нибудь в другой раз.

— Как скажешь. — Фольгорм продолжал улыбаться.

— И все-таки, — сказал Дэвид уже без улыбки. — Что будет дальше?

— Дальше… — Принц помолчал. — С тобой захотят познакомиться. Будут беседы и расспросы. Не знаю, насколько ты заинтересуешь их сейчас, в преддверии сената… но рано или поздно им нужно будет как-то определяться в отношении к тебе… может быть, через несколько лет, я не знаю… и будет здорово, если к этому времени ты заработаешь хоть сколько-нибудь приличную репутацию… подружишься с кем-нибудь… кому-то понравишься… — Фольгорм неопределенно мотнул головой. — С другой стороны, активно стремиться к этому не надо. Не стоит показывать, что тебе что-то нужно от них, или что ты как-то рвешься расположить их к себе… Ты приехал издалека, но ты не знаком ни с Ксейдзаном, ни с кем-либо из Гэал… Даже если ты потомок претора, они тебе совершенно чужие люди. Не надо ничего специально придумывать, изощряться во лжи, изображать какие-то родственные чувства… откуда им взяться, сам посуди? Не лезь к ним, будь естественным. Реакция настоящего потомка претора в такой ситуации ничем не отличалась бы от твоей собственной реакции: это чужие люди, ты жил и дальше прекрасно проживешь без них. Но вот если они сами проявят к тебе интерес — тогда не замыкайся. Отвечай. Проявляй любопытство. Расспрашивай их обо всем, что хочешь. Но в первую очередь, конечно, о Хэбиаре. Ведь это та единственная ниточка, которая, по идее, связывает тебя с ними.

— Понял, — Дэвид наклонил голову, как бы благодаря принца за урок. Фольгорм вроде бы не сказал ничего оригинального, но он точно расставил акценты, и Дэвид не мог не согласиться с ним: да, именно так и следует действовать. Магии его мог научить любой, а правильно вжиться в новую роль — только дядя Идэль. Помощь Фольгорма, казалось бы, не слишком-то значительная, на самом деле была неоценимой: выживать, жить и побеждать в мире лжи, интриг и предательств — целое искусство…

— Итак… — Фольгорм посмотрел на своих учеников. — Займемся волшебными дорогами прямо сейчас, или хотите сначала отдохнуть? Что-нибудь выпить? Само собой, безалкогольное…

Дэвид встретился глазами с Идэль… та чуть передернула плечами: мне все равно, решай ты. Дэвид ощущал усталость — не столько физическую, сколько психологическую — после этого совершенно мирного семейного обеда, во время которого сгорела уйма его нервных клеток… но стоило подумать о том, какой урок им сейчас предстоит, как усталость отступила. Волшебные дороги. Эти слова таяли на языке, словно два сахарных леденца.

— Мы хочем учиться. — сообщил он Фольгорму.

Принц посмотрел на Идэль — девушка кивнула.

— Хорошо. В общем, тут нет ничего сложного. Как я уже говорил, достаточно соединить Форму, Путь, и любую Стихию. Обычно используют ту Стихию, с которой работается легче всего. Вы что выберете?

— Смерть, — не задумываясь ответила Идэль.

«Некроманточка ты моя» — с нежностью подумал Дэвид. Вслух он сказал — тоже не задумываясь, все уже давным-давно решено.

— Свет.

Идэль мельком взглянула на своего жениха. Дэвид догадывался, нет, скорее, чувством, о чем она думает, Идэль была инициирована Светом и работала с этой стихией так же хорошо, как и со Смертью… но Смерть все-таки оставалась на первом месте.

Для самого Дэвида второе место делили Жизнь и Огонь. Пришла мысль: после того, как он освоит Путь Света, надо будет испытать эту Форму в комбинации с Жизнью и Огнем. На что похожа Дорога Огня? Должно быть, это устрашающее зрелище. А Путь Жизни? Тут воображение землянина пасовало.

— Чтобы переместиться, — сказал Фодьгорм, — вы можете создать путь от начала и до конца, а можете использовать какой-либо из уже существующих путей.

На практике оба эти способа обычно комбинируются. Если дорога предстоит длинная, например в другой мир или в другой поток миров, то перемещение по такому пути может сильно истощить мага. В мире мы восстанавливаем энергию естественным путем, но попав в межреальность, теряем эту возможность. Межреальность для нас — точнее, для вас — почти пуста: там нет привычного взаимообмена энергией с окружающей средой, вам покажется, что вы только тратите, но ничего не получаете. На самом деле восстанавливать силы можно и в межреальности, но это требует определенной сноровки и мастерства, которых в ближайшие годы вы вряд ли достигнете.

— А за счет чего это вообще возможно? — спросил Дэвид. — Я имею в

виду, если мы берем энергию из мира, то чем нам поможет искусство, когда мы окажемся вне мира?

— Вам — ничем не поможет, — с легким раздражением ответил Фодьгорм, недовольный тем, что его перебили. — Вы с Идэль только-только перешли на Ильт-фар и вам еще предстоит долгий путь развития на этом уровне. Но в принципе, можно научиться забирать энергию из ригурт-хада — энергетического поля, образующего не отдельный мир, а весь поток миров в целом. Однако это сложно, требует больших усилий и высокого мастерства. Высший пилотаж, о котором вам пока и мечтать рано.

— А почему мы не можем в межреальности черпать энергию из Рунного Круга? — спросила Идэль.

— Можем, — Фольгорм скупо улыбнулся. — Можем и делаем. Но это преимущество, доступное только членам нашей семьи. А я пока знакомлю вас с общими принципами перемещений. Кроме того, поддерживать связь с Источником и брать из него силу можно только внутри нимриано-хелаэнского ригурт-хада, при переходе в другой поток Источник вам не поможет. Еще, чтобы облегчить себе жизнь, можно сделать специальный Тальдеар для перемещений. Но пока речь не об этом, а об общей базе. И перестаньте сбивать меня.

— Хорошо. — Принцесса кивнула. — Ты что-то говорил о том, что можно избежать истощения, выйдя на какой-то уже существующий путь.

— Именно. В пространстве отдельного мира свободной энергии много, ее легко получить, каналы, по которым она движется, открыты — пусть не все, но многие. В межреальности такого изобилия нет, но сила там все равно течет — от одного мира к другому — только вот движется она по закрытым каналам. В межреальности подключиться к такому каналу со стороны только для того, чтобы брать оттуда энергию — сложно, и как я уже сказал, высший пилотаж и пока не для вас. Но есть одна хитрость. Дело в том, что всякий закрытый канал, по которому течет мощь, может быть рассмотрен и описан как Путь какой-либо стихии. Со стороны брать энергию из этого канала сложно, но начиная перемещение из мира, можно войти в такой канал и следовать по нему именно как по пути движения силы. Понимаете? Эти закрытые каналы — не любые, конечно, но многие из них — и есть волшебные дороги, которые, как бесконечная паутина, охватывают все Сущее. Точнее, мы можем использовать эти каналы как волшебные дороги для себя. От мага требуется лишь создать маленькую тропку, которая позволит войти в канал и далее удерживать заклинание Пути, превращая течение энергии между мирами в путь для себя. Как я уже

сказал, годится любая стихия. Но это общее положение, а на практике вы постоянно будете сталкиваться с тем, что в какие-то места вам попасть легче — поскольку туда ведет больше энергетических путей, соответствующих вашей стихий — а куда-то очень непросто. Например, могут быть проблемы, если вы попытаетесь с помощью Пути Света переместиться в Преисподнюю или выбраться из нее. Вы можете просто не найти магистральной дороги такого типа. И в этом случае придется либо использовать другую стихию, либо создавать дорогу самому — а последнее может обессилить или даже убить вас, если путь будет слишком долгим. В общем, если вам казалось, что путешествие по мирам — это простое безопасное дело, забудьте об этом. То есть дело-то, конечно, простое, вроде разгуливания пешком по улицам города, но можно забрести в такие районы, из которых вы потом не выберетесь. Поэтому, даже когда более-менее обучитесь, не пытайтесь сразу убежать на край вселенной, осваивайте волшебные дороги потихоньку: сначала изучите ближайшие окрестности, начните в них ориентироваться, и только потом идите дальше — на периферию или в какие-нибудь другие потоки миров. Не торопитесь. Когда-нибудь дойдет время и до путешествий в другие Царства… а пока не пытайтесь прыгнуть выше головы. Вопросы?

— Сколько времени занимают такие путешествия? — спросила Идэль. — Вот, допустим, я хочу отправиться в соседний мир. Или еще куда-то. Сколько времени это отнимет?

— По-разному. Зависит от навыка. И от условий.

— Ну хотя бы приблизительно ты можешь сказать?

— Даже для короткого путешествия вам сейчас потребуются часы. Когда обучитесь… ну не знаю… минуты. Естественно, чем мир дальше, тем дольше до него добираться.

— То есть, — Дэвид сделал кислую мину, — чтобы перейти в соседний поток… скажем, на тот сателлит Терры, где я родился, — потребуется вообще черт знает сколько времени? Недели? Или месяцы даже?

— Сейчас — да, — кивнул Фольгорм. — Впрочем, сейчас ты вообще туда не доберешься, потеряешься где-нибудь по дороге…

— Я имел в виду — в принципе. Когда обучусь.

— А если в принципе, тут есть три обстоятельства. Во-первых, скорость движения зависит от скорости потока, а скорость последнего во многих случаях зависит от его величины и насыщенности. Магистральные пути между ригурт-хадами… — Фольгорм задумался. — Тебе, как человеку из технологического мира, наверное, станет понятно, что это, если я сравню такие пути с идеально ровными многополосными трассами.

Соединяют между собой какие-то далекие точки, но и скорость движения на них гораздо выше, чем на улице в городе.

— Хм. Похоже, вы… то есть ты жил на Земле.

— Нет, — Фольгорм покачал головой. — О Земле Изгнанников и ее сателлитах я только читал. Я провел пару лет на Орионе 733С.

— Тоже технологический мир? — заинтересовался Дэвид.

— Ага. В тамошней метрополии давным-давно случилась беда, в результате которой местное метамагическое поле было непоправимо повреждено. Общий потенциал системы резко упал, некоторые миры полностью вымерли. В других мирах после катастроф цивилизации оправились и снова пошли на взлет — но уже с уклоном в технику. Своеобразные миры, надо сказать. Ор733С — один из немногих, где существует какое-то подобие нормального государства. В остальных — машинные цивилизации, разумные роботы, а также самые нелепые сочетания анархии и диктата — там, где еще командуют люди. Любая более-менее сложная машина там имеет шанс выйти за пределы собственной программы, обрести самосознание и даже чувства. Так проявляется действие техногенных божеств — прелюбопытнейших да, весьма прелюбопытнейших существ. Именно они достраивают на психоэнергетическом пласте роботов, давая им некое подобие душ — конечно, очень непохожих на наши с вами… Местные жители к мистике не склонны и считают, что «оживление» роботов — это какой-то природный феномен. Пытаются всячески изучить их, оставаясь на путях строгой наукой.

Идэль кашлянула.

— Ах да, — встрепенулся Фольгорм. — Мы увлеклись. На чем мы остановились?…

— На том, сколько времени занимает переход, — сухо напомнила принцесса.

— Ага… Так вот, магистральные пути между ригурт-хадами несут вас быстрее, чем дороги внутри самого ригурт-хада, хотя между ригурт-хадами и расстояние больше… Это во-первых. Во-вторых, время, которое вы потратили на дорогу, измерить не так-то просто. Субъективно, пока вы перемещается, время идет совсем иначе, чем внутри мира. Вам может показаться, что прошло несколько часов, а когда вы возвращаетесь в мир, оказывается вдруг, что прошли дни и недели. При очень далеких путешествиях могут пройти годы.

— Ничего себе… — Дэвид приуныл.

— Да, всегда есть опасность надолго застрять где-то. Но со временем

вы научитесь выбирать такие маршруты, на которых потери времени будут минимальными. Просто будете интуитивно их чувствовать. Но так только на знакомой территории — при освоении нового пространства вы всегда рискуете пойти путем, который вас надолго задержит. Вы не будете этого знать, и по вашим личным ощущениям пройдет не так уж много времени — а время в мире, куда вы движетесь, будет лететь с бешенной скоростью. Особенно большие потери случаются у тех, кто сам создает свои пути, избегая или не имея возможности воспользоваться магистральными. Это второе обстоятельство, влияющее на время. И теперь последнее — вы можете увеличить скорость потока, который вас несет. Для этого требуются большие энергетические затраты, но это возможно. И вот поэтому за счет Рунного Круга мы, высокорожденные, можем довольно быстро освоиться с перемещениями внутри нимриано-хеллаэнского ригурт-хада. И по этой же причине пытаться самостоятельно перейти в другие потоки в ближайшие годы я вам категорически не советую. Легкость, с которой вы колдуете здесь, обманет вас и все может закончиться очень печально, когда поддержка, на которую вы привыкли рассчитывать, вдруг исчезнет.

— Ну вот… — Дэвид скривился. — А я уж размечтался… Неужели нет никаких более простых и действенных методов?

— Я предлагаю самый лучший способ.

— Да? — Усомнился землянин. — Ты правда так считаешь?… Я объясню, почему спрашиваю. Я несколько раз путешествовал с моим учителем, Лэйкилом кен Апреем. Времени на это уходило очень мало. Даже при перемещении в другой поток.

— Граф кен Апрей… — Фольгорм хмыкнул и покачал головой. — Я с ним не знаком, но смею предположить, что несмотря на то, как сильно ты изменился в Круге, он и сейчас малость посильнее тебя будет. Еще предположу, что он обычно создавал путь от своего замкового Источника, верно?

Дэвид кивнул.

— Да, это так.

— Естественно, сторонняя сила увеличивает скорость перемещения по пути.

— Ты хочешь сказать, что можно поддерживать связь с Источником Силы — я имею в виду обычный Источник — во время перемещения?

— Как правило, нет, но если путь создается от Источника, тот… ммм… скажем так, дает хороший начальный толчок.

— А как отыскать путь, который нужен? — спросила Идэль. — Как

вообще их почувствовать? По идее, если в мире полно открытых каналов, я должна эти пути ощущать постоянно. Но я ничего не чувствую.

— Естественно, — согласился Фольгорм. — Ты ведь еще не определила, что будешь чувствовать. Мысленно ты уже хочешь найти путь, но твое восприятие еще не настроено. Нужную настройку Форма и создаст. Но как все это делается, нужно показывать на практике. У вас есть еще вопросы?… Нет? Тогда давайте приступим.

Для демонстрации Фольгорм выбрал стихию Света — Идэль управляться с нею умела, а Смерти у принца в любом случае не было.

Все и в самом деле оказалось предельно просто. Как только, послушно следуя указаниям Фольгорма, они сопрягли Форму Пути и Стихию, появлялось ощущение нового направления. Как будто бы кто-то открывал в окружающем пространстве потайную дверь. Отпускали заклинание — ощущение направления гасло. Магическим зрением Дэвид видел, как энергии, захваченные Формой, обретали новый вид и порядок. Но оставалось непонятном, где в первую очередь происходили изменения — во внешнем мире или в самом маге. Дэвиду пришло на ум, что, произнося «Путь Света», он просто постулирует, что этот путь есть. И путь действительно возникает, поскольку Форма меняет его восприятие. Он начинает усматривать тот порядок, который не видел раньше, Форма показывает ему, как нужно смотреть на мир, чтобы увидеть путь. Как только он убирает заклинание, путь исчезает — нет, все его составляющие остаются на месте, просто для Дэвида они перестают собираться в единую дорогу.

Есть дорога или нет, зависело только от того, видит он ее или нет. Именно виденье какой-либо системы определяло бытие этой системы для видящего и, соответственно, возможности ее использования, без виденья самой системы не существовало, составляющие ее элементы становились частями других систем, никак между собой не связанными. Один и тот же элемент энергийного мира мог присутствовать сразу в великом множестве систем, и существование некоторых из этих систем задавало восприятие Дэвида Брендома, когда он вызывал или убирал Форму. Другие от его восприятия не зависели или зависели очень мало. „похоже, они задавались какими-то более общими законами, контролировать которые он пока не мог. А кто мог? Кто вносил в окружающий мир ту часть порядка, которая продолжала существовать вне зависимости от того, видел ее Дэвид в данный момент или нет? Чье восприятие задавало этот общий порядок? Восприятие богов? Обладающих Силой? Еще каких-нибудь совершенно неведомых существ?… Возможно, это зависело от всех понемножку…

Форма, которой оперировал Дэвид, имела три производные — собственно «Путь», а также «Дорога» и «Тропа». «Путь» мог использоваться не только для перемещений, но и как Форма, фиксирующее некое направление развития. Скажем, на родине Дэвида, когда люди с умным видом говорили что-нибудь вроде «эволюционируя, живые организмы прошли длинный путь развития от простейших до человека», слово «путь» употреблялось в иносказательном смысле. Но для Формы иносказаний нет — на магическом, энергийном пласте мира присутствуют все процессы, которые только можно вообразить, и еще множество таких, которых вообразить нельзя — присутствуют с той же очевидностью, с какой на материальном пласте присутстуют вещи. Употребив эту Форму, Дэвид действительно мог бы задать определенное направление эволюции для какого-нибудь вида живых существ. «Дорога» употреблялась обычно для обозначения уже существующих, фиксированных путей перемещения, например, магистральные трассы между мирами.

«Тропа» — это маленькая, запутанная и скрытая от посторонних глаз дорожка, которую маг создавал для каких-то своих локальных перемещений. На основе «Тропы Света» можно было составить заклинание мгновенной телепортации на несколько десятков метров, либо попытаться протянуть такую тропку к уже существующей трассе.

Кое-как освоившись с локальной телепортацией внутри мира, они сосредоточились на волшебных дорогах, которые, начинаясь в самом мире, позволяли выйти за его пределы. В первый раз вел Фольгорм. Можно было по-разному настраивать свое восприятие во время движения, и в зависимости от настройки путешественник созерцал либо внутреннее пространство самой стихии, либо, сквозь ее призму — межреальность и плывущие в бесконечности миры. Если бы речь шла о предметах, можно было бы сказать, что путешественник способен выбирать, будет ли канал, по которому он движется, более или менее прозрачным — при непрозрачном он видел переливы внутренних стенок канала, а при прозрачном — внешний мир. Однако для энергийного пласта не было «внешнего пространства» в том смысле, в котором оно существует для мира вещей. Здесь путешественник сам выбирал, каким быть внешнему миру. Если он выбирал стихию, то и все внешнее пространство становилось стихией, он и в самом деле двигался внутри нее; если же он поднимался к поверхности стихии, к общему миру, где стихии смешаны, тогда он мог сквозь призму стихии видеть межреальность и другие пути. Внутри стихии двигаться было безопаснее, поскольку со стороны такого путешественника обнаружить становилось значительно сложнее, зато

ближе к общему пространству — интереснее. Иногда на этих путях можно было встретить и других существ, но редко: для того, чтобы подобное произошло, существа должны были воспринимать реальность очень близко друг другу оставаясь в одном и том же спектре частот, а ведь если они даже использовали одну и ту же стихию, то совсем не факт, что оказались бы при этом на одной и той же волне. Одно и то же течение могли использовать самые разные существа и при этом ничего даже не подозревать друг о друге.

Межреальность представляла собой великолепное зрелище, и Дэвид, который после инициации в Рунном Круге свободно воспринимал окружающее в четырех пространственных измерениях, оценил это зрелище сполна. Миры текли, раскрашенные невообразимыми цветами, сияния и сгущения, подобно рекам из света, струились по своим маршрутам, где-то далеко горели огоньки и вихреобразные скопления огоньков — иные потоки миров, к которым можно было попасть, если пройти длинный путь по волшебным, дорогам… Здесь были какие-то кольца, подобные кольцам Сатурна, великое нагромождение сфер, которые, как призрачные тени, свободно проходили друг сквозь друга. Они втроем — учитель и два восхищенных ученика — двигались по ленте из чистого света, которая, все более истончаясь, в конце концов превращалась в тоненькую паутинку, терявшуюся где-то далеко впереди. Дэвид вспомнил дорогу из Нимриана в Кильбрен и подумал: «Мост — это просто волшебная дорога, укрепленная так, чтобы ей могли пользоваться обычные люди». Ему стало интересно: можно ли увидеть Мост оттуда, где они сейчас находились? Он повернулся и пораженно застыл на месте. Они еще не покинули полностью поле самой планеты, и Кильбрен, как исполинская сфера, закрывал теперь весь обзор. Это был водопад цветов, буря сияний, миллиард бликов, собранных в одном месте. Почувствовав, что он остановился, Идэль обернулась и тоже застыла. Фольгорм дал им несколько секунд, а затем настойчиво потянул дальше.

— Не стоит тут задерживаться, — сказал он. — Планета притягивает вас, захватывает внимание. Вы сейчас движетесь к ней. Если так пойдет дальше, просто шлепнитесь обратно.

— Подожди… — попросил Дэвид.

— Ну что еще?

— Я просто хочу понять, можно ли отсюда увидеть Мосты?

Принц окинул Кильбрен быстрым взглядом. Поднял руку, указуя куда-то.

— Вон там, видишь?!. Такие тонкие беловатые линии?… Почти

прозрачные.

Сначала Дэвид не мог понять, на что показывает высокорожденный, затем увидел. И вправду, совсем прозрачные и тонкие — как струны. На его глазах один из Мостов стал полностью прозрачным и исчез, зато через несколько секунд протянулся другой, набирая насыщенность. Той части Моста, которая соединялась с Кильбреном, не было видно, и непонятно было, куда он вел. Дэвид видел лишь кусок бледно-белой струны, ее концы таяли в пространстве. Мост начал гаснуть. Фольгорм потянул его дальше, и на этот раз Дэвид повиновался.

Через некоторое время тропка, по которой они перемещались, втянулась в более широкий путь. Когда они отдалились от исходного мира на достаточное расстояние и его поле уже не могло притянуть их к себе назад, Фольгорм дал им несколько минут, чтобы полюбоваться Кильбреном. Затем они начали учиться самостоятельному движению по волшебным дорогам. Можно было воспринимать дорогу просто как поток силы, по которому плыл гэемон, а можно было уплотнить и упростить картинку почти до обычного трехмерного мира, где по дороге в расцвеченной призрачными огнями бесконечности шел человек. Дорога в этом случае могла принять самый разный вид, можно было до определенной степени менять ее плотность и вид — в любом случае это была лишь иллюзия, зрительная и тактильная. Дэвид хотел задать дурацкий вопрос о том, куда пропадают их настоящие тела, когда они движутся по дороге, которая была всего лишь потоком силы… Он проглотил вопрос, прежде чем озвучил его. Старая память, воспитание, привычка мысли — все это никак не могло смириться с тем очевидным фактом, что никаких «тел» на самом деле никогда не было, все тела, которые он «видел», всегда существовали лишь в его сознании, на деле будучи не более чем потоками энергии, которые его сознание схватывало и собирало в образы видимого мира. Представление о материальном мире, таком устойчивом и плотном, было удобным и привычным — но это было лишь представление, и не более того.

Когда Фольгорм уверился, что его ученики вполне уяснили, как использовать поток силы для перемещения, как ускорять движение и как поворачивать обратно, он повел их на экскурсию в ближайший к Кильбрену мир — Курбанун, проходивший в нимриано-хеллаэнской классификации под номером HN-8B. Мир постепенно вырастал, заполняя все вокруг, волшебная дорога, словно тончайшая изогнутая игла, входила в самую его сердцевину. Дэвид отметил, что в метамагическом поле этой планеты больше ярких бликов и белых цветов, чем в поле Кильбрена,

эфирная «атмосфера» казалась в целом более хаотичной и бурной. Несколько раз возникало чувство, что они вот-вот утратят контроль над дорогой: течения мира искажали путь, грозились подхватить путешественников и зашвырнуть их в никуда. Фольгорм, однако, вел уверенно, показывая как лавировать среди мировых потоков силы и даже как можно использовать их слепую мощь себе на пользу. В случае возникновения настоящих проблем ничто не запрещало использовать и другие Формы для стабилизации Пути.

В конце концов, они оказались там, в сердцевине, погрузившись в океан бликов и световых водоворотов. Межреальности уже не было видно, призрачные образы, как кусочки гигантского калейдоскопа, раз за разом пытались сложиться во что-то цельное. Когда им это удалось, готовая картинка захватила внимание Дэвида и он увидел…

…увидел, что стоит на холме посреди каменистой неровной пустыни. Впереди было что-то, подобное древнему городу, занесенному пылью и песком. Сухой, резкий ветер и ослепительно-яркое солнце. По небу плыли серые облака, которые иногда-закрывали светило, и по земле вслед за облаками бежали тени. Странный мир: здесь было зябко и жарко одновременно.

Идэль и ее жених с любопытством оглядывались по сторонам. Фольгорм, чуть улыбаясь, наблюдал за их реакцией. Их восторг, удивление и восхищение, похоже, будили в нем ностальгические чувства… Возможно, вспоминал дни, когда он сам впервые по волшебному пути переместился в другой мир…

— Это наш сосед, — произнес Фольгорм, окидывая взглядом пустыню. — Катастрофа, а затем исцеление рунного Круга Церекхаймом вызвали слишком сильный дисбаланс… и HN-8 расщепился на два. Впрочем возможно, Кильбрен уже и сам потихоньку созревал собираясь разделиться, и все эти события всего лишь ускорили процесс, я не знаю… Суть в том, что это один из самых молодых миров в нашем потоке — он зарегистрирован всего лишь чуть больше трех тысяч лет тому назад.

— А как выглядит разделение миров? — спросил Дэвид.

— А никак, — засмеялся Фольгорм. — Этого никто никогда не видел. Понимаешь, ничего такого… заметного… не происходит. Люди спокойно ходят себе по межреальности, а потом — рррраз!.. Гляди-ка, новый мир. И откуда он только взялся?… Дата регистрации — это все, что у нас есть.

— Но ведь вы привязываете расщепление мира к какому-то событию. Ты сам об этом только что сказал.

— Да, привязываем, — кивнул принц. — Потому что нам так удобнее.

Но никто не сказал, что это правильно. Например, мы привязываем рождение Кильбрена примерно к тому периоду, когда в Нимриане существовало королевство Айтэль. Некоторые названия общие, язык, какие-то персоналии, сюжеты легенд… Казалось бы, мы нашли точку, когда миры были одним целым. Так? Ничего подобного! Истории разные. То, что было до разделения, похоже, но есть и отличия.

— Откуда же тогда берутся новые миры? — недоуменно спросил Дэвид. — Или ты хочешь сказать, что они где-то прячутся внутри ригурт-хада, а потом в какой-то момент вылезают явно?

Идэль засмеялась.

— Нет-нет, — Фольгорм покачал головой. — Есть и такая теория, конечно, но учитывая, что эти «спрятанные» миры до момента их появления не могут найти даже Лорды, разумно предположить, что их и вовсе нет. Куда интереснее и обоснованнее выглядит другое предположение: когда мир появляется, он сразу же создает и свое собственное прошлое.

— Как такое возможно?

— А почему нет? — вопросом на вопрос ответил принц. — Прошлое для настоящего — всего лишь набор информации. Когда мир появляется, формируется и его собственное информационное поле. Там может быть записано все что угодно. Например, что этот мир выдул из своего хобота Гигантский Розовый Слон неизмеримое количество лет тому назад. Есть и такие миры, история которых измеряется совершенно абсурдными числами — миллиард лет, два, а то и больше.

Дэвид мрачно кивнул. Насколько он помнил, согласно последней версии винландских ученых, его Земле было пятнадцать миллиардов лет или что-то около того.

— Но есть же материальные свидетельства… — Под ироническим взглядом Фольгорма он осекся. Какие, к черту материальные свидетельства, если сам материальный мир — лишь образ в воспринимающем сознании? А то, каким, будет этот образ, зависело от очень многих факторов — и не в последнюю очередь от состояния информационных полей мира. В каком-то смысле мир сам придумывал свою историю, а затем еще и заставлял всеми доступными способами своих обитателей поверить в нее.

— Но тогда получается, что установить настоящий возраст вселенной вообще невозможно, — уныло озвучил Дэвид итог своих размышлений.

— Почему невозможно? — удивился Фольгорм. — Есть же те, кто помнит, как все начиналось.

— И сколько ей лет на самом деле?

— Абсолютно точно на этот вопрос нельзя ответить, потому что в разные исторические периоды время текло по-разному. В эпоху ванов оно, по самой структуре — было одним, в эпоху Истинных Богов — другим, после Изгнания — третьим… Поэтому определить можно только приблизительно. Несколько миллионов лет. Не меньше двух, но очень вряд ли, что больше четырех.

Дэвид замолчал и надолго задумался. Надо было все это как-нибудь утрясти в голове…

— Я читала про Курбанун, — подала голос Идэль. — Он ведь очень похож на наш мир, верно?

— Конечно, — кивнул Фольгорм. — Он и должен быть похож, поскольку отделился совсем недавно. Ты не узнаешь это место? — спросил он у племянницы, показав на руины города.

Идэль, нахмурившись и напряженно сжав губы, некоторое время смотрела в указанном направлении.

— Это Геиль, — сказал Фольгорм, так и не дождавшись ответа.

Идэль медленно кивнула. Она подозревала, что ответ будет именно таким, но не могла сказать, что узнает город: нет, тут не было ничего похожего… или почти ничего. Точнее, она ничего не могла узнать: в Кильбрене то место, где они стояли, было давным-давно застроено домами Нижнего Города. Здесь же сохранились только руины Старого. Здесь, в Курбануне, так и не отстроили столицу заново, поскольку и сам Круг не был восстановлен….

— Тогда это — Эджимайзея? — Она показала на высохшее русло слева. Изломанные, неровные берега абсолютно не походили на берега реки, которая несла свои воды в Кильбрене.

Принц кивнул. Идэль недоверчиво покачала головой, но ничего не сказала.

— А Рунный Круг здесь есть? — спросил Дэвид.

— Да, — Идэль и Фольгорм ответили одновременно. Улыбаясь, посмотрели друг на друга. Идэль чуть наклонила голову, признавая первенство дядюшки.

— Точнее сказать, Круг здесь был, — произнес Фольгорм. — Но в отличие от нашего мира, его не восстановили. Более того, изначальное повреждение структуры с течением времени привело к полной дестабилизации системы. В Курбануне Круг разрушен полностью. На том месте, где он находился, возник некий беспорядочный Источник… нет, не Источник — хаотический фонтан силы. В месте, где некогда сходились все

силовые линии планеты, по-прежнему был избыток энергии, но теперь она стала совершенно неуправляемой… По крайней мере, — Фольгорм усмехнулся, — так разворачивались события, если верить информационным полям Курбануна. И рассказам местных жителей. Когда мы обнаружили этот мир, никакого, даже самого отдаленного подобия системы на месте Круга уже не было. Только беспорядочное буйство слепых сил, — Фольгорм поднял руку, указывая куда-то в направлении развалин. — Вон там. Это неблизко, но ощущается даже на таком расстоянии.

Дэвид перевел взгляд туда, куда ему предлагалось посмотреть… В обычном мире — ничего… вот только воздух над отдаленной частью развалин казался каким-то ярким, насыщенным… будто бы воздух незаметно светлел: к центру аномалии — больше, чем дальше от центра — тем меньше. Переход был очень плавным, растянувшимся, может быть, на полтора или два километра — а вполне возможно, что и больше.

Магическое восприятие показывало, что там, вдалеке, и впрямь происходит что-то странное. Невесть откуда, из разных направлений, волнами выплескивалась энергия и затем так же пропадала невесть куда. Но пропадала не полностью — часть сил выбрасывалась в окружающее пространство, в результате чего фон на расстоянии нескольких километров от Источника был чрезвычайно высок. Они стояли на самой границе аномалии, которая была слишком огромной, чтобы ее можно было заметить сразу.

— Ого!.. — сказал Дэвид. Он был заворожен.

Идэль мыслила более практично.

— Почему до сих пор никто не взял эту штуку под контроль?

— Не знаю, — Фольгорм пожал плечами. — Видимо, тут все слишком нестабильно. Нет, я уверен, эту силу освоят. Рано или поздно. Но пока умельца не нашлось.

— Не представляю, кто кроме бога мог бы с этим совладать, — пробормотал Дэвид, задирая подбородок, чтобы рассмотреть верхнюю часть аномального скопления силы. — Тут просто океан мощи… чтобы взять это под контроль, нужна сила не меньшая.

— Вот именно, — кивнул принц. — Тем, кто мог бы тут сам навести порядок, эта штука просто не нужна. А те, кому она нужна, не владеют достаточной силой, чтобы что-то сделать.

— А если подвести энергию из какого-нибудь другого места? — предложила Идэль.

— Пытались. Но есть один момент. Курбанун слишком близок к

нашему родному миру. Прокладывать канал придется через Кильбрен. Я слышал, при Джейбрине одна из хеллаэнских компаний пыталась договориться. Приор отказал. Вероятно, он рассчитывал сам заняться этим местом… когда-нибудь. Когда разгребет текущие дела. Но руки так и не дошли.

— Глупость какая-то, — Идэль передернула плечиками. — Деду не обязательно было делать все самому, он мог послать кого-нибудь с поручением тут все обустроить.

— Нет, — Фольгорм покачал головой. — Сначала нужно было перестроить Рунный Круг так, чтобы высвободить нужное количество силы. И не на один раз, а наладить постоянный канал, по которому сила могла бы переходить в Курбанун. И здесь потребовалась бы работа не одного специалиста, а многих. Короче, это был проект государственного масштаба, и у Джейбрина, к сожалению, на него времени так и не нашлось. А отдельных исследователей сюда отправляли еще раньше, при Гарабинде или даже еще при Юлианаре… нет, один человек тут ничего не сможет сделать. Слишком все масштабно. Кроме того, помимо проблемы со слишком мощными и совершенно непредсказуемыми потоками разрушенного Круга имеется еще проблема местного населения.

— Тут кто-то живет? — Идэль недоверчиво посмотрела по сторонам. Ни птиц, ни животных, ни деревьев… ни травинки. Нет даже мха. Скалы и песок. И все.

— Тут — нет, — ответил принц. — А в мире — да. Кочевники.

В глазах Идэль блеснуло понимание.

— Как мы когда-то?

Фольгорм кивнул.

— Людей очень мало, растительности почти нет… перемещаются по пустошам вместе со своими стадами и кормят их чем придется. К попыткам изучить это место они всегда относились крайне отрицательно. Для них эти руины священны.

— Я их понимаю, — прошептала принцесса.

— Я тоже, — согласился Фольгорм. — По сути, они — это мы. Те, кем мы могли бы быть, сложись все немного иначе. Но это не отменяет того факта, что они изо всех сил мешают спокойному и всестороннему изучению этого места.

— А их не пытались инициировать в нашем Круге?

— Пытались. Неудачно. Наш Круг реагирует на них так же, как на любых посторонних. — Фольгорм мельком посмотрел на Дэвида. Одно исключение — посторонний, на которого Кильбренийский Источник

отреагировал не так, как должен был, — находилось у него перед глазами.

— А почему они вообще представляют проблему? — спросила принцесса. — По идее, они должны быть обычными дикарями. Или нет?

— Да, это дикари. Но вот только не совсем обычные дикари. Искажение планетарного метамагического поля отразилось и на энергетике отдельных существ. Большинство погибло, те, кто сумели выжить — изменились. У местных больше половины новорожденных не доживают и до года — даже не столько из-за условий и качества пищи, сколько из-за врожденных дефектов гэемона. Те, кто выживает, приучаются иначе принимать и отдавать энергию… не так, как свойственно обычным людям. По сути, это уже и не люди вовсе. Это раса, которая предположительно когда-то была человеческой, но которая со временем все больше и больше демонизируется… в соответствии с местными условиями, конечно. Обычным демонам тут тоже не очень комфортно. Слишком резкие перепады силы. То ее очень много-то нет вообще. Нужно иметь весьма специфическое строение эфирного тела, чтобы тут выжить…

— Интересно, что это там происходит? — спросил Дэвид, показывая в сторону руин.

* * *

Йраг расстался со своими товарищами, приказав им продолжать путь без него. Воины не хотели отпускать вождя, но он поклялся, что не войдет в Город Бога — просто будет ждать за его чертой столько, сколько потребуется. Тогда воины захотели остаться с ним, ведь они беспокоились о детях не меньше, но Йраг отослал их. Он собирался нарушить клятву, потому что любил Чийни и знал, что остальные слишком суеверны, чтобы преступить запрет Прародителя, донесенный до них Сарабадом. Кроме того, нельзя было исключать, что шаман все-таки сказал правду. Если так, то, когда вождь войдет в Город Бога, разгневанный Прародитель заберет только его собственную жизнь. Дурные предчувствия терзали Йрага, и он был готов рискнуть своей жизнью, но не хотел рисковать жизнями людей, с которыми вырос, — даже если бы они смогли преодолеть страх и войти в город вслед за ним.

Йраг возвращался к руинам, продвигаясь на юго-запад и опасаясь, что потерял слишком много времени. Его черный соорни был измучен и требовал отдыха: день клонился к вечеру, а с самого утра они останавливались лишь раз, у города, когда отдавали детей Сарабаду.

Наконец с гребня песчаного холма Йраг увидел руины. Бестелесный Прародитель казался пожаром, рвущимся из сердцевины города к небесам

— однако узреть этот пожар мог лишь тот, кто умел Видеть. Йраг погнал соорни к городу. Повсюду сновали демоны, но он не обращал на них внимания. Он оставил жеребца у самой границы — там, где еще не было пламени Прародителя, но уже ощущалась его теплота. Одна из легенд гласила, что сам Прародитель незрим даже для тех, кто умеет Видеть, и сияние в руинах — не он сам, но его кровь, хлещущая из раны, которую давным-давно оставили самые первые из Чужаков. Оружие Чужаков было отравлено, и поэтому Прародитель сначала сошел с ума и разрушил весь мир, а затем погрузился в тяжелый сон, и продолжал спать, пока все вокруг медленно приходило в упадок. Чужаки ранили Бога для того, чтобы, напиться его крови, и доверять им ни в коем случае было нельзя. Позже они не раз приходили с дарами и фальшивыми предложениями мира, но всякий раз их цель оставалась все той же: они жаждали крови и силы Прародителя. Поэтому Чужаков всегда убивали, и их лживые речи и красивые побрякушки не помогали им. Ведь побрякушки можно снять и с мертвого тела, а лживые речи никому не нужны.

Йраг крался среди руин по следам Сарабада и девятерых детей. Тепло Прародителя становилось все ощутимее. Рано или поздно это тепло станет огнем, от которого нет спасения, ибо топливом для этого огня служит сама душа.

Йраг знал, что пламя Прародителя горит по-разному в разное время. Иногда оно сильнее, иногда стихает. Никто, кроме шаманов, не знал от чего зависит и каким будет незримое пламя в тот или иной час. Шаманы тоже этого не знали, но, погружаясь в колдовской сон, могли соприкасаться со снами Прародителя и узнавать их содержание. Если Прародителю снились кошмары, он ворочался во сне, края его раны расходились и тогда пламя становилось сильнее. Если же сны Прародителя (а значит, и шамана, подглядевшего их) оказывались пусты, пламя слабело. Йраг был в окрестностях города Бога несколько раз, и знал, насколько яростным может быть пламя. Сейчас же, похоже, Прародителю вообще ничего не снилось… Интересно, долго ли продлится затишье? Неужели шаман не солгал?…

Он увидел Сарабада на площади, на фоне исполинской огненной колонны спящего Бога. Прародитель был так близко и сиял так ослепительно, что Йраг не мог уже определить, видит ли он его тем зрением, которое позволяет созерцать демонов и духов, или же облик Прародителя стал доступен и для телесных глаз. Прародитель пока бездействовал. Сарабад начертал странный рисунок и расположил детей по периметру большого круга, внутри маленьких кругов. Все дети, были без

сознания — а может быть, просто спали. Сарабад стоял в центре и читал какие-то заклинания. Но так продолжалось недолго. Йраг сидел в своем укрытии очень тихо, но что-то выдало его. Вероятно, некоторые из мелких демонов, которых тут витало великое множество, служили шаману. Либо он мог видеть сквозь стены и даже испарения от огненной крови Прародителя не становились для него преградой. Во всяком случае, закончив одно из своих заклинаний, он вдруг остановился и посмотрел туда, где сидел Йраг. Шаман вытянул свой посох, и хвосты из гривы соорни затрепетали, как от сильного ветра. Затем хвосты превратились в змей, которые метнулись к убежищу Йрага, и у последнего уже не осталось никаких сомнений, что он обнаружен. Хотя змеи были не из плоти, Йраг успел убить одну и ранить еще нескольких, прежде чем остальные оплели его и впрыснули яд. Вождь почувствовал, что обездвижен.

Потом он услышал шаги. Сарабад подошел поближе, чтобы насладиться унижением соперника.

— Зачем ты вернулся? — презрительно спросил он.

Йраг был уверен, что ответ на этот вопрос шамана не интересует, и вместо ответа спросил сам:

— Зачем ты солгал?

— Ты умнее остальных, — сказал Сарабад. — Понял, что что-то не так. Но недостаточно умен, чтобы понять: иногда лучше оставаться дураком.

— Прародитель не говорил с тобой. — Скованный заклятьем, вождь не спрашивал, а утверждал.

Молодой шаман кивнул.

— Верно. Прародитель вообще не способен говорить. Это слепой и безмозглый Бог, а возможно, еще и давным-давно сдохший. Однако в его гниющем теле живут черви, и эти черви — демоны. С некоторыми из них можно договориться.

— Ты хочешь отдать им наших детей.

— Этот мир умирает, но есть и другие. Демоны рассказали мне о них. Если напиться крови Прародителя, можно приобрести огромное могущество, и тогда даже преграды между мирами перестанут иметь какое-либо значение. Не зря же этой крови желают Чужаки. Но взять кровь не просто, потому что она обжигает сильнее любого огня. Она столь горяча, что топливом для нее служит душа. И вот поэтому перед тем, как пить эту кровь, следует преобразовать душу. Я использую девять обычных душ для того, чтобы накормить ими демонов, а взамен они преобразуют мою так, как я желаю.

Йраг рванулся, силясь освободиться от спеленавших его змей, но шаман ударил его своим посохом — дерево прошло сквозь плечо, словно это был не посох, а острейшее копье. Йраг ощутил страшную боль и проклял предателя. Сарабад лишь рассмеялся в ответ.

— Не беспокойся. Я дам нашим людям то, чего никогда не сможешь дать ты. Всего лишь девять детей — крошечная жертва. Получив могущество Бога, я смогу приходить в миры Чужаков так же свободно, как они приходят в наш. Я покорю эти миры и дам людям из нашего племени земли, где будут реки из молока и озера из чистой, сладкой воды без малейшего привкуса горечи. Я поведу их в Цветущие Земли, а они будут славить меня, как подлинного Бога и истинного наследника Прародителя. Возможно, я даже тебе позволю себя славить. Если, конечно, ты выживешь, когда Прародитель проснется.

Не желая надеяться только на чары, шаман связал Йрага его

собственным поясом, и посадил так, чтобы тот видел площадь. Когда сила Прародителя затопит все вокруг, парализующие чары падут, и следом начнет распадаться душа Йрага. Но некоторое время вождь еще сможет видеть и понимать, что происходит. Сарабад хотел, чтобы тот стал свидетелем его триумфа. Шаман вернулся в центр площади и продолжил творить свое мерзкое колдовство. Йраг ничего не мог сделать. Некоторые демоны подлетали поближе и лизали его рану. Другие как будто бы не замечали связанного человека. Они насмешливо фыркали, когда Йраг просил их помочь ему освободиться. У него не было ничего по-настоящему ценного, чем можно было бы заплатить за их помощь, и демоны об этом прекрасно знали.

Прошло около часа, и Прародитель стал пробуждаться. Это было ужасно. Сила истекала от него, раз за разом обрушиваясь на город. Может быть, Прародитель был слепым и безмозглым — все так, как говорил этот проклятый шаман, но в его божественности Йраг ничуть не сомневался. Такая сверхъестественная мощь не может принадлежать никому, кроме Бога.

Кровь Бога кипела в воздухе, и Йраг ощущал обжигающее дыхание смерти на своем лице… Согласно поверьям обитателей пустыни, смерть дышит не холодом, а огнем, а глаза ее светят так же безжалостно, как солнце в зените в безветренный день.

Шаман убил детей — всех, одного за другим. Йраг проклял его еще раз, но крика вождя никто, кроме него самого, похоже, так и не услышал. Большая часть демонов сбежала, напуганная ревом Прародителя. Но некоторые остались, и еще девять — пришли. Это были необычные демоны, сильные и алчные. Они соединялись с шаманом после каждого нового убийства. Каждый демон соответствовал какой-то способности или свойству, а их комбинация имела особую силу. Йраг стал опасаться, что предатель добьется успеха в своем безумном замысле. Огненная кровь Бога врывалась в волшебный круг через девять воронок, которыми стали души девяти детей. Сарабад, десятиголовый, жадно пил ее девятью ртами соединившихся с ним демонов, а человеческим ртом — хрипел и смеялся. Потом он перестал издавать звуки. Он рос на глазах и уже не напоминал человека. Он превратился в невообразимое чудовище, в десять раз превосходящее ростом любого смертного. Внешне он выглядел как тень девятиголовой змеи, от тела которой отходили сотни тоненьких извивающихся отростков. Эти отростки появлялись и исчезали, они более всего напоминали молнии черных и темно-лиловых цветов. Змеиные головы дышали смрадом, в котором соединялись пламя и тьма.

Сила Прародителя давно размыла чары, которыми был опутан Йраг, но он не мог пошевелиться — и не только из-за ремня, стягивавшего его руки и ноги. Вид Сарабада был устрашающ, Йраг не мог оторвать от него глаз. Сарабад превратился в демона — самого могучего и жуткого из всех демонов, которых Йраг когда-либо видел. Он хотел контролировать силу Прародителя, но просчитался. Он явно утратил человеческий разум. Он бесновался и корчился в воздухе, пока трансформаций завершалась. Потом сила Прародителя отхлынула, все как будто затихло… Йрага мутило, но как ни странно, он был все еще жив — возможно, Сарабад выпил ту силу, излишек которой в иных условиях стал бы для вождя смертелен. Темный змей распрямлял в воздухе свои кольца. Казалось, что-то привлекло его внимание. Йраг проследил за его взглядом…

Трое Чужаков. Наверху полуразрушенного дома. Сначала Йраг не поверил своим глазам, а потом понял, что так и должно быть. Чужаки услышали чванливые речи Сарабада и пришли, чтобы покарать его за дерзость… Они, все поголовно, были убийцами, злодеями и лжецами, однако явно не желали, чтобы кто-то получил силу, позволяющую так же свободно входить в их владения, как они сами входили во владения людей.

Очевидно, Сарабад, несмотря на безумие, также ощутил угрозу, потому что напал на пришельцев, не задумываясь. Йраг заколебался, не зная, кому он желает смерти больше. С одной стороны, он хотел, чтобы Чужаки поплатились за все преступления, которые они совершили на его земле. С другой, вождь не желал, чтобы шаман прожил хотя бы один день, наслаждаясь могуществом, купленным ценой жизни девяти детей, в числе которых была и его дочь Чийни.

Поэтому он рассудил, что самое лучшее, что может быть, — если Сарабад и чужаки уничтожат друг друга здесь и сейчас, и мысленно попросил Прародителя поспособствовать такому исходу. Вдруг Бог вовсе не так слеп и безмозгл, каким кажется на первый взгляд?

6

…Источник активизировался и стал выбрасывать в окружающее пространство чудовищные сгустки силы. Хаотическое движение потоков энергии внутри аномальной зоны, окружавшей город, ускорилось, интенсивность разнонаправленных пульсаций возросла… Воздух запылал уже и в обычном мире — феерическое зрелище: словно пятьдесят северных сияний кто-то скомкал и собрал в одном месте. Во всем этом еще не было ничего странного; просто красиво. Фольгорм сказал, что местный Источник ведет себя так каждый раз, когда просыпается. Странности начались позже. Что-то необычное происходило среди руин. Структура аномальной зоны была текучей, нестабильной — она постоянно разрушалась и создавалась вновь, уже в ином виде. Внутри нее были свои островки спокойствия, которые могли просуществовать достаточно долго, но чем интенсивнее Источник излучал мощь, тем быстрее эти островки разрушались. Это было естественно. Неестественным было то, что один из островков стабильности не только не пропадал, но постепенно расширялся, включая в себя все больше и больше, потоков. Аномалия внутри аномалии. Внутри города будто бы образовался еще один центр силы — вот только, в отличие от Источника, он не излучал силу, а поглощал ее. Гигантская воронка… нет, не одна — несколько воронок, расположенных под разными углами — их «хоботки» сходились к какому-то, невидимому для Идэль, Фольгорма и Дэвида, центру.

Когда активность Источника начала идти на спад, они сунулись в руины — в самом деле, надо же было посмотреть, что там внутри. Фольгорм пытался было заикнуться о том, что прогуляться он может и в одиночку, а ученикам лучше остаться снаружи — но реакция племянницы и ее жениха была такой, что принц только рукой махнул, справедливо рассудив: пока они будут спорить, все самое интересное может уже и исчезнуть. Источник стихал, и таинственная система из девяти воронок гасла вместе с ним.

Прямой опасности они не ощущали и поэтому просто телепортировались в город. Проложить Тропу в зону, изобилующую сгустками концентрированной силы, было непросто, и поэтому, пока перемещались, внимание всех троих больше занимал сам межпространственный канал, а не то, что их ждет на другом конце пути.

Они появились на крыше полуразрушенного дома… «крышей» этому дому служил в данный момент почти полностью сохранивший пол третьего этажа — при том, что сам третий этаж и все, что находилось выше, было сметено практически вчистую. В общем, стояли на почти целой крыше двухэтажного дома и видели внизу площадь с небольшим пятачком, очищенным от мусора. Все сразу стало ясно. Аномалия внутри аномалии имела искусственное происхождение. В общем-то, могли бы и сами догадаться. Стоило ли сюда лезть?…

«Нет, не стоило…» — подумал Дэвид, когда жуткая девятиглавая змея, разворачивая свои кольца, вознеслась над ними. Пора было уходить, причем немедленно. Одного взгляда, брошенного вниз, хватило, чтобы понять, что тут произошло.

Вокруг змеи — девять трупов и грубый рисунок в пыли. Кто-то только что создал чудовище. Создал… из себя самого.

Дэвид изучал демонологию в Академии, но на первом курсе процесса создания терафимов они касались лишь теоретически, в самых общих чертах. Суть ритуала была в том, что для преобразования своей природы заклинатель обращался за помощью к демонам, воплощавшим в себе требуемые ему качества. Используя их энергии и прибавляя к ним свою собственную, человеческую составляющую, заклинатель ставил своей целью создать из «ингредиентов» — число которых могло быть различным — совершенно новое существо. По идее, по завершении обряда демоны должны были уйти, а сообщенные ими качества — остаться, став частью новой сущности, которую получала в свое распоряжение кайи преображенного человека. Но это по идее. На деле же провести ритуал без негативных для себя последствий было дьявольски сложно. Следовало подбирать демонов не абы как, а так, чтобы получавшееся в итоге существо по важным внутренним характеристикам соответствовало человеку, чье сознание планировалось в это существо переселить. Человек здесь был лишь одной из деталей головоломки, и остальные детали следовало подбирать так, чтобы собранная головоломка в итоге походила на одну из своих деталей. Задача трудновыполнимая и всегда связанная с огромным риском, потому что не существовало никаких гарантированных формул трансформации: внутренний мир каждого человека сугубо индивидуален и каждому требуется его собственная, уникальная формула преображения.

Дэвид совсем не был уверен, что хоть кому-то удалось провести эту процедуру «вчистую», совсем без негативных последствий. В лучшем случае внутренний мир человека менялся, и довольно сильно. Куда чаще

происходили настолько значительные изменения, что преображенное существо уже невозможней было отнести к людям. Его реакции, поведение, ценности — они были уже совсем иными. Более соответствующим демонам, а не людям.

Они попытались создать Тропу, которая могла бы увести их обратно, переместиться за пределы города, но внутри аномальной зоны сделать это было непросто, и они замешкались — всего лишь на секунду или две — увы, терафиму хватило этого времени, чтобы заметить их. На саму Тропу они еще сумели вступить, а вот уйти по ней — уже нет. С точки зрения обычного человека перемещающийся по волшебной дороге просто исчезает в одном месте и затем появляется в другом, но терафим, конечно, видел не только мир вещей. В мире энергий перемещающийся никуда не исчезает — он просто меняет способ существования, с тем, чтобы через короткое время снова вернуться в человеческую реальность.

Демон ударил, и энергетическая линия Тропы скорчилась, как пьяный удав в пароксизме страсти. У Фольгорма достало сил, чтобы не дать дороге развалиться на части, но удержать на ней не только себя, но и своих спутников, он не сумел, а Дэвид и Идэль, только сегодня начавшие осваивать магию перемещений, не знали, как правильно вести себя в такой ситуации и к чему прилагать свои усилия. Возможно, если бы им дали время подумать и оценить обстановку, они приняли бы верное решение, но тут нужно было реагировать, подумать времени не оставалось. Всех троих растащило по сторонам. Головокружение… кувыркание среди потоков энергии… попытки хоть за что-то зацепиться… Точь-в-точь ощущения лыжника на скоростном спуске, потерявшего равновесие и летящего вниз по склону. К счастью, они не успели далеко уйти, и поэтому падать пришлось недолго. Как только появилась возможность, Дэвид вышел в обычный мир — так ему было удобнее действовать. Рухнул вниз с двухметровой высоты где-то среди руин, за пару кварталов от площади. Вскочил на ноги. Попытался сориентироваться. Телесными глазами ни Идэль, ни Фольгорма он не видел, и даже громадную девятиголовую змею закрывало какое-то здание, но вижкад исправно воспринимал всех троих — нужно была только не обращать внимание на стихийный хаос в зоне Источника и как-то соотнести данные, получаемые через магическое восприятие, с восприятием обычным… Фольгорм — где-то впереди и слева, отражает атаки терафима, Идэль — еще дальше, за ними. Дэвид побежал вперед. Возникло искушение создать магический путь, чтобы оказаться на месте мгновенно, но он заставил себя отказаться от этой мысли. Он еще недостаточно хорошо освоился с этим волшебством, чтобы

полагаться на него.

Подбегая к площади, краем глаза он заметил связанного человека среди камней, но не стал задерживаться — не до того. Терафим стал еще больше. К самому Источнику он по-прежнему прикоснуться не мог, но зато с успехом вытягивал энергию из окружающего пространства, благо в аномальной зоне ее хватало с избытком. Похоже, он собирался жрать, жрать и жрать — до тех пор, пока не лопнет. Дэвиду вспомнился зачет по демонологии:

«Будьте добры, господин Брендом, перечислите нам признаки неудачно созданного терафима».

«Первый признак, господин кен Муар — безудержная алчность…»

Курбанунский создатель терафима зачета по демонологии явно не сдавал. Зато оказался достаточно талантлив, чтобы создать опасную и мощную тварь.

Большая часть змеиных голов сосредоточилась на Фольгорме. Высокорожденный защищался. Дэвид не мог понять, кто побеждает: пространство между сражающимися просто кипело от обилия энергий. Демон использовал дикую мешанину из Форм, тотемных атрибутов и грубых набросков заклинаний, похожих на классическую магию не больше чем детский рисунок на картину профессионального художника. Нелепое сочетание, но энергии терафиму хватало, чтобы в своем пространстве навязывать миру свои правила, и в итоге все это, как ни странно, работало. Фольгорм, как и любой нормальный маг, полагался на Формы и подвески — все как обычно. Вижкад показал Дэвиду, что Идэль со своей стороны также приблизилась к площади. Одна из голов метнулась к ней, но натолкнулась на встречный удар. Дэвид не понял точно, что за заклинание применила принцесса, понял только, что сил на него она не пожалела. Вызванная в мир Смерть вспыхнула и расцвела — словно взрыв бомбы при замедленном просмотре. Змеиная голова оказалась серьезно повреждена, но к Идэль метнулись еще две.

У Дэвида не было подвесок — Источник смыл все старые, а новые с тех пор землянин собрать так и не удосужился. Беспечность всегда выходит боком. К счастью, Формы по-прежнему были при нем, и подготавливать их не требовалось. Брендом метнул в гадину Молниевый Клинок из Огненного Света, насытив заклинание силой до предела… Точнее, хотел метнуть. Вызванные энергии вышли из-под контроля. Силы было много, просто неестественно много, и он не мог ее удержать. Недосотворенное заклинание ударило по нему же — у Дэвида возникло чувство, что он стоит в центре порохового склада, куда сам же бросил горящую спичку.

Все завертелось. Гром оглушил его, ударная волна смяла и отшвырнула назад — и если бы не поле амулета, которое, прежде чем иссякнуть, сумело поглотить часть выплеснувшейся энергии — история молодого волшебника на этом эпизоде, вероятнее всего, и закончилась бы.

Одна из голов терафима дернулась было к новому противнику, но, заметив, что он едва не угробил себя собственным же заклинанием, перестала обращать на него внимание, сконцентрировавшись на более опасных целях.

Поскольку часть голов отвлеклась на Идэль, натиск на Фольгорма ослаб, и принц, до сих пор вынужденный заниматься одной только защитой, смог наконец и сам нанести удар. Призванные им Сияющие Ветра задули с ураганной силой, отбрасывая назад жгуты и темные молнии терафима. Тому, кто оперирует Воздухом или Водой, сложнее нанести прямой вред врагу, чем магу, инициированному Огнем, Льдом или Смертью, однако воздушному или водному магу намного легче создать на поле боя выгодные для себя условия, потому что в самом движении энергетических потоков есть нечто, что роднит их с воздушными или морскими течениями. Контроль терафима над окружающим пространством медленно, но верно, умалялся, а власть Фольгорма возрастала. Демон попытался огрызнуться, выплюнув сгусток ядовитой тьмы — Фольгорм отвел заклинание. Темнота растеклась по соседнему кварталу, а дом, в который в который попал сгусток, испарился. Идэль в это время прикончила еще одну голову и худо-бедно защищалась от второй: коконы, окружавшие принцессу, хотя и были повреждены, еще держались. В руках Фольгорма возникло подобие сверкающего алмазного копья. В этой штуке, созданной на базе Света и усиленной разгонявшими и направлявшими копье ветрами, содержалось порядка тридцати Форм и такой объем мощи, что хватило бы даже обожравшемуся терафиму — если бы только копье достигло цели. Демон, оценив опасность, сумел перехватить его на полпути — ценой трех своих голов. Четыре оставшиеся решили, что пора менять стратегию и сосредоточилсь на обороне. Ситуация изменилась — теперь нападали Фольгорм и Идэль, а тварь защищалась. Нужно было добить его поскорее, пока поврежденные головы не восстановились, что чародеями с успехом и было осуществлено. Демон огрызался еще минуту или две — все-таки, он был очень силен. Будь он при этом немного искуснее, все могло бы сложиться и по другому…

Магическая битва основательно перелопатила площадь. Рухнуло несколько зданий, но та сторона, где находился Дэвид, не пострадала. Когда с терафимом было покончено, Идэль и Фольгорм перелетели через

площадь и опустились рядом с землянином, который по-прежнему пребывал без сознания. Связанный кочевник, лежавший неподалеку, интереса у кильбренийцев не вызвал.

— Он всегда такой неуклюжий? — раздраженно скривился Фольгорм, накладывая исцеляющее заклинание на землянина.

Идэль ощутила неловкость.

— Обычно все-таки нет…

Фольгорм покачал головой и занялся выправлением узлов гэемона — от неудавшегося заклинания пострадало прежде всего энергетическое поле землянина, а тело, если не считая ушибов, ссадин и пары сломанных костей было почти в порядке.

Дэвид открыл глаза. Сознание еще мутилось, но потихоньку все приходило в норму.

— Чему тебя только учили в Академии… — проворчал Фольгорм. Забыл сбалансировать заклинание, что ли?

Дэвид с трудом сел. Решил не обращать внимания на снисходительные нотки в голосе принца. Объяснил:

— Не рассчитал усилия. Не думал, что будет столько энергии…

— У кого? — недоуменно спросил Фольгорм.

— У меня.

— Дэвид, — вмешалась Идэль, — не нужно пытаться зачерпнуть из Рунного Круга по максимуму до тех пор, пока ты не освоился…

— Я ничего не черпал, — перебил ее Дэвид.

Принцесса и Фольгорм переглянулись.

— Ты хочешь сказать, что устроил этот фейерверк собственными силами? — Фольгорм насмешливо прищурился. — Я видел силу всплеска. Сам ты на такое не способен.

— Я же прошел посвящение…

— С Источником — да, способен. Без него — нет.

— Я колдовал сам по себе, как привык.

— Не верю.

Дэвид пожал плечами.

— Ладно, разберемся с этим позже, — решил принц. — Пойдемте.

— Подождите минутку.

Дэвид вытащил меч и направился к лежащему человеку.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Фольгорм…

— Освободить его.

— Делать нечего, что ли… — пробормотал принц.

— Он вообще очень добрый, — тихо сообщила Идэль.

— Неестественно добрый. Он что, служит какому-то богу?

— Я пока не разобралась, но, кажется, нет. По крайней мере, сам он уверен, что не служит.

Кочевник напряженно следил за приближающимся человеком. Как только Дэвид подошел поближе, резко выбросил вперед и вверх связанные ноги. Он метил в пах, Дэвид едва успел — рефлекторно, не думая — подставить бедро. Отшатнулся назад. Связанный продолжал внимательно наблюдать за ним. В черных глазах не было ничего кроме ненависти и готовности как можно дороже продать свою жизнь.

— Они не любят чужих, — прокричал принц.

Дэвид спеленал лежащего Воздушной Паутиной и разрезал ремни. Отошел от человека, снял Паутину. Кочевник осторожно поднялся. Он явно ожидал какой-нибудь подлости. Правая рука — на бедре, рядом с рукоятью длинного ножа.

— Да уж, культурное взаимопонимание просто налицо, — насмешливо прокомментировал Фольгорм.

По волшебной дороге, сотворенной принцем, они покинули Курбанун. Несколько минут в межреальности — и Кильбрен надвинулся на них: громада соцветий и бездна сияний. В нормальную реальность они вышли на каком-то холме. Прищурившись, Идэль огляделась. Место выглядело знакомым… Да, она уже была здесь — давно, еще до поездки в Нимриан. Это владения Фольгорма. А на востоке, если пересечь поле, лес, а затем реку, должен располагаться Холгомияр.

— Зачем мы тут? — спросил Дэвид.

— Хочу кое-что понять. — Принц посмотрел на Идэль и сказал:

— Поставь защиту. Нет, не на нас, только на себя. А ты, — это уже Дэвиду, — создай какое-нибудь заклинание.

— Какое?

— Любое. — Фольгорм также окружил себя защитным коконом. — Шар огня, например. Что-нибудь боевое и помощнее.

— Формами или классикой?

— Чем ты пользовался в руинах, когда чуть себя не угробил? Формами? Ну значит, ими…

Зная, насколько обманчивым стало чувство баланса, Дэвид подходил к балансировке заклинания с максимальной осторожностью. Заклинание создалось легко, даже слишком… он едва удержался, чтобы опять не перенасытить конструкцию силой, но все-таки сумел сохранить контроль. Истекающая жаром Сфера Огня повисла над ладонью.

— Нет-нет, — Фольгорм покачал головой. — Сейчас спокойная

обстановка и ты слишком аккуратен… Расслабься. Просто создай самое мощное заклинание, на которое только способен. И не держи его, а метни… ну скажем, вон туда… — Принц показал в сторону соседнего холмика. — И не обращайся к Источнику. Сделай максимум того, на что способен сам.

— Да я и не обращался… — пробормотал Дэвид, гася Сферу.

На лице Идэль отразилось удивление. Фольгорм быстро сотворил еще одно заклинание, накрывшее на этот раз не его одного, а всех троих. Плетение было довольно сложным и проведено с поразительной для такой сложности быстротой — не разобравшись в деталях, Дэвид понял лишь, что общее предназначение заклинания — поглотить взрывную энергию его собственных чар, в случае если из-за переизбытка силы ему опять не удастся сохранить контроль. Похоже, Фольгорма по-настоящему встревожила его неспособность удерживать баланс, и эта обеспокоенность передалась и Дэвиду. Значит, это не просто дезориентация, вызванная стремительным переходом Дара на Ильт-фар? Все серьезнее? Нарушено что-то в гэемоне?…

Он не стал гадать — просто сделал то, что его просили. По максимуму — так по максимуму. Он был морально готов к тому, что энергии выплеснется в разы больше ожидаемого… и ошибся, потому что на деле ее оказалось еще больше. Правда, он был готов к тому, что обманется в своих ожиданиях и опять не сумеет удержать контроль — и, вероятно, именно поэтому каким-то чудом удержать его все-таки сумел. Он просто сделал все так, как нужно было делать, несмотря на накатывающую панику. Несмотря на страх, не думая о том, что через мгновение он будет смят вызванной мощью, Дэвид закончил заклинание и бросил его в сторону холма… Океан так и не обрушился на него. Мощь, способная с легкостью разорвать гэемон человека, прошла сквозь Дэвида, мимо него — и ему, тяжело дыша и вздрагивая от переизбытка адреналина, оставалось только смотреть, как что-то огромное, похожее на огненную комету, по дуге стремительно пересекает пространство между двумя холмами и врезается в землю. Грянул взрыв, фонтан пламени и плазмы, в которую превратилась земля, рванулся вверх, огонь растекся волной… Идэль и Фольгорм, действуя почти синхронно, окружили их собственный холм двумя силовыми куполами — в следующую секунду огненная волна, преодолев те двести метров, что разделяли холмы, докатилась до них и пошла дальше. Потом пламя стихло, влажный ветер, сотворенный Фольгормом, отчасти разогнал, отчасти — прибил к земле дым, и стало видно, что стоят они на зеленом холме (под силовыми куполами трава сохранилась в полном

порядке) посреди выжженной равнины. От холма, куда Дэвид зафитилил свою огненную комету, мало что осталось: земля и камни там частью испарились, частью превратились в лаву и растеклись. Все вокруг дымилось, тлело и воняло горелым.

— М-да… — вздохнул Фольгорм, созерцая разгром. Затем, соединив Воду и Воздух, организовал над полем небольшой дождик. Идэль из Воздуха же соорудила невидимый зонтик над местом, где они стояли, чтобы не промокнуть.

— Я же просил: к Источнику — не обращаться, — с упреком произнес Фольгорм.

— Я и не обращался. — Дэвид пожал плечами.

— Ну конечно…

— Ты не мог сделать это сам, — сказала Идэль. — Ты сильно изменился после Рунного Круга, но… не настолько. Достаточно просто на твой гэемон посмотреть, чтобы понять, что ты на такое не способен.

Дэвид недоуменно развел руками.

— Ладно, — Фольгорм кашлянул. — Давай еще разок. Вон видишь еще один холмик?…

— Который в километре отсюда? — Дэвид прищурился.

— Ага. По нему, на полную, тем же заклинанием. Только уже вместе с Источником. Нет! Не прямо сейчас!.. Только после того, как мы поставим хорошую защиту…

— Честно говоря, я не понимаю, как это «вместе с Источником», — признался Дэвид. — То есть я знаю, что вы можете черпать энергию из Рунного Круга — Идэль рассказывала, но как вы это делаете, мне никто не объяснял. Может, расскажете заодно?

Фольгорм и Идэль быстро переглянулись. Выражение их лиц Дэвиду не понравилось. Ну что, он опять что-то не то сказал?…

— Подожди-подожди, — Идэль внимательно посмотрела на своего жениха. — Ты что, хочешь сказать, что не чувствуешь его?

— Кого «его»?

— Источник!

— Не знаю, — Дэвид смутился. — Я много чего нового чувствую с тех пор, как прошел Круг… Я еще не до конца разобрался с тем, что к чему относится.

Идэль и Фольгорм опять переглянулись.

— Это правда? — спросил Фольгорм. — Что?

— То, что ты только что сказал.

Дэвид разозлился:

— Кажется, я еще не давал вам оснований подозревать меня во лжи.

— Может быть, у тебя специфические чувство юмора, откуда мне знать? — хмыкнул принц, затем посерьезнел: — Снимай амулет и ту побрякушку, которую на руке носишь.

Фольгорм отцепил собственный Тальдеар — фибулу с крупным сапфиром — и передал Идэль.

— Я сострою свой гэемон с твоим и ты повторишь то, что сделал.

Дэвид снял артефакты, мельком подумав, что из кольца стоило бы изготовить что-нибудь новенькое. Раньше кольцо было полезно тем, что увеличивало мощность его заклинаний. Сейчас, с тем объемом силы, который он имел, оно почти ничего не давало… Да и вообще на первый план выходила не проблема количества силы — энергии в его распоряжении теперь было даже больше чем надо — а проблема контроля.

Дэвид повернулся к дальнему холму. Фольгорм встал позади землянина и положил ему руки на плечи, кончики пальцев — по направлению к локтям. Два энергетических поля частично совместились, каналы сомкнулись таким образом, что Фольгорму оказался открыт доступ к энергиям, которыми оперировал Дэвид, а Дэвиду к энергиям Фольгорма — нет. Обычное положение ученика и учителя.

— Я останусь пассивным наблюдателем, — негромко сказал принц. — Просто повтори то, что сделал.

Дэвид повторил. Наученный горьким опытом, он поступил так же, как в последний раз: не обращая внимания на мощь, с которой невозможно бороться, хладнокровно довел заклинание до конца и метнул его прочь. И опять бешеный водопад силы не смял его, а устремился по указанному пути… Воздушное пространство пересекла еще одна комета. Удар, взрыв… шквал огня… На несколько секунд — огненное озеро вокруг дальнего холма. Потом пламя опало, и в небо повалил едкий дым. Этакая фабричная труба диаметром в полкилометра Фольгорм, отстранившись, организовал еще один локальный дождик. Вскоре дымить перестало…

— Ты по-прежнему утверждаешь, что действовал сам, не взывая к Источнику? — спросил принц Дэвида таким тоном, как будто ответ его совершеннр не интересовал. Возможно, так оно и было.

— Сам. Я вообще не знаю, как это ваше «вызывание Источника» производить.

Фольгорм кивнул. Похоже, ответ подтвердил какую-то пришедшую ему в голову идею.

— Он не понимает, где кончаются его собственные энергии и где начинаются энергии Источника, — сообщил принц Идэль.

Глаза Идэль округлились. Дэвид, мягко говоря, удивился не меньше…

— Как это возможно? — спросила принцесса.

Фольгорм развел руками в стороны.

— То есть… ты хочешь сказать, что я пользуюсь силами Источника неосознанно? — изумился землянин.

Фольгорм кивнул.

— Похоже, именно поэтому ты не можешь вывести правильный баланс для заклинаний. В каждое твое заклинание Источник добавляет собственную силу, но сколько именно добавляется — это переменная, которую ты не можешь определить, поскольку не понимаешь даже и того, что вообще что-то добавляется.

— Такого не может быть, — уверенно заявила Идэль. — Источник ни с чем не перепутаешь.

— Не может быть, чтобы Рунный Круг прошел посторонний, — раздраженно ответил принц. — Это гораздо невозможнее. Во все остальное куда легче поверить…

Некоторое время все трое молчали. Дэвид — подавленно, Идэль — недоуменно, Фольгорм — задумчиво.

Проанализировав собственные ощущения, Идэль поняла вдруг, что на каком-то уровне знала — что Дэвид и в первый, и во второй раз использовал Источник. Их внутренняя связь позволяла почувствовать это… если бы она обращала внимание на то, что чувствует. Но ее внимание было приковано к внешней картинке, и то, что переживалось в душе, — не осознавалось.

— И что теперь? — мрачно спросил Дэвид. — С этим можно что-нибудь сделать?… Ладно, на максимуме я вроде понял, как нужно работать. А с остальными заклинаниями что?…

— Надо подумать, — откликнулся Фольгорм. — Поизучать тебя и посмотреть, что тут можно сделать. Давайте в Холгомияр вернемся. Идэль, наколдуй нам путь. Заодно и потренируешься.

— А охрана замка?

— Это уже моя забота.

Через несколько минут принцесса, еще не имеющая опыта в магии перемещений, создала довольно кривую дорогу со множеством лишних (с точки зрения Фольгорма) зигзагов и поворотов — они очутились на балконе замка. Фольгорм отправился в свои заклинательные покои, а Дэвид и его невеста на полтора часа оказались предоставлены друг другу. Перекусили, поболтали не о чем. С помощью зеркала Идэль связалась с особняком и сообщила, что задерживается, пусть охрана не беспокоится.

Позже Дэвид поинтересовался у принцессы, какие у нее отношения с Кетравом. Идэль ответила, что никаких, но ее смятение, передавшееся по эмпатической связи, Дэввд ощутил, и оно ему категорически не понравилось. Встал логичный вопрос — что она скрывает?… Разгоравшуюся ссору остановило только появление Фольгорма в гостиной.

— Ну что, голубки, — дядюшка Идэль ослепительно улыбнулся. — Пойдемте со мной. Хотя… — Он посмотрел на Идэль. — Тебе, наверное, лучше остаться. Это надолго. Если хочешь, возвращайся к себе, я потом приведу Дэвида в особняк.

— Нет уж, — воспротивилась принцесса. — Я хочу посмотреть, что ты с ним будешь делать.

— Не переживай, вредить твоему будущему мужу я не намерен. Я не хочу, чтобы меня отвлекали во время работы.

— Буду сидеть тихо, как мышка.

— Повторяю: это надолго и ты заскучаешь. Я в любом случае буду отвлекаться, а дело ответственное. Хочешь, сиди здесь.

Идэль грустно вздохнула. Фольгорм подтолкнул Дэвида к выходу.

В заклинательных покоях магического круга с разлагающейся собако-ящерицей уже не было (равно как и самого спятившего животного), зато проявился новый узор, окруженный чрезвычайно мощной системой заклинаний. К этому кругу Фольгорм землянина и подвел.

— Ложись на пол, — хозяин замка показал пальцем на пентаграмму в центре. — Будешь колдовать, — палец переместился по направлению к потолку. — Что угодно, это не имеет значения. Не бойся переусердствовать — сколько бы ты силы не вызвал, система это поглотит. И ошибиться не бойся — травмы не будет.

Дэвид засомневался;

— А если опять вызову такой объем мощи, как на холме?

— Ничего страшного. Система выдержит и больше.

Дэвид лег в центр узора и постарался расслабиться. Рядом с кругом плавало заклинание, уплотнявшее Воздух до такой степени, что на нем можно было сидеть. Плюс тактильная иллюзия мягкого кресла и целый клубок энергетических и информационных нитей, концы которых тянулись к узору. Такое вот операторское кресло. Как только Фольгорм в нем устроился и занялся манипуляциями с нитями, Дэвид испытал чувство, будто тысячи тоненьких отростков проникают и врастают в его гэемон. Система настраивалась на него.

— Можешь начинать, — сказал принц.

На исследования ушло меньше времени, чем предполагалось. Около

часа Дэвид почти беспрерывно создавал самые разные заклинания — Фольгорм требовал, чтобы их мощность, базовые Стихии и сложность плетений различались. Система, внутри которой находился Дэвид, что-то делала с его гэемоном… Умом Дэвид понимал, что это, вероятнее всего, не более чем просто тесты и волноваться не стоит, но ощущения все равно были пренеприятнейшие. Временами сознание плыло. Фольгорм перекрывал некоторые из великого множества внутренних каналов — и смотрел, как он будет колдовать в таком положении, куда ляжет дополнительная нагрузка. Потом освобождал эти каналы, блокировал другие… Временно смещал узлы, усиливал или, наоборот, подавлял течение энергии в них.

Несколько раз он блокировал основные каналы связи между сознанием и гэемоном и, вместо того чтобы просить Дэвида сделать очередное заклинание, сам, непосредственно, заставлял энергетическое поле землянина выполнять то, что ему нужно, перераспределять и направлять силу по каким-то малопонятным путям. Дэвиду все это совершенно не нравилось, но он сам согласился с тем, чтобы этот человек стал его учителем, и теперь проявлять недоверие было глупо. Вновь и вновь создавая заклинания и уже не боясь ошибиться, к концу фольгормовского исследования он начал, пока еще интуитивно и очень приблизительно, ощущать тот новый баланс, которого следовало держаться при его нынешних способностях. Фольгорм так же заметил, что Дэвид почти перестал допускать ошибки и системе больше не приходится гасить инерцию от его неудачных заклинаний. Принц потратил еще минут десять на какие-то тесты, после чего убрал из поля Дэвида свою паутину и предложил ему встать.

— Ну что? — поинтересовался землянин.

— Пойдем к Идэль. Не хочу повторять все по два раза.

По дороге Фольгорм приказал слугам подать в столовую ужин. Идэль обнаружилась в библиотеке — что-то читала. Дела, согласно национальному обычаю, обсуждали за едой. Запеченная птица, кижум и суггбат, фрукты и ликер…

— В общем, ситуация такова, — сказал Фольгорм, после того как утолил первый голод. Посмотрел на Дэвида.

— Ты действительно не различаешь тех сил, которые принадлежат собственно тебе от сил Источника. Причина, по всей видимости, в твоем странном посвящении и, как следствие, в не совсем нормальном способе, которым ты взаимодействуешь с Кругом. Объясняю: когда проходим посвящение мы, Круг раскрывает наш собственный потенциал и

образуется связь между Источником и посвященным. Поэтому, как брать энергию из Источника, никому из высокорожденных объяснять не нужно — чувство связи очень четкое и ясное. Но с тобой, похоже, уникальный случай…

Дэвид это фольгормовское «похоже» пропустил мимо ушей, не заметив, а вот Идэль заметила и внутренне улыбнулась: дядюшка, кажется, все-таки отбросил подозрительность и уже почти поверил, что ее жених — не шпион. Выходит, при подробном исследовании можно обнаружить что-то, отличающее Дэвида от любого нормального высокорожденного. Это следовало взять на заметку. И предупредить будущего мужа, чтобы старался избегать ситуаций, когда его поле столь же внимательно сможет изучить кто-нибудь другой — это может привести к ненужным вопросам.

— …Уникальность в том, — продолжал Фольгорм, — что Дэвида Источник переделал капитально. А ведь это не модификационная клиника, где пациент рассматривается просто как какой-то внешний объект, который меняется, а потом — до свиданья. Источник просто не предназначен для того, чтобы давать новые магические тела взамен старых и несовершенных. Отсюда возникает логический вопрос: а что же именно произошло?… — Он сделал паузу, чтобы выпить маленький глоточек ликера. — Я полагаю, Источник вырастил — не создал, не дал, а именно вырастил — для Дэвида новый гэемон внутри своей собственный структуры. В качестве костяка, основы он использовал те части гэемона, где не мог отличить Дэвида от тебя, — взгляд в сторону Идэль. — И, когда начал выращивать Дар, ориентировался на тебя же.

— Но у меня другие стихии, — возразила принцесса.

— Я говорю об общем уровне силы.

— То есть Источник пытался поднять Дэвида до меня? И если бы я была сильнее или слабее, то и Дэвид…

— Да, — принц кивнул. — Так же был бы сильнее — или слабее.

— Не уверена, что смогла бы устроить пожар радиусом в тысячу футов, даже будь у меня стихия Огня…

— Я сказал, что Источник ориентировался на тебя при перестройке Дэвида, но не сказал, что уровень Дара у вас в результате стал одинаковым… Зависимость не подразумевает тождества. Впрочем, еще неизвестно, уступаешь ли ты. Ты еще никогда не пыталась работать на максимуме.

Идэль молча согласилась. Высокорожденные не испытывали проблем с потерей контроля, как Дэвид, но дисбаланс ощущали, и поэтому в первые годы после инициации предпочитали осторожничать. Не сразу отвыкали от

своего прежнего уровня силы и не сразу привыкали к новому, требовалось время.

— Но суть не в этом, — Фольгорм вернулся к основной теме, — а в том, что наша связь с Источником — не просто какой-то канал, откуда мы тянем силу (хотя можно представлять и так), на определенном глубинном уровне мы включены в Источник, едины с ним. Дэвид тоже, но поскольку Источник не просто усовершенствовал его, а заново создал, вырастил в себе, то эта связь — еще более тесная. — Видя недоумение на лицах своих гостей, он решил пояснить наглядно:

— Вот Источник, — легонько щелкнул ногтем по бокалу. — Вот обычный посвященный, — отщипнул виноградинку и показал молодым людям. — А вот положение Дэвида, — виноградинка упала в бокал. — Парадокс в том, что Дэвид не чувствует Источника, потому что он с ним слишком тесно связан. Мы можем увидеть, как выглядит гора издалека, но если окажемся внутри горы, то ее не увидим. Так же и здесь. Энергии Источника хоть в какой-то мере присутствуют во всех его заклинаниях.

Йдэль задумалась. Выглядела она при этом мрачной.

— А нельзя ли нас как-нибудь… эээ… дистанцировать? — поинтересовался Дэвид.

— Я думаю, не нужно даже пытаться это сделать. Это значит, надо перекраивать твое поле заново, искусственным путем… да при условии, что глубинных связей между инициированным и Рунным Кругом мы не видим… запросто можно так напортачить, что потом уже никак не исправишь.

— Да, тогда действительно не надо.

— А то, что Дэвид «глубже» в Источнике, чем ты или я — медленно произнесла Идэль, — значит ли это, что он обладает более высоким уровнем доступа к Рунному Кругу? Скажем, как один из министров? Или даже как… — Она не договорила.

— Судя по твоей кислой физиономии — в правильном направлении соображаешь, племяшка, — хмыкнул Фольгорм. — Лично я не могу протестировать Дэвида на наличие таких способностей, ибо никогда ни министерским… ни сама понимаешь каким… доступом не обладал. Понятия не имею, как Источник воспринимается с точки зрения приора или министра. Чтобы понять сходство, надо знать, с чем сравнивать. По описаниям, во всяком случае, на министерский ключ это не похоже… Но суть ты, моя девочка, ухватила правильно. Дэвид — аномалия. При том аномалия, тесно связанная с источником нашего могущества. Будь я приором и узнай я, что кто-то оказался так глубоко связан с Рунным

Кругом, я бы обеспокоился. Ведь черт его знает, на что эта аномалия может быть способна. Пусть даже только потенциально. Может быть, я предвзят, потому что сужу о логике приора исключительно на примере деда, но дальнейшая цепочка рассуждений — и действий — по-моему, более чем очевидна. Так что держите рот на замке. Оба.

— Непременно, — пробормотал Дэвид. — Но все-таки. Как-нибудь можно почувствовать и контролировать объем силы, который сообщает мне Источник?… Я понимаю, готового ответа нет, но ты ведь разбираешься в магии гораздо лучше и…

— Баланс ты со временем найдешь сам, — успокоил его Фолъгорм. — Нужно только каждый день тренироваться и все получится. Ты его уже в общих чертах нащупал — за время, которое провел в моем узоре. Хуже другое: неизвестно, как ты переживешь разрыв с Источником, если вдруг окажешься в другом потоке миров. Мы ощущаем блок, отсутствие связи… Это неприятно, но не смертельно. А вот в твоем случае все может закончиться гораздо плачевнее. А может, и нет. Неизвестно.

Дэвид мрачно подумал, что вновь побывать на своей исторической родине, ему, похоже, не светит. Не судьба.

7

Страничка из записной книжки Кетрава.

Диспозиция на 21 сентября:

За Вомфада — 5. + Эрдан (Дана в заложницах.) Знать бы, где ее содержат.) За Ксейдзана — 7. За меня — 7.

Фольгорм, Смайрен, Маидяар, Авермус, Саша, Финейра —?

В. уверен, что на его стороне половина сенаторов. Пусть спит спокойно.

Вопрос на 1000 000 кдиаров: какого аминорца убрать, чтобы В. подумал на К., а К. на В.?

Поскольку теперь Дэвид считался высокорожденным, ему полагались собственные, а не временные, комнаты во дворце. В том крыле, которое отведено клану Гэал.

Дворцовым комплексом и всем, что с ним связано, — имуществом, слугами, охраной, клановыми атта без хозяев — заведовал Авермус, министр дворцового управления. Дэвид встретился с ним, получил три новые комнаты и нескольких атта «в нагрузку». Сознавать себя рабовладельцем землянину было неприятно, но ничего не поделаешь — пришлось смириться. Рабы перенесли его вещи из гостевых комнат в новые. Тратя время на разные организационные мелочи, Дэвид порадовался тому, что ему, по крайней мере, не придется этих людей кормить — пока атта находятся во дворце, они будут всем обеспечены, а забирать их отсюда он не собирался.

Его переселение, конечно, не прошло незамеченным. Сначала зашла поздороваться одна из дочерей Сайрин, затем — Дэвид как раз выходил из своих новых покоев — в коридоре нарисовался Тахимейд.

— Добрый день.

Дэвид ответил на приветствие, слово за слово — завязался разговор. Тахимейд рассматривал его с нескрываемым любопытством, что было неудивительно, ведь Дэвид возводил свою родословную к человеку, который приходился Тахимейду отцом. Время общего обеда уже прошло, и Тахимейд, который, по его словам, также этот обед пропустил, предложил где-нибудь перекусить вдвоем. Дэвид не стал отказываться. Еда — лишь предлог, это понятно. Ему ничуть не меньше хотелось поближе познакомиться со «своим» кланом, вот только Фольгорм прав — самому

инициативу проявлять не стоило, а вот поддержать чужую — следовало обязательно.

Тахимейд занимал четыре комнаты на том же этаже. Слуги накрыли на стол и тихо удалились. Длинная беседа обо всем на свете. Тахимейда интересовала история знакомства Дэвида и Идэль — этого можно было ожидать. Дэвид, как требовала роль, расспрашивал о Хэбиаре. Тахимейд показал ему портрет. Дэвид отметил мимоходом, что сын нисколько не похож на отца. Хэбиар — широкоплечий, сильный; волосы — цвета бронзы и зеленые глаза, как у Ксейдзана. Фигурой Тахимейд больше походил на деда, только был еще тоньше в кости. Несмотря на худобу, какую-то воздушную хрупкость фигуры, Тахимейд не казался слабым; пластика его движений заставляла думать, что он прекрасно контролирует свое тело: может быть, он и не силен, зато движения его точны и уверены. В уличном бою такой противник не станет мутузить вас и давить силой, он просто хладнокровно ткнет пальцем в глаз или точным ударом сломает кадык. Волосы у Тахимейда светло-серые, темно-серые глаза, впалые щеки и острый подбородок — в кого он только такой?.. У его матери, Рии ита-Жерейн, глаза и волосы черные.

— А каким был Хэбиар… я имею в виду — как человек? — спросил Дэвид.

Тахимейд задумался.

— Решительным и сильным, — наконец ответил он. — Умел хорошо управлять людьми. Лучше, чем дед. Хэбиар был лидером по натуре. Стратегом. Всегда все тщательно планировал. Рассматривал войну, интриги и колдовство как своего рода шахматные задачки. Кетрав на него немного похож, но у Кетрава все сдвинуто в сторону отвлеченного анализа, а отец был человеком более деятельным.

Дэвид подумал, как задать следующий вопрос так, чтобы не обидеть.

— А в чем, как тебе кажется, ты на него больше всего похож?

Тахимейд рассмеялся:

— Ни в чем. Мы совсем разные. И не очень-то ладили, пока он был жив.

— Почему?

— Разные взгляды на жизнь. И совсем разные характеры. Я для него был, наверное, сплошным разочарованием, — улыбка осталась, но перестала быть веселой. — Но это, конечно, не означает, что мне безразлична его смерть.

— Хорошо, я переформулирую вопрос — сказал Дэвид. — В чем, как тебе кажется, у вас с ним больше всего было различий?

— Он воин, я чародей. Ему интересны люди, он умел с ними работать — мне они безразличны и скучны. Его в первую очередь заботили интересы семьи — меня волнует только личная сила, а то, какое положение в будущей займет клан — выше нынешнего, ниже — на это, честно говоря, мне наплевать.

— Ясно, — кивнул Дэвид. — Политика — грязь, что за удовольствие мараться в ней? Я тоже этого не понимаю…

— Нет, не в этом дело, — перебил его молодой герцог. — Политика — всегда вторична. Просто есть более важные вещи, и политика должна быть подчинена им. Посмотри на самых великих правителей, начиная от праотца Гельмора — кем они были? Интриганами? Харизматичными вождями? Может быть, но в первую очередь — великими магами. Их положение в семье естественным образом вытекало из того личного могущества, которым они обладали.

— Хэбиар думал иначе?

Тахимейд кивнул:

— Отец считал, что все должно находиться в гармонии. И волшебство, и… все остальное.

— А ты не соглашался?

— Лучше великолепно делать что-то одно, чем кое-как — все сразу… Впрочем, — Тахимейд погрустнел. — Последнее к отцу не относится… не относилось. Он одинаково хорошо делал все, за что брался.

— Как он погиб? Это ведь случилось совсем недавно?

— Да, два года назад. Нападение на замок. Вместе с ним и Лидию убили.

Дэвид на секунду прислушался к себе — не всплывет ли на поверхность сознания что-нибудь полезное из воспоминаний Диора и Лижана? Не всплыло.

— А Лидия — это кто? — спросил он.

Тахимейд улыбнулся:

— Неужели не слышал? Впрочем, ты у нас новенький… Лидия из Субайн, любовница отца вот уже… ммм… лет двести уже как минимум.

— Ты, видимо, не слишком ее любил?

— Вовсе нет, мы отлично ладили.

— А Рия?

Тахимейд пожал плечами:

— Они с матерью старались не мешать друг другу.

— Разумно… — пробормотал Дэвид. Как реагировать на такое признание, он не знал. Тахимейд говорил обо всем так спокойно, как будто

представлял членов семьи; это моя мама, это мой папа, это любовница папы… будем знакомы, очень приятно.

— Известно, кто убийца? — спросил землянин.

Тонкие губы растянулись так широко, что лицо стало похожим на маску клоуна.

— Два месяца назад на твой вопрос я бы не ответил, — произнес герцог. — Но, поскольку приор мертв, говорить об этом можно теперь совершенно открыто. Мы полагаем, что Хэбиара убил Джейбрин. Джейбрин и Вомфад, вероятнее всего. Еще один шаг на пути программы уничтожения кланов.

Дэвид несколько секунд молчал, а затем спросил:

— Я не ослышался?

— Нет, нисколько. Джейбрин стремился изменить всю систему управления — опустить все кланы на тот уровень, где сейчас находятся младшие семьи высокорожденных. Убрать преторов и суффектов из сената, сделать власть более централизованной. Но нынешний состав сената его бы инициативу не поддержал. Ему нужно было избавиться от старой аристократии, перерубить все основные линии наследования. С нашим кланом он почти это проделал. Осталось только двоих убрать — меня и моего деда. Тетя Альтана теперь часть Аминор, а мать — из ита-Жерейн, они обе не в счет. Мы с дедом отправляемся в фамильный склеп, а дальше совершенно «честные» выборы, и претором становится какая-нибудь марионетка Джейбрина. Ита-Шедан оказать ему толковое сопротивление не смогли бы. К тому же, совсем не исключено, что вышеупомянутая марионетка была бы выбрана из их числа… Кионцы уже проделали такое при Юлианаре с Аминор — старшая линия наследования была вырублена под корень, Аллайга исчезла, а власть в клане перешла к одной из младших семей, полностью лояльных к Юдианару. Теперь на очереди был Гэал. К счастью, Джейбрин умер раньше.

«Интересно, — подумал Дэвид, — в этом мире вообще, хоть кто-нибудь, кроме Идэль, жалеет о смерти приора?…»

— Я мало что знаю, — произнес он вслух, вспоминая беседу с Фольгормом, — но я слышал, что Джейбрин поддерживал ита-Жерейн. Как оппозицию претору Ниртога внутри его собственного клана.

Тахимейд кивнул.

— Именно так. После нас на очереди был Ниртог. Там, правда, пришлось бы уничтожать пятерых — а если считать Финейру, то шестерых человек — но в нашем же собственном клане Джейбрин уже истребил гораздо больше.

— Похоже, приора в вашем мире не очень любили.

— Высокорожденные — да. А вот дворянство и простой народ его обожали. Толпа чует хищника и раболепствует перед ним.

В небольшой комнатке на втором этаже особняка Идэль-лигейсан-Саутит-Кион шестеро молодых дворян слушали лекцию Керамара, посвященную системным заклятьям. Кто-то записывал, кто-то внимательно слушал, а Лийеман скучал. Ему не нравилась системная магия — скучная дисциплина с обилием графиков, формул и цифр. Вдобавок ту тему, о которой распространялся старик, Лийеман прекрасно знал. Но прогулять занятие не мог возникли бы нежелательные вопросы, что он еще знает и где его так хорошо обучили. По идее, молодые дворяне, выросшие в глухомани, должны быть полными профанами в классическом волшебстве. Лийеман не хотел выбиваться из образа. Поэтому приходилось терпеть. И даже старательно допускать все те ошибки, которые обычно допускают новички. Подозревает ли что-нибудь Керамар? Лийеману хотелось надеяться, что нет. Вместе с тем в присутствии старика приходилось быть очень осторожным. Несмотря на изуродованный гэемон, тот все-таки был профессионалом. Говорят, служил в каком-то спецподразделении аминорского клана. Наблюдательный и соображает быстро.

Лийеман задумался — так, от нечего делать: а нельзя ли как-нибудь восстановить биополе сейр-Руниана до прежнего состояния? Он не собирался ничего подобного предпринимать на практике, вопрос был чисто теоретическим. Да, он мог бы попробовать. Ясно же, что в таком состоянии гэемон учителя пребывает не потому, что его как-то непоправимо повредили, а потому, что никто толком не пытался его восстановить. Или пытался, но не смог. Местное дворянство в магии разбиралось кое-как. Собственно, разбиралось так, как и положено разбираться обычным людям — пусть даже натасканным и обученным. Керамару могли бы помочь высокорожденные, но им, вероятно, было лень тратить время и силы на телохранителя опального герцога.

Суперпрофессионалом себя Лийеман не считал, он просто знал, что как системный маг он лучше всех в особняке, включая и принцессу. Только Керамар мог бы, наверное, с ним потягаться — за счет опыта. Опыта Лийеману не хватало, он это признавал, зато имелось мастерство.

Классическому волшебству он обучался не традиционным путем. Иначе, и вправду, потребовались бы долгие десятилетия, чтобы освоить хоть что-то. Вместо этого отец Лийемана обучил его собственной версии Искаженного Наречья. Она не обладала теми возможностями, которыми обладают традиционные версии Искаженного, зато была более простой и

удобной. Все равно эти дополнительные возможности в большинстве ситуаций мало кому нужны…

Люди, сидевшие сейчас в одной комнате с Лийеманом, зубрили сухие формулы, потому что не понимали принципов того, как все это работает. Все равно что заучивать иностранные слова, не чувствуя структуры речи. Лийеман ее чувствовал, как и учитель, но Керамар затратил на постижение почти полвека, а Лийеману от роду всего — семнадцать… Нельзя было выдавать себя — а так хотелось утереть всем нос, показать, какой он крутой маг, на голову их всех выше… Тогда, может быть, Яджи перестанет быть такой злюкой и не выгонит его с матом и рукоприкладством из своей комнаты, если он снова как-нибудь ночью зайдет с предложением сделать ей расслабляющий массаж…

Подумав о Яджи, Лийеман подумал о девушках вообще, и тут его мысли окончательно оторвались от скучного урока и унеслись в возвышенные дали. Он уже познакомился с тремя девушками в городе. Это не считая Миналь. Точнее сказать, познакомился он с гораздо большим количеством девушек, но на свидания ходил пока только с этими тремя. Нет, с четырьмя — если Миналь все-таки считать. Сайн-Шерибо так грустила и переживала из-за смерти Минкарда, что Лийеман просто не мог не утешить ее в горе. Однако с Миналь пора было завязывать — отношения с ней грозили перерасти во что-то более серьезное, а ничего серьезного Лийеман категорически не хотел. Он еще слишком молод. И ни одна из глобальных задач, стоявших перед ним, еще не осуществлена. Даже половину столицы — женскую половину, разумеется — он еще не успел трахнуть, а ведь из числа глобальных задач эта была наименьшей.

Поэтому — ничего серьезного. Нет, нет и нет. Вот только как бы объяснить это Миналь?…

…Керамар объясняет, дворяне слушают и пишут, но Лийеману не до системных заклинаний — его беспокоят бесконечно более важные вещи.

Около часа ночи к особняку Идэль подошел человек в темном плаще с капюшоном. Прислонившись к дереву и практически слившись с ним в темноте, он некоторое время изучал устройство защитной системы. Ему не нужно было вызывать Око, чтобы видеть мир энергий.

Защита, как он и ожидал, оказалась довольно простенькой. Губы человека в капюшоне сжались, выражая то ли недовольство, то ли сожаление. Нельзя быть такой беспечной, принцесса. Конечно, Идэль еще совсем юна и сама чародействует лишь немногим лучше своих дворян, но все же она могла бы попросить кого-нибудь из старших родственников — из тех, кому доверяет, — позаботиться о своей безопасности. А та защита,

которая окружает ее особняк сейчас, — курам на смех. Даже дворянин при терпении и толике осторожности мог бы ее вскрыть. Для человека в плаще она вовсе не представляла преграды. И что за неумеха ее ставил?

Вздохнув, пришелец отключил сигнализацию, раздвинул прутья силовой решетки и взлетел. План дома он прекрасно знал — подсмотрел в памяти у слуг сегодня утром, когда те, ни о чем не подозревая, закупа лись продуктами на ближайшем рынке.

Окно спальни принцессы было полуоткрыто…

…Дэвид проснулся от прикосновения к охранному полю амулета. Открыл глаза. Тускло мерцая, в воздухе висел световой элементаль. Чего тебе? — недовольно буркнул землянин.

— Проникновение, — совершенно безэмоциональным голосом сообщило существо.

Дэвид продрал глаза и вскочил на ноги. Когда он ставил на дом защиту, то не особенно рассчитывал на то, что она задержит настоящего профессионала. Или кого-нибудь из родственничков Идэль. Как бы он ни изощрялся, но уровень искусства у них был слишком различении все его ухищрения настоящий профи обойдет без труда. Поэтому, справедливо рассудив, что на защиту рассчитывать нечего, недостаток искусства Дэвид возместил смекалкой. Он создал нескольких световых элементалей и поручил им следить за состоянием охранного поля. Элементали должны были сидеть тихо и не высовываться. Даже если гипотетический взломщик-профессиональный маг остался бы для них невидимым, деформацию поля они должны были заметить, И немедленно доложить о происходящем. Сколько времени у них еще есть?…

— Идэль! — позвал Дэвид.

— Что?… — сонно произнесла принцесса.

В двух словах и почти без ругательств он объяснил, что. Идэль проснулась и затрезвонила в колокольчик — тот самый, который передавал звук на расстояние. Еще одна позитивная функция колокольчика заключалась в том, что он, в зависимости от желания хозяйки, мог передавать звук как слугам, так и в комнату охраны — на выбор. Дэвид натянул штаны и обнажил меч.

Человек в темном плаще проник в комнату через окно — и одновременно с ним, с противоположной стороны, через дверь, в спальню ворвалась охрана. Лийеман, Крайгем, Диар и кто-то еще из новеньких.

От обилия заклинаний комната будто вспыхнула, Человек в плаще ошеломленно замер — он явно не ожидал такого приема. Идэль метнула в него Молнию Смерти, Дэвид и Лийеман, почти синхронно, зачитали

выжигающе-ослепляющие заклинания на базе Света, Крайгем — бросил водное заклинание, разжижающее защиту, Диар предусмотрительно поставил — на себя и дворян — купол Тьмы, а новичок ограничился банальным огненным шаром.

Несмотря на шок, человек в темном плаще успел выставить защиту — самую простенькую, всего-то лишь Щит Земли, ни на что сложнее не оставалось времени, зато такой силы, что всем сразу стало ясно: к ним в гости заявился высокорожденный — Земляной Щит поглотил чужеродные энергии не хуже, чем сухая земля впитывает влагу.

Осознав бесперспективность чисто магического противостояния, дворяне, с клинками наголо и угрожающими криками, бросились в ближний бой. Незнакомец окружил себя силовым барьером, но принцесса и Дэвид на пару его проломили. Выплески силы от взаимоломающих и уничтожающих друг друга заклинаний за секунды привели спальню в состояние полного хаоса. Мебель падала, подскакивала и летала по воздуху, комната тряслась и качалась. Незнакомец пока успешно оборонялся. В спальню ворвался еще кто-то из дворян, за ним следом — Шейд, один из системных магов, нанятых принцессой. Очередное заклинание едва не подвело Дэвида — с балансом по-прежнему были проблемы — и он присоединился к дворянам. Силовым пинком землянина и Крайгема отшвырнуло к противоположной стене, а вот Лийеман прорвался и резво занялся кромсанием личного защитного поля ночного визитера. Незнакомец что-то крикнул, но его, само собой, никто слушать не стал; следующий гравитационный пинок отправил Лийемана в свободный полет. Однако тут незнакомца накрыла принцесса, мощнейшим смертоубийственным заклинанием погасив остатки личной защиты и едва не приведя к смерти его самого. У пришельца имелась какая-то регенерационная система, вероятно — артефакт, но пока эта штука приводила его в чувство, Диар наложил на его подавление магии, а Дэвид, в два прыжка преодолев разделявшее их с колдуном расстояние, приставил клинок Гьерта к горлу незнакомца. Тот очнулся, попытался вырваться — Дэвид чуть нажал на клинок, вынуждая чародея оставаться неподвижным, дабы не лишиться головы. Диар наложил еще одни сковывающие чары.

Идэль завернулась в одеяло, тактично поданное Крайгемом, и подошла поближе. Сотворила освещающее заклинание. Мужчина лежал тихо, с таким лицом, что было ясно — он только что мысленно проклял все на свете и морально готов ко всему.

— Вилайд? — изумленно спросила принцесса. Она не верила своим глазам. — Дядя? Что все это значит?!

— Я не хотел причинять тебе вреда, — сдавленно произнес мужчина. Дэвид посмотрел на него с большим скептицизмом.

— Тогда объяснись… Это действительно ты? — Перестав рассматривать лицо Вилайда — оно могло быть и ложным — Идэль переключила внимание на его гэемон.

По всему выходило, что перед ней именно тот, кого она видит.

— Я ничего не понимаю, — растерянно сказала Идэль.

— Может, его убить? — предложил Дэвид. Больше для того, чтобы припугнуть пленника.

— Я — за! — немедленно откликнулся Лийеман. В результате удара о стену его правая рука оказалась сломана в двух местах. Шейд наложил на юношу блокирующие боль чары и приводил кости в порядок.

— Дэвид, убери меч, — потребовала Идэль. Землянин уловил в ее голосе нотку сомнения, но клинок от горла Вилайда убрал. В ножны, однако, засовывать не стал — мало ли, вдруг еще понадобится? Аналогичным образом поступил и Крайгем.

Вилайд осторожно поднялся, потирая шею. В глаза окружавшим его людям высокорожденный старался не смотреть.

— Я жду объяснений, — жестко проговорила Идэль. Вилайд вздохнул.

— Мы можем поговорить?

— Я тебя внимательно слушаю.

Вилайд посмотрел на дворян и выдавил:

— Наедине.

Дворяне возмутились. Послышались насмешливые голоса: «Ага, сейчас!», «Размечтался!», «Он что, нас за идиотов держит?», «Да он не в себе!..», «Правильно Дэвид сказал — зарезать его и дело с концом…».

— Молчать! — рявкнула Идэль. В комнате стало очень тихо. Дэвид и не подозревал, что его благоверная способнатак разговаривать. — Вилайд — мой пленник, но он все еще высокорожденный и мой родственник. Прошу не забывать об этом, господа дворяне.

Дворяне молчали, как нашкодившие дети, застуканные строгой мамочкой.

— Благодарю всех за своевременную и быструю реакцию, — смягчив голос, продолжала Идэль. — А теперь прошу всех выйти. Не думаю, что мне что-то угрожает. По крайней мере, теперь, когда всем известно, кто… — она замешкалась, подыскивая подходящее слово для определения статуса Вилайда. — … кто у меня в гостях. И распорядитесь, чтобы слуги принесли мне что-нибудь из одежды.

— Я останусь, — негромко сказал Дэвид. Идэль кивнула.

Когда принесли одежду, Идэль соткала туманную завесу и под ее прикрытием, не выходя из комнаты, переоделась. Дэвид внимательно следил за Вилайдом. Тот вел себя спокойно. Разыскал среди разгрома целый стул, поднял его и уселся.

На вид герцогу Ниртога, главенствующему над ветвью ита-Жерейн, было лет тридцать пять. Темные волосы — даже еще более темные, чем у Идэль, среднего роста, подтянут, аккуратно и неброско одет. Небольшая черкая борода, тонкие, изящные черты лица. У них — у Идэль и Вилайда — во внешности прослеживалось определенное сходство.

— Итак, — сказала Идэль, убирая туманную завесу. Теперь она была одета в одно из своих домашних платьев. С точки зрения Дэвида, в нем не стыдно было выйти и на бал, но, по меркам высокорожденных, это был весьма скромный наряд.

Вилайд мельком посмотрел на Дэвида.

— Здесь будем говорить?

Идэль окинула взглядом разгромленную комнату. Недовольно поджала губы.

— Наверное, нет… — взорвалась она. — Какого черта, дядя?! Вот что все это значит?! — Обвела помещение рукой. — Если ты хотел пообщаться, разве нельзя было договориться о встрече?

— Я не хотел, чтобы о ней знали.

— Замечательно! Зато теперь об этом точно узнают все!

— Как-то по-дурацки все вышло, согласен.

— Хотел встретиться тихо — воспользовался бы зеркалом. Или даже через зеркало пообщались бы, не встречаясь.

— Ты окружена… — Вилайд помялся. — …разными людьми. Разговор могли подслушать.

«Это он на кого намекает? — подумал Дэвид. — Не на меня ли?… Ну да — я же парагвайский шпион, темная лошадка. Явился неизвестно откуда и обольстил наследницу приора…».

Дэвиду стало смешно от этих предосторожностей. Идэль права: вместо того чтобы сделать все тихо-мирно, Вилайд привлек к себе максимум внимания.

Впрочем, если бы не фокус с элементалями, обязанными следить за состоянием защиты вокруг дома, замысел герцога мог бы и осуществиться. Любой, даже самый совершенный план может рухнуть из-за одной-единственной неучтенной мелочи. А план Вилайда сложно было назвать совершенным.

Идэль, похоже, тоже поняла намек герцога и от того помрачнела еще

больше.

— Пойдем, — процедила она. Они вышли из спальни и заняли одну из ближайших гостиных. По дороге Идэль избавилась от Дэвида — все равно Вилайд при нем говорить не будет, это было уже ясно. Дэвид присоединился к дворянам — сложа руки они не сидели, а продолжали с помощью заклинаний наблюдать за герцогом и принцессой, готовясь немедленно прийти на помощь госпоже в случае угрозы. Разговор, однако, таким образом подслушать не удалось — перед тем как сесть за столик в гостиной, Идэль наложила на комнату звукоизолирующие чары. Служанка принесла кофе и печенье — сначала в гостиную, принцессе и герцогу, а затем и дворянам, оккупировавшим соседние помещения.

— Итак, — сухо сказала Идэль. Зевнула, прикрыв рот ладошкой. Сказать, что она была раздражена — значит ничего не сказать. Она и так не высыпается, а дурацкая выходка Вилайда лишила ее даже тех немногих часов сна, которые были в ее распоряжении. Переполох в особняке, разгромленная спальня, полдюжины мужчин, видевших ее голой, какие-то туманные оскорбительные намеки в адрес ее приближенных… В общем, настроение у принцессы было отвратительным.

Вилайд, похоже, это хорошо понимал. Он мялся, не зная с чего начать разговор. Он совершенно иначе представлял себе обстоятельства их беседы. Вдобавок жгло сознание того, что его поймали, как мальчишку. Эти спесивые дворянчики осмелились ему угрожать!.. Вилайду хотелось кого-нибудь убить. А еще лучше — вернуться на полчаса назад и не совершать ту глупость, которую он совершил. Но увы — второе невозможно, а первое — бесполезно…

Приходилось принимать все, как есть. Пусть изменить уже совершившиеся события нельзя, но можно попытаться смягчить их последствия.

— Прежде всего я хочу извиниться, — откашлявшись, сказал герцог.

Идэль недовольно посмотрела на него.

— Не мешало бы…

Тут в комнату вошла служанка с подносом, где стояли кофейник, чашечки, вазочки с конфетами и печеньем — и Вилайд получил еще одну минуту на то, чтобы подумать, успокоиться и морально подготовиться к предстоящей беседе. Идэль положила в чашку сахар, добавила молока, сделала пару глотков и ощутила, что почти готова разговаривать. Настроение не улучшилось, но, по крайней мере, вернулась способность адекватно воспринимать услышанное.

Вилайд, отпив из своей чашки, подумал, что тянуть резину не стоит и

лучше сразу переходить к сути. Не те обстоятельства, чтобы начинать обычный светский разговор и только по прошествии какого-то времени обсуждать действительно важные вещи.

— Ты уже знаешь, что убиты Дифрини и Дагуар? — спросил он.

Идэль аккуратно поставила чашечку в центр блюдца.

— Нет, — негромко сказала принцесса. — Когда?

— Девять дней тому назад, в своих владениях. В замке Шурбо.

— Мне никто ничего не рассказывал. — Она посмотрела на герцога. — И ты тоже, между прочим.

— Я был занят.

— Чем?

— Расследованием.

Идэль медленно кивнула. У дома Ниртог имелись свои спецслужбы — при том отдельно у ветви ита-Жерейн и отдельно у Хаграйда, — но при расследовании убийств высокорожденных они, как правило, выполняли лишь вспомогательную роль. Информационной магией в Кильбрене умели пользоваться только высокорожденные, да и то не все.

— И каковы результаты?

— Нам не удалось выяснить, кто именно это сделал.

— А что произошло? Расскажи подробнее.

— Было нападение на замок. И сам Шурбо, и территория вокруг выжжены, так что трудно сказать, где именно появились нападавшие, но я предполагаю, что уже внутри защиты. Каким-то образом проломили ее, либо кто-то изнутри открыл проход. В противном случае — то есть если бы нападавшие появились извне — хоть кто-то из приближенных герцогини успел бы послать сообщение.

— Никто не выжил? — тихо спросила Идэль. Вилайд покачал головой.

— Не известно, но похоже, что нет. В самом замке ничего не сохранилось. Голые черные стены. И пепел. Ни тел, ни вещей. Информационные поля тоже выжжены.

— Кажется, есть какие-то заклинания, позволяющие просматривать память живых существ, — припомнила Идэль. — Скажем, птиц, которые могли это видеть, или животных…

— В радиусе мили вокруг замка все мертво.

Идэль вздохнула. Некоторое время в гостиной было тихо.

— Кого вы подозреваете? — наконец спросила она. Вилайд прищурился:

— А ты как думаешь?

— Хаграйда? — помолчав, полувопросительно-полуутвердительно

произнесла принцесса.

Вилайд не ответил.

— Но почему сейчас? — спросила Идэль. — Зачем ему война в собственном доме перед выборами? Шансы Хаграйда и так невелики…

— …зато прекрасная возможность действовать без оглядки на верховную власть, — закончил герцог.

Идэль опять вздохнула. Вилайд был прав. При условии внутренней войны в клане шансы Хаграйда победить на выборах и вовсе становились призрачными, но искушение покончить с непокорной ветвью, видимо, оказалось, слишком сильно.

— Вы намерены ответить? — спросила она.

— Видишь ли, — вкрадчиво ответил герцог. — Мы не знаем, кому отвечать. Мы не уверены, что это Хаграйд.

— А кто тогда?

Вилайд невесело улыбнулся.

— Это очень интересный вопрос. Мне самому хотелось бы знать на него ответ.

— Я имею в виду — кому еще это может быть выгодно?

Вилайд, казалось, последнюю реплику пропустил мимо ушей. Он сказал:

— Есть одно обстоятельство, косвенно указывающее на то, что Хаграйд либо не при чем, либо принимал в этих событиях лишь малое, косвенное участие. Естественно, мы внимательно следим за ним. У нас есть свои люди среди его дворянства, среди его непосредственных приближенных. Я полагаю, такие же люди, работающие на главу клана, есть и в моем собственном окружении. Точнее, я знаю, что они есть, и полагаю, что есть еще и те, о ком я не знаю. Нам с Хаграйдом очень сложно организовать друг против друга что-нибудь, о чем тут же не узнает противоположная сторона. В нападении на замок Дифрини участвовало много людей. Вырезать всех дворян, герцогиню и ее сына… и так, чтобы никто не успел сообщить о нападении… в одиночку, каким бы могущественным ты ни был магом — это малореально. Скорее всего, в нападении принимало участие несколько высокорожденных и несколько хорошо подготовленных отрядов дворян. Ну хорошо. Допустим, Хаграйд сумел каким-то образом воспрепятствовать распространению информации до нападения. Но после?… Тем не менее у него там все тихо-мирно. Дворянство молчит. Никто ничего не знает. Либо люди Хаграйда в этом участия не принимали, либо действовал какой-то совершенно таинственный, никому неизвестный отряд, существование которого Хаграйду удалось скрыть ото всех. Мне

представляется более вероятной первая версия. Здесь действовал кто-то еще. Возможно, кто-то из ита-Мейгра принимал участие в нападении — племянник Хаграйда Фэбран или его сын Нерамиз, или даже сам глава дома — но дворянство дома Ниртог не привлекалось. Значит, привлекли кого-то со стороны. Кого?

Идэль некоторое время молчала, размышляя над словами дяди, а затем пожала плечами и произнесла:

— Мне остается только еще раз повторить свой вопрос относительно того, кому это может быть выгодно… Но я не представляю. Кому еще вы могли помешать? Тем более — Дифрини… Она в политику никогда не лезла.

— Выгода — странная штука, — ответил Вилайд. — Это как домино — если ты знаешь, какая костяшка в итоге упадет, то можешь опрокинуть такую, которая, на первый взгляд, вызовет падение ряда, не имеющего никакого отношения к твоей настоящей цели. И только после того, так весь извилистый путь будет пройден, окружающим — не таким умным, как ты — станет ясно, на что же именно ты рассчитывал.

— Я все равно не понимаю, — сказала Идэль. — Уничтожение вашей ветви в конечном итоге усилит Хаграйда. Зачем кому-то — кроме самого Хаграйда — это может быть нужно? Насколько я знаю, он не состоит в союзе ни с одним из домов… Впрочем, — поспешила добавить она, — я обладаю на этот счет лишь самыми общими сведениями. Я мало что знаю о семейных играх, а уж о том, что творится в Ниртоге, — и вовсе ничего.

— Да, — кивнул герцог. — Я помню, как старательно Джейбрин ограничивал твои контакты с родней матери. Замужество Налли должно было обеспечить лояльность с нашей стороны, но дом Кион ни в коем случае не хотел слишком уж тесно связываться с нами, а значит — и с нашими внутренними проблемами.

— Не надо упрекать меня за это, дядя. Ты ведь знаешь, от меня ничего не зависело.

— Это не упрек. При Джейбрине от всех нас мало что зависело. Я говорю о том, что есть, без всяких упреков и претензий. И уж тебя мне точно не в чем обвинить. Мне просто жаль, что ты слишком мало общалась с нами. Мотивы Джейбрина мне понятны. У него были свои резоны. При слишком большой увлеченности нашими делами ты — в перспективе — могла бы втянуть Кион во внутренние разборки нашего клана.

Планам Джейбрина такое развитие событий, очевидно, не соответствовало. Но сейчас Джейбрина нет, и ты уже не ребенок. Не считая Фольгорма, я — твой ближайший родственник, и мои дочери не менее

близки к тебе, чем Йатран. Это факт. Естественно, ты можешь отстраниться от нас, но… но мне будет жаль, если ты так поступишь.

«Ему что-то нужно от меня?» — подумала Идэль.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, дядя? — как можно более искренним и доброжелательным тоном осведомилась она. Мысль о том, что этот человек хочет использовать ее в каких-то своих целях, вызывала злость, но принцесса не позволяла себе думать об этом. Она еще успеет вдоволь позлиться, когда поймет, что именно ему нужно. Пока же следует вынудить его побыстрее выложить карты на стол. Сделать вид, будто она и вправду прониклась какими-то родственными чувствами. Ага, конечно. Если Вилайд держит ее за полную дуру, это и к лучшему. Ответ герцога ее немного удивил.

— Нет, — Вилайд покачал головой. — Не думаю, что можешь. Ты только начинаешь взрослеть; нет, я пришел не за помощью. Я просто хочу поговорить. Рассказать, что происходит. Понимаешь, — он запнулся, подбирая нужные слова, — ты еще очень юна — да, ты уже взрослый человек и способна принимать самостоятельные решения, но все-таки ты только входишь в игру, тебя еще слишком легко обмануть… кому-то, кто знает больше, чем ты, и кто захочет использовать тебя в своих целях. А такие люди найдутся, учитывая твое положение. Я уверен, что они есть. Несмотря на молодость, ты лигейсан, и потому обладаешь правом голоса в сенате — и, вдобавок, представляешь старшую линию наследования, идущую от покойного приора…

— Я помню об этом, — сказала Идэль. Вилайд молча допил кофе, откинулся в кресле и несколько секунд молчал. Он казался усталым, каким-то опустошенным.

— На Нильзу покушались, — произнес он отстраненно, как будто бы речь шла не о его собственной дочери, а о ком-то постороннем. — За несколько дней до убийства приора. Отравленная пища. К счастью, большую часть съел ее любовник. Он умер в страшных мучениях, но свою девочку мне удалось спасти. Хотя пришлось полностью менять ей желудок и часть кишечника. Яд давал бурную реакцию при взаимодействии с желудочным соком…

Идэль подавленно молчала. Ей было неловко за то, что она минуту назад подумала о Вилайде. Даже если он и хотел ее как-то использовать, герцога можно было понять. Как бы она реагировала, если бы кто-нибудь отравил ее собственного ребенка?…

— С Сэан все в порядке? — тихо спросила принцесса.

— Пока да, — внешне герцог оставался совершенно спокоен. — Но

учитывая наше положение… После смерти Дифрини и Дагуара ита-Жеренн осталось всего трое: я и две мои дочери. И все.

— Хаграйд думает, что если он уберет вас, Ниртог снова станет единым?

— Конечно, он так думает, — кивнул Вилайд. — Но дело, я повторяю, тут, кажется, не в Хаграйде… Давай представим, что будет, если вслед за Дифрини и Дагуаром погибну я, то есть не просто умру, а явно, демонстративно буду убит — а вслед за мной погибнет одна из моих дочерей? Что сделает оставшаяся?

— Вероятно, попытается отомстить… — Идэль не могла понять, к чему он клонит. — Будет искать союзников…

— Именно. — Вилайд поднял палец. — И она их найдет, конечно. Да они у нас, собственно, и так есть.

Он не стал продолжать — дал ей время самой понять, кого он имеет в виду. «Он не о доме Кион, — подумала Идэль, — какой из меня, к черту, союзник?… Пока я слишком мало что могу. А иначе, как через меня, они с кионцами никак не связаны. Аминор к ним отношения не имеет».

— Гэал? — спросила она.

Вилайд кивнул.

— Рия-узей-Сорквейн, вышедшая замуж за Хэбиара-узан-Ксейдзана, — это лишь самый известный брак. Пусть Хэбиар мертв, но Рия связана с Гэал прочтнейшими узами — там ее сын, и он — гэалец от ногтей до кончиков волос. Есть и другие браки — я не знаю, известно ли тебе о них, — среди представителей младших семей, подчиненных Ксейдзану и мне.

— И что? — спросила Идэль. — Ты говорил о…

— Некоторое время назад, — перебил ее Вилайд, — Ксейдзан сделал мне очень интересное предложение. Предложение очень простое. Чем рвать с Хаграйдом друг другу глотку, он предложил мне сменить покровителя. Проще говоря, мне — вместе со всеми младшими семьями — перейти под руку к главе Гэал. С максимальной автономией и прочим. С тем, чтобы в перспективе все это возглавил Тахимейд… или кто-нибудь из будущих детей Тахимейда. Никому не обидно — огромный объединенный клан возглавляет человек, в котором крови Ксейдзана столько же, сколько и крови ита-Жерейн. Союз да любовь. Дифрини и Дагуар, кстати сказать, изначально были за эту идею. Мне пришлось приложить… определенные усилия, чтобы вправить им мозги. После этого они свои контакты с Гэал стали ограничивать. Они не видели дальше своего носа, и я, наверное, слегка переборщил, настраивая их против Ксейдзана.

Идэль представила, что было бы, если бы слияние Гэал и ита-Жерейн произошло, и ей стало дурно. Да, самих ита-Жерейн всего шестеро, а сейчас и вовсе осталось трое — Рия с Ксейдзаном, а Дифрини и Дагуар мертвы. Но Вилайду, лидеру старшей ветви Ниртога было подчинено несколько десятков высокорожденных из младших семей. Из тех семей, что некогда бежали от Сьётсара на запад вслед за молодым чернокнижником, сыном Страйбнара и Джорейны кен Апрей… Несмотря на все войны, несмотря на кровавое завоевание запада демонологом Меддилем, несмотря на неудачный бунт Рисмайна и последующее истребление ниртогской знати Селазаром — все равно множество младших семей Ниртога были и оставались силой, с которой нельзя было не считаться. Если бы какой-нибудь приор позволил бы ита-Жерейн выделиться в отдельный клан, по территориям и по влиянию они вполне могли бы сравниться с теми же аминорцами… а общим числом высокорожденных — превосходили бы их. Гэал сильнее Аминор и, получив такое вливание свежих сил, мгновенно стал бы самым могущественным кланом Кильбрена.

Конечно, осуществить все это при Джейбрине было бы сложно… Но Джейбрин — не вечен. И «сложно» — не значит «невозможно».

Идэль покачала головой:

— Да уж… Ксейдзан на мелочи не разменивается. Вилайд смотрел на нее и грустно улыбался.

— Что? — спросила принцесса.

— Ты все еще не понимаешь? Ладно. Я повторю вопрос. Умирают Дифрини и Дагуар, а следом убивают меня и одну из моих дочерей. Все указывает на Хаграйда, К кому побежит оставшаяся дочь?

Идэль замерла. Это было похоже на старые фокусы Майдлара. Невозможно понять, откуда без всякой магии в шляпе берется кролик, но затем Майдлар показывал ей потайное отверстие в столе — и все становилось предельно ясным.

— Это только догадки или есть доказательства? — спросила Идэль.

— Доказательств нет.

Значит, только догадки.

— Есть косвенные свидетельства, указывающие на то, что это не только догадки.

— Какие?

— Про обилие браков между младшими домами уже упоминал…

— Это ни о чем не говорит.

— Ни одно косвенное свидетельство само по себе ни о чем не

говорит, — пожал плечами Вилайд. — Важна их сумма. Идэль… поверь — я отношусь к своим рассуждениям достаточно критично. Я и сам был бы рад ошибиться. Однако Ксейдзан хочет получить нашу ветвь — и это факт. Мы связались с ним, думая упрочить свое положение. Требовалась какая-то опора против Хаграйда. Но вышло только хуже. Новоприобретенный союзник стал еще более опасен, чем старый враг. Мы слишком плотно сблизились с Ксейдзаном, слишком… В свое время шла речь о браке между Нильзой и Меаром ита-Шедан… К счастью, они не понравились друг другу, а я, слава благой Ёрри, не стал настаивать…

— У вас есть какие-нибудь агенты в Гэал? Что они говорят?

— О происходящем в Гэале нам известно гораздо меньше, чем о Ниртоге… До сих пор не было причин тратить время и силы на слежку за ними. Поэтому Ксейдзану проще сокрыть от нас то, что мы не должны видеть. Но есть одно любопытное обстоятельство. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое, когда совершалось нападение на Шурбо, Содан ита-Шедан и Рил ита-Лудор, лучшие боевые маги Гэал покинули свои имения. Часть подчиненных им дворян — опытные воинов и магов — также не ночевала в своих спальнях. Вечером они куда-то ушли… а вернулись под утро.

И вернулись не все. Все это делалось с максимальной секретностью, и если бы я не начал копать под Ксейдзана, то, скорее всего, так бы ничего и не узнал об этом. Конечно, это еще ни о чем не говорит, может быть, они просто все вместе вышли прогуляться и подышать ночным воздухом, кто знает?

— Ты не пытался пленить кого-нибудь из дворян Содана или Рила и исследовать их память на предмет той ночи?

— Очень бы хотелось, — кивнул Вилайд. — Но мне неизвестны имена большей части отсутствовавших той ночью. Знаю, что они были, но не знаю, кто именно. А тех, про кого я все-таки знаю, — не могу найти. Куда-то пропали. Похоже, Ксейдзан решил их где-то временно припрятать. А может, сам потихоньку редактирует их воспоминания. Так, чтобы правду уже точно никто не узнал.

Идэль некоторое время молчала, взвешивая услышанное. Вилайд прав: отдельная косвенная улика ничего не значит… Но когда их много…

— Будет печально, если все-таки окажется, что твои подозрения верны. — Вот и все, что она сказала.

— Есть еще одно обстоятельство… — Герцог помолчал, набираясь решимости. — Я не хочу обижать тебя… Ты — наполовину ита-Жерейн. В свете сказанного… тебе не кажется странным… нет, не «странным» —

правильнее сказать «закономерным» — что в твоем окружении вдруг появляется человек из Гэал?… Всех, кого Ксейдзан не собирается убивать, ему нужно связать со своим кланом кровными узами…

— Какой еще человек из Гэал?… — удивилась Идэль. На лице Вилайда отразилось изумление. Тут она поняла и едва не прыснула от смеха. Герцог говорил о Дэвиде. Нуда, все закономерно — дальний потомок Ксейдзана, симпатичный юноша подсылается к принцессе… Правнучке приора и племяннице лидера ита-Жерейн… Все логично.

— Дэвид тут ни причем, — сказала она и не смогла удержаться от улыбки. Какая разница, что она говорит? Теперь после того, как Дэвид сделался потомком Ксейдзана, можно хоть до посинения твердить, что он «ни при чем» все равно этому никто не поверит. Накатило сожаление — нет, надо было все-таки настоять, чтобы он объявил себя в качестве потомка какой-нибудь младшей семьи клана Кион. Проблем было бы существенно меньше…

— Я ничего дурного не хочу сказать о твоем женихе, — Вилайд, как бы защищаясь, поспешно выставки перед собой открытые ладони. — Я не думаю, что он посвящен во все планы Ксейдзана… Понятно, что игрок — Ксейдзан. Но твой жених — не случайная фигура. Может быть, ты влюблена и не видишь этого, но его появление очень выгодно главе Гэал. Он получает твой голос в сенате…

Идэль улыбнулась.

— Мой голос получить не так-то легко. Дядя, давай оставим Дэвида в покое. Я не такая наивная дурочка, какой кажусь. Я ему доверяю, и у меня на то, поверь, есть свои резоны.

— Хорошо, если так. Я просто хотел, чтобы ты посмотрела на ситуацию и с другой стороны… Повторяю, я не хотел тебя задеть. Этот мальчик может ничего или почти ничего не знать о делах главы своего клана. Но это не отменяет того, что Ксейдзан его использует. Мягко, по-доброму, но использует.

— О своих родственниках в Гэале Дэвид узнал не так давно. Он рос совсем в другом мире и лишь случайно оказался в нашей метрополии. К Источнику его провела я, а не гэальцы.

— Ты знаешь только последнее. А все остальное… оно может быть правдой, а может быть полуправдой… или неполной правдой. Ты не можешь этого знать. Тебе по большей части приходится просто верить в то, что все так, как он говорит.

— Повторяю: у меня есть основания для этого.

Вилайд вздохнул. Он не стал спрашивать, что это за основания. Он

чувствовал: Идэль не ответит — и не хотел ее раздражать.

— Боюсь это все, — герцог развел руками. — Больше добавить мне нечего.

— Стоило устраивать такой шум… Мог бы и по зеркалу сообщить. Хотя бы о смерти Дифрини и ее сына… выбрали бы время для встречи.

— Наверное, так и стоило бы сделать. Но я вообще не хотел, чтобы о наших контактах хоть кто-то знал. Зеркало такой гарантии не дает, тем более, если рядом с тобой, гм, потомок Ксейдзана.

— Ну все, хватит. О своих подозрениях ты уже сообщил, повторять не нужно. Иначе я подумаю, что ты пытаешься меня в чем-то переубедить…

— Я просто хотел, чтобы тебя не втянули в чужую игру. Ты должна понимать, с чем связываешься.

— Думаю, что понимаю. — Идэль поджала губы. — Против Ксейдзана я ничего не имею. Равно как и «за». Он не хуже и не лучше остальных кандидатов в приоры. Такой же мерзавец и подлец. Хитрый и дальновидный. У меня нет мотивов отдавать свой голос за него или активно включаться в игру на его стороне. Брак — это еще не повод. К тому же Дэвид знает его еще хуже, чем я.

— Что ж, — Вилайд поднялся, — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. А мне, наверное, пора.

Идэль, не вставая, внимательно посмотрела ему в глаза.

— Я хотела бы узнать вашу ветвь получше, — серьезно произнесла она. — И меня задевает то, что с вами происходит. Пусть даже это политически невыгодно для Кион, мне не все равно. Я не хочу, чтобы вас перебили.

— Спасибо.

— Я думаю, нам еще будет о чем поговорить. Пользуйся зеркалами. Я не имею привычки разговаривать при посторонних… даже при своем женихе.

— Хорошо. Я обязательно свяжусь. Прости еще раз, что так глупо все вышло.

8

Керамар работал над планом заклинательной системы, предназначенной для защиты особняка. Сам он возвести ее не сможет — изуродованный гэемон сводил его былые способности на нет, но он мог эту систему разработать и научить домашних магов Идэль, как установить и пользоваться ею. Опытный высокорожденный, вероятно, сможет обойти защиту — несмотря на все свои знания, в волшебстве с владыками Кильбрена Керамар равняться не мог, но здесь, в особняке, он был лучшим специалистом из тех, кому Идэль могла бы поручить эту задачу, и он постарался выполнить ее так хорошо, как мог. Ему было любопытно, каким образом принцесса узнала о проникновении в дом Вилайда — защита, которая стояла тут раньше, была просто курам на смех, но принцесса на этот вопрос отвечать отказалась. Возможно, она и сама не знача — немного позже, переговорив с дворянами, Керамар выяснил, что защиту ставил Дэвид… вероятно, при всей кажущейся простоте, там был какой-то фокус, учесть которой Вилайд не сумел. Керамар постарался сделать так, чтобы и в его заклинательной системе содержалось несколько неожиданных сюрпризов. Неожиданных и неприятных для того, кто вздумает тайно проникнуть в дом.

Старик трудился уже несколько часов и как раз рассчитывал путь проекции шестого магического ветра, называемого Зилбарх и соответствующего сущности всех кривых и искаженных направлений движения, когда в дверь постучали. Керамар недовольно отвлекся от длинной цепочки закорючек на Искаженном Наречье, которые ровными рядами ложились на лист бумаги, едва поспевая за полетом мысли старого колдуна. Кого там еще принесло? Он предпочел бы рявкнуть, чтобы его не беспокоили, но за дверью могла быть принцесса или его наниматель, Дэвид Брендом, и рявкать не стоило… Подняться и открыть — или остаться на месте и подождать, надеясь, что посетитель уйдет сам? Керамар склонялся ко второму варианту, но тут дверь открылась сама и в щель просунулась вихрастая голова Лийемана.

— Можно?

Прежде чем Керамар успел ответить «Нет, нельзя!», юноша — быстрый и изящный, как кошка на охоте — уже вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Керамар мрачно разглядывал его, пока Лийеман пересекал

помещение.

— Что вам угодно, сейр? — пробурчал старик. — Я занят.

— Прошу прощения, господин Керамар, — Лийеман чуть поклонился. — Я не отниму много времени. Я могу присесть?

Не дожидаясь разрешения, он опустился на подлокотник большого кресла, стоявшего недалеко от письменного стола.

Керамар хотел выгнать его — собственно, прогнать Лийемана стоило еще тогда, когда он стучался, но… не выгнал. Мальчик закручивал мир, как хотел. Он сам организовывал пространство вокруг себя, сам раскладывал окружающих по тем полочкам, которые определил для них. На каком-то уровне Керамар осознавал, происходящее, и это его дико раздражало. Как мог, он пытался сопротивляться влечению водоворота, которым был этот мальчишка. Остальные не обладали даже этим, мизерным, осознанием. Лийеман злил дворян, доводил до бешенства, когда хотел, а через пять минут, если у него менялось настроение и хотелось доверительности, эти же самые люди, еще не остывшие от бушевавшей в них ярости, вдруг становились его лучшими друзьями. Самое поразительное, что этого никто не замечал. Лийеман был похож на мальчишку, нашедшего тропинку между капель дождя и беззаботно разгуливающего теперь под ливнем, оставаясь при том совершенно сухим. Он вертел людьми как хотел, все это происходило вот здесь, у всех на глазах — а никто ничего не видел. Лийеман казался просто юнцом — симпатичным или, чаще, несносным — и на его выходки все (кроме тех, к кому они относились) не обращали внимания. Между тем, учитывая, с какой легкостью он вертел окружающими людьми, стоило бы задуматься, что будет, если когда-нибудь его интересы разойдутся с интересами принцессы. Керамар не думал так — его опасения, связанные с Лийеманом, пока еще были смутными, неотчетливыми, но если бы его неопределенные ощущения можно было выразить словами, они были бы выражены именно так.

— Я слушаю вас, — произнес Керамар, постаравшись, чтобы его голос прозвучал максимально сухо. Получилось не очень. Он вдруг поймал себя на том, что готов слушать и помогать мальчишке. Проклятье!.. То, что делал Лийеман — это была не магия… по крайней мере, не такая магия, которой учат в Академии, Но это было волшебство, это точно. Глубокое, врожденное волшебство, для которого не писаны никакие законы.

«Будь я молоденькой девчонкой, я бы влюбился в него, — подумал старик. — Беззаветно и навсегда».

— Я хотел попросить совета, — сказал Лийеман. — А вы, сейр,

кажетесь наиболее опытным и сведущим человеком среди всех нас. Известно ли вам какое-нибудь место, безжизненное и удаленное от всех поселений? И при этом такое, чтобы добраться до него можно было бы незатруднительно?

— В этом мире? — уточнил Керамар. Лийеман кивнул.

— Желательно, да.

— Могу я узнать, чем вызван ваш интерес?

— Дэвид-кириксар-Саутит-Гэал попросил меня найти такое. — Заметив удивление на лице Керамара, он пояснил, — Кириксан Дэвид обрел силу Источника совсем недавно и желает научиться ею управлять. Мощь, которую он вызывает, огромна. Он не может тренироваться здесь или где-то поблизости от особняка. Он обратился ко мне, потому что я приехал из мест, где людей мало, и мог знать какую-нибудь подходящую пустошь, где его упражнения не привлекут к себе излишнего внимания… и где ему не придется беспокоиться о том, как бы ни испепелить случайного прохожего.

— Вы такого места не знаете и поэтому решили обратиться ко мне?

— Совершенно верно, сейр Керамар. Я всю жизнь прожил во владениях семьи Варглат. Там пустынно, но живописно. Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь упражнялся там в боевой магии и губил весь пейзаж.

— Очень странно. — Керамар потер подбородок. — Во время тренировок заклинания не наполняют максимальной силой, которую только можно вызвать. Важна точная направленность чар… Если освоить баланс для заклинаний с малым наполнением силой, с высоким чувство балансировки возникнет само собой…

— Не знаю, — Лийеман пожал плечами. — Он не объяснял причин, которые заставляют его начинать осваивать балансировку с заклинаний максимальной наполненности. Он просто просил меня найти такое место, где можно было бы делать это без опасений, а я, в свою очередь, прошу совета у вас.

— Я могу показать место на карте, но как вы туда доберетесь?

— Обычными путями. Я захвачу с собой зеркало и настрою его. Затем я установлю связь с особняком, Дэвид увидит место и сможет перенестись ко мне.

— Ну хорошо… — Керамар встал и подошел к книжному шкафу. Достал атлас, полистал. Поманил к себе Лийемана. Тот каким-то образом сразу оказался рядом. Керамар мог бы поклясться, что Лийеман не телепортировался, вообще не применял никаких заклинаний — но все выглядело именно так. Секунду назад он еще там, на подлокотнике кресла, и вот — уже здесь. Двигается стремительно и незаметно, как тень.

— Спящая пустыня, — сказал Керамар, тыкая пальцем в желтый участок на карте. — Электропоезда под ней не ходят, но вот до Орбидо… Видите, вот здесь городок, с краю?… До Орбидо добраться на поезде можно. Если купите или возьмете на время лошадь, а потом проедете несколько часов на юго-запад, окажитесь в пустыне. Ну, а дальше выбирайте себе место по вкусу.

— Благодарю вас, сейр. — Лийеман вежливо наклонил голову. — Вы мне очень помогли.

* * *

Второй урок в Холгомияре был посвящен информационным заклинаниям. Занимались в заклинательных покоях. Фольгорм слегка модернизировал обучающий узор: теперь это были три маленьких круга внутри одного большого. Одно место для учителя, два — для учеников. Идэль и Дэвиду предстояло пройти через сложную цепочку меняющихся состояний психики, и Фольгорм должен был стать их проводником на этом пути. Выполнив определенные медитативные упражнения, они погрузятся в транс, а заклинательная система, внутри которой они находились, поможет их энергетическим полям настроиться друг на друга. Практике, как обычно, предшествовала небольшая порция теории.

— Мир един, — произнес Фольгорм. — Мы искусственно расчленяем его на высокое и низкое, тонкое и грубое, потому что нам так удобнее с ним работать и потому что так устроено наше человеческое восприятие. Мы расчленяем мир на качества и свойства, затем устанавливаем между ними иерархию и взаимоотношения — это все операции ума, и только — после чего пользуемся полученной моделью так, как будто бы это была сама реальность… и созданная схема вдруг обретает жизнь: взаимосвязи, которые мы только что сами внесли в этот мир, вдруг оказываются способны позволить нам этим миром управлять. Ум исследователя придумывает законы природы, а затем человек использует эти придуманные законы себе на пользу. Реальность пластична. Она такова, какой мы ее видим. Она устроена так, как мы определим. Если об этом забыть, то легко принять созданную умом модель за саму реальность и потеряться в иллюзии, сотворенной нашим же собственным умом. То, о чем я буду говорить дальше — не реальность, а только модель. Только описание. Произвольное расчленение мира так, как удобно и выгодно нам.

Общепринятое в нашем потоке миров мировоззрение разбивает единую реальность на следующие слои: физический пласт, два энергетических — эфирный, более грубый, и более тонкий астральный, и пласт ментальный.

Последний — уровень смыслов, уровень чистой информации, существующей самостоятельно, без всякого носителя. Если же все-таки не забывать о единстве всего сущего, то можно сказать, что носителем для уровня чистых смыслов являются все остальные, более низшие пласты.

Вещества существуют лишь в физическом мире. Заклинания, которые суть лишь целостные системы чистых действий, могут существовать лишь в мире энергетическом. Оперировать с менталом непосредственно, то есть превращать свою мысль в предмет или процесс, который станет эмпирической реальностью для других существ, и наоборот, превращать реальные вещи в объекты своего сознания и оперировать ими так же легко, как мы оперируем вещами в собственном воображении — на это способны лишь боги и Обладающие Силой. Власть каждого из них ограничена лишь властью остальных, если бы вдруг в мире остался только один Обладающий, он был бы всемогущ. Хотя они действуют и в общей реальности, но так же каждый из них создает собственные миры внутри своего сознания, в пространствах, формируемых его собственной Силой — и эти миры показались бы нам безусловной реальностью, попади мы в них. Впрочем, они не «показались бы» — они и были бы для нас без условной реальностью… Как и простые люди, маги оперируют информацией опосредованно. Хотя наше существо проходит через все пласты — мы имеем физическое тело, мы имеем энергетическое поле гэемона и мы способны воспринимать информацию посредством своего ума — не существует заклятий, могущих оперировать информацией как таковой. Заклятья принадлежат пласту энергий — они в принципе не способны «дотянуться» до уровня чистых смыслов. Это рассуждение, совершенно верное и обоснованное, как будто бы лишает нас возможности работать с информационным пластом. Но это, конечно, не так.

Мы искусственно расчленили мир на части, чтобы удобнее описать свойства и особенности каждой из частей. Но на деле все эти части составляют одно целое. Мы видим действующее тело и понимаем, что это за тело и что это за действие, — в едином акте восприятия все три пласта: телесный, энергетический и смысловой — даются нам вместе, сразу, один не отделено от другого. И поэтому добраться — пусть опосредованно — до ментального пласта с помощью заклинаний мы все-таки можем. Нельзя сделать заклинание из чистой информации, но можно сделать заклинание, которое станет носителем смысла так же, как бумага и чернила становятся носителями смысла, вложенного в книгу.

Естественно, только воспринимающее сознание способно этот смысл расшифровать. Впрочем, можно создать машину — или заклинательную

систему — которые будут имитировать этот процесс, осуществляя операции по правилам, определенным для них настоящим субъектом восприятия.

Для удобства мы рассматриваем информацию, существующую в ментальном мире, как великое множество отдельных сегментов, сложенных в определенном порядке. Этот порядок можно отразить и воспринять в приемлемом для нас виде. Есть заклинания, позволяющие воздействовать на этот порядок — нарушать его или выстраивать в ином виде. Работа с информацией — это всегда работа с тем, чего мы не видим. Мы не видим инструментов и не видим того, на что влияем. Мы видим лишь «рукоятки инструментов — наши собственные заклинания и произвольную картинку, которая хотя и отражает то, на что мы влияем, но похожа на влияемое не больше, чем диаграмма движения на само двигающееся тело.

Сейчас вы пройдете через рад психических преобразований, которые позволят вам задействовать такие части ваших энергетических тел — я говорю о высшей части гэемона, о душе, — которые ранее оставались бездейственными до вашего перехода на уровень Ильт-фар, или вовсе пребывали в зачаточном состоянии. Именно эти структуры сообщат вам необходимое восприятие и создадут базу для последующего формирования тонких инструментов, которыми вы, после необходимого обучения, и будете формировать информационные заклинания. Если вопросов нет, приступим…

Урок продолжался около четырех часов, но принцесса и Дэвид не заметили, как пролетело время — в измененных состояниях сознания длительность происходящих событий переживается иначе, чем в повседневной жизни. Когда они вернулись к исходному состоянию и Фольгорм сказал, что урок окончен, они вдруг ощутили, что устали и проголодались. Хозяин замка пригласил их поужинать.

Утолив первый голод, Идэль рассказала о ночном «визите» герцога Вилайда. В необходимости сообщить о вторжении и последующем разговоре Идэль ничуть не сомневалась. Во-первых, ничего суперсекретного Вилайд не рассказал. Во-вторых, она на стороне Фольгорма — значит, ему и думать, как оценить эту информацию. Она сознательно выбрала сторону Фольгорма в этой игре, осознанно приняла его руководство и отказываться от своего выбора не собиралась.

О смерти Дифрини и Дагуара Фольгорм, конечно же, знал. А вот подозрения Вилайда относительно того, кто мог быть виновником несчастья, его заинтересовали.

— Как любопытно все складывается — Принц перевел взгляд на Дэвида. — И ко всему еще ты тут — дополнительная косвенная улика, указывающая на широкомасштабные планы Ксейдзана. Твоя «родословная» и предстоящий брак с моей племянницей добавили масла в огонь. В общем, я предполагал, что это произведет, хотя и не думал, что так скоро. И уж тем более не думал, что зашевелятся ита-Жерейн. Просто поразитетьно, какие неожиданные вещи могут всплыть со дна водоема, если бросить в него ма-аленький камушек.

— Мне кажется, мы все это напрасно затеяли, дядя, — негромко произнесла Идэль. — Эта фиктивная родословная подливает слишком много масла в огонь. Если перефразировать Вилайда… мы опрокинули костяшку домино — и где упадет последняя, ни ты ни я не знаем. И я молюсь Ёрри, чтобы одна из этих костяшек не стала могильным камнем для Дэвида.

— А мне кажется, что ты рано паникуешь, — заметил землянин.

Идэль поджала губы и ничего не сказала.

— Голубки, не ссорьтесь, — Фольгорм благодушно развалился в кресла — Дэвид рисковал бы в любом случае, а так — он рискует, но зато появляется разная интересная информация. В любом случае, уже поздно беспокоиться — что сделано, то сделано. Давайте вернемся к Вилайду. Он не сказал, чем собирается заниматься?

— Я полагаю, продолжит расследование.

— Это понятно, но я говорю о другом. Какой теперь будет политика ита-Жерейн? Хаграйд — их смертельный враг, от дома Кион помощи не дождаться — нам не до них, а Ксейдзан из союзника превратился в опасного врага… Вилайд говорил что-нибудь о том, что он намерен делать в такой ситуации?

— Нет, ничего не говорил. — Идэль покачала головой.

— Ему должно казаться, что его обложили со всех сторон, — сказал Дэвид.

— Верно, — кивнул Фольгорм. — А что делает попавший в такую ситуацию? Либо мобилизует все силы и все-таки вырывается из ловушки, либо паникует и начинает совершать глупости… Одну глупость Вилайд уже сделал. Если бы герцог не паниковал, думаю, он придумал бы, — взгляд в сторону Идэль, — как связаться с тобой, чтобы об этом в твоем окружении не узнали.

— Я так и подумал, что он считает меня шпионом, — усмехнулся Дэвид. — Нелепо как-то…

— С твоей точки зрения — может быть. Но у Вилайда точка обзора —

другая. Часть того, что видит каждый из вас — реальна, а другая часть — иллюзорна. Вот только вы не знаете, какая из частей какая, подлинными кажутся обе. Это и к любому другому высокорожденному относится.

— У меня созрел вот какой вопрос, — сказал землянин. — А кто станет главой Ниртога, если Хаграйд вдруг умрет? Вилайд? Или есть другие кандидаты? И как вообще осуществляются выборы главы клана?

— Все высокорожденные — как принадлежащие к старшим ветвям, так и к младшим — вообще все члены клана собираются вместе и выбирают претора. Свои кандидатуры на этот пост выставляют только представители старших ветвей. Если все старшие уничтожены… Ну, у нас такое до сих пор происходило только один раз, с кланом Аминор шестьсот лет назад. Клан мог развалиться, но Юлианар предпочел сохранить его, отдав власть одной из младших семей — то есть попросту сделал одну из младших семей старшей. Оправляться от нанесенного удара Аминор начали лишь относительно недавно, а до этого долгое время эту новую старшую семью многие просто не рассматривали всерьез… Хотя нет формального запрета на то, чтобы претор происходил из младшей семьи, он всегда выбирается из старшей. Выбранный становится главой клана пожизненно, но в случае появления сильной оппозиции ему может быть вынесен вотум недоверия, и тогда происходит переизбрание. Вилайд уже два раза пытался таким образом свалить Хаграйда — и каждый раз Хаграйд выигрывал с минимальным перевесом. У них там непростая, в чем-то патовая ситуация. Каждому представителю как старших ветвей так и младших на общих собраниях принадлежит по одному голосу Но старших высокорожденных совсем немного, а младших у них там чуть ли не полсотни. То есть хотя младшие и не выставляют своего лидера, решают, кто будет лидером, именно они. А они, мало того, что разделены поровну между Хаграйдом и Вилайдом, так еще вдобавок связаны между собой многочисленными браками и кровным родством. Хаграйд и Вилайд с удовольствием затеяли бы тотальную войну друг с другом, но тот, кто станет активно продвигаться в этом направлении, немедленно начнет терять очки рейтинга среди младших семей, потому что им война совершенно не нужна. Поэтому оба высоких герцога Ниртога ограничиваются мелкими пакостями, направленными на то, чтобы разозлить противника — ну скажем, это может быть экспроприация спорных территорий, создание невыгодных условий для торговых компаний, работающих на противника, шпионаж и финансовая поддержка непопулярных чиновников в чужом стане — в общем, тут большой спектр развлечений. Периодически они устраивают и что-нибудь посерьезнее — и тогда либо в партии Вилайда,

либо в партии Хаграйда образуется новый труп, но полномасштабную войну развязать все-таки не могут.

Если Хаграйд умрет от руки Вилайда, война, конечно, будет. Целостности на этом пути дом Ниртог так и не обретет, и немало нынешних союзников Вилайда отвернутся от него. Думаю, герцог это хорошо понимает. Если же Хаграйд скончается вдруг сам по себе — или, по крайней мере, если Вилайд сумеет убедительно доказать свою непричастность к его смерти — в этом случае, я почти не Сомневаюсь, верх возьмут ита-Жерейн. Нерамиз не обладает нужными качествами, а ветвь ита-Хейн, из которой происходят Фэбран, Сераймон и Эйни… не знаю. Скорее всего, они попытаются что-то сделать, как-то перехватить власть. Но у них меньше влияния среди младших домов, чем у Вилайда. Кто-то обязательно останется с Нерамизом. В общем, в случае смерти Хаграйда в его собственной партии произойдет раскол. Я так думаю.

— А ведь Вилайду было бы выгодно изобразить дело так, как будто бы Дифрини и Дагуара убил Хаграйд, а не кто-то еще, — задумчиво проговорила Идэль. — Может быть, я слишком цинична, но странно, что он не захотел воспользоваться таким случаем. Скоренько состряпать какие-нибудь улики против претора, запустить эту информацию среди младших семей…

— Может быть, он так и сделает, — хмыкнул Фольгорм. — Ты подай ему идею.

— Фи, дядя. Пачкаться я не стану. Использовать только что убитых родственников, чтобы слегка повысить свою популярность в клане… Нет, до участия в таких вещах я еще не созрела. Просто странно, что Вилайд об этом не подумал.

— Полагаю, Ксейдзан слишком сильно его напугал. Тут уже не до политических расчетов, когда сидишь и гадаешь, кто следующий на очереди: ты или твои дети.

— Значит, ты тоже считаешь, что это Ксейдзан?

— Я не знаю. — Фольгорм покачал головой. — Я говорю с точки зрения Вилайда: он-то уверен, что все это устроил гэальский претор.

Какое-то время за столом было тихо. Дэвид приналег на сужо, Фольгорм попивал вино, а Идэль задумчиво и тихо постукивала зубчиком вилки по краешку тарелки.

Фольгорм решил сменить тему.

— Ну а ты, Дэвид, — обратился он к землянину, — чем нас порадуешь? Как дела в Гэале? Они хотя бы попытались наладить с тобой контакт? Или молчат, как рыбы, со дня того совместного обеда?

— Пытались, — кивнул Дэвид. — Как раз завтра я снова встречаюсь с Тахимейдом в его владениях. Обещана верховая прогулка.

— Снова? Почему ты мне не сказал? — быстро спросила Идэль.

— А в чем дело? Ты ведь не извещаешь меня о каждой беседе с родственниками. Пока ничего такого, о чем стоило бы рассказывать, в моих разговорах с гэальцами не звучало. В данный момент они лишь присматриваются ко мне, и нелепо думать, что будет сказано что-то серьезное.

— А ты уже способен оценить, что в этих разговорах серьезно, а что нет? — пробурчала Идэль.

— Ну знаешь ли… По-твоему, я, что, совсем тупой?

— Я этого не говорила.

— Но из твоих слов получается так.

— Тебе виднее, как получается… — огрызнулась Идэль.

— Одно удовольствие смотреть, как вы воркуете, — рассмеялся Фольгорм, за что получил мрачный взгляд со стороны принцессы уже в свой адрес.

— Вообще был один момент в нашей с Тахимейдом беседе, вызвавший у меня недоумение, — Дэвид прожевал кусочек сужо и продолжил: — Хотя мы беседовали первый раз в жизни, Тахимейд зачем-то решил рассказать про любовницу своего отца. Мол, какие у них были хорошие отношения… «У них» — это у Тахимейда с Лидией. Я не понял, зачем он об этом заговорил, а спросить постеснялся. Это что, в обычаях Гэал? Это, вообще, нормально — по меркам вашего мира — когда высокорожденный имеет любовницу, а его сын рассказывает о ней постороннему человеку так, как если бы речь шла о члене семьи?…

— Норма понятие растяжимое, — Фольгорм пожал плечами. — И для каждого слоя общества нормы свои. Простолюдину и уж тем более дворянину в такой ситуации общественная мораль приписывает испытывать негативные эмоции к любовнику или любовнице, которые как бы вторгаются в семью и нарушают ее порядок. Но высокорожденные — вне общественной морали, я уже упоминал о нашем полубожественном статусе в глазах обычных кильбренийцев. В большинстве случаев семьи создаются вследствие политических расчетов. Конечно, есть и чувства, но они не на первом месте. Кто-то ревнует супруга или супругу к связям на стороне, кто-то к ним безразличен. Открытая демонстрация и того, и другого равно допустимы. Это дворянину общество предписывает вызвать на дуэль того, кто оскорбил святость супружеского ложа… А если появляется любовница у мужа, жена обращается к своим родственникам за

защитой, и в идеале ее отец или брат должны либо серьезно наказать мужа, либо даже убить его на дуэли. Но мы свободны от всех этих условностей. Мы сами определяем тот порядок вещей, в котором живем, и сами для себя являемся источником моральных норм.

— Пусть так, — согласился Дэвид. — Пусть даже у них были нормальные отношения — мне-то, собственно, какое до этого дело? Мне непонятно, зачем Тахимейд рассказал об этом мне. Как будто это какая-то архиважная вещь, которую я должен узнать прямо на пороге, еще толком даже не войдя в клан…

— Твоя проблема, — ответил принц, — в том, что ты смотришь на все исключительно со своей точки зрения. Как будто реальность одинакова для всех и все видят ее так же, как ты. От этой иллюзии давно пора избавиться, к жить станет гораздо легче. В магии ты уже понимаешь, что это иллюзия, что видимый мир лишь картинка перед твоим лицом, но в других сферах по-прежнему думаешь, что твое восприятие объективно и у всех — такое же. Чтобы понять логику Тахимейда, поставь себя на его место.

— Я пытался, — сказал Дэвид, — но я слишком мало его знаю и не понимаю пока, как он думает. Мне не ясны мотивы его поступков.

— Ни черта ты не пытался, — резко бросил Фольгорм. — Подумай, кто ты для него? Кем ты себя выставил? Ты — потомок Хэбиара и происходишь от сына, которого Хэбиар заделал где-то на стороне. Твоя линия, по твоей же легенде — появилась вне брака, в каком-то чужедальнем мире. Для Гэал ты сам — как бы незаконнорожденный. Зачем Тахимейду при тебе упоминать о любовнице своего отца и еще подчеркивать при этом, что у них были хорошие отношения? Разве это не очевидно? Упоминая об этом, он говорит тебе прямым текстом: к связям папочки на стороне я отношусь совершенно нормально, не теряйся, значимо то, что у нас обоих кровь Хэбиара, а не то, что наши линии происходят от разных женщин…

— Скороспелое какое-то дружелюбие, — заметила Идэль.

— Я вовсе не утверждаю, что Тахимейд воспылал к твоему жениху братской любовью. Но он выбрал определенный тип отношений, и логика того образа, который он использует, совершенно ясна.

— А что под маской? — спросил Дэвид.

— Откуда я знаю? Тахимейд — затворник. До сих пор он не участвовал в семейных интригах, предпочитая искусство волшебства искусству подковерных войн. Я слышал, что несмотря на молодость, он весьма талантливый и умелый волшебник. Больше теоретик и специалист по магическим системам, чем боевой маг. Похоже, что со смертью отца и

гибелью Джейбрина его затворничеству пришел конец. Ученый превращается… в кого? Для меня это вопрос. Но повышение его интереса к семейным делам очевидно. При Хэбиаре он просто проигнорировал бы появление в клане нового члена.

— У меня двойственное впечатление от Тахимейда, — признался Дэвид. — С одной стороны, он кажется неглупым человеком. Он многое знает, и это чувствуется… С другой — кажется, что он слишком расчетлив. Возможно, это впечатление обманчиво, но…

— Нет, — перебил его Фольгорм. — Думаю, оно верное. По крайней мере, у меня такое же впечатление. Хотя близко этого человека я не знаю и никогда не пытался узнать поближе,… А вот у тебя, наверное, будет шанс. Уверен, что он захочет перетянуть тебя на сторону Гэал — против Вомфада. Тебя и соответственно Идэль.

— А, припоминаю… Он утверждал, что ответственность за смерть Хэбиара лежит на покойном приоре и его военном министре.

— Вот-вот, — кивнул Фольгорм. — Уже начал.

— И после этого он еще утверждает, что в разговоре не было ничего серьезного, — сквозь зубы процедила Идэль, бросив уничижающий взгляд на своего жениха.

— А что, это большой секрет? — удивился Дэвид.

Фольгорм засмеялся:

— Само по себе наличие такой версии в клане нет, не секрет. Но раньше гэальцы не трубили на всех углах об этом. Пусть Джейбрин мертв, но Вомфад все еще жив, и это почти открытое обвинение в его адрес… Да, это можно рассматривать как новость. О чем вы еще говорили?

— Да… ни о чем, в общем, — землянин смутился.

— Я думаю, — прищурилась Идэль, — Тахимейд выдвинул это обвинение не просто так. Думаю, он рассчитывал, что эта информация — через Дэвида — дойдет до меня. «Не голосуй за Вомфада, будь с нами».

— Вполне возможно, что это был пробный шар, — согласился Фольгорм. — Но даже если нет, больше чем уверен — гэальцы именно в этом направлении и будут дальше с Дэвидом работать. До собрания сената осталось всего ничего, им надо бы как-то поактивнее начать действовать.

— Еще не ясно, кто победит? — спросил Дэвид.

— Нет. Кетрав — умница, убрал Шерагана уже после того, как была объявлена дата выборов. В результате все перемешалось. Раньше я бы поставил на то, что победят Вомфад и Шераган. Теперь все выглядит намного менее определенным.

— Если Вомфад не был готов к такому повороту событий, почему не

перенесли дату?

— Смерть одного или нескольких кандидатов — это не повод, чтобы откладывать выборы. В противном случае безвластие в Кильбрене вообще станет вечным. Лидер, поддерживаемый какой-либо партией, умирает — группировка вправе выдвинуть другого. Смерть лидера означает также и распад партии? Тем хуже для нее.

Вообще, не могу сказать, что Вомфад к чему-то «не готов». Да, преждевременная смерть Шерагана — это неприятно, но наш военный министр умеет держать удар. Он открыто заступил на место моего кузена в этой гонке и, на первый взгляд, лидирует в ней. Но у меня есть предчувствие, что не все так просто. В сложившейся обстановке остальным пора бы начать суетиться и делать глупости. Скажем, попробовать Вомфада убрать. Или официально обвинить его в чем-нибудь. Или хотя бы его сторонников начать отстреливать. Но все по-прежнему тихо-мирно. Переговоры, встречи, и никаких попыток перейти к активным действиям. Это настораживает. Как будто бы Хаграйд, Кеграв и Ксейдзан решили дать Вомфаду возможность спокойно выиграть выборы. Мне в это слабо верится. Что-то тут нечисто.

— А Вомфад это понимает?

Фольгорм задумался, а затем сказал:

— Думаю, да. Он достаточно разумен для этого. Но мы не обсуждали с ним данную тему.

Снова ненадолго наступила тишина. Идэль опять принялась постукивать кончиком вилки по краю тарелки. Она о чем-то напряженно думала.

— Кстати об этой… как ее?… — Идэль замолчала, вспоминая имя. — О Лидии. Где-то я о ней уже слышала. Кто-то рассказывал… То ли Севегал, то ли…

— Я рассказывал, — Фольгорм улыбнулся. — Тебе было шестнадцать лет и ты расспрашивала меня о Халгаре.

— О Халгаре? Я не помню этого разговора. И при чем тут дед?

— Лидия была с ним до того, как связалась с Хэбиаром.

— Да! — Идэль со звоном положила вилку. В ее голосе звучало скрытое торжество. — Так и есть! Я же чувствовала, что это знакомое имя… Теперь вспомнила. Мы в дедушкином кабинете разговаривали. Ты еще сказал… Она как-то связана с Орденом, где тебя учили. Фольгорм чуть кивнул.

— Может быть, вы расскажете мне эту историю? — спросил Дэвид, — Учитывая, что мне придется иметь дело с гэальцами, хотелось бы понимать

нюансы отношений между семьями.

— Да нет никакой истории, — Фольгорм на мгновение закатил глаза. — Мой отец познакомился с этой девкой в метрополии. Она была местной уроженкой, обычной колдуньей из какого-то там города. Приехала с Халгаром в Кильбрен и поселилась тут. В Хеллаэне — обычная посредственность, но здесь она сразу почувствовала себя первоклассной колдуньей. Но если она и была чем-то первоклассным, то не колдуньей, а шлюхой с длинными ногами и большой грудью. Потом она познакомилась с Хэбиаром и переметнулась к нему. Вот и вся история.

— А что за Орден, в котором она состояла?

Фольгорм пренебрежительно махнул рукой.

— Орден селпарэлитов, — сказала Идэль. — Я ведь тебе уже говорила.

— Идэль говорила, что ты в нем тоже состоишь, — Дэвид посмотрел на принца. Тот сделал преувеличенно-удивленное лицо, усмехнулся и приподнял правую бровь.

— Ты все перепутал, — Идэль покачала головой.

— Меня там учили, а Лидия в нем состоит… состояла, — ответил Фольгорм. — Вот и все, что у нас с ней было общего.

— Кажется, вы… ты ее не слишком жаловал…

— Это правда.

— А тебе-то что она сделала?

— Ничего, — резко ответил Фольгорм. — Просто я не люблю шлюх, как бы высоко они не взлетели. А Лидия именно такой и была. Если ей нужно было что-то получить от мужчины, она просто ложилась под него. Когда она перешла к Хэбиару, то продолжала прыгать из одной постели в другую. Хэбиар просто закрывал на это глаза. А вот Халгару не понравилось, когда она еще будучи в нашем доме, залезла в постель к его старшему сыну, Атвальту. У отца, знаешь ли, были более старомодные взгляды… Ну да, впрочем, не стоит ворошить грязное белье.

— Хорошо. Но у меня есть несколько вопросов насчет этого Ордена, ты не против?

— Да, пожалуйста, — Фольгорм неопределенно пожал плечами.

— Каким образом так получилось, что тебя вообще туда приняли?

— Еще раз: меня не принимали. Я в нем не состою.

— Я имею в виду — приняли и согласились учить. Идэль говорила… если я только опять ничего не путаю, говорила, что туда довольно трудно попасть.

— Это так, — кивнул принц. — Но членами Ордена селпарэлитов были Халгар и Атвальт. Собственно Халгар с Лидией там и познакомился.

Позже он отдал туда своего сына. Твоего отца, — Фольгорм посмотрел на Идэль, — и Герклу Селпарэлиты не обучали, поскольку Рейкана была против. Глойд и Геркла учились в Академии, как и ты. Я родился уже после того, как Рейкана погибла, — принц опять перевел взгляд на землянина. — Я учился у селпарэлитов, но от орденской инициации отказался.

— Почему?

— Потому что помимо силы, селпарэлит обретает определенные обязательства Перед Орденом. Он приносит клятву… не пустой набор слов, он добровольно возлагает на себя мистические узы, обязывающие его соблюдать интересы Ордена. Если селпарэлит пойдет против орденской иерархии, поведает непосвященным тайны Ордена, предаст его интересы, нарушенная клятва станет проклятьем, которое повредит Дар и вообще крайне неблагоприятно отразится на всех магических способностях чародея. В принципе, если не плевать против ветра, условия у селпарэлитов довольно сносные, в то время как во многих других Орденах такого типа проводится по-настоящему тотальное закрепощение адепта… У селпарэлитов многие члены Ордена спокойно живут своей жизнью и знать не хотят эту организацию — хотя, естественно, не нарушают клятву и во вред ей не действуют. Такие условия были при Халгаре и Атвальте и таковы они, по большому счету, и сейчас, но… есть один неприятный момент. Он как раз связан с этой чертовой шлюхой Лидией. Когда она переметнулась к Хэбиару, она рассказала ему про Орден. И многие из Гэал захотели приобрести ту силу, которую там предлагают. Сам глава клана, насколько мне известно, обязательства перед кем-то со стороны на себя брать не стал, а вот его дети и внуки… Кажется, не училась там только Альтана, остальные — Хэбиар, Нидкольм, Бралгар, Берайни и даже Сигейза — проходили высшее посвящение. При том Бралгар пролез наверх, стал одним из магистров и явно нацеливался на то, чтобы сделаться гроссмейстером. В такой обстановке проходить посвящение и принимать какие-то обязательства перед Орденом я не счел разумным. Бралгар мог использовать магические узы в своих целях: скажем, отдать мне приказ, который я, как член Ордена, обязан буду выполнить, но выполнять не захочу, поскольку он будет противоречить интересам клана Кион. И мне придется либо предать клан, либо наплевать на узы и смириться с истощением Дара.

— Но Бралгар уже давно мертв, — заметила Идэль.

— Да, — кивнул Фольгорм. — Джейбрин поступил совершенно правильно, вырезав всю эту ветвь — Нидкольма и его детишек. Даже если

бы заговора Берайни не существовало, его следовало бы выдумать. Но Бралгар, сделавшись магистром, начал тянуть вверх и всех своих родственников. Хэбиар стал его заместителем, и после смерти племянника занял его место. Хэбиар — какое несчастье! — покинул нас два года тому назад. — Фольгорм усмехнулся. — Я заглянул в Орден через несколько месяцев после его смерти, столкнулся в холле с Яльмой и понял, что мое нежелание связываться с этой организацией не стало меньше.

— С Яльмой? — переспросила Идэль. — Значит, после детишек Ксейдзана эстафета перешла к ита-Берайни?

— Ага. При мне из ита-Берайни там были Кольборн и Неймарна. Про текущий состав ничего не могу сказать.

— Ты упомянул о силе, которую селпарэлиты приобретают после инициации. Можно поподробнее об этом? — спросил Дэвид.

Фольгорм прищурился.

— Ты вообще что-нибудь знаешь о хеллаэнских магических Орденах?

— Только то, что они есть.

— Как правило, Орден образуется вокруг какой-нибудь магической системы — скажем, заклинательного круга, созданного основателем Ордена на природном Источнике Силы. Прошедший инициацию получает новые способности, характер которых задан структурой узора.

— Подожди-подожди… Получается, каждый хеллаэнский Орден имеет в своем распоряжении штуку наподобие вашего Рунного Круга?

— Во-первых, не каждый. Я сказал «как правило, Орден образуется вокруг магической системы…» Как правило. Есть и исключения. Во-вторых, магические узоры различны и по силе, и по свойствам. Например, узор селпарэлитов не дает адепту никакой дополнительной энергии, но изменяет его гэемон таким образом, что посвященный становится способен создавать более сложные и качественные заклятья, и делает это намного быстрее, чем раньше.

— Ты меня удивил. Я думал, Рунный Круг — это что-то уникальное…

— Он уникален, — перебил Дэвида Фольгорм. — Уникален, как, скажем, картина, написанная великим мастером. Но тот же самый мастер может написать не одну картину, а много, и вообще это отнюдь не единственный художник во вселенной… Ясна аналогия?

— Да. То есть, став членом нескольких Орденов, можно вообще заделаться этаким мега-чародеем?

Фольгорм хмыкнул.

— Думаешь, ты один такой умный? Есть немало людей, которые так и делают. Но у этого пути развития есть свои недостатки. Во-первых,

большинство Орденов закрыто для приема «со стороны», туда принимают только своих. Во-вторых, обязательства перед руководством Ордена. Где-то до тебя не станут докапываться, а где-то нагрузят работой и ты будешь тратить все свое время, таская для кого-нибудь рангом постарше каштаны из огня. В-третьих, в самых общедоступных Орденах, то есть в тех, куда доступ открыт не только «своим», тебе по ходу дела заодно еще и мозги промоют, чтобы точно не предал. В-четвертых, некоторые магические узоры несовместимы друг с другом. Твой гэемон просто разрушится, если ты попытаешься стать адептом сразу двух взаимоисключающих систем волшебства. В общем, количество минусов на этом пути ничуть не меньше, чем количество плюсов.

— А есть какое-то общее название для систем такого типа? Просто «колдовскими узорами» их называть неудобно — вон, в твоих собственных заклинательных покоях таких узоров целый десяток. Но Рунный Круг — это все-таки нечто иное… Да и узор селпарэлитов, думаю, тоже.

— Хотя они оба являются намного более сложными структурами, чем то, что нарисовано у меня в заклинательных покоях — по сути это одно и то же: магическая система на базе Источника Силы, имеющая свое графическое отображение. Но мои рисунки питаются от Источника, а для более высокоуровневой системы — нашей или Орденской — сам Источник трансформируется, и эти изменения необратимы. Общее название для узоров такого класса — Рунные Круги, Тертшаур. Иногда эти системы имеют самоназвание, но чаще всего их именуют по месту или по названию Ордена, которому они принадлежат. Или по имени создателя. Поскольку в нашем мире высокоуровневый магический узор только один, мы обычно так и говорим — «Рунный Крут». Всем понятно, о каком круге речь. В метрополии, если речь заходит о нашей системе, обычно добавляют Кильбренийский Рунный Круг, чтобы не путать с другими…

— Понятно. И Селпарэлитский Тертшаур с вашим — совместим. А каким образом об этом узнали? Кто-то из высокорожденных первым рискнул и обнаружил, что конфликта между системами нет?

— Обычно так и происходит, но в данном случае все было немного иначе. До Катастрофы мы поддерживали связь с селпарэлитами. Многие из нас входили в их Орден. Потом связь нарушилась. Халгар попытался восстановить ее и добился приема в Орден. Видишь ли, в чем дело — и наш Круг, и тот, который принадлежит селпарэлитам, создал один и тот же человек. Гельмор кен Саутит был талантливой и творческой личностью. Некоторое время после его смерти существовал еще один Орден и, соответственно, третий Круг, но его уничтожили и Орден распался.

— Как я понимаю, для метрополии уничтожение Круга совсем не так катастрофично, как для вас? — спросил Дэвид.

— Конечно. Несмотря на все таланты Гельмора, никто ему в Хеллаэне не позволил бы замкнуть всю энергетику мира на одну-единственную магическую систему. Да и вообще, чтобы сделать это, нужно, как минимум, контролировать все значимые Источники Силы мира. А большая часть тамошних значимых Источников — Средоточья, зримое воплощение Силы Обладающих. — Фольгорм усмехнулся. Образ Гельмора кен Саутита, требующего, чтобы все Обладающие немедленно передали ему контроль над своими Источниками, показался принцу забавным.

Дэвид подумал, чего бы спросить еще. Хеллаэнский Орден его заинтересовал.

— Селпарэлиты, Ткачи Заклятий — они называют себя так потому, создают свои заклинания быстрее и лучше, чем до посвящения? Ткут заклятья, как пауки — паутину?… Или для такого названия существует иная причина?

— В первую очередь, думаю, причина именно эта, — заверил его Фольгорм. — Само волшебство селпарэлитского узора основано на двух системах Высшего волшебства, которые не имеют в Сущем никакого зримого воплощения. Вообще, они считаются взаимоисключающими, и адепт одного не может стать адептом другого, но Гельмор каким-то образом умудрился пройти инициацию в обоих системах. Позже, на базе чар, одни из которых принадлежат Свету, а другие Тьме, он создал систему, где это волшебство каким-то образом объединено. Светлая его часть именуется Белыми Нитями Сияния, а темная — соответственно — Черными.

— Странное какое-то название, — сказал Дэвид. — Может, Сияющие Белые Нити? Так как-то получше звучит…

— Если бы называл ты, я не сомневаюсь, что звучало бы «получше», — недовольным тоном ответил Фольгорм. — Но вообще-то это волшебство было открыто людям могущественными духами, обитающими на глубинных пластах этих двух стихий, и им уж виднее, как называть волшебство, которое они сами, вероятно, и создали же.

— Что это такое «Нити Сияния»? Ерунда какая-то. Как у сияния могут быть какие-то нити?

— Дэвид, успокойся, — шикнула Идэль. — Если дядя Фольгорм говорит, что так правильнее, значит так правильнее.

— Вот-вот, — Фольгорм назидательно покачал пальцем. — Послушай мудрую женщину.

— Я и не думал возражать… Можно я не буду бить тридцать три извинительных поклона? Передо мной тарелка с салатом, мастер… Так вот, я не возражаю. Я просто не понимаю.

— Увидишь как-нибудь — поймешь.

— Я не ошибусь, что с этими сияющими нитями… или как их там… с ними умели работать и до Гельмора?

— Да, правильно. А он объединил это волшебство, и создал свое. Узор селпарэлитов равно улавливает и Свет, и Тьму. Те, кто осваивал Высшее Волшебство Нитей, утверждали, что и Черные, и Белые Нити Сияния подобны далекому солнцу или некоему кругу из движущихся лучей чистого сияния, часть из которых отходит от своего источника подобно лучам. Гельмор перехватил и те, и другие — «лучи» и соткал из них свою паутину. У Ордена и символ такой — паутинка.

— А этому Высшему Волшебству селпарэлитских адептов учат? — спросила Идэль.

Фольгорм кивнул.

— Но только надежных и полноправных членов Ордена, как ты понимаешь.

— А что вообще позволяют делать эти ниточки? — поинтересовался Дэвид.

— На их базе можно создавать заклинания особого типа. Что-то среднее между классикой и Формами. В этой магии очень сильна стихиальная составляющая, но плетутся заклинания во многом так же, как обычные системные. Вместе с тем классикой Нити ты не опишешь, а вот Нити запустить в классическое заклинание и взять под контроль его нервные узлы в большинстве случаев можно легко. С другой стороны, у Нитей нет того разнообразия, которое предлагают классика и Формы. Это магия с довольно узким спектром действия. Эффективнее всего использовать Нити для разрушения чужих энергетических полей, поглощения энергии, вскрытия заклинаний, к которым никак не удается подобрать отмычек обычными методами и тому подобных вещей.

9

Лийеман пришел на подземный вокзал за полчаса до отправления своего электропоезда — он помнил, как в Рикине он едва не опоздал на поезд, залюбовавшись людским потоком и мраморной отделкой вестибюля. С точки зрения кильбренийского обывателя, в подземных станциях и электропоездах не было ничего особенного, но Лийеман путешествовал таким образом всего лишь второй раз в жизни, и ему все было в новинку. Он не терялся — теоретически он прекрасно знал, как пользоваться тем, что его окружало. Но видимость завораживала. Огромный зал, множество дверей, деловито снующие люди… Лестницы и переходы, стены из стекла, мчащиеся где-то над головой поезда — все это производило на него такое же впечатление, как цирковое представление на ребенка. Правда, в отличии от ребенка, своих бурных эмоций Лийеман не выказывал — он смаковал свои переживания, как гурман. Этот мир такой интересный. Вот бы еще полетать на спегсайбе!..

Он сел в электропоезд 1-го класса на одной из платформ минус четвертого уровня. Бросил вещи в купе и прошел в общий вагон. Он еще не определился, что будет делать — ссориться с молодыми дворянчиками или знакомиться с девушками. В идеале, можно было совместить эти два занятий, чтобы не скучать во время пути. Вид книги в руках какого-то пожилого пассажира вызвал у него приступ отвращения. Целых семнадцать лет он только и видел, что книги. И еще обучающие кристаллы. И еще големы — в качестве партнеров для спарринга. Никакого живого общения до того, как началось это Приключение. Это так здорово, когда кто-то бесится от ненависти к тебе. Или когда женщина в твоей постели содрогается в пароксизме страсти. Или когда кто-то до коликов тебя боится. Или когда кто-то катается по полу, дико хохоча над твоей шуткой. В такие минуты сразу чувствуешь, что рядом с тобой живой человек, а не оживленный колдовством механизм. Поразительное ощущение.

Подраться не получилось: Лийеман отыскал всего лишь одного, подходящего для таких целей, дворянчика, но и тот струсил, когда дошло до дела. Начал извиняться и вообще потерял лицо. Наверное, ему не понравился нехороший блеск в Лийемановых глазах. Лийеман хотел крови, ненависти, боли, а потом, может быть, и страха — и не задумывался о последствиях. Точнее сказать, он делал что хотел и не слишком переживал

из-за последствий, которые в итоге возникали. Смерть его не пугала — он вообще о ней никогда не думал, а ко всему остальному он относился как к открытию — впрочем, для него оно и было открытием. Дворянчик, видимо, почувствовал, что его будущий противник совсем без тормозов, и предпочел замять ссору. Лийеман был разочарован.

Позже он познакомился с молодой парой — просто подсел к ним и, не обращая внимания на напряженные взгляды, начал разговор, и через десять минут они уже стали лучшими друзьями. Девушка — симпатичная и умная, но совсем не сексуальная — привлекла его как собеседник, и не более того, а с ее парнем ссориться было неинтересно — он явно не умел держать меч в руках. «Вызывать слабого противника — значит позорить себя» было написано в «Кодексе», а «Кодекс» до начала Приключения был настольной книгой Лийемана.

Просто так, в доброжелательной атмосфере общаться с людьми даже о чем тоже было по-своему приятно. Они увлекались своими книгами и театром не меньше, чем иные бывают увлечены болью, гневом или сексуальным влечением. Они жили в воображаемых мирах, создаваемых искусством, и эта сторона человеческой жизни понравилась Лийеману. Он и не думал, что можно так сильно переживать из-за каких-то выдумок.

До Орбидо электропоезд шел больше суток — ехать, в общем-то, не так далеко, но как всегда — извилистый маршрут с кучей остановок.

На станции Орбидо никого не было, да и сама станция выглядела какой-то заброшенной. Посвистывая, Лийеман поднялся наверх. Как и советовал Керамар, Лийеман арендовал лошадь на неделю — в качестве залога оставил владельцам ее полную стоимость и сверх того заплатил несколько кдиаров за право распоряжаться животинкой в течение оговоренного срока. Купил еды и поехал. Чтобы не поджариться на солнце, повесил на себя и на лошадь солнцезащитное заклинание. В Спящей Пустыне песка мало, больше каменистая, сухая земля, так что пыль Лийемана почти не беспокоила. Дэвид просил его найти какое-нибудь уединенное место. Проехав по пустыне двенадцать часов, Лийеман решил, что это место достаточно уединенное. Достал из сумки зеркало, установил его неподвижно и начал ворожить. Спустя несколько часов настройка была завершена, данное конкретное зеркало срезонировало с той общей системой, которая позволяет магам общаться друг с другом через зеркала. Как эта система работает, Лийеман понятия не имел, зато он — как, впрочем, и любой мало-мальски образованный колдун в нимриано-хеллаэнском потоке миров — знал заклинания, позволяющие этой системой воспользоваться.

Дэвид был занят и ответил не сразу. Лийеман развалился на земле и стал ждать. Через пару часов пришел ответ. Они перекинулись несколькими словами, после чего Лийеман отошел в сторону, давая возможность Дэвиду повнимательнее рассмотреть местность. Чтобы целенаправленно открыть волшебную дорогу, магу необходимо иметь энергетический Слепок этого места. Слепок можно сделать естественным путем, просто побывав там или получить от кого-либо. Устройства, передающие изображения, в большинстве случаев Слепок передать не способны. Зеркала — исключение, и это — одна из причин их популярности. Дэвид появился минут через пятнадцать. Сначала, как всегда в таких случаях, возникло ощущение, что помимо привычных направлений движения вверх-вниз, вперед-назад, влево-вправо — есть еще какое-то иное. Потом воздух потемнел, исказился, и в окне межпространственного туннеля возник человек.

— Привет еще раз, — сказал Дэвид, шагая на землю, оглядываясь по сторонам и протягивая ладонь для рукопожатия — все одновременно. Лийеман чуть поклонился, как будто не заметив руки.

— Господин герцог.

Дэвид скривился.

— Я думал, мы друзья.

— Вы высокорожденный и доказали это в Источнике. Я — всего лишь дворянин на службе у принцессы Идэль.

— Ты преувеличиваешь разницу в нашем положении.

— А вы ее вовсе отрицаете. Когда высокорожденный панибратствует с дворянами, это выглядит… странно. Простите, что мне приходится говорить об этом. — Лийеман еще раз поклонился. — Но кто-то должен.

Дэвид натянуто рассмеялся. Слова сейр-Варглата задели его, но он постарался не подать вида. Дэвид напомнил себе, что эти люди никогда не знали демократических норм и всеобщего избирательного права. Они жили по иным законам и мыслили иными категориями. Придавали значение какой-то ерунде…

— Высокорожденные — вне норм, вне общественной морали, — сказал он, почти дословно цитируя Фольгорма. — Мы сами определяем для себя, что хорошо, а что плохо. Поэтому я буду панибратствовать с кем захочу и когда захочу. Я не навязываюсь к тебе со своей дружбой, хотя мне казалось, что после того, как нас едва не сожрали сейги в подземелье, на всей официальной дребедени, субординации и прочей ерунде можно поставить жирный крест. Но тебя, кажется, на этой теме всерьез переклинило. Прости, что я говорю об этом, но кто-то должен… — Дэвид

хмыкнул и тут же вновь сделался серьезным. — Так вот, я не навязываюсь и еще раз предлагать не буду. Ну? — Он протянул Руку.

Лийеман после секундного колебания, пожал ее. Лицо у него при этом было хмурым.

— Это неправильно. Вы… ты нарушаешь порядок вещей.

— А кто его устанавливает? — откликнулся Дэвид. — Уж не ты ли?

— Нет. Он просто есть. Я приноравливаюсь к нему и живу в нем. Поэтому у меня все получается. А ты идешь против течения. Пренебрегаешь правилами. Так нельзя.

— Но у меня тоже все получается, — Дэвид пожал плечами. — Если сравнить то, кем я был, и то, кем я стал… меня более чем устраивает, как все повернулось.

— Того, кто идет против течения, рано или поздно смоет.

— Прочтешь нравоучение на моей могиле. Ладно, оставим эту ерунду… Это земли твоей семьи? Ты не говорил, что в ваших владениях имеется пустыня.

— Я пожалел наши владения. Это Спящая пустыня. В той стороне, — Лийеман показал рукой, — Орбидо. День пути на лошади.

— Спящая пустыня? — Дэвид задумчиво посмотрел по сторонам. — Да, наверное, так даже лучше… Подожди-ка.

На базе Воздуха он сотворил заклинание далековиденья и еще раз бегло огляделся. На двадцать миль вокруг — ни единой живой души. То, что надо. Неподалеку — всего в четырех милях южнее — он заметил какие-то развалины.

— А что это там за руины, не знаешь?

— Нет. — Лийеман покачал головой. — Наверное, остатки одного из поселений, существовавших до Катастрофы. Раньше здесь была плодородная земля.

Дэвид вспомнил Курбанун и покачал головой. Это место выглядело как кусочек того, другого, практически вымершего мира. То, каким мог бы быть Кильбрен, если бы Источник не восстановили.

— Ладно, — землянин вздохнул. — Спасибо за помощь. Отличное место для тренировок.

— Рад стараться, господин герцог, — насмешливо улыбаясь, Лийеман приложил кулак к груди и снова чуть поклонился.

Дэвид утомленно махнул рукой — что, мол, с тобой поделаешь?

— Все, проваливай.

Лийеман так и сделал. Сел на лошадь и отправился в сторону Орбидо.

По пути он думал о Дэвиде. Какие-то непонятные у них складываются

отношения. Лийеман позволял ему то, что не позволил бы никому другому. Дэвид назвал его убеждения «ерундой», да еще и послал подальше в конце разговора. Лийеман мог перерезать горло и за меньшее. Но сейчас он почему-то даже не ощущал себя оскорбленным. Не из-за положения Дэвида — какой он и в самом деле, к черту, высокорожденный?… Нет, дело тут в чем-то другом. Может, они и вправду подружились, а Лийеман и не заметил?… «Дружба…» Лийеман попробовал это слово на вкус. Оно казалось чем-то таинственным, неизведанным. Как секс или дуэль, когда он только читал о них, но еще не узнал в деле, что это.

С другой стороны, дружбу Лийеман представлял себе совершенно не так. В книжках, которые он читал до того, как случилось Приключение, дружба, как правило, описывалась иначе. Друзья (обычно — молодые Дворяне) вместе совершали героические подвиги, произносили возвышенные речи и в конце концов кто-нибудь жертвовал своей жизнью ради другого. Панибратства в списке того, что, по мнению Лийемана, обязательно прилагалось к дружбе — не значилось.

В чем-то сложившаяся ситуация выглядела забавной, но чем больше Лийеман думал над ней, тем менее забавной она ему казалась. Лийеман организовывал окружающее пространство под себя. На каком-то уровне он осознавал, что он сам — как водоворот, который затягивает окружающих людей в воронку, расставляя их на те места, которые определены им лично. Он это осознавал, хотя и не выражал, даже для себя самого, это знание в словах. Он просто был тем, кто он есть, и все вертелось вокруг него, потому что должно было вертеться.

Но было из этого правила одно исключение, и чем больше Лийеман над этим исключением думал, тем меньше оно ему нравилось. Дэвид в «водоворот» почему-то никак не затягивался. Напротив, Лийеман вдруг обнаружил, что сам занимает то место, которое отвел ему землянин. Он ведь все-таки пожал его руку. Тогда это казалось естественным. Но ведь он не собирался этого делать, не так ли?…

Из того немногого, что он знал из случайных разговоров о жизни Дэвида Брендома до того, как тот переехал в Кильбрен, выходило, что Дэвиду постоянно везло. События развивались так, что в конечном итоге все оказывалось на руку Дэвиду. Он сам только что признался, что был никем. А стал? Женихом принцессы Идэль-лигейсан-Саутит-Кион, и в перспективе — довольно неплохим магом. Его Дар очень сильно изменился после Источника. Это все заметили.

Больше всего Лийемана беспокоило то, что он не ощущал в Дэвиде никакой внутренней силы, способной заворачивать события так, чтобы в

итоге выигрывать. Лийеман отнесся бы к ситуации спокойно, если бы оказался втянут в поле притяжения более крупной фигуры, нежели он сам. Но Дэвид такой фигурой не был. Он не обладал необходимой внутренней цельностью и не имел никаких выдающихся качеств. И все же… И все же что-то с ним было не так.

Лийемана напрягали вещи, которых он не понимал.

* * *

Фольгорм напрасно говорил о том, что семьи-де слишком притихли перед выборами. Семьи не притихли, семьи готовились.

В ночь с 24 на 25 сентября пышущий огнем, огромный — вдвое выше и толще огра — ифрит проломил стенку в спальне Хенкарна и Альтаны и попытался прикончить сына претора. Мимоходом он уничтожил десяток дворян, прибежавших, дабы защитить своего господина. Ифрит, огненное порождение Преисподней — грозный противник, будь Хенкарн один, вполне возможно, что в фамильном склепе Аминор появился бы новый саркофаг. Вдвоем супругам кое-как удалось удержать демона на расстоянии, а далее, воспользовавшись тем, что ифрит отвлекся на очередную группу дворян, высокорожденные открыли путь и бежали. Уже через пару минут в замке стало тесно от высокорожденных — Хенкарн позвал своих вассалов из младших семей, а Альтана связалась со своими родственниками — Ксейдзан прибыл сам, да еще прихватил с собой Тахимейда, Содана и Рила. Высокорожденные появились вместе со своими личными телохранителями… Короче говоря, ифрита, несмотря на всю его адскую крутизну, подавили довольно быстро. Дальше стали разбираться, чьих рук это дело. Но провести расследование по горячим следам не получилось. Внешнее защитное поле замка не было повреждено… Вернее, оно было повреждено уже потом, когда ифрит буянил, разозлившись из-за того, что цель ускользнула у него из-под носа. За минуту он учинил страшный разгром, устроил пожар, и вдобавок обрушил одну из боковых башен. Но спустили его с цепи внутри защиты, это было ясно. Сколь ни был он силен, ему потребовалось бы время, чтобы пробить внешнее поле, и обитатели замка встретили бы его во всеоружии.

Стали искать того, кто притащил в замок эту тварь — или, что тоже возможно, прямо в замке ее и вызвал. Вместо ответа обнаружили, что часть информационных полей — разрушена. Виновник торжества не был идиотом и знал, что его будут искать. Пока ифрит бушевал в спальне, он спокойно затер все следы и мирно ушел, не прощаясь.

Поскольку магическое расследование ничего не дало, было проведено

обычное. Поиск вещественных улик был сильно затруднен тем, что тут устроил ифрит. В ходе допроса и тщательного исследования воспоминаний слуг и дворянства пришли к мнению, что хозяин ифрита замаскировался под дворянина и таким образом проник в замок. Что случилось с оригиналом, никто не спрашивал — и так было ясно, что его уже никогда не найти.

Вставал вопрос о мотивах. Кому это могло быть выгодно? Ответ лежал на поверхности. Клан Аминор колебался между Вомфадом и Ксейдзаном. Аминорцы традиционно поддерживали Кион, но с Гэал их связывал брак — вот этот самый брак между Хенкарном и Альтаной. Нет связки, нет и союза, не так ли? Но этот ответ казался сяишком простым. Слишком все грубо. Когда Вомфад узнал об происшествии, он во всеуслышанье объявил, что не имеет к этому никакого отношения, и даже предложил свою помощь в расследовании. Кое-кто воспринял это как издевку — благодаря слухам, распространяемым ита-Берайни, в совершенно «честные» расследования военного министра уже мало кто верил. Самилер в узком кругу признался, что не знает, что и думать. За покушением мог стоять и сам Ксейдзан. Уж слишком хорошо заметены следы и слишком плохо организовано нападение. Так или иначе, но Хенкарн и Альтана сумели сбежать. Ксейдзан не стал бы натравливать демона на свою родную дочь? Да, это как бы дает ему алиби. С другой стороны, он мог все очень хорошо рассчитать. Демон не убил ни одного высокорожденного (на Альтане вообще — ни царапины), зато здорово напугал супругов и разозлил всех аминорцев. Их как будто подталкивали к тому, чтобы они отвернулись от Вомфада. Самилер был в сомнениях, которые усиливались воспоминаниями о недавнем разговоре с Вилайдом. Герцог ита-Жерейн счел нужным поделиться с ним некоторыми идеями относительно того, как Ксейдзан поступает со своими союзниками. Он хочет впитать все кланы и возродить монархию. Он хочет откусить от Ниртога ита-Жерейн, взять под крыло Аминор, а в клане Кион — уже практически наложил руку на старшую ветвь наследования, представленную глупенькой и юной принцессой Идэль, которая по уши втюрилась в подосланного к ней Ксейдзанова «внучка».

Обстанбвка на верхах власти потихоньку накалялась, а до выборов оставалось еще полторы недели.

* * *

Кантор кен Рейз стоял на опушке леса и безучастно смотрел на мощеную дорогу, что вела от Моста к столице Кильбрена. Цитадель,

защищавшая врата между мирами, находилась за спиной кен Рейза, и он выглядел как самый обычный путешественник, только-только миновавший Мост и теперь прислушивающийся к своим впечатлениям от нового мира. Но Мост Кантор не проходил. К чему ждать, когда откроются общедоступные пути, если ты можешь создавать свои собственные? И на новый мир он внимания почти не обращал. Все миры, как и женщины, одинаковы: мелкие различия в пейзаже или цвете волос — несущественны. Внимание Кантора было приковано к заклинанию, считывающему содержимое информационного пласта. Да, так и есть: полтора месяца тому назад по этой дороге проехал человек, которого Кантор очень хотел отыскать.

Кантор — по крайней мере, в данный момент — не ощущал ни злобы, ни гнева. Прошло уже немало времени после той злосчастной дуэли, ненависть успела остыть и где-то в глубине души Кантор предпочел бы просто забыть об этой истории, забыть раз и навсегда. Но, как любил говаривать Локбар кен Рейз, есть вещи, которые должны быть сделаны вне зависимости от того, нравятся они нам или нет, и в этом вопросе Кантор был полностью согласен со своим отцом. Забыть об оскорблении? Он, сын хеллаэнского барона, скорее предпочел бы умереть, чем признаться, что способен на такое. Оскорбления забывают лишь смерды. Забыть желала лишь часть его души, часть, в существовании которой Кантор не желал признаваться даже себе самому. Другие части требовали иного, и голос их, подкрепленный обычаями, вспыльчивым характером младшего кен Рейза и самой ситуаций, в которой он оказался после дуэли, звучал гораздо громче. В Академию Кантор так и не вернулся. Он стал бы посмешищем для всех. Его учили в семье, в фамильном замке кен Рейзов — отец довольно плотно занялся его образованием. Все как будто вернулось на десять лет назад — и это было невыносимо, потому что он уже поверил, что стал взрослым, что способен сам решать свои проблемы. В семье почти не говорили о том, что произошло, но Кантору казалось: его позор висит в воздухе, как смрад, пусть даже «свои» делают вид, будто не замечают вони. Его будто заклеймили, и не нужно было слов, чтобы знать об этом. Все напоминало ему о том злосчастном дне, все казалось зеркалом, в котором отражалось его поражение. Принималась ли бабка Нэинья ворчать о том, что нынче Академия уже не та, раз туда принимают всякую иноземную шушеру, заводила ли сестренка Шейна разговор об очередной книжке с любовной историей, где молодой герой вырывал красавицу из лап могущественного колдуна, побеждая его отвагой и хитростью, начинал ли Сигран, его старший брат, рассуждать о видах стратегии, эффективных против воина,

вооруженного заколдованным мечом и сделавшего в бою против мага ставку на скорость — как Кантор чувствовал, как у него мутится рассудок. Подступала ярость. Он злился не на Бездаря — да кто, собственно, этот Дэвид? Пустое место, ничтожество. Бездарю просто повезло. Его злили люди, которые — толком не понимая, что делают, — давили и давили на больное место. Кантор-которого-победил-Бездарь — вот кем он стал. И исправить это можно было только одним способом. Он знал, каким. Все это знали.

Отец… нет, отец ничего не говорил ему. Но с ним Кантор мучился больше всего. Все это молчание, разговоры исключительно по делу, спокойные рассуждения Локбара о природе сил, практика боевого волшебства, которой они уделяли, несколько часов каждый день… И этот безэмоциональный, оценивающий взгляд. Этот взгляд будто вынимал из Кантора душу. Ему казалось: Локбар словно взвешивает его на сверхточных весах; пытается понять, чего он, Кантор, стоит и, вообще, достойно ли это называться его сыном? Возможно, это были только его собственные страхи — отец всегда был холоден и спокоени никогда не демонстрировал излишнюю привязанность к собственным детям — но даже понимая, что его, возможно, терзает им же самим созданный фантом, Кантор ничего не мог с этим поделать. Возможно — в этом все дело. Возможно — так, а возможно иначе. Уверенность, властность и сила отца были тем идеалом, которому Кантор неосознанно стремился подражать. Он мечтал об уважении со стороны этого человека. Но о каком уважении могла идти речь, если он спасовал перед какой-то ничтожной вошью, чудом пробравшейся на скамью учеников и едва-едва сумевшей осилить первый курс? До Академии Кантора обучали его более старшие родственники и в том числе отец — и вот теперь своим поражением он как бы показывал, что ничему так и не научился.

Дэвид был просто букашкой, но собственное поражение, собственная глупость и медлительность, пренебрежение к столь жалкому противнику — вот что по-настоящему жгло кен Рейза. И нельзя было утолить этот неугасимый огонь иначе чем доказав всем, что случившееся — лишь случайность, досадная «очепятка» в блестящей истории сына хеллаэкского барона, Кантора кен Рейза.

Первые несколько недель после дуэли он не мог колдовать — Дэвид своим ковыряльником порядочно изувечил его гэемон. В фамильном замке разрывы были затянуты, местами энергетическая «ткань» наращена заново, и он — словно человек, у которого только-только срослись кости и который пытается встать на ноги после длительного периода

неподвижности — снова начал совершать самые простые действия своим энергетическим телом. На полное восстановление ушли месяцы. Боль от повреждении эфирной ткани может быть намного более сильной, чем страдание, переживаемое при повреждении тела, и в отличие от телесной, эту боль не всегда можно убрать при помощи заклинаний — по крайней мере, полностью. Кантор, который пытался поскорее вернуться в форму, прошел все круги ада, прежде чем его гэемон регенерировал. Можно было совершенно подавить его магическую чувствительность — это избавило бы его от боли, но и затянуло бы восстановление. Мать так и предлагала поступить, отец оставил решение за ним. Кантор подумал: «Он ни во что меня не ставит. Думает, я боюсь. Если я соглашусь на безболезненное и долгое восстановление, я упаду в его глазах еще ниже — если только еще есть, куда падать…» — и выбрал быстрый путь. Прежде чем спустя недели и месяцы боль утихла, он успел проклясть свой выбор не раз…

Прошло полгода. Он полностью восстановился. Освоил кучу новых заклинаний. Его природный Дар — колдовской Дар хеллаэнского аристократа — продолжал раскрываться. Восприятие становилось тоньше, объемы мощи, которыми он мог оперировать — больше, искусность и скорость плетений — выше. В семье, кажется, потихоньку начали забывать о его неудаче. Но он не забыл. Он не мечтал о мести, не представлял бессонными ночами, как будет издеваться над поверженным противником — ни о чем таком Кантор не думал. Он просто знал, что должен найти и убить раба, по вине которого оказался в столь унизительном положении. Расправиться с ним — и перевернуть наконец эту страницу своей жизни.

Он искал Дэвида в Академии, но землянин уже покинул это заведение. В начале нового учебного курса вдруг бросил все и уехал вместе с Идэль. Кантор не занимался расспросами, он вообще старался не попадаться на глаза студентам, которые могли его узнать. Показать даже толику интереса к победившему его смерду было бы унизительно — могли подумать, что он собирается мстить. Нет, мстить он не собирался. Тараканам или мышам, сделавшим жизнь невыносимой, не мстят…

Информационные заклинания показали ему, по какой дороге отправились эти двое. С ними был еще один человек — но Кантор, считывая память места, как человека его не воспринимал. Атта Мирек не был магом, а к тем, кто не умел пользоваться своим Даром, Кантор относился примерно так, как обычные люди относятся к животным.

Он добрался до Моста и открыл путь в Кильбрен.

Отец знал, куда он отправляется. Перед уходом из замка своего маршрута Кантор ему не сообщал, ничего не говорил даже о цели и,

объясняя причину отбытия, сказал лишь: «Нужно закончить одно дело». Но он был уверен, что Локбар все понял. Отец и сын встретились глазами, и бесконечно долгое мгновение для Кантора не существовало ничего, кроме взгляда холодных, темно-серых глаз. Потом Локбар чуть кивнул, и Кантор почувствовал вдруг, что готов отдать жизнь за этого человека, за один его только благосклонный жест. Отец давал ему шанс все исправить. Уже говорилось выше, что Локбар не баловал своих детей излишней любовью, и это короткое мгновение взаимопонимания было для Кантора слаще глотка воды в пустыне. Больше в замке он никому ничего не сказал и оставил в своей комнате кольцо с фантомным зеркалом — не хотел, чтобы его отвлекали во время дела. Если кто-нибудь из родственников обеспокоится, куда он пропал, отец сам решит, что им ответить. Впрочем, Кантор почти был уверен, что Локбар не станет отвечать ничего — просто даст понять, что знает об отбытии сына и не волнуется за него. Спрашивать отчета у барона кен Рейза никто не посмеет.

…Информационные заклинания показали, что тот, кого он разыскивал, действительно проезжал по этой дороге немногим менее двух месяцев тому назад. Кантор отправился в столицу. Идти весь путь пешком он не собирался — он рассчитывал позаимствовать лошадь у какого-нибудь путешественника. К сожалению, сократить путь, телепортнувшись прямо к цели, Кантор не мог — он никогда не был в Геиле. К тому же совсем не факт, что тот, кого он разыскивал, поехал именно туда, а не свернул по пути. Кантор собирался проверять информационные поля на каждом крупном перекрестке. Это немного его задержит, но кен Рейз чувствовал: цель его близка.

10

Приглашение на встречу с Ксейдзаном Дэвиду передал Тахимейд. Так, упомянул между делом, как о чем-то не особенно важном. Дела никакого особенного и нет, просто Ксейдзан хочет чуть поближе познакомиться со своим новым родственником. Если, конечно, у Дэвида найдется свободное время. Если нет — встречу можно отложить, это не срочно.

Дэвид купился на эту туфту. Поверил, что ему предстоит просто еще один визит к своим новым родственникам и не придал предстоящему мероприятию никакого особенного значения. И ничего не сказал ни Идэль, ни Фольгорму.

Поначалу все шло нормально. Вдвоем с Тахимейдом они переместились в замок Реф — хорошо укрепленную постройку где-то глубоко во владениях Ксейдзана. Глава рода ждал их в одной из гостиных. Еще по дороге Дэвид обратил внимание, что магически это сооружение защищено по первому классу. Здесь был местный Источник, но все его сила уходила на поддержание многочисленных щитов и куполов, закрывавших замок от внешнего мира. Учитывая количество защитных оболочек, свободной энергии в Источнике вообще не должно было остаться. Изоляция поддерживалась и внутри — некоторые комнаты были довольно плотно пропитаны магией.

В одной из таких комнат они и встретились. Если смотреть обычным зрением — комната как комната, вот только вместо обычных окон — заклинания, их имитирующие. Убедительная иллюзия занавесок, рам, стекол и пасторального пейзажа где-то вдалеке. Да, обычная комната. Но то, что воспринял вижкад, вызвало у Дэвида ощущение, будто они вошли в подземный бункер, созданный на случай ядерной войны. Комната была полностью изолирована от внешнего мира, ее окружало столько защитных заклинаний, что и не сосчитать.

«Ксейдзан чего-то боится? — подумал землянин. — Ожидает нападения?… Или это для него — образ жизни, самые обычные предосторожности?…»

Сели за маленький круглый столик в центре комнаты. Соки, легкие вина, фрукты и сладости… Ксейдзан вел себя дружелюбно и непринужденно, немедленна занял гостя беседой — в общем, поначалу все было очень мило. Обычный светский разговор ни о чем. Тахимейд по

большей части молчал, лишь изредка вставляя какую-нибудь реплику.

В конце концов (Дэвид ожидал, что произойдет нечто вроде этого) Ксейдзан попросил гостя еще раз рассказать свою историю — если возможно, чуть подробнее, чем было сделано за общим обедом. Не всю историю, нет — особенно его интересовали обстоятельства знакомства Хэбиара и прабабушки Дэвида Брендома. Дэвид еще раз пересказал «семейную легенду». Ксейдзан слушал с большим интересом, и время от времени доброжелательно покачивал головой, как бы в такт рассказу. Тахимейд, на которого Дэвид иногда поглядывал, чему-то улыбался и выглядел задумчивым.

— Да, поразительная история, — сказал Ксейдзан по ее окончании. Дэвид не понял, что именно в ней «поразительное», но возражать не стал. — А ты не покажешь нам свой мир?

Дэвид почувствовал, как у него пересохло в горле. — Я еще не умею перемещаться между мирами. Только-только начал осваивать это искусство.

— Ничего страшного, — успокаивающим тоном произнес Ксейдзан. — Открыть волшебную дорогу могу я сам. Скажи только номер твоего мира — ты ведь знаешь общепринятую систему классификации миров, не так ли? — и мы быстро его найдем.

— Зачем? — спросил Дэвид, чувствуя, что его загоняют в угол. — Для чего вам это нужно?

Ксейдзан изобразил удивление.

— Хочу посмотреть на мир, где побывал мой сын. Мне любопытно. Разве это недостаточная причина?

— Там ничего особенного нет, — произнес Дэвид. — Обычный мир.

— И все же, я хотел бы взглянуть сам, — вежливо, но твердо сказал глава дома.

Дэвид помолчал. Мысленно досчитал до десяти. Разве не этого они ожидали? А ведь Фольгорм и Идэль предупреждали его. Теперь нужно сказать «нет». И объяснить, почему.

— Простите, но я не могу выполнить вашу просьбу, — собственный голос, как назло, вдруг сделался хриплым.

— Почему же?

— Я не хочу, чтобы здесь, в Кильбрене, узнали, откуда я. Война между кланами — это игра без правил. В такой ситуации мои друзья или близкие могут стать разменной монетой… способом оказать какое-то давление на меня. Я этого не хочу.

— А у тебя есть родственники? Живые, я имею в виду? Они ведь тоже

могли бы пройти Круг.

Дэвид покачал головой.

— Живых нет. Но люди, с которыми у меня были хорошие отношения — там по-прежнему есть. Может быть, лет через пятьдесят или сто я и…

— Я никому не скажу, — доверительным тоном сообщил Ксейдзан.

«Хочет посмотреть, посмею ли я сказать ему в лицо, что доверяю ему не больше, чем всем остальным», — подумал Дэвид.

— Простите. Я вас… тебя еще недостаточно хорошо знаю.

Ксейдзан, продолжая улыбаться, посмотрел на Тахимейда. Тот чуть кивнул, как бы признавая что-то. Что-то, что они обсуждали ранее. «Беседа была продумана загодя… — понял Дэвид. — Нет, это не просто „светский визит"…»

— На общем обеде, — сказал Ксейдзан, — ты, кажется, уже упоминал о том, что не хочешь раскрывать, из какого ты мира. Конечно, это желание понятно. Вместе с тем наше общее любопытство, я думаю, тоже не должно вызывать у тебя удивления…

— Конечно, не вызывает, но…

— Не перебивай меня, я еще не закончил. — Голос Ксейдзана оставался: таким же ровным и мягким, но теперь эта мягкость пугала. — Вместе с тем в твоей длинной речи прозвучало несколько ваших, местных, названий. Какие-то страны, города. Конечно, для нас это пустой звук, мы понятия не имеем, чему они соответствуют. — Ксейдзан снова посмотрел на Тахимейда, и оба — дед и внук — опять чему-то улыбнулись. Чему-то, что Дэвид не знал, а они — знали, и для них это нечто было очевидным, наглядным.

— Возможно, тебе неизвестно, — продолжал Ксей дзан, — Но в Хеллаэне существуют каталоги миров. Если я не ошибаюсь, нашей цивилизации на данный момент известно около миллиона миров и эти каталоги постоянно дополняются. Естественно, описания иногда очень краткие, но вся эта информация, в общем и целом, общедоступна… Любой человек с доступом в ИИП в этом массиве может найти нужный ему мир за минуту. Главное — задать верные параметры поиска.

«Я в дерьме — подумал Дэвид. — Боже, ну какие же мы идиоты… Нет, идиот только я. Фольгорму и Идэль, наверное, и в голову не могло прийти, что названия стран и городов, которые прозвучат в моей истории — подлинные, и исторические события изложены верно…»

— То, что искомый мир — сателлит Земли Изгнанников, сразу облегчило задачу, сократив зону поиска от миллиона до нескольких тысяч миров. — Ксейдзан говорил не спеша, таким тоном, как будто бы

обсуждалась живопись до-Катастрофных времен или местные сорта кофе. — Большое государство на североамериканском континенте под названием «Винланд» имеется в сорока мирах вашего ригурт-хада. Англо-Нормандия существовала более чем в сотне миров. Приблизительно столько же миров, где Китай первым создал и применил атомную бомбу. И еще сотня миров, в которых в какой-то период истории часть северо-американского континента была оккупирована Россией. Но мир, где существовало сразу все вышеперечисленное — только один: Т-1158А. Ближайший к нему — Т-1158В — сгорел в ходе атомной войны между Россией и Китаем. И на Т-1158А действительно жил человек по имени Дэвид Брендом. Это правда. Вот только не было никакой семейной легенды про «дьявола», который будто бы зачал его прадедушку. В своем отцовстве Марк Томас Брендом никогда не сомневался, и никакими параномальными способностями его сын не обладал. Конечно, в хеллаэнском каталоге этого нет. Но в каталог, как и положено, был помещен Слепок с видом на одно из мест твоего мира… и открыть туда путь мне не составило никакого труда.

«И дальше я использовал информационные заклинания и понял, что ты, дорогой «внучек, с убежденным видом и честными глазами вешал мне на уши полную ланшу…» — мысленно закончил Дэвид за Ксей-дзана. Ложь его легенды установили настолько просто и легко, что хотелось застрелиться ох обиды. И ведь он сам дал гэальцам все необходимые данные для того, чтобы это можно было сделать!

Молчание за столом длилось больше минуты. Дэвид мрачно смотрел в свою тарелку.

— И что дальше? — спросил он. — Что теперь?

— А теперь, — вкрадчиво ответил Ксейдзан Ты расскажешь мне, в чью голову пришла чудная мысль внедрить тебя в мою семью. И от кого из нас — на самом деле — ты ведешь свое происхождение.

Дэвид медленно поднял голову и посмотрел в глаза главе клана. Теперь до него дошло, почему эта комнату так хорошо защитили магически — специально на случай, если он вздумает что-нибудь выкинуть. В том, что здесь среди прочих оболочек стоит заклинание, препятствующее телепортации, можно было не сомневаться.

Он вдруг ясно осознал, что находится сейчас в полной власти этих двух людей. Магически противостоять им он не сможет, сбежать ему не дадут. Им нужна правда. На него смотрят как на шпиона и особо церемониться не станут.

Он попался. Проиграл, даже еще не вступив толком в игру. Возможно,

это было закономерно, ведь он — не интриган, не мастер подковерной борьбы. Ему это чуждо, как чужд сам этот мир и вся эта система обмана, подлости, предательств, бесконечной грызни ни за что ради того только, чтобы считаться первым среди равных. Отступать было некуда. Когда он это понял, то ощутил вдруг странное спокойствие. Надежда остаться в живых ушла, но ее место заняло не отчаянье, а готовность сражаться.

Теперь у него была только одна цель: сохранить в тайне тот факт, что Кильбренийский Рунный Круг прошел простой человек, не высокорожденный. Если он скажет правду, под угрозой окажется Идэль.

— Ничего я вам не скажу, — раздельно и четко произнес Дэвид. — Да, я кое-что выдумал. В нашем роду действительно не было легенды про «дьявола», от которого будто бы зачала Маргарет. Но все остальное — правда. Я веду свое происхождение от Хэбиара, хотя узнал об этом не так давно и совершенно случайно.

— Как ты узнал об этом?

— Не могу ответить. Это не моя тайна.

Ксейдзан и Тахимейд опять переглянулись — но теперь уже без улыбок.

— И чья же?

— Говорю же: я не могу сказать.

— Похоже, ты не осознаешь свое положение…

— Вполне осознаю. Но я дал слово.

— И много ли оно будет стоить, когда мы вытащим нужную нам информацию из твоего разума?

— Не надо меня пугать, — Дэвид покачал головой. — Я проходил Круг и знаю, что подчинить высокорожденного невозможно. Может быть, до памяти вы и сумеете добраться, но даже это потребует времени…

— Ничего, — перебил Ксейдзан. — Мы не торопимся.

Дэвид пожал плечами.

— Можете попробовать. Узнаете, что я говорил правду, что я действительно потомок Хэбиара… твой потомок, — он опять встретился глазами с Ксейдзаном. — Узнаете — и сделаете меня своим врагом.

— Думаешь, меня это волнует? — тихо спросил глава Гэал. — Мне наплевать, чья кровь в твоих жилах — моя или нет. Даже если все это правда, ты — чужой. Ты вырос не здесь. Я о тебе ничего не знаю. И я не верю, что наша семья для тебя что-то значит. Сейчас она ослаблена. Если погибнем мы с Тахимейдом, клан развалится. И поразительно, какое счастливое совпадение! В этот момент появляется еще один человек, потенциально могущий претендовать на власть в клане.

— Тогда за чем дело встало? — спросил Дэвид. — Лиши меня наследства и дело с концом, если ты действительно думаешь, что я — чья-то подставная фигура. Мне не нужна власть, и ваш клан для меня ничего не значит, в этом ты прав. Я не тщеславен и прекрасно буду чувствовать себя и в качестве обычного высокорожденного, формального члена какой-нибудь младшей семьи. Большую часть жизни я прожил как простолюдин и сейчас не испытываю никакого восторга от того, что меня окружают толпы слуг и дворян.

— Тогда для чего ты объявил себя в качестве потомка моего сына?

— Потому что это правда. Можете не верить, но меня никто не «подсылал» в ваш клан.

— Правда? И откуда ты узнал эту так называемую «правду»? — Ксейдзан прищурился.

— От верблюда, — огрызнулся Дэвид. — Повторяю: это не моя тайна.

— И ты думаешь, такой ответ меня устроит?

— Понятия не имею, — Дэвид пожал плечами.

— Ты просто подталкиваешь меня к тому, чтобы закончить этот разговор и извлечь из тебя правду… другими методами.

— Получите врага.

— Нет, не получим, — Ксейдзан покачал голевой.

— Получите. Ты не станешь убивать меня, поскольку Идэль знает, где я, а враг уже в ее лице вам точно не нужен.

Ксейдзан рассмеялся.

— Думаешь, меня беспокоит месть со стороны этой девочки?

— Думаю, да. Она связана со своей семьей куда теснее, чем я — со своей, и в случае чего за нее найдется, кому отомстить. Даже в случае твоей полной победы это будет новый и совершенно бесполезный конфликт.

— Увы, ты не оставляешь мне выбора, — Ксейдзан покачал головой. — В свете той ситуации, которая у нас сейчас складывается, мне очень хочется узнать, кто же тебя прислал. Даже с учетом всех возможных осложнений. Давай ты скажешь это сам, хорошо?

— А какой вам толк от моего ответа? Как вы сможете проверить его подлинность?

— Сможем, — улыбнулся Ксейдзан.

«Блефуют?…» — подумал Дэвид. Но даже в случае, если у них и впрямь имелся какой-то способ определить, правду он говорит или нет, он все равно собирался проверить, насколько этот способ надежен.

А не захотят ли они, услышав ответ, все-таки вскрыть его черепушку и

убедиться, что он не солгал? Это было весьма вероятно. Но все-таки он рискнул. Это было как откровение свыше. Интересно, есть ли во вселенной божество, покровительствующее удаче? Он сейчас с большой охотой ему бы помолился…

— Похоже, у нас патовая ситуация, — Дэвиду самому понравилось, как это прозвучало — хладнокровно и веско, как и пристало говорить высокорожденному. — В то, что я не работаю на кого-то другого против Гэал, вы не верите. Доказать, что я не шпион, я могу только одним способом — назвав того, кто мне рассказал о моей связи с Хэбиаром, а именно этого я не могу сделать, потому что дал слово. Но у меня есть мысль, как можно выйти из тупика. Я назову вам тех, кто мне этого не говорил. Два имени. Это не Хаграйд. И не Вомфад. Повисла тишина. Сделанный им намек был более чем прозрачен. В смысловом ряду «Хаграйд, Вомфад…» не хватало еще двух имен: Кетрав и Ксейдзан. Но о самом себе Ксейдзан знал, что он тут не при чем. Значит?… Чем дольше длилось молчание, тем сильнее у Дэвида крепло ощущение, что он, стреляя вслепую, попал-таки в цель. Подтвердил какие-то собственные подозрения Ксейдзана и Тахимейда, затронул что-то что оставалось неизвестным ему, но было известно — или подозревалось — лидером клана и его единственным наследником.

— Так значит, Кетрав хочет подставить меня, — негромко сказал Ксейдзан. — Ита-Жерейн, Аминор, а теперь еще ты…

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Думаю, понимаешь. Как Кетрав связался с тобой?

— Повторяю, я не понимаю, о чем речь.

— Поставим вопрос иначе, — наконец подал голос Тахимейд. — При каких обстоятельствах… тот, кто рассказал тебе о твоем происхождении от Хэбиара, связался с тобой?

— На такой вопрос могу ответить, — «сдался» Дэвид. — Это была личная встреча. Идэль только купила особняк, я занимался приведением его в порядок. Он пришел так, что его никто не видел, и так же ушел.

— И что сказал… ммм… этот человек?

— Что я происхожу от Хэбиара. Он не вдавался в подробности, откуда ему самому это известно. Сказал, мол, что они были дружны.

— Вранье, — уверенно произнес Тахимейд. Дэвид пожал плечами.

— Возможно, мне-то откуда знать? Он так сказал.

— Значит, он сказал, что ты высокорожденный и ты сразу в это поверил?

— Я проверил. — Произнес Дэвид с нажимом. — Я не хотел быть

просто человеком из свиты Идэль, вот и подумал: чем черт не шутит? Оказалось — да, все правильно.

— Ты с ним… с твоим «благодетелем» после этого общался?

— Да. Я связался с ним и поблагодарил. Спросил, чем могу быть ему полезен. Он ответил — пока ничем. Больше мы не общались.

— «Пока ничем»… — повторил Ксейдзан. — А в перспективе, значит, «чем-то»?… Ну-ну. А тебе не приходила мысль о том, что тебе, возможно, чудовищно повезло? Кетрав хотел — а возможно, хочет и сейчас — жениться на Идэль. Такой простой способ тебя убрать: наврать, что ты потомок одного из нас и отправить в Круг, предварительно взяв слово, что ты никому не расскажешь об этом разговоре. Просто и изящно.

— Ах, так он хотел жениться на Идэль? — переспросил Дэвид. Он и в самом деле был слегка ошарашен. Но если, начиная врать, он испытывал легкое чувство вины перед Кетравом, который, в общем-то, лично ему ничего плохого не сделал, то теперь оно совершенно испарилось. Так вот что означали эти «гляделки» за общим обедом! И Идэль ничего не сказала… Дэвид ощутил укус ревности. Чертов ита-Берайни обхаживал его невесту! Очень правильно, что он, Дэвид, его подставил! Так ему и надо!

— Да. А ты не знал? — Ксейдзан улыбнулся.

— Нет. Но если он просто хотел устранить меня, как же так вышло, что я прошел Круг? — выпалив это, Дэвид вдруг понял, что невольно задал очень правильный вопрос. Затрудняешься объяснить что-то сам — поверни разговор так, чтобы это же самое объяснять пришлось твоему оппоненту.

— Мне бы и самому хотелось это знать, — сказал Ксейдзан. — У тебя нет никаких идей на этот счет?

Дэвид покачал головой.

— Ни малейших. А обычный человек способен пройти Рунный Круг?

— Нет, это в принципе невозможно, — вмешался Тахимейд. — Проверяли, и неоднократно. Думаю, тебе действительно очень повезло в том смысле, что в тебе наша кровь все-таки есть. Со времен праотца Гельмора прошло десять тысяч лет. И все это время высокорожденные, конечно же, не сидели взаперти в Кильбрене… Не считая только период Катастрофы… Кто-то мог заглянуть и в твой мир. Пятьсот, тысячу, пять тысяч лет тому назад… Ты можешь быть чьим угодно сыном и принадлежать — по крови — к любому клану. Теперь это уже не узнать.

— Почему? — Дэвид понимал, что, задавая этот вопрос, в стратегической перспективе играет против себя, но если следовать той роли, которую он выбрал, он должен был спросить. Впрочем, нет — во вред себе он не действовал: эти двое не идиоты и сами догадаются, какой

нужно сделать следующий шаг для идентификации Дэвида Брендома… если, конечно, этот шаг вообще имеет смысл. — Почему бы не отправиться на мою родину и не выяснить, от кого из высокорожденных идет мой род?

— Каким образом?

— Ну, у вас же есть информационная магия.

— Зато ее нет у тебя, и это заметно. — Тахимейд улыбнулся. — Иначе ты бы понимал, что предлагаешь сделать практически невозможную вещь. Ментальное поле — это хаос смыслов. Мы сами вносим в него свой порядок. Нужны четкие критерии поиска, иначе мы ничего не найдем. Можно привязать искомое ко времени: что случилось здесь такого-то числа? Дата, в свою очередь, привязывается к чему-то периодичному — обычно, к сменам дня и ночи. Но нам неизвестно время, когда твой таинственный предок прибыл в твой мир. Возможно, это случилось тысячу лет назад, а возможно — пять тысяч. Пролистывать это все, отслеживать каждую линию… нет, это невозможно. Если бы мы знали, кто это, то могли бы взять в качестве критерия Слепок высокорожденного, и узнать, когда этот кто-то здесь был. Но нам-то как раз нужно узнать — кто он. А какие еще критерии можно задать? Никаких. Одну только абстрактную «высокорожденность» в качестве критерия не поставишь. К тому же есть проблема с ограничением радиуса действия информационных заклинаний… Я не буду вдаваться в эту тему, просто поверь мне на слово: найти человека, от которого ты происходишь, нереально. И если кто-то будет убеждать тебя в обратном, не верь.

— Хорошо, — Дэвид пожал плечами. — Не буду.

Возникла пауза, а потом Ксейдзан сказал:

— Пусть изначально Кетрав собирался просто избавиться от тебя, думаю, уже в скором времени он увидит возможность использования тебя. Пока ему не до тебя… но если все мы переживем выборы… и если ты приживешься у нас, думаю, он обязательно напомнит тебе о своем существовании… О твоем «долге».

Ксейдзан усмехнулся.

— Я понял, — Дэвид кивнул. — Если произойдет что-нибудь в этом роде, я обязательно сообщу вам.

Тахимейд проводил Дэвида до портальной комнаты — своего рода «магической прихожей», предназначенной для тех, кто покидал замок или проникал в него не через ворота, а посредством волшебства. Во всех остальных помещениях телепортация блокировалась, а в портальной комнате была выставлена усиленная стража.

Здесь же находился общий бинарный портал, но Дэвид, естественно,

для возвращения в особняк собирался воспользоваться более удобным и быстрым способом.

— Я не хотел, чтобы беседа проходила в таком тоне, — признался Тахимейд.

Дэвид криво усмехнулся.

— Да ладно. Я все понимаю. В любом случае вам нужно было что-то делать с чужаком, который влез в вашу семью.

— Я уже почти поверил, что у меня появился новый родственник, — Тахимейд вздохнул. — Ксейдзан рассказал мне о своем расследовании только сегодня, перед самой встречей. Вчера, когда я передавал тебе приглашение деда, я еще ничего не знал.

Дэвид неловко пожал плечами. Тахимейд как будто оправдывался… и это выглядело странно. По ощущениям Дэвида, оправдываться в этой ситуации скорее следовало бы ему.

Тахимейд пытался сохранить хорошие отношения? Но зачем ему это?

— Несмотря на все что случилось… — Тахимейд замолчал, подыскивая нужные слова. Он как будто бы сомневался — говорить или нет, но в конце концов решился: — Я полагаю, ты еще мог бы стать одним из нас.

— Ты шутишь, — усмехнулся Дэвид. — Каким образом? Шансы на то, что я веду свое происхождение из вашего клана — один к четырем.

— Это не так уж мало. Но кровь не настолько важна. Важен выбор.

— Ты хочешь сказать, что гэалец — тот, кто верен Гэалу?

— Да, именно так. Для нас верность задана самим рождением. Но ты еще можешь выбрать. Я попрошу деда подождать с… с официальным отказом тебе в праве наследства.

Дэвид не знал, как реагировать на сказанное. Насколько искренним было это предложение? Или это всего лишь искусная форма вербовки?

— Стоит ли? — наконец осторожно спросил он. — Для вас ведь это вопрос безопасности. Вы не можете быть уверены во мне… Что, если все, сказанное сегодня — вранье, и я подослан с тем, чтобы после вашей с Ксейдзаном скоропостижной кончины занять место главы клана? Твой дед рассуждает совершенно верно. То есть я хочу сказать, что не могу доказать, что это не так. Опасения вполне законные.

— Конечно, риск есть, — согласился Тахимейд. — Но я совсем не вижу в тебе угрозы. Мне кажется, что тебя занесло в Кильбрен случайным ветром, за твоим появлением не стоит никакого грандиозного плана и ты еще можешь встать на любую из противоборствующих сторон… Таково мое мнение, и я буду полагаться на него до тех пор, пока не получу убедительных доказательств обратного. Всего хорошего, Дэвид-кириксан-

Саутит-Гэал. Подумай над моими словами.

Тахимейд протянул руку, и Дэвид, пожимая ее, случайно обратил внимание на кольца, которые украшали пальцы Ксейдзанова внука Одно из колец — перстень с печаткой в виде паутины. Символ селпарэлитов, если верить Фольгорму. Несмотря на молодость, Тахимейд уже был членом Ордена. Почему-то этот факт показался Дэвиду важным, но сейчас размышлять над ним времени не было, и он просто отложил эту информацию в памяти.

Ответил на рукопожатие и сотворил заклинание Пути.

— Прощай. Я подумаю.

После того как Дэвид исчез в окне межпространственного туннеля, Тахимейд вернулся в гостиную, которая, сложись разговор чуть иначе, вполне могла бы послужить ареной боя… или пыточной камерой.

Ксейдзан, полузакрыв глаза, неподвижно сидел на прежнем месте. Тахимейд плеснул в свой бокал вина и уселся напротив — в кресло, которое несколько минут назад занимал Дэвид.

— Ну и что ты об этом думаешь? — не открывая глаз, поинтересовался Ксейдзан.

— Я думаю, мы поспешили, — ответил Тахимейд. — Я ведь говорил тебе. Так мы ничего не добьемся.

— Но он назвал имя.

— А кто поручится, что это не ложь? Ты провел расследование и понял, что в этой истории есть… определенные натяжки. Но если нам солгали один раз, что мешает солгать во второй? Нужно было либо идти да конца, либо не трогать его вообще.

— И отдать инициативу в руки того, кто его прислал? — спросил Ксейдзан.

— Я почти подружился с Дэвидом. Если он ведет какую-то игру, рано или поздно он выдал бы себя.

— Нам могло не хватить времени. Ты сам знаешь, что происходит. До выборов осталось полторы недели.

— Могло не хватить. Но что мы имеем сейчас? Ничего. И если он действительно на кого-то работает, этот «кто-то» теперь знает, что его шпион раскрыт.

— Верно. Обеспокоится и совершит какую-нибудь ошибку.

— Не думаю, — Тахимейд покачал головой. — Скорее уж, сам устранит свою пешку. Или вообще ничего не станет делать. Отложит осуществление своих планов на несколько лет. Посмотрит, откажешь ли ты Дэвиду в наследстве или нет.

— Между прочим, он мог сказать и правду. То есть я просто не вижу больше никого, кроме Кетрава, кто мог бы затеять такую игру.

— А Вомфад?

— Сомнительно. Не его стиль. Кроме того, он всегда был противником слияния кланов. А в случае с Дэвидом, если это часть большой игры, речь идет именно об этом. Кстати, я поручал тебе упомянуть при нем о планах Джейбрина по ликвидации домов. Ты это сделал? Как он отреагировал?

— Удивился. Реакция, насколько я могу судить, была вполне искренней, — ответил Тахимейд.

— Она и должна выглядеть искренней, — усмехнулся Ксейдзан.

— Дедушка, я не думаю, что он такой великолепный актер. Он либо тут и вправду оказался совершенно случайно, либо он — просто пешка, которая вообще ничего не знает.

— Первый вариант я не рассматриваю.

— И напрасно. — Тахимейд покачал головой. — Очень может быть, что мы тратим время впустую.

— Внучек, пойми: Идэль сейчас представляет старшую линию наследования в клане Кион. Она сама через сто лет — либо ее дети — без всякого сомнения будут претендовать на приорат. У такой невесты «случайного» жениха быть не может. В принципе.

— Учитывая фортели, которые она тут выкидывала, — может.

— Я и не сомневаюсь, что с ее точки зрения все произошло спонтанно и исключительно по любви, — хмыкнул Ксейдзан.

— Возможно, ты прав. Если отбросить вариант случайного появления и начать искать кукловода, то нельзя сбрасывать со счетов версию, что это мог быть кто-нибудь со стороны. Дэвид учился у кен Апрея. Отсюда — связь с Хаграйдом и… Нет, это бессмысленно, — Тахимейд потряс головой. — Гадание на кофейной гуще. Пришли к тому, с чего начали. Если Дэвид соврал, то как раз с Кетрава можно сиять подозрения. Но он мог и правду сказать. Нужно было сделать вид, будто мы верим ему, и продолжать наблюдать. Может быть, даже в Орден принять — ну, как законного члена семьи… Рано или поздно что-то да прояснилось бы…

— Принять в Орден? — Ксейдзан усмехнулся и наконец открыл глаза. — И дать в руки тому, кто играет против нас, ту силу, которую вы там получаете?

— Эту силу еще нужно усвоить. Как раз в процессе обучения и стало бы ясно, кто он и откуда.

— Слишком опасная игра, внучек. Возможно, так ты и убедил бы его в нашей доверчивости. Но мы, повторяю, могли бы и не успеть разобраться.

Два трупа и… С такими подарками мы сами вымостили бы ему путь к власти.

— А я полагаю, что рискнуть стоило бы.

— Кажется, мы пошли по кругу, — заметил Ксейдзан.

— Да, так и есть. Я хочу только добавить, что пусть даже его история — вранье, но она могла бы стать правдой. Если Дэвид — пешка, можно было бы вычислите того, кто им руководит, устранить его, а Дэвида переманить на нашу сторону. Естественно, вместе с Идэль… и всем, что с ней связано.

— Это была бы попытка откусить больше, чем мы способны проглотить.

— А так мы вообще ничего не приобрели.

— Мне не нужны лишние фигуры в этой игре, — холодно сказал Ксейдзан. Он перестал казаться расслабленным и говорил теперь не как пожилой человек, вздумавший с ленцой порассуждать на досуге об отвлеченных понятиях, а как глава клана, четко знающий, что и зачем он делает. — Текущий расклад меня полностью устраивает. И неважно, Кетрав за ним стоит или нет. Дэвид мне в клане не нужен, а Кетрав обречен в любом случае.

— Как скажешь. — Тахимейд печально вздохнул. — Но я все-таки постараюсь не разрывать с ним контакта.

— Конечно. Это ни к чему.

* * *

Серебряная маска и сын Кариглема встретились на берегу одной из речушек, впадавших в Эджимайзею. Тихое лесистое местечко — двадцать миль до города, полторы — до особняка принцессы Идэль.

Последний Причащенный выглядел как обычный человек — ни малейших следов серебра на лице. Да и само лицо, собственно говоря, принадлежало не ему — это была искусная личина, иллюзия, сотканная на базе Света. Того, кто умел воспринимать мир энергий непосредственно, она бы не обманула, но ни Серебряная маска, ни сын Кариглема не рассчитывали встретить в этом укромном месте других магов.

Приветствовать друг друга они не стали.

— Итак, — холодно произнес сын Кариглема. — Я жду объяснений.

Избраннику пришелся не по нутру их короткий разговор, состоявшийся вчера днем. Сын Кариглема желал выдать себя за одного из внебрачных потомков высокорожденных и пройти Рунный Круг. Серебряная маска запретил ему это делать. Избранник не любил, когда ему что-то запрещали,

а Серебряная маска, сославшись на занятость, еще и отказался давать объяснения. Избранник потребовал личной встречи — необходимость в ней назрела уже давно. Избраннику не нравилась информационная блокада, в которой он оказался. Серебряная маска занимался делами, посвящать в которые юношу явно не собирался, а установить связь с родителями вот уже две недели никак не удавалось. Конечно, замок Причащенных стоит далеко, в мире на самой периферии хеллаэнского ригурт-хада, и препятствовать связи могло множество помех, но все же…

— Тебе сейчас нельзя объявлять о себе, — сказал последний Причащенный. — Вомфад помнит историю с твоим отцом и внимательно следит за всеми «неучтенными потомками». Объявишь о себе — окажешься под колпаком. Твою историю проверят. И обнаружат нестыковки.

— Почему же тогда не подозревают жениха Идэль?

— Подозревают. И наблюдают, можешь мне поверить.

— И долго это будет продолжаться? — Сын Кариглема презрительно скривил губы.

— Пока Вомфад у власти. Но я полагаю, ему недолго осталось, — Серебряная маска улыбнулся.

— Кто его убьет? — спросил юноша. — Кетрав? Ксейдзан? Хаграйд?

— Я, — ответил причащенный. — У него Частица. Одна из двух последних. Та, что прежде была у Севегала. Он ждет, кто придет за ней.

— Та Частица, которую ты упустил, несмотря на то, что я дал тебе ключ к подземелью? — пренебрежительно усмехнулся юноша;

— Ты сделал это слишком поздно. Я перенесся туда так скоро, как только мог, но Вомфад меня опередил. Он забрал Частицу из тайника, где она лежала.

— Да, теперь я вижу, что мать говорила правду: ты убедительно умеешь объяснять свои неудачи.

— Мальчишка, у тебя нет права судить меня. Ты ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю достаточно. Когда тебя Причастили, то поручили достать Частицу, с которой работал Севегал. Координатор терзал тело Древнего, желая понять природу силы, которую мы обрели, и неизвестно, какое оружие против нас дали бы ему эти противоестественные опыты. Поэтому Частицу следовало забрать. Что сделал ты? Ты пленил Севегала и попытался сделать его одним из нас. Но Севегал не желал себе такой судьбы. Он много времени потратил на изучение Частицы и кое-что сумел понять. Он встроил в себя заклятье, которое реагировало на

трансформацию сознания в форму, свойственную причащенным — а ты ничего не заметил. Когда ты дал ему Частицу и он начал изменяться, заклятье убило его у тебя на глазах, убило столь быстро, что ты даже не успел вмешаться и остановить его действие. О делах Координатора Мостов мог знать внук его сестры, Йатран, который Севегалу, не имеющему собственной семьи, всегда был особенно близок — даже ближе, чем его воспитанница Идэль. Ты дал Частицу Йатрану, но он впал в кому и пришлось срочно переносить его тело в наш замок, дабы скрыть ото всех то, что ты сделал. Уже после того, как был убит приор, ты дал Частицу Вомфаду… ты понимал, что лично подсыпать ему что-нибудь вряд ли удастся, Вомфад слишком осторожен, и поэтому действовал через посредников. Ты дал Частицу повару, внушив, что он должен положить ее в блюдо, предназначенное Для военного министра, и повар так и сделал, но увы — в тот день у военного министра не было аппетита и он не притронулся к этому блюду. Пищу съели слуги, один из них издох, но, к твоему счастью, на его смерть не обратили внимания. Затем из Нимриана вернулась Идэль и за общим обедом ты дал Частицу ей — но что же? Она отвергла Древнего. Вот перечень твоих подвигов. Ты потерял четыре Частицы, и теперь потерял пятую, хотя я навел тебя на нее, дав код к бинарному порталу в подземелье. Ты неудачник.

— Кто ты такой, чтобы обсуждать мои действия? — бесстрастно спросил Серебряная маска.

— Ты знаешь, кто я, — юноша вздернул подбородок. — Я избранник. Я стану ближе к Древнему, чем любой из вас. Ближе, чем Аллайга и Кариглем…

— Они мертвы, — таким же ровным, безразличным тоном сообщил Причащенный. — Они были безрассудны. Слишком полагались на силу места, где пал Древний — и до времени оно хранило их. Но они выдали себя. Еще восемь лет назад они обрекли себя на поражение, в день, когда Вайдер попытался Причастить приора и был пойман. О нас узнали, и с того часа мы были обречены. Однако враги дали нам целых восемь лет — а твои родители так ничего и не попытались предпринять. Меня Причастили слишком поздно, и я уже не мог изменить ситуацию. Я говорил, что надо бросить все исследования, надо вернуться в Кильбрен, скрываться дальше нельзя — мы все равно раскрыты. Кариглем и Аллайга показали свою силу, отразив нападение восемь лет тому назад… Выиграли битву и проиграли войну. Теперь место, где некогда пал Древний, уничтожено, испарено. Все Частицы, все Причащенные, кроме меня — уничтожены. Я пережил страдания, которые ты даже не в состоянии вообразить, «избранник». Я не

понимал, что происходит. Позже я узнал, кто за это в ответе.

— Кто же? — тихо спросил юноша:

— Хеллаэнцы. Им о нас рассказал Вомфад.

Сын Кариглема долго молчал. Ребенка, воспитанного в замке масок, вряд ли можно было бы назвать «нормальным», но все же он был человеком, а не Причащенным. Он умел чувствовать, пусть даже чувства его никак не проявляли себя до путешествия в Кильбрен: в замке масок царило бесстрастие, все подчинялось единственной Цели, Сейчас душой юноши владел хаос. Все, что казалось прежде абсолютно устойчивым, незыблемым, рухнуло в один миг.

— Да, — сказал наконец сын Кариглема. — Вомфад должен умереть. Обязательно.

— Так и будет. Но не раньше, чем он сыграет свою роль. Всему свое время.

— А если он станет приором?

— Не станет. Если же это все-таки произойдет, я дам ему Частицу, которую храню у себя.

— Мою?!

— Да, — спокойно подтвердил Серебряная маска.

— Ты не смеешь!

— Возможно, и не придется. Если все пойдет так, как я задумал.

— Что даст Причащение Вомфада? Что значит «придется»? — требовательно спросил сын Кариглема.

— Не Вомфада, а приора. Приор должен стать Причащенным. Пусть они перебьют друг друга, а затем я сам займу это место. Но если все же приором станет Вомфад, мне не удастся его сместить. Он слишком силен. И тогда придется дать ему твою Частицу. Дабы уже он сам использовал последнюю так, как должно.

— Я не понимаю. В чем цель?

— В воплощении, как и прежде. Полагаю, я наконец-таки нашел путь к осуществлению нашего замысла. Может быть, нас постигнет неудача, но это последняя возможность, которая осталась. Возможно, ты и воплотил бы в себе Древнего в большей мере, чем Кариглем, но эта мера не была бы значительной. А места, откуда мы брали Частицы, более не существует. У нас есть лишь две попытки, и если ни одна из них не приведет нас к цели, все сделается бесполезным. Итак, я полагаю, что Причащать следует не человека. Наш Источник подобен живому существу, и, похоже, действительно является живым на каком-то непостижимом для нас уровне. Но чтобы дать ему Частицу, недостаточно обычной связи Рунного Круга с

высокорожденным, недостаточно даже министерского ключа. Я должен получить ключ приора. Ключ хозяина Источника. Это высший уровень доступа, и лишь на нем можно менять энергетическую структуру Крута. Не важно, сколько времени я потрачу, но в конце концов я найду возможность Причастить Тертшаур. И Круг станет новым магическим телом Древнего, через которое Древний войдет в этот мир.

— А если ты ошибаешься? — спросил сын Кариглема.

— Тогда мы проиграли, — ответил Серебряная маска. — Но иных возможностей у нас все равно нет.

— Мне нужно обдумать все это, — произнес сын Кариглема после долгого молчания. — Все не так, как мы… как я ожидал.

— Да.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Что?

— Мне нужен быстрорастворимый яд, не имеющий вкуса и запаха. Будет ли он убивать медленно или быстро — неважно, главное, чтобы, начав действовать он полностью блокировал колдовские способности.

— Подойдет любой нервнопаралитический, а от вкуса и запаха его можно избавить при помощи заклинаний. На ком ты его собираешься испытывать?

— На одном из высокорожденных.

— Это сложнее. Слишком сильный Дар. Такой Дар может сам подавить отраву.

— Я понимаю, — кивнул сын Кариглема. — Поэтму я и прошу твоей помощи. Сможешь достать такой?

— Смогу, но не стану, — спокойно ответил Серебряная маска. — Я не хочу, чтобы ты необдуманными действиями выдал себя — а значит, и меня. Что ты задумал?

— Ничего. Но нужно предусмотреть ситуацию, когда ты погибнешь, а Вомфад останется жив, согласен? Одну из Частиц я приму сам, а вторую отдам Источнику. Но чтобы добраться до второй, мне придется пройти через Вомфада… через его труп.

Несколько секунд Серебряная маска обдумывал сказанное:

— Хорошо, — произнес он, — Я подумаю над твоей просьбой.

— Не медли, — сказал сын Кариглема. Просительные нотки в его голосе прозвучали впервые… нет, не за время разговора — впервые за всю его жизнь.

11

Рассказывать принцессе о своей встрече с Ксейдзаном и Тахимейдом Дэвиду не хотелось. Но пришлось. Он заранее предвидел ее реакцию и не ошибся: в его адрес было произнесено много нелестных слов. Оправдываться, пеняя на то, что в совершенной глупости виноват не только он, — продумывали ведь, что говорить за обедом, они все вместе, втроем, и если уж глупость была настолько очевидна, Идэль или Фольгорм могли бы указать на нее — Дэвид не стал. Он понимал, что принцессе нужно выплеснуть эмоции, иначе она просто взорвется, как перегревшийся чайнике заткнутым носиком. Слишком нервная была обстановка, и реагировала на все Идэль слишком бурно. Когда буря утихла, стали думать, что делать дальше, но ничего лучше, как сообщить Фольгорму, не придумали. Идэль потребовала, чтобы Дэвид больше никуда не выходил без охраны. Дэвид подумал, что в Ксейдзановом замке охрана в случае чего ему бы не помогла, только погибла бы зря, и поэтому пропустил слова Идэль мимо ушей. Совершенно непонятно было, какими после всего случившегося станут его отношения с кланом Гэал. По логике, Ксейдзану следовало бы в самое ближайшей время объявить о том, что он, Дэвид Брендом, не имеет к их клану никакого отношения. Но Тахимейд был против, и влияние молодого чародея на главу клана, похоже, было весьма велико. Оказавшись зажатым в угол, Дэвид перевел стрелки на Кетрава (еще одна идиотская идея — которая, как ни странно, сработала), а ему в ответ показали такой угол обзора, при котором Кетрав становился землянину не благодетелем, а врагом. Достаточно ли этого, чтобы гэальцы могли поверить в то, что смогли перевербовать его? Дэвид в этом сильно сомневался. Похоже, что гэальцы сами еще не решили, как лучше его использовать. Рейтинг доверия к нему мог бы возрасти, если бы он сообщил о новом контакте с Кетравом и поручении, которое якобы обязался выполнить в благодарность за то, что Кетрав «просветил» его насчет его родословной… Одна маленькая ложь росла, превращаясь в огромное дерево, способное придавить своей массой кого угодно, и, в первую очередь — самого Дэвида, если удача изменит ему и он где-нибудь ошибется. Итак, если он работает на Кетрава, то какую задачу мог бы поручить ему лидер ита-Берайни в клане Гэал? Шпионаж. Ну конечно. Дэвид уже почти собрался связаться с Тахимейдом и сообщить ему эту

«новость», когда его рука, протянутая к зеркалу, замерла, так и не завершив колдовского жеста. Нет, торопиться не следует. Он подождет недельку, посмотрит, как будут разворачиваться события. Посоветуется с Фольгормом. И только после этого, быть может, продолжит свое погружение в лабиринт лжи. Игра становилась все более опасной, но разве стравить Гэал и ита-Берайни — не одна из главных задач, стоящих перед кланом Кион? Тем более что предпосылки к этому и без того существуют, и ложь Дэвида может стать той хворостинкой, которая переломит хребет верблюду… Гэал и ита-Берайни вцепятся друг другу в глотку — к вящему торжеству Вомфада, который возьмет-таки приз в этом забеге. Идэль будет голосовать за военного министра, и Фольгорм, похоже, одобряет ее выбор…

А пока… пока у Дэвида есть целая неделя, которую придется посвятить самому трудному в столь напряженной обстановке занятию — а именно, бездействию. Развитие событий, при котором ему предоставиться возможность поссорить Гэал и ита-Берайни, — лишь одно из возможных, а как все повернется в реальности, заранее предсказать нельзя. Ксейдзан все-таки мог отказаться от мысли «перевербовать» его и просто выкинуть Дэвида из своего клана. Пока эта ситуация не прояснилась, землянин решил воздержаться от дальнейших контактов с кильбренийской знатью — прежде всего, с высокорожденными из младших семей, с дворянами и высокопоставленными чиновниками, с которыми он уже две недели активно знакомился на всевозможных утомительных приемах, проводимых отчасти во дворце, отчасти в особняке Идэль, отчасти — в собственных владениях всех этих людей. Будучи представляем всей этой публике как Дэвид-кириксан-Саутит-Гэал, Дэвид оказался бы в весьма неудобном положении, если б Ксейдзан официально отрекся бы от него. Более того, активное позиционирование себя на публике как потомка Ксейдзана при их нынешних неопределенных отношениях могло лишь подхлестнуть желание претора вышибить «шпиона» из собственного клана. В общем, следовало притихнуть на какое-то время и посмотреть, как все повернется.

Поскольку в особняке постоянно крутилась та самая знать, контакты с которой Дэвид стремился по возможности ограничить, свободное время он посвятил тренировкам на свежем воздухе. Он проводил в Спящей Пустыне по пять-шесть часов ежедневно, а то и больше, с удовлетворением осознавая, как возвращается к нему способность интуитивно отыскивать верный баланс для своих заклинаний. Случались и накладки, но ведь именно для того, чтобы колдовать спокойно, не боясь кого-нибудь ненароком спалить или покалечить, он и выбрал дикую местность.

Разрушительные эффекты обращались против мертвых камней, воздушные духи уже давно перестали приближаться к месту, где «чудил» молодой волшебник, а незримые обитатели земли, в своем большинстве, жили слишком глубоко, чтобы им могло повредить то, что Дэвид учинял на поверхности.

Кольцо с призматическим заклинанием, прежде значительно увеличивавшим объем силы, а после инициации в Круге ставшее бесполезным и даже вредным, Дэвид переделал в более хитрую штуку. В процессе колдовства или при столкновении с чужими заклинаниями колечко теперь меняло его восприятие таким образом, что скорость обработки информации значительно возрастала, кроме того, появлялась возможность принимать и анализировать ту информацию, которая обычно отбрасывается человеческим разумом, а если и принимается, то остается неосознанной, неизвестной самому человеку, хотя и откладывается где-то в глубинах его памяти. В повседневной жизни есть тысячи мелочей, с которыми люди сталкиваются, но на которые не обращают внимания, — аналогичным образом дело обстоит и в магической плоскости бытия. Из поступающего потока данных сознание выхватывает лишь самое важное, прочее проходит мимо. Человеческий разум несовершенен — в единый момент времени он способен удерживать и осознавать лишь сравнительно небольшой объем данных. Из Тальдеара в кольце Дэвид сделал искусственную надстройку, позволявшую преодолеть это естественное ограничение. Это была довольно сложная работа — потребовались все его знания по псионической и системной магии, чтобы осуществить эту задумку. Вдохновил его на эту работу учебник по информационным заклинаниям, которые он потихоньку осваивал, иногда обращаясь за советом к Идэль или Фольгорму. Там, на самых первых страницах, как раз и шла речь о способах, которыми сознание оперирует с информацией. По существу, любое информационное заклинание становилось на время некой дополнительной надстройкой для разума мага. Если механические устройства нужны для того, чтобы расширить естественные возможности тела, а обычные заклинания — для того, чтобы расширить возможности гэемона, то информационная магия схожим образом расширяла возможности структур, которые в обычном человеке ответственны за мышление. Естественно, не всех структур сразу: как в случае с механизмами и обычными заклинаниями, это увеличение возможностей было узконаправленным, строго функциональным.

Действие кольца для самого Дэвида выглядело так, как если бы во время колдовства время для него замедлялось, в результате чего возникала

возможность более полно оценить ситуацию, учесть все нюансы и выбрать наилучшее решение из возможных. Хотя менялся сам Дэвид, ему казалось, что меняется не он, а то, что его окружает: мир становился полнее, в нем вдруг обнаруживалось многое из того, что прежде не замечалось. Дэвид немного гордился своим изобретением, и пока не рассказывал о нем никому, даже Идэль.

Еще во время своей первой тренировки в пустыне, немного попрактиковавшись в боевой магии, он перенесся на несколько миль южнее, к руинам. На открытом пространстве было удобно упражняться с силой Источника, здесь же, ощущая себя пусть немного, но отгороженным от мира, было удобнее думать. Стены приносили чувство защищенности, спокойствия. Здесь находились остатки какого-то большого строения — вероятно, замка или даорца, а может быть, и крупного храма с пристройками. От небольших построек, которые раньше, вероято, окружали центральное строение, ничего не сохранилось, кроме холмов из мусора и щебня, но стены дворца еще стояли. Потолки по большей части рухнули, хота и не везде. Обычно Дэвид, воспарив на Крыльях Ветра, устраивался на остатках какого-нибудь балкона и любовался пустыней, либо, расположившись внизу, спиной к стене, расписывал заклинания, которые позже собирал и превращал в свои подвески. Здесь, в тени полуразрушенного здания, работалось куда лучше, чем в особняке Идэль, где постоянно толпилась куча народу, и обязательно находился кто-нибудь, кому требовалось пообщаться с женихом принцессы сию же секунду. Ничто не мешало ему послать просителей подальше, но мысль в любом случае оказывалась сбитой, и приходилось вновь ее ловить, а это раздражало. В пустыне таких проблем не возникало. Здесь было хорошо, спокойно и безлюдно. Но ничто не вечно, и приятные минуты этой жизни всегда проходят быстрее, чем неприятные. В тот день — второго октября, через пять дней после «откровенного» разговора с Ксейдзаном и Тахимейдом, за четыре дня до открытия сената — ничто не предвещало неприятностей. Дэвид еще не закончил заниматься подвесками — количественно свою старую норму он уже набрал и даже превысил, но после инициации в Кильбренийском Тертшауре его Дар значительно возрос, и, как следствие, увеличилось и количество заклинаний, которые он мог носить при себе в «запакованном» виде. Создавать подвески по принципу тяп-ляп, лишь бы хоть что-то да было, он не хотел, и подошел к этому вопросу творчески и со всей серьезностью. В результате время, которое он потратил на заполнение своих арсеналов, сильно затянулось — но, как уже говорилось выше, Дэвиду нравилось работать здесь, в тишине и

покое.

Он сидел на ступеньках лестницы, которая когда-то вела со второго этажа на третий, и набрасывал в принесенной с собой тетради схему заклинания, которое должно было стать его семнадцатой подвеской, и временами, отрываясь от листа, задумчиво поглядывал на огромное пустое пространство в центре замка. Внизу — кучи мусора, у стен, на разных уровнях — остатки балок и перекрытий. Первый этаж замка полностью ушел в землю. Дэвид смотрел на все это, но почти не замечал — его мысли витали в мире магических формул. В какой-то момент его размышления были нарушены. Внизу, у основания лестницы, в том самом проеме, через который Дэвид проник в замок, изменилось освещение. Стало темнее: проем закрыла мужская фигура. Пришелец молча стоял и смотрел вверх. Лицо его не выражало никаких эмоций.

В первые несколько секунд Дэвид его не узнал — не потому что имел плохую память на лица, а потому что этому человеку здесь было совсем не место, он выглядел лишним, словно призрак, восставший из прошлой жизни. Но потом Кантор кен Рейз изогнул губы в улыбке — и узнавание наступило, хотя Дэвид все еще немог поверить своим глазам. Откуда он здесь? Как он сюда попал?… Мозг отчаянно цеплялся за бессмысленные вопросы, не желая видеть правду — более чем очевидную.

— Я наблюдал за тобой сегодня, — сообщил Кантор. Кажется, ты стал намного сильнее. Это хорошо. — Он улыбнулся еще шире. — По крайней мере, не будет скучно.

Дэвид поднялся на ноги. Автоматически он положил ладонь на рукоять меча — это отрезвило, вернуло к действительности. Какая разница — откуда здесь Кантор? Важнее то, что он здесь.

— Что тебе нужно? — холодно спросил Дэвид. Он понял, каков будет ответ на этот вопрос сразу же, как только его задал, еще до того, как Кантор, глядя на него снизу вверх, совершенно искренне ответил:

— Тебя.

Меч Гьерта вылетел из ножен с тихим шелестом, одновременно с этим движением Дэвид возвел вокруг себя оболочку из Света и Воздуха. Кантор продолжал бездействовать и улыбаться — улыбаться так, как будто бы всецело одобрял все эти действия.

— Один раз я уже победил тебя, — напомнил Дэвид. Он сказал это прежде всего для того, чтобы придать уверенности себе самому. Появление Кантора вывело его из равновесия, чего уж скрывать. Как и тогда, в Академии, не было ни малейшего желания иметь дело с этим самодовольным ублюдком. И, как и тогда, в Академии, выбора ему не

оставляли…

— Да, — легко согласился Кантор. — Было такое.

И ударил.

Он сплел заклинание столь стремительно, что Дэвид даже не успел возвести щит. Воздух наполнился Тьмой, поток истощающей, губительной силы хлестнул по оболочке, почти мгновенно развалив ее, и, продолжая свое разрушительное действие, принялся кромсать защитное поле амулета. Дэвид рефлекторно отступил. Он не был готов к сражению. Волшебная тропка перенесла его за стены замка. Телесным зрением он не видел кен Рейза, но вижкад продолжал его воспринимать — вот Кантор движется следом за Дэвидом по собственному волшебному пути, идет уверенно и неспешно. Дэвид осознал, что если он попытается сотворить более-менее длинную дорогу — например, для того, чтобы сбежать, Кантор просто перехватит его на ней. Он явно разбирался в магии перемещений намного лучше землянина, и соревноваться с ним на этом поле не стоило и пытаться. Все, что успел сделать Дэвид за выгаданную секунду, — возвести вокруг себя новое защитное поле, использовав на этот раз одну из тех подвесок, над которыми он так прилежно трудился в последние дни. Он вспомнил про кольцо и активировал его. Постоянно в том режиме, который задавало кольцо, находиться было нельзя, но как раз для таких вот внештатных ситуаций, когда времени подумать и спланировать свои действия не хватает катастрофически, оно, по существу и предназначалось. Как только Кантор вышел из портала, Дэвид атаковал. Огненная Плеть, Разрушающая Заклятья, взметнулась над руинами величественной пылающей дугой. Кантор отбил удар легко, играючи. Он создавал заклинания с невероятной для Дэвида скоростью, но теперь, благодаря кольцу, Дэвид хотя бы смог понять, какие чары он использовал. Это была изящная комбинация на базе Тьмы и Воды. Свойства Воды позволяли заклятью проникать в чужую конструкцию, свойства Тьмы — подчинять. И «Проникновение», и «Власть» там тоже присутствовали — не считая еще десятка других взаимосвязанных Форм, умножавших действие этих двух свойств до предела. Желудок Дэвида болезненно сжался. Если бы он мог, он бы просто сбежал. Но думать о бегстве сейчас было нельзя ни в коем случае…

— Раб останется рабом, сколько могущества ему не дай, — весело подмигнул Кантор, не делая попыток напасть. — Правда, Дэвид?

Дэвиду стало ясно, что обычного убийства кен Рейзу будет мало. Он хотел еще и насладиться процессом. Унизить того, кто унизил его на глазах у нескольких десятков людей. Дэвид ощутил, как в нем поднимается

ярость. Он вновь ударил, вложив все свои силы, всю колоссальную мощь; которую давал ему Источник. Основой конструкции для нового заклинания служила все та же Огненная Плеть, вот только дополнительные свойства теперь у нее были другими. На первом, самом внешнем уровне, Плеть Истощала и Разрушала Заклятья, стержнем второго служило Очищение — на случай, если канторовским чарам все-таки удастся проникнуть сквозь первый слой, на третьем находилось заклятье Перемещающихся Огненных Клинков — даже если бы Кантор сумел отвести в сторону саму Плеть, Клинки должны были покинуть основную конструкцию и достигнуть-таки цели.

На этот раз Кантор не стал отклонять заклинание: он создал полноценный щит. Полноценный, но… необычный. Щит должен был отбросить чужое заклинание и сам — развернуться в шипастую атакующую ленту. Дэвид увидел составляющие этого заклинания с помощью кольца и, не отпуская контуров, продолжал вкачивать и вкачивать в Плеть все силы, которые только мог собрать. Если он не сумеет проломить защиту, сам защититься он уже не успеет. Кантор, со своей стороны, делал то же самое. Несколько секунд они стояли в безмолвном напряжении, словно два фехтовальщика в жестком блоке, решившие померяться силой, а не искусством.

Кантор пересилил. Несмотря на преображение, которое Дэвид прошел в Кильбренийском Тертшауре, несмотря на мощь, которую Источник сообщал ему, до уровня хеллаэнского аристократа он так и не дотягивал.

И все же, в эти мгновения напряженного, неподвижного противостояния, когда их заклятья скрестились, словно клинки, — Дэвид осознал простую и очень важную вещь: они с Кантором уже не в разных весовых категориях. Да, Кантор тренирован намного лучше, чем он. У Кантора есть преимущество, но все же нет того тотального доминирования в плане магии, как раньше. Прежде Дэвид уступал ему и в мастерстве, и в силе — и все же тогда, во время дуэли, благодаря хитрости и удаче, сумел победить. Сейчас — уступает лишь в мастерстве. У него есть шанс.

Насыщенная энергией до предела, Плеть поддалась шипастому щиту Кантора, но огненные клинки, вырывавшиеся из Плети, повредили щит, и он не успел развернуться столь стремительно и неумолимо, как должен был. Дэвид не стал возводить еще одну оболочку — в щите, превращающемся в длинный шипастый язык, содержалось слишком много силы — вместо этого решил просто уйти в сторону. В пространстве между ним и Кантором творилось что-то невообразимое: мощь, которой Дэвид насытил Плеть, теперь, после разрушения заклятья, вырвалась наружу:

вспухающая, как нарыв, огненная буря, медленный сюрреалистичный взрыв — килограмм так на двести пятьдесят в тротиловом эквиваленте. Волшебная тропка протянулась сквозь пространство, унося Дэвида на противоположную сторону старого замка, сокращая четверть мили до трех или четырех шагов — сколько именно их нужно было сделать, осталось для Дэвида неизвестным, поскольку он успел сделать только два. Кантор так же шагнул на тропу, и опасения Брендома касательно того, что не стоило слишком затягивать телепортационные прыжки, оправдались. Действий Кантора землянин не видел — все его внимание поглотила волшебная дорожка, по которой он еще не умел ходить вслепую, попутно занимаясь какими-то другими делами — а вот Кантор умел. На волшебных путях Дэвид, только начинающий осваивать эту магию, должен был постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не упасть — в то время как его противник умел не только ходить, но и бегать, и толкаться. Тропка, по которой шел Дэвид, на третьем шаге вдруг дико изогнулась и выплюнула его обратно, в самый эпицентр взрыва. Все вокруг затопило пламя, поднятые взрывной волной камни и куски земли превратились в струи раскаленной плазмы; воздуха не было — вокруг было огненное «желе»: газы и твердое вещество смешались в одно.

Кантор вышел из магического перехода спустя секунду после того, как забросил Дэвида в его же собственное взорвавшееся огненное заклятье. Он появился в воздухе, в трехстах метрах над землей и в полукилометре от взрыва. Ярко-рыжий гриб вспухал, поднимаясь вверх, растекаясь между холмами близ замка — там, где прежде пролегали улицы погребенного под песком городка. Одна из замковых стен обрушилась — но само строение устояло: строили его на века, и, вероятно, какие-то чары еще сохранились в камнях. Ослабленная расстоянием, взрывная волна докатилась и до Кантора, но он не заметил этого: охранные чары надежно оберегали его от летящих быстрее пули камешков, частиц плазмы, спрессованного взрывом воздуха и прочей ерунды.

Из-за буйства энергий Кантор не видел, что происходит там, внутри огненного гриба. Он хотел узнать, что осталось от смерда и Бездаря, которому неизвестный идиот дал в руки столь грозную силу (совершенно не научив, впрочем, этой силой пользоваться) — и осталось ли вообще хоть что-то.

Пламя исчезало, все более скрываясь под повалившим снизу дымом — там тлела раскаленная земля — когда из огня вырвался рыже-алый болид. В первую секунду Кантор даже не понял, что это такое, но когда вдруг болид застыл над землею приблизительно на том же расстоянии, что и он

сам, и рыжее марево стекло с него, словно ржавая вода с хрустального шара, увидел — что.

Оказавшись внутри огненного ада, Дэвид был слишком дезориентирован и не успел предпринять ничего для своей защиты. Однако висевшая на нем оболочка — одно из тех «миленьких» подвешенных заклинаний, составлению которых он посвятил немало часов, — спасла его от бушевавшей вокруг мощи, и сама при том не только не пострадала, но напротив, впитав эту мощь, еще более укрепилась. Дело в том, что одна из ветвей заклинания, к которой крепилось две дюжины дополнительных Форм, как раз и основывалась на базовой конструкции, звучавшей как «Заклятье Защитной Сферы из Воздуха и Света Усиливается, Поглощая Разрушительные Энергии Вокруг Сферы». Изобилие разрушительных сил, внутри которых оказалось охранное поле с такими свойствами, только подкормило его.

Тому, что произошло, Дэвид удивился не меньше, чем Кантор. Защитное заклинание содержало в себе полсотни составных элементов, Дэвид уже и забыл все особенности, которыми наделил его, когда собирал. Там был фильтр для воздуха, две регенерационные системы — одна для самого заклятья, другая — для того, кого оно защищало, несколько изолирующих слоев чар, по-разному преграждавших путь вредоносным воздействиям из внешнего мира. Настоящая маленькая волшебная крепость, выстроенная вокруг одного-единственного объекта, которого была призвана защищать. Пока Сфера впитывала бушевавшую вокруг нее силу, Дэвид оправился от замешательства, критически оценил ситуацию и понял, что стратегию боя надо менять. Наложил заклинание Воздушных Крыльев и взмыл вверх. Пусть телепортация в качестве способа перемещения и намного быстрее, зато крылья привычнее и надежнее.

Поднявшись над землей, он увидел кен Рейза. Расстояние между ними было слишком велико для ведения магического боя, следовало подобраться поближе. Конечно, заклинания могли преодолеть и намного большую дистанцию, но в этом случае защищающийся получал слишком большое преимущество за счет дополнительного времени, которое оказывалось в его распоряжении. Чем больше дистанция, тем менее уязвимыми становятся противники, и бой может продолжаться бесконечно; чем дистанция короче, тем более они открыты друг для друга. Поэтому во время колдовского сражения каждая из сторон стремится занять то положение, которое будет удобнее для достижения ее собственных целей. В большинстве случаев, эте расстояние равно атам-тют луз, «длине одного действия» — условной величине, обозначающей дистанцию, достаточную

для того, чтобы успеть произнести хотя бы одно защитное заклинание.

Дэвид устремился к своему противнику. Кантор ничего не предпринимал, наблюдая за ним. Как только расстояние сократилось вдвое, землянин использовал еще одну подвеску — на этот раз, атакующую.

Это была модернизация когтисто-клинковой молнии, усиленная тридцатью дополнительными Формами. Повинуясь жесту руки, в воздухе образовалось подобие ослепительного ветвистого дерева, «ствол» и «ветви» которого состояли из электрических дуг, а «листва» — из огненной бури. Хотя заклинание и было защищено от проникновения извне, Дэвид опасался, что Кантор сможет как-нибудь обойти защиту и отклонить молнию. Его опасения не оправдались. Как и надежды: несмотря на всю убойную мощь подвески, Кантор не попытался уйти по волшебной тропе. Заклинание было устроено так, что преследовало свою цель и на волшебной дороге — очевидно, Кантор увидел, что Форма «Путь» включена в его структуру и не стал отступать. Он выставил перед собой Щит Тьмы, поспешно усложняя его структуру вторичными заклинаниями, описывавшими, что и как будет поглощать этот щит: огонь, свет, электрические разряды, штормовые заклинания — в общем, все то, что Дэвид накрутил на свое молниевое дерево.

Тьма и Свет столкнулись. Заклинания кромсали друг друга, сила выплескивалась во вне — полыхающее световое марево, омраченное темными вкраплениями. Хаос бушевавших энергий скрыл от Дэвида висящую в воздухе фигуру Кантора, и, как надеялся землянин, скрыл от Кантора его самого. Метнув в противника молнию, до краев накаченную силой Источника он не остановился, а продолжал со всей возможной скоростью лететь к месту, где должен был находиться его противник. Молния должна была отвлечь Кантора, не дать ему понять, что Дэвид намеревается сделать. В правой руке землянин крепко сжимал рукоять колдовского клинка.

Дэвид ворвался в бушующее энергетическое марево в тот момент, когда его заклинание уже исчерпало себя и начало рассыпаться. Молнии даже удалось пробить щит Кантора, но ее поражающая сила на этом практически исчерпалась, и то немногое, что осталось, не могло уже причинить защите кен Рейза никакого существенного вреда. В тот момент, когда заклинание иссякло, из светового марева появился Дэвид. Он даже успел Ударить по защите мечом Гьерта… один раз. Потом Кантор ушел по Пути, так стремительно и легко, как будто был призраком, а не человеком. Марево еще не рассеялось, и Дэвид практически мгновенно потерял противника из виду — он не видел точно, но, кажется, Путь уносил

Кантора куда-то вверх и… обратно?

— Второй раз твой номер с мечом не пройдет, — раздался издевательский голос откуда-то сверху.

Дэвид посмотрел вверх… Ошибка. Лучше бы он вместо этого поставил щит. Кантор, висевший в метрах тридцати над ним, ударил со всей дури, использовав, вероятно, одну из своих собственных подвесок. Все вокруг будто взорвалось, только на этот раз в пространстве не расплескались Огонь и Свет, а буйно расцвела Тьма. Дэвид почувствовал, что падает вниз. Его воздушное заклинание не было повреждено, но оно цеплялось за воздух, а воздух сейчас сминался, спрессовывался под сокрушительной мощью Молота Тьмы. У самой земли ему удалось остановить падение, но вот от защитной оболочки, так удачно выручившей его минуту назад, теперь мало что осталось. Дэвид был дезориентирован, из-за окружавшей его темноты почти ничего не видел, с трудом удерживался в воздухе и понимал, что представляет сейчас для Кантора идеальную мишень. Наугад он использовал еще одну подвеску, и на этот раз ему повезло. Одновременно с ним Кантор зачитал новое заклинание, по внешнему виду более всего похожее на падающий с небес заостренный конус. Вершина его, обращенная к земле, была острее иглы, прочнее алмаза, а широкое, диаметром с теннисную площадку, основание, размывалось, закручиваясь в теневой смерч. Эта хреновина должна была добить Дэвида, но результат вышел обратным. Задействованная землянином подвеска базировалась на Жизни, но стихиальная составляющая в ней не была отчетливо выражена: стихия здесь использовались только для того, чтобы дать заклинанию силу, ее собственные свойства практически никак не были задействованы. В самой основе — «Защите Живого Существа», под которым Дэвид, конечно, подразумевал самого себя, не было ничего особенно оригинального, но вот зато вторичные заклинания, которые крепились к основе, были намного более интересными. Дэвид использовал производную Формы Зеркало — Отражение. Заклятье, которое должно было уничтожить его защиту, разрушить его тело и гэемон, обращалось вспять, поток силы менял направление течения, путь искажался.

К этому Кантор не был готов и, когда его собственное заклинание вдруг вышло из-под контроля, предпринять что-либо уже не успел. Дэвид, применив отражающие чары, поспешил покинуть созданную Молотом Тьмы аномальную зону, летать в которой было до сих пор затруднительна, и поэтому не ввдел, что произошло с Кантором. Для своей иглы кен Рейз энергии не пожалел, и вдобавок, снабдил ее еще и сочетанием Форм «Источник Силы», создав таким образом внутри заклинания локальный

генератор энергии. Поэтому, когда игла неописуемым образом вдруг исказилась и поразила его же, мало хеллаэнцу не показалось. Он рефлекторно ушел на волшебную дорогу — заклинание последовало за ним, ибо он, такой предусмотрительный, наделил свою конструкцию способностью перемещаться по Путям. Внешняя оболочка разлетелась вдребезги, защитное поле амулета развалилось более чем наполовину, и, вдобавок, инерция смела кен Рейза с магического пути и вышвырнула в обычное пространство — куда-то вниз, на землю, хорошо хоть, не на ту раскаленную корку у восточной стены замка, которая образовалась там в самом начале боя, после развала Огненной Плети Дэввда… Кантор врезался в землю и, кувыркаясь, покатился по ней. Когда он сумел остановиться и встать на ноги, красивого и гордого юношу было уже не узнать. Одежда изодралась и извозилась в пыли, на лице, руках, на теле в разрывах ткани блестели свежие порезы, оставленные камнями. Он сплюнул — смесь грязи и крови — и посмотрел вверх. Сказать, что в эта секунды он ощущал бешеную ярость и ненависть, — значит ничего не сказать.

…Выбравшись из аномальной зоны, Дэвид немедленно занялся восстановлением защитного поля, параллельно обшаривая окружающее пространство как обычным, так и магическим зрением на предмет местонахождения противника. Судя по тому, что он, Дэвид, был все еще жив, а Кантор никак себя не проявлял, отражающие чары какой-то эффект дали, это очевидно, но вот насколько серьезен нанесенный Кантору урон, землянин не представлял. Восстановив защиту, он раскинул вокруг себя паутину, долженствовавшую предупредить его о любых энергетических возмущениях в окружающем пространстве: сюрпризов вроде неожиданного появления хеллаэнца над головой или за спиной, второй раз ему получать совершенно не хотелось.

Уже через две или три секунды паутина предупредила его о приближении врага. Кантор не стал телепортироватъся, он взлетел, по ходу окружая себя новой защитной сферой. Он наконец-таки достал из ножен свой собственный меч. Ярость, бушевавшая в кен Рейзе, требовала выхода, а бой на дальней дистанции никак не мог ее утолить. С самого начала он ожидал сопротивления, но был уверен, что легко победит. Вместо этого его заставили наесться грязи. Ему хотелось порвать смерда собственными руками.

Они столкнулись в воздухе, в двухстах метрах над землей, и клинки, один из которых был черно-багровым, с рубином в рукояти, а другой голубым, с сапфиром, скрестились со звоном и разошлись с

отвратительным скрежещущим визгом. Дэвид очень быстро понял, что на преимущество в ближнем бою он рассчитывал совершенно напрасно. Этот тактика сработала в Академии на дуэли: тогда Кантор меча с собой не взял, предпочтя выбрать два других артефакта из тех, что дозволялись правилами. Но это вовсе не значило, что он не умел пользоваться оружием. Напротив, умел, и очень даже неплохо. В Академии он не взял с собой меч, выказывая тем самым презрение к противнику Он не собирался обнажать клинок и сейчас, намереваясь раздавить Дэвида как насекомое, но после того, как его — посредством его же собственного заклинания! — протащили лицом по земле, высокомерное презрение попросту утонуло в затопившей его ярости. Он не потерял голову, нет — но теперь он хотел увидеть лицо Дэвида, когда будет его убивать, заглянуть в его глаза — расширенные от страха, молящие о пощаде, мутящиеся от боли в тот момент, котда его клинок вспорет брюхо «смерду». Но Кантор увидел не страх, а холодную решимость, и это поколебало его собственную уверенность в себе: смерд не должен, не может себя так вести. Раб должен бояться смерти. Но Дэвид не боялся. Он защищался умело, был осторожен и сосредоточен на поединке, страха не было — и это сбивало Кантора с толку.

Они кружились в воздухе, осыпая друг друга градом ударов, расходились и сцеплялись вновь. Через три минуты, так ничего не добившись в нескольких коротких, но яростных стычках, они отдалились на расстояние, которое позволяло применять магию, не опасаясь того, что противник, воспользовавшись заминкой, тут же снесет тебе голову. Кантор уже поостыл, ярость слегка улеглась, кроме того, ему стало ясно, что Дэвида сломать так просто он не сумеет. Физически Дэвид был слабее и не так быстр, но он компенсировал это техникой и опытом, кроме того, он защищал свою жизнь и в силу этого дрался намного лучше, чем если бы находился в фехтовальном зале. Дэвид был предельно собран, он не размышлял, способен ли победить, он просто делал все, что мог, для этого. Кантор же растерял немалую часть собственной уверенности. Происходило что-то неправильное. Он должен был победить. Он знал это. Но…

Вытянув клинок в направлении противника, левую руку Кантор отвел назад. Пространство вокруг хеллаэнца стало темнее, перед раскрытой ладонью возникла черная сфера, как будто всасывавшая в себя дымные нити темноты, появлявшиеся из ниоткуда. Кольцо показало Дэвиду общий рисунок заклинания, а то, что Кантор накачивает в свою конструкцию силу, землянин видел и без помощи артефакта. Кантор не медлил — между моментом, когда он начал собирать силу и моментом, когда метнул

заклинание, разворачивающееся в ревущий всепожирающий водоворот Тьмы, прошла одна, от силы — две секунды, но Дэвид благодаря кольцу за это время успел оценить угрозу, продумать ответ и приступить к его воплощению. Он метнулся к Кантору — но не через центр заклятья, где концентрация Тьмы была наиболее высокой, а по дуге, пробив одну из «стенок» черного вихря. Заклятье, которое он наложил на себя, — звучало, как «Живое Существо Перемещается как Молния в Защитной Оболочке, Отражающей Окружающие ее Разрушительные Силы» — развалилось, но зато его второе охранное поле осталось практически незадетым, а на большее Дэвид и не рассчитывал. Увидев, что он вырвался из вихря, оставшись, что называется, «при своих», Кантор шагнул на волшебную дорогу, но к такому повороту Дэвид уже был готов и немедленно активировал еще одну из своих подвесок, на скорую руку дополнив ее заклинанием, придававшем подвеске способность преследовать свою цель и на колдовских путях. Он не ждал, каким будет эффект — рванул сразу следом. Кантор отбился, также использовав одно из припасенных заклинаний, но выпал в обычное пространство практически сразу, и здесь Дэвид наконец его достал.

Клинок Гьерта, раскаляясь и вибрируя, погрузился в защитное поле кен Рейза. Перед тем, как ударить, Дэвид увеличил собственную силу коротким заклинанием Приращения — в противном случае он вряд ли бы сумел пробить защиту. Он едва не сломал меч, но все-таки достиг цели — внешняя оболочка, окружавшая Кантора, иссякла, а его амулет, хотя и пытался противодействовать клинку, защищал своего носителя в большей степени все-таки от магических атак, а не от физических. В первую секунду Кантор не понял, что произошло, — окруженный безумным калейдоскопом бликов и теней (таков был эффект от двух взаимоуничтоживших друг друга подвесок), он вдруг почувствовал холод в правом плече и увидел торчащую из него полосу голубоватой стали. Потом пришла боль, обида, он поднял взгляд — и столкнулся с яростным взглядом Дэвида. На лице землянина читалось злое торжество: я все-таки достал тебя, ублюдок!.. Потом боль взялась за Кантора всерьез — не столько от пробитой кости, сколько от рассеченного колдовским клинком гэемона. Это было ужасно. Он уже пережил однажды такое и не думал, что когда-нибудь испытает вновь — по крайней мере, надеялся, что не испытает. Отливающий синим цветом клинок вышел из его тела и отправился на новый замах; все, что успел сделать Кантор, — это ослабить левитационное заклинание и позволить себе упасть… Меч нарисовал сверкающую дугу прямо перед его лицом.

Дэвид бросился за ускользающим врагом: в отличие от Кантора, он не ослаблял заклинание полета, а, наоборот, увеличил его силу, вот только вектор его Движения был обращен к земле. Вернее — к Кантору. Он догнал кен Рейза почти мгновенно и даже успел еще раз ударить… Преодолевая кровавую муть перед глазами и собственную боль, Кантор задействовал одну из еще остававшихся у него подвесок. Магический пинок отшвырнул Дэвида в небо, внешнее защитное поле развалилось. Пока Дэвид разбирался с заклинанием, Кантор продолжал падать, он пытался замедлить свою скорость, но из-за боли и разорванных связок гэемона не успел сделать это вовремя и врезался-таки в землю. К счастью, левитационное заклинание сохранило часть своей силы, и он не погиб, вот только почувствовал, как хрустнуло что-то в спине и понял, что не способен встать. В небе — он видел это — Дэвид уже почти разделался с Коконом Тьмы и мог добраться до него за считанные секунды. В таком состоянии он не мог продолжать бой — да что там, он и сознание сохранял с трудом — требовалась передышка, и Кантор сделал то, чего делать совсем не собирался: прибег к помощи кольца с Истинным Морионом на своей левой руке… Правую он вообще не чувствовал, и меч выронил еще при падании. Из кольца вытекла струйка дыма и, практически мгновенно набрав густоту и объем, сложилась в ужасающую призрачную фигуру.

— Убей его, — приказал Кантор, показав глазами на небо.

Распрямляясь, как сжатая, а затем отпущенная пружина, мирукхайд устремился вверх. Кольцо Кантору подарил отец, но младшему кен Рейзу и в кошмарном сне привидеться не могло, что ему придется использовать это оружие против смерда, которого он собирался спокойно и с ленцой раздавить, как обычного таракана. Если он выживет и победит, он еще успеет почувствовать себя униженным от того, что ему пришлось прибегнуть к помощи демона — как бы расписываясь тем самым в неспособности самостоятельно расправиться со своим врагом. Но для начала нужно было выжить.

Дэвид не знал, что это за демон, понял лишь, на основании которого сходства в энергетическом строении и уровня Дара, что эта тварь — нечто вроде сейга, только чуток посильнее и поискуснее в управлении потоками. В скорости мирукхайд сейгу действительно уступал, но если, обратившись к аналогиям из мира насекомых, сейга можно было бы сравнить с осой, быстрой и злой, а мирукхайда — с пауком или богомолом. Мирукхайд — чистокровное порождение Тьмы, этих демонов можно встретить везде, где сильна данная стихия — и в Преисподней, и в Сущем (хотя и не на человеческом пласте бытия), и во внешних пространствах Царства

Пределов, и даже на Небесах — в той их части, где господствует не День, а бесконечная Ночь. Мирукхайды подобны паукам и богомолам в том, что охотятся на более мелких демонов, те же сейги вполне способны запутаться в их тенетах и сами из демонов-охотников превратиться в пищу. Подобно паукам, мирукхайды раскидывают сети в укромных закутках — складках реальности, которые они находят или сами же создают; подобно богомолам, они и сами, даже без паутины, способны поймать добычу стремительным движением клешнеобразных конечностей. Их внешний облик текуч, он отдаленно напоминает змею, ящерицу, паука — все вместе; основных отростков-клешней у них шестнадцать, жгутообразных щупалец, вырастающих из тела по малейшему желанию демона и с той же легкостью втягивающихся обратно — бессчетное множество. Материализовываясь, они по виду будто состоят из темноты или сгущенного дыма, внешний их облик при этом не слишком велик — чуть меньше или чуть больше лошади. У них множество мелких ртов, бессистемно расположенных в нижней части головы — эти рты способны вытягиваться, принимая как форму жал — для того, чтобы пробить панцирь или магическую оболочку вокруг жертвы — так и форму хоботков, дабы вытянуть из нее как эфирную, так и телесную кровь — что попадается.

Дэвид не мог оценить все способности мирукхайда, но сообразил, что бой с этой тварью предстоит нелегкий. Даже при самых благоприятных обстоятельствах противостояние отнимет время, а Кантор внизу успеет привести себя в порядок. Мимолетное желание обойти демона по путям, добить Кантора, и лишь потом спокойно разобраться с бестией пропало, как только он увидел, как мирукхайд разбрасывает вокруг себя темную паутину — магические пути она в ряде мест тоже перекрывала. Это существо просто не даст ему приблизиться к Кантору, следовало убить его как можно быстрее, пока оно не заполонило тут все своей паутиной. Хуже всего будет, если он не успеет разобраться с демоном до того, как Кантор вернется в строй — Дэвид отдавал себе отчет, что боя с двумя такими противниками он точно не потянет. Поэтому он без колебаний задействовал лучшее из того, что у него оставалось в резерве, лишь бы только уничтожить демона как можно скорее.

Подвеску, которую он применил против мирукхайда, он хранил на самый крайний случай и собирался использовать лишь в ситуации, подобной той, в которой сейчас оказался Кантор: то есть, когда до поражения и смерти оставался бы всего лишь один шаг. Она и действовала почти так, как канторовское кольцо с демоном. Но имелись и

существенные отличия. Это было экспериментальное заклинание, нахальное по своей задумке, и от того у Дэвида были определенные сомнения, как оно сработает на практике; заклинание совсем свеженькое, в деле еще не опробованное.

Основной стихией для него служил Огонь, а базовая конструкция, к которой крепились всякие дополнительные усиливающие ветви (общее число Форм в них зашкаливало за сотню), собиралась всего из шести Форм выглядела как прирастающий Поток Огненных Существ из Огненного Источника. «Огненным Источником» Дэвид обозвал саму стихию Огня. Суть заклинания состояла в том, что сложно было беспрестанно генерировать огненных элементалей, бесконечным потоком вызывая существ из порождающей их стихии. Чтобы заклинание не иссякло, к нему был прикреплен еще один «Источник Силы», предназначенный исключительно для того, чтобы поддерживать целостность основного конструкта. То количество существ, которое должно было появиться уже за первые десять-пятнадцать секунд работы заклятья, Дэвид сам никак бы не смог контролировать — и поэтому вызывающее заклинание было снабжено Формой «Власть» и длинным рядом сочетающихся с ней Форм, усиливавших эту Власть и описывавших сферы ее применения. На выходе элементали снабжались великим множеством апгрейдов по стандартной схеме: «Существо Одаряется…» и далее следовало длинное перечисление Доспехов, Клинков, Оболочек, поражающих и поглощающих свойств, самых разных видов и сочетаний. У Дэвида не было Формы «Врата» — она была бы оптимальна подошла для такого заклинания — но именно врата в стихию он и создал. Когда он задействовал заклятье, элементали посыпались в обычную реальность так, как будто бы они только этого и ждали. Их прибывало все больше и больше, при том число прибывающих элементалей в секунду также увеличивалось — ведь Дэвид в базовой схеме заклятья указал, что поток существ должен Прирастать.

Демон отреагировал сразу, как только Дэвид использовал подвеску, — протянул к заклинанию свои энергетические щупальца, то ли намереваясь разрушить, то ли перехватить контроль. Дэвид ему этого не позволил — правда, ценой еще двух своих подвесок. Хотя до генератора огненных существ мирукхайду так и не удалось добраться, землянину стало ясно, что демон колдует намного лучше его самого: подвески Брендома по сложности и силе были примерно равны тому, что мирукхайд сплетал вот так вот запросто, по ходу дела. Хорошо хоть, у демона его собственных подвесок не было. Мирукхайд был сильнее, но он потерял стратегическую инициативу, на целых пятнадцать секунд увязнув в обмене заклинаниями с

Дэвидом. Серьезного вреда землянин ему своими атаками не причинил, но зато и слишком разбросать сети не дал. Для демона это был путь к поражению — потому что потом, спустя четверть минуты, перевес, прежде всего — численный, был уже на стороне Дэвида. Бестолково суетящиеся элементали заполонили собой буквально все вокруг, их были тысячи, пространство пылало от множества маленьких огненных тел, и Дэвид, указав кончиком меча на мирукхайда, спешно пытающего выставить вокруг себя хоть какие-то охранныеплетения, громко и четко скомандовал:

— Фас.

Не имеет значения, на каком языке произносится приказ, отдаваемый чародеем подчиненным ему существам, это может быть жаргон или даже ругательство: главное, чтобы сам заклинатель ясно осознавал смысл произносимых слов. Элементали обычно улавливают лишь самый поверхностный смысл, и поэтому нередки случаи, когда они исполняют команду не совсем так, как того хотел бы маг, слишком буквально воспринимая то, что он говорит. Но это происходит не от того, что они что-то «слышат» (в самом деле, откуда возьмутся уши у маленьких сгустков огня?), а от того, что буквальные смыслы точно так же «прописаны» в сознании произносящего, и вот эти-то поверхностные смыслы они и улавливают.

Но в данном случае единство формы и содержания в отданной команде было идеальным. Никаких дополнительных уточнений не потребовалось. Вся эта стая… Да нет, какая там «стая»? Стадо! Табун огненных элементалей сплошной лавиной устремился к мирукхайду. Дэвиду показалось, что демон испугался — по крайней мере, именно так истолковал землянин судорожные движения его энергетических контуров в бессильной попытке создать хоть какое-нибудь плетение для противодействия этому нашествию. Множество элементалей запуталось в его паутине, иные погасли, разбившись о защиту, третьи были рассечены клешнеобразными отростками, двигавшимися со скоростью лопастей в хорошем пропеллере — но остальные прорвались и облепили мирукхайда со всех сторон. Перед глазами Дэвида взбух огромный огненный комок — под копошащейся грудой маленьких огненных созданий могущественного демона Тьмы уже не была видно. Мирукхайд еще сопротивлялся, но элементали все лезли и лезли, стремясь добраться до вожделенной цели, огненный комок разрастался, пока наконец не расцвел в ослепительной вспышке — как будто бы в двухстах метрах над землей зажглось маленькое солнце. Почти синхронно лопнуло заклинание, генерирующее элементалей, чему Дэвид был только рад, поскольку огненных существ в окружающем пространстве и так накопилось слишком много. Элементали еще подчинялись Дэвиду, когда он приказал им напасть на мирукхайда, но в то время, пока они его грызли, генератор продолжал извергать их, и в конечном итоге их стало столько, что никакие заклятья Власти уже не могли удержать их под контролем. К счастью генератор, устроенный так, что количество производимых элементалей постоянно увеличивалось, не выдержал перегрузки и самоликвидировался, избавив Дэвида от вынужденных действий по его демонтажу. Он просто не мог позволить себе потерять время еще и на это — Кантор, подлечившийся и восстановивший защиту, уже поднимался над землей в зловещем и грозном молчании. Мирукхайд, несмотря на неестественную скорость, с которой он был уничтожен, все же выполнил свою главную задачу: дал Кантору время прийти в себя.

Меча у Кантора теперь не было, и несмотря на два целебных заклинания, правая рука слушалась плохо. Заклинания подавили боль, остановили кровь и даже зарастили рану, но они не могли за столь короткое время полностью восстановить разрубленные мечом Гьерта связки гэемона. Здесь нужна была более тонкая работа и требовалось намного большее время — Кантор наспех залатал, что мог, отложив остальное до лучших времен. Мысль о том, что стоило, быть может, сейчас

отступить, даже не пришла ему в голову. Показать спину этому презренному смерду? Бежать, признав его силу? Ум Кантора органически не был способен извернуться таким образом, чтобы помыслить нечто подобное.

Заметив, что меча у Кантора нет, Дэвид немедленно предпринял еще одну попытку достать его в ближнем бою. Кантор ушел по волшебной дороже, Дэвид повторил свой фокус с атакующим заклинанием, настроенным так, чтобы преследовать жертву и на магических путях, но к такому повороту событий Кантор уже был готов и, не сворачивая с собственного пути, каким-то образом сумел исказить траекторию движения заклятья в магическом пространстве. Сфера Пламени взорвалась где-то далеко внизу, в стороне, а Кантор вышел из межпространственного туннеля именно там, где и собирался — в трехстах метрах над землей, и на таком же расстоянии — от Дэвида. Следующие четыре атаки (две — со стороны Кантора, и столько же со стороны Дэвида) остались совершенно безрезультатны, при том три из них провалились еще до того, как соприкоснулись с противодействующими чарами противника. Огромное множество элементалей по-прежнему без всякого толка шарилось в округе — те самые тварюшки, что были извергнуты генератором элементалей, но так и не успели добраться до мирукхайда и героически погибнуть во всеобщем взрыве в лучших традициях смертников-камикадзе. Не контролируемые никем и ничем, они бестолково кружились в воздухе, некоторые — тыкались в защитные поля Кантора и Дэвида в безуспешных попытках хотя бы таким образом обрести цель собственного бытия, и безмолвно сгорали, повышая тем самым и без того запредельно высокий уровень адреналина в крови поединщиков — ибо, умирая, они еще и повреждали структуру защитных полей. Один элементаль — это еще ничего, но их было много… Иные предпочитали опытно постигать устройство боевых заклинаний, которыми обменивались Кантор и Дэвид, что, собственно, и становилось причиной распада боевых магических конструкций где-то еще на полпути к цели. Не сговариваясь, Кантор и Дэвид устремились прочь из зоны, оккупированной элементальным роем, при том преисполненный злобой Кантор цедил в адрес своего противника все ругательства, которые только мог вспомнить, а Дэвид, тоже раздраженный, но все же немного довольный собой, мысленно отметил, что «элементальную тактику» в будущем стоило бы хорошенько осмыслить и взять на вооружение. Зачем ставить Щиты и оболочки, защищаясь таким образом от мощнейших заклинаний противника? Не лучше ли натравить на такое заклинание отряд простейших стихиальных

существ, дабы они перехватили заклинание по Дороге и взорвались вместе с ним? Элементали-перехватчики — это было бы, воистину, новое слово в искусстве боевого волшебства!

Отлетев на достаточное расстояние мечущегося огненного роя, Кантор и Дэвид одновременно задействовали атакующие подвески. Кантор швырнул в противника хоровод Темных Дисков, Истощающих Заклятья; Дэвид — Огненную Сферу Штормов, разбрасывавшую потоки пламени вокруг себя направо и налево. От Сферы Кантор защитился вполне успешно, а Дэвид замешкался — чертовы Диски были нацелены на поражение не врага, а его заклятий. Окружив цель, они планомерно портили все чары, которые цель производила. Само собой, позволять такой пакости летать рядом с собой нельзя было ни в коем случае, однако Дэвиду пришлось повозиться, прежде чей удалось подобрать к дискам подходящие заклинания-«ломалки» — ибо диски, как было положено, пытались испортить все, в том числе и заклинания, направленные против них самих. Если бы не кольцо, не факт, что ему вообще удалось бы справиться с этой задачей. Кантор получил преимущество и атаковал: к несчастью, подвески, нацеленные на разрушение, у младшего кен Рейза закончились, и ему пришлось конструировать заклинание из Форм в процессе боя. Занятый дисками, Дэвид защититься не мог, и первым заклятьем Кантор сильно попортил его оболочку, зато в ответ на второе Дэвид применил защитную подвеску, и выросший перед ним световой круг полностью поглотил поток темного волшебства, которым наградил его Кантор. Боевых подвесок у землянина почти не осталось, а «бытовые» заклинания — вроде невидимости или исцеления — помочь ему тут вряд ли могли, хорошо хоть, самовосстанавливающееся левитационное заклинание пригодилось… Он быстро составил и метнул во врага Молнию из Светлого Пламени (со всеми необходимыми надстройками, наводящими ее на цель и препятствующими перехвату котроля), а затем, не обращая внимания на ответный выпад Кантора, задействовал свою последнюю атакующую подвеску. Он сильно рисковал, но получил ожидаемое: темный вихрь смел последние остатки внешнего поля и изрядно попортил защиту амулета, однако собственная подвеска Дэвида также добралась до Кантора, и нанесенный ею урон был куда более велик. Это была тройная Сфера, оболочки которой, от самой внешней к самой внутренней, можно описать через те функции, которые они выполняли: Прожигание, Поглощение, Истощение. Эта штука сожрала внешнее защитное поле, окружавшее Кантора, и принялась за амулет; лишь третья по счету попытка кен Рейза раскурочить надоедливое заклятье увенчалась успехом. Однако, он потерял

время. Метнув подвеску, Дэвид немедленно пошел на сближение со своим врагом и по дороге еще и метнул в него очередную Светло-Пламенную Молнию, каковая и стала надгробным памятником на защитном амулете Кантора. Хеллаэнец очутился в неприятном положении: если бы он попытался возвести защиту, Дэвид разломал, или, по крайней мере, сильно ослабил бы ее очередным заклинанием, а «ничья», достигнутая таким образом, позволила бы ему преодолеть оставшееся расстояние до Кантора и воткнуть в него меч. В ответ на магическую атаку Дэвид мог бы не защищаться, а пойти ва-банк: понадеяться, что охранного поля хватит на то, чтобы выдержать еще один удар, и вместо защиты метнуть очередную молнию. Из-за слишком маленького расстояния Кантор отразить бы те не сумел, а, совершенно лишенный защиты, сейчас он был просто идеальной мишенью. Поэтому он сбежал: ушел по пути, намереваясь выйти поближе к земле; не учел только, что Дэвид слишком быстро увидит и поймет, какое заклинание он собирает — ведь Кантор ничего не знал про аналитическое кольцо. Выжимая из Воздушных Крыльев все, что только можно, Дэвид одновременно зачитал Перемещение по Пути Живого Существа с Прирастающей Силой — на этот раз под «Живым Существом», подразумевая не себя, а, конечно, Кантора. Он влетел в магическое пространство четко по следу противника, да еще и с постоянно возрастающей скоростью; Кантор, не успевший сделать по своей дорожке и нескольких шагов, очень удивился тому, что на него свалилось. Он попытался удрать, свернуть в сторону — кен Рейз знал, что он намного лучше управляет волшебными путями, чем Брендом, и расчет его был понятен; но, как бы ни был он искусен, обогнать приращающее заклинание, которое безжалостно тащило Дэвида точно по его следу, Кантор не мог. Дэвид врезался в хеллаэнца, они сцепились и покатились вниз. Волшебный путь уже никто не контролировал — было не до того. Кантор пытался перехватить руку с мечом — безуспешно; левой Дэвид сумел удержать его на расстоянии, правой — ударил. Кантор рефлекторно закрылся левой — и потерял руку; в этот момент они вывалились в обычное пространство — метрах в десяти над землей, и рухнули вниз. Дэвид упал на ноги, но, хотя и не удержал равновесия, в целом остался в порядке, зато Кантор, который находился отнюдь не в лучшей форме, упал как куль, сломав в довершение ко всему еще и левую ногу. Из обрубка руки хлестала кровь, он попытался наложить какое-то заклятье, но правая рука слушалась плохо, и его первая попытка не увенчалась успехом, а сделать вторую Давид ему не дал. Кантор закричал, ощутив жгучее прикосновение Огненной Плети, в глазах помутилось, он почувствовал,

что теряет сознание…

Судорожно выдираясь из беспамятства, Кантор смутно увидел какую-то тень… Мысли становились бессвязными, всплывали из темноты, в которую он погружался, бесформенными мутными комками — он не сразу понял, что видит перед собой врага. А когда понял, его муки удвоились: к телесным страданиями прибавилось осознание своего поражения. Он мечтая бы перегрызть Дэвиду горло зубами, но даже этого не мог. Тело почти не слушалось его, поврежденный гэемон источал адскую, непереносимую боль.

Дэвид вытянул меч в сторону поверженного врага, почти коснувшись острием горла Кантора. Все, что ему сейчас хотелось, просто прирезать кен Рейза. Этот самодовольный хеллаэнский ублюдок не вызывал в нем ничего, кроме ненависти. Он доставал Дэвида в Академии, чуть не убил Идэль, хотел прикончить Дэвида — ни за что, просто для того, чтобы показать свою неимоверную «крутизну» перед всеми. Кантор вел себя как тупое, злобное животное, его чудовищно раздутое эго и скудный умишко никак не могли вместить, что другие люди тоже имеют право на жизнь. Кантор наслаждался, унижая и убивая тех, кто заведомо быть слабее его — испорченный, зажравшийся юнец с неимоверным самомнением. Дэвид победил его, но одного урока, кажется, оказалось мало. Дэвид готов был прирезать его без всякой жалости и высокой поэтики, но… Да, было одно «но». У Кантора имелась семья. Хеллаэнская аристократическая семья, которую в данный момент возглавлял отец Кантора, барон Локбар кен Рейз. За удовольствие от созерцания Канторовой головы, по дуге отлетающей от туловища, Дэвиду пришлось бы заплатить собственной жизнью. Семья Кантора его достанет, в этом можно было не сомневаться. Хотя ему и удалось совершить то, что прежде он полагал невозможным — в честном магическом бою победить представителя хеллаэнской аристократии (пусть молодого и дурного, но все же!) — супергероем Дэвид не был и хорошо понимал, что каким бы ни было его везение, на Локбара кен Рейза его точно не хватит. Ну что ж… Придется оставить младшему кен Говнюку его никчемную жизнь. Такова проза жизни.

Дэвид влил в Кантора немного жизненной силы — ровно столько, чтобы привести в чувство — приставил меч к горлу врага и процедил:

— Слушай меня, ублюдок. Ты меня достал. Увижу тебя еще раз, клянусь Богом, прикончу, и плевать на последствия. Передай отцу, пусть держит тебя на привязи, неумеха!.. Бездарь.

Дэвид бросил меч в ножны, открыл волшебный путь и шагнул на него. Перемещаясь по магическому пространству в направлении особняка

Идэль-лигейсан-Саутит-Кион, он ощущал бессильную злобу (очень уж хотелось вернуться и добить Кантора, но увы — нельзя) вперемежку с моральным удовлетворением. Он победил хеллаэнца в магическом бою. Он. Победил. Хеллаэнца.

Дэвид сам еще не до конца верил в то, что это произошло. Но ведь произошло! Ему захотелось написать о том, что он сделал, золотыми буквами на большом листе бумаги и повеешь над дверью. Нет, лучше в спальне, напротив кровати. Каждое утро, просыпаясь и глядя на эту надпись, он обеспечит себе хорошее настроение на весь день. А вечером эта же самая надпись гарантирует ему прекрасные сладкие сны — о том, как он сделается Лордом, обретет Силу и победит ваще всех. «Шутки шутками, — подумал Дэвид, — но надо бы как-нибудь сегодняшнее событие увековечить… Медаль себе выписать, что ли? Как кильбренийский герцог, я, в принципе, имею полное право придумывать и вводить собственные знаки отличия…»

12

В угловую комнату, расположенную на втором этаже старого дворца, Фольгорм вошел в начале пятого часа. Как только появился в приемной, секретарь поспешно встал, поздоровался и сделал несколько шагов навстречу; далее он проводил принца до дверей кабинета и даже гостеприимно распахнул их. Всю эту суету Фольгорм давно воспринимал как нечто само собой разумеющееся, но не мог не отметить, что на этот раз суеты было чуть больше обычного. Подчиненные Вомфада чуяли, куда дует ветер.

Военный министр сидел за письменным столом. Когда Фольгорм вошел, он откинулся назад в кресле и доброжелательно-ироничным взглядом следил за тем, как посетитель пересекает кабинет. Он не поднялся и не поздоровался, ничего не сказал, и Фольгорм молча расположился в кресле напротив так, как будто это было его законное место. В последнее время они встречались довольно часто, и, хотя обычно предметом обсуждения становились вопросы отнюдь не маловажные, предпочитали неформальный стиль общения. В этом кабинете Фольгорм бывал едва ли не каждый день и чувствовал себя в нем уже почти как дома.

— Будем играть? — спросил Вомфад. Фольгорм задумался на секунду.

— Пожалуй, да.

Вомфад произнес короткое заклинание. Стена слева от него вспухла, в ней появилось отверстие, ведущее в особый подпространственный «карман», в котором, помещенные в силовые пузыри, плавали самые разные вещи. Удобство этого тайника состояло в том, что хранилище, будучи чрезвычайно вместительным, не занимало никакого места. Из отверстия выплыл один из пузырей и опустился на стол между высокорожденными, стена тут же приняла свой обычный вид, пространственная складка перестала быть заметной. Силовой кокон растаял, теперь на столе высилась странная кубическая конструкция, состоявшая из десяти рядов вертикальных и горизонтальных решеток.

Сами решетки были нематериальными, представляя собой устойчивые силовые линии, а вот фигурки, которые ими поддерживались, вещественными были на все сто процентов — красивые изделия из слоновой кости и серебра на одной стороне, и из слоновой кости и черного адамантина — на другой.

— Гвардеец g9к на g9m, — сказал Фольгорм.

— Разведка не дремлет, — Вомфад улыбнулся. — Демон с b5q на d3o.

— Дракон с e10l на e10q.

— На тебе пешку… Гвардеец с e2r на e2q. Что за секрет?

— Скорпионцы, четвертый специальный отряд, перевербовка.

Вомфад задумался. Поднял глаза к потолку, прищурился.

— Ружан-сейр-Йрайн-Кион.

— Не-а, — Фольгорм покачал головой. Это не мой агент.

— А чей же тогда? — удивился военный министр.

— Тебе виднее.

— Мы его не трогали, думали — твой, — Вомфад печально вздохнул. — Ладно, будем выяснять… Бери пешку.

Дракон занял место гвардейца, который отправился в силовую «коробку», крепившуюся сбоку от куба — туда помещали выбывшие фигуры. В «коробке», правда, гвардеец пробыл недолго — уже на следующем ходу Вомфад извлек его и опять установил на поле, на его исходном месте, в квадрате e2r. Наблюдая за этой манипуляцией, Фольгорм вопросительно поднял бровь.

— Еще кто-то из моих?…

Вомфад сделал загадочное лицо и развел руками.

— Готов подставиться?

— Дракон и так под боем, — заметил Фольгорм.

— Секрет на «дракона» явно не тянет.

— Тогда отложим.

— Согласен.

Повинуясь жесту военного министра, куб вновь покрылся энергетической оболочкой, поднялся в воздух и погрузился в щель, образовавшуюся в левой стене.

Когда Джейбрин, сместив Гарабинда, пришел к власти, его старшему сыну, Халгару, к этому моменту было уже более пятидесяти лет. В долгой гражданской войне союзники Джейбрина действовали слаженной командой — только поэтому они и смогли победить. За победой последовал дележ власти, и прежнему единству пришел конец. Это было неизбежно, все это понимали, и восприняли происходящее спокойно, без лишних эксцессов. Верный соратник приора Вомфад стал военным министром, но Джейбрин был не настолько глуп, чтобы класть все яйца в одну корзину. Его сын Халгар сформировал и возглавил еще одну разведывательную службу, занимавшуюся, в основном, внутренними расследованиями. Вомфад следил за Халгаром, а Халгар за Вомфадом.

Личные отношения у них, однако, сохранялись довольно теплыми, они часто встречались и воспринимали соревнование двух структур, во главе которых стояли, как состязание — но не как войну. К внедряемым (и периодически раскрываемым) агентам они относились по возможности мягко, предпочитая перевербовывать или выдавать заславшей их стороне — но не убивать их и не подчинять. Именно Халгар и Вомфад, немного изменив правила трехмерных шахмат, и придумали эту игру. Фигуры ходили как обычно, отличались только условия, при которых позволялось брать фигуру противника. Тот, кто мог взять фигуру, указывал противнику на некий «секрет»: перевербовку или внедрение агента, тайную операцию, успешный слив дезы и прочее. Если вторая сторона «секрета» не знала, ее фигура исчезала с поля; но, если, напротив, этот «секрет» уже был ей известен, с поля удалялась атакующая фигура. Игра была бесконечной, потому что удаленные фигуры можно было возвращать: условием здесь служило только одно: количество фигур на поле не должно было превышать количество «секретов», которые сторона готова раскрыть. Естественно, на деле таких «секретов» было гораздо больше; поскольку и на Вомфада, и на Халгара работали две мощнейшие кильбренийские спецслужбы. И уж конечно, самые важные секреты на шахматном поле не разыгрывались: ни Халгар, ни Вомфад не были настолько азартны.

Семнадцать лет тому назад Халгар погиб. Кого только не подозревали — ита-Берайни, Шерагана, клан Гэал… Тяжелый взгляд приора мог остановиться на ком угодно, и Вомфад знал, что по краю в числе многих ходит и он. Что, если следящий за Вомфадом Халгар докопался до чего-то, чего он совсем не должен был знать? Правда это или нет, но такая мысль должна была прийти в голову Джейбрину, и совершенно снять с себя все подозрения Вомфад не мог при всем желании. Звезда военного министра потихоньку клонилась к закату. Чем больше он набирал власти, тем в большем числе происшествие направленных, в конечном итоге, против власти Джейбрина, он потенциально мог быть замешан.

Разведывательная служба, которую курировал Халгар, понесла серьезный урон — слишком многое в ней было завязано на самого принца. Джейбрин там поставил своего человека, а часть выпавших из руки Халгара ниточек подхватил Фольгорм. Позже принц подмял под себя остальную часть: Джейбрин закрыл глаза на его самоуправство, де-факто согласившись с тем, чтобы место его сына занял внук. В последние годы все уже почти вернулось к тому, что было при Халгаре: две секретные службы шпионили друг за другому а Вомфад и Фольгорм встречались время от времени, чтобы обсудить новости, попить чаю и сделать

несколько ходов, продолжая ту длинную партию, которую когда-то отец Фольгорма вел с владельцем этого кабинета.

— Обдумал мое предложение? — спросил Вомфад после небольшой паузы. Фольгорм кивнул.

— Пожайуй, я соглашусь, — сказал он. Речь шла о предложении, сделанном Вомфадом через несколько дней после смерти Шерагана. В обмен на поддержку военный министр предложил Фольгорму занять то место, которое он сейчас занимал сам — в том случае, если Вомфада выберут приором. Поддержку Фольгорм обещал оказать. Что же касается высокого поста, согласия на то, чтобы занять место Вомфада, он не давал — но и не давал окончательного отказа. Он тянул с решением, демонстрируя, что совсем не жаждет взвалить на себя бремя министерских забот. Тем не менее все шло к тому, что он в конце концов согласится — Вомфад был в этом уверен и не ошибся. Опасения Фольгорма были понятны; уж слишком сочный кусок ему предлагался. При слиянии скорпионцев и той разведывательной службы, которая досталась Фольгорму в наследство от отца, новый военный министр получил бы в руки огромную власть, не контролируемую никем, в том числе и приором. Напротив, сам приор, лишенный «глаз» и «рук» в военно-разведовательной сфере, стал бы очень уязвим для своего «подчиненного» и сохранял бы верховную власть лишь до тех пор, пока это устраивало бы военного министра. Из этого следовало, что после избрания и расправы над непосредственными противниками Вомфаду пришлось бы либо создать еще одну службу для слежки за Фольгормом и его людьми, либо устранить Фольгорма, дабы перестать опасаться удара с его стороны, а во главе военного министерства поставить кого-нибудь из тех людей, в ком он мог быть безусловно уверен. Привлекательный подарок Вомфада становился при ближайшем рассмотрении чуть менее привлекательным и чуть более опасным, чем могло бы показаться на первый взгляд. И все же Фольгорм принял предложение. Кусок и вправду выглядел очень вкусным. С таким подарком у него были все шансы переиграть Вомфада уже потом, когда будет покончено с прочими претендентами. Впрочем, не исключался и такой вариант, при котором после победы он мирно подвинется в сторону. Согласившись помогать, но не спеша соглашаться на увеличение своей власти, он как бы показывал, что эта власть ему не особенно-то и нужна. Кроме того, кто знает, как все повернется?… Вомфад приором еще не стал.

— Ты следишь за Эрданом? — спросил Вомфад.

Фольгорм кивнул.

— Можешь снять наблюдение. В ближайшие дни с Гарабиндовым

внучком произойдет несчастный случай.

— А в чем дело? — удивился Фольгорм. — Я думал, ты хочешь сохранить его до сената. Он у тебя на коротком поводке…

— Поводок оборвался, — перебил принца Вомфад. — Дану похитили.

— Хм. Я думал, это мы ее похитили.

— Да. А потом ее похитили у нас.

— Кто?

— Эрдан, кто же еще.

Вомфад прикоснулся к кольцу на правой руке. Над столом возникла иллюзия: как будто бы кто-то смотрел вниз на небольшую укрепленную усадьбу. К ограде подошел человек. Сделал несколько пассов, вскрывая защиту, проник внутрь… Изображение сместилось, теперь одна за другой чередовались картинки внутри дома. Человек довольно быстро перебил охрану, проник в дальнее помещение, в котором лежала спящая девушка, взломал наложенные на нее чары, открыл волшебный путь и был таков — естественно, не забыв прихватить с собой и девушку. Эрдана нельзя было не узнать. Равно как и его дочь.

Фольгорм тихо похлопал в ладоши.

— Ба!.. Разъяренный отец вытаскивает из плена свою малышку. Очень убедительно сыграно.

— Сыграно? — прищурился Вомфад.

— Ну да. Если это был он, почему он не сжег информационные поля? Чтобы дать тебе возможность полюбоваться на свои подвиги? — Фольгорм кивнул на фантомное изображение, висевшее между ними, — Не думаю.

— Он мог забыть об этом. Или-не посчитать нужным скрываться.

— Он ведь не идиот, правильно? Эрдан уже понял, какой прием его тут ждет. Судя по освещению, похищение произошло ранним утром, верно? Сегодня днем я встретил Эрдана в новом дворце. Если Дану выкрал он, почему он еще не сбежал? Ведь очевидно же: если ты не можешь получить его голос, он труп. Но он ходит тут как ни в чем не бывало.

— Он может недооценивать угрозу, — предположил Вомфад. Однако, когда он это произносил, тон его был таким, что становилось непонятным — верит ли он сам тому что говорит?

— После того, как мы похитили Дану из его собственного дома? Не будь наивным. Кто-то нацепил его личину и выкрал у нас девочку, вот что произошло.

— Кто? Никто об этом месте не знал.

— Значит, узнали.

— В любом случае, Эрдана нужно устранить. — Вомфад пожал

плечами.

Фольгорм покачал головой.

— Я бы не стал. Давай подождем, пока соберется сенат и посмотрим, за кого он проголосует. Это и даст ответ на вопрос, у кого девчонка.

— Я не хочу, чтобы он усилил команду Кетрава или Ксейдзана.

— А мне кажется, важнее выяснить, у кого она. Эрдана можно устранить в любой момент — дело не сложное, он одиночка. А вот с Даной может выйти неприятность, Тебя обвинят в похищении людей. Не улыбайся. Судебная власть в руках секонда, а его можно запугать или купить. Тебе перекроют дорожку к приорату совершенно законным путем. Думаю, Дана с большим удовольствием даст свидетельство против тебя. И если Эрдан к этому времени умрет, ее будет уже не остановить. Совет преторов… Ксейдзан и Хаграйд против Самилера. Впрочем, думаю, в итоге и Самилер примет их сторону. Да, совет преторов найдет чудный повод остановить тебя в шаге от цели. Вомфад задумался.

— Пожалуй, ты прав, — как-то слишком легко согласился он. — Эрдан пусть еще поживет. Посмотрим, за кого он отдаст голос, а затем возьмем его и спрячем понадежнее. При таких условиях Дана не станет свидетельствовать против меня, обвинение развалится.

Фольгорм кивнул. Некоторое время в кабинете было тихо.

— Я подумываю о том, чтобы не голосовать за тебя… — сообщил Фольгорм.

— Не понял, — негромким и очень спокойным голосом произнес Вомфад. — Я думал, мы договорились.

Атмосфера в комнате самую малость изменилась. Фольгорм почувствовал себя неуютно и поспешно поднял руки.

— Подожди-подожди. Ты действительно не понял. Я на твой стороне. Дело не в этом. Посмотри на нынешний расклад. Даже с учетом того, что Эрдан потерян, на твой стороне двенадцать человек.

Вомфад усмехнулся.

— Мне тоже хотелось бы на это надеяться.

— Именно. Если все обстоит так, как выглядит, — ты победишь, даже и без моего голоса. А если нет?

— Тогда твой голос может оказаться решающим.

— Победишь ты или проиграешь, тебе выгоднее, чтобы я находился в команде твоих врагов. Мне не нужен ни Ксейдзан, ни Кетрав, ни тем более Хаграйд. Но если они будут думать, что я с ними, будет намного проще раздавить их… чем бы не окончились выборы. Это ведь не последние в истории выборы, ты понимаешь?

— Понимаю. — Вомфад улыбнулся, но у Фольгорма создалось впечатление, что «понимает» военный министр нечто иное. — И кого ты выбрал?

— Кетрава. Он тоже предложил мне пост военного министра. — Губы Фольгорма растянулись в улыбке. — В том случае, если победит, конечно.

— И ты уже согласился?

— Уже, — подтвердил Фольгорм.

Когда Фольгорм вышел, Вомфад откинулся в кресле и прикрыл глаза.

— Конечно, конечно… — пробормотал он. — Я целиком и полностью на вашей стороне господин министр, можете мне верить!.. Вомфад ждал, когда холодная ярость, которую он ощущал в эти минуты, отступит. Хотя он и умел контролировать собственные эмоции, начиная рассуждать, он предпочитал вовсе отстраняться от них.

Фольгорм, эта двуличная сволочь, усиленно делал вид, будто готов шпионить за другими для Вомфада — но если он что-либо когда-нибудь и делал, то исключительно для себя самого. Вомфад был уверен почти на сто процентов, что схожую лапшу он вешал на уши и Кетраву — а может быть, и Ксейдзану: «Я принял предложение Вомфада исключительно для того, чтобы следить за ним для вас, господа!..» В итоге он мог оказаться на любой стороне и с совершенно честным лицом сделать вид, что был на ней всегда. Его выбор зависел только от одного — какая сторона в конце концов окажется сильнее. Вомфад стиснул зубы. Если Фольгорм выбрал Кетрава — не значит ли это, что Фольгорм именно в Кетраве видит сейчас фаворита? Но почему? Кетрав мог рассчитывать максимум на четыре голоса… Ну хорошо, на пять голосов, если Эрдан будет с ним. Ему даже эту дурочку Идэль не удалось переманить — хотя нельзя сказать, что он не пытался. Вомфад уже знал — от Фольгорма — о разговоре между Дэвидом, Тахимейдом и Ксейдзаном; так значит, новичок все время был агентом Кетрава и в итоге должен был стать еще одним орудием воздействия на Идэль и Гэал. План провалился. Кроме этой пятерки, в сенате сторонников у Кетрава не было, оставшиеся восемь голосов делили между собой Ксейдзан и Хаграйд.

Вомфад должен был выиграть. У него было как минимум двукратное, а то и трехкратное преимущество над остальными кандидатами. И все же Фольгорм перебежал на сторону Кетрава. Или сделал вид, что перебежал. Иди захотел, чтобы все подумали, что он сделал вид, что перебежал… Черт! Вомфад вновь почувствовал, как в нем поднимается гнев. С этой поганой крысой на в чем нельзя было быть уверенным! В чем же он ошибся? И ошибся ли?… Впрочем, что гадать без толку. Еще несколько

дней — и все станет ясно.

Вомфад глубоко вдохнул, выдохнул, вызвал секретаря и приказал подавать обед.

* * *

Дэвид сидел в особняке, в своей комнате, и читал здоровенную книгу, взятую из дворцовой библиотеки. Был поздний вечер.

Дверь открылась, и в комнату вошла принцесса. Одна. Дэвид, сидевший на кровати с ногами, оторвался от чтения и вопросительно посмотрел на нее. Идэль села рядом.

— Уже спровадила посетителей? — поинтересовался землянин.

— Давно. Ты тут сидишь, как затворник. — Идэль пренебрежительно махнула рукой: — Может, меня уже похитили, а ты тут… книжки читаешь.

— Не похитят, — Дэвид обнял свою невесту. — Я внимательно слежу за тем, что происходит в доме.

Это была правда… почти правда. Непосредственного наблюдения Дэвид не вел. Зато он прекрасно знал устройство новой охранной системы, разработанной Керамаром: старик сам дал все необходимые пояснения относительно ее устройства. С такими знаниями вкупе со всеми необходимыми ключами, полученными от того же Керамара, землянину не составило никакого труда создать нескольких световых элементалей, которые использовали линии, составлявшие каркас охранной системы, в качестве энергетических тоннелей, по которым могли свободно перемещаться. Таким образом, элементали, оставаясь совершенно незаметными для магов, находящихся как извне, так и внутри особняка, бессонно следили за происходящим и периодически докладывались своему создателю. Для отчета им даже не нужно было вылезать из силовых линий, в которых они прятались, как крысы в канализационных трубах — заклятье «Перемещение Отраженного Виденья от Существа к Властвующему» давало Дэвиду возможность, до тех пор, пока он сохранял над элементалями власть, видеть то, что видели они.

Идэль прильнула к землянину, положила голову ему на плечо.

— Что это ты читаешь? — спросила она, показывая на книщшежащую у него на коленях. — Что это еще за тварь? — ткнула пальчиком в картинку.

— Мирукхайд. Демон такой. Очень темный и злобный.

— Демонологию решил подучить?

— Вроде того. — Про свое столкновение с Кантором Дэвид решил не рассказывать. Идэль и так вся на нервах. Эта информация все равно ничего

ей не даст, только прибавит головной боли.

— Пойдем спать?

— Пойдем.

Но они не пошли, потому что сидеть вдвоем на кровати так уютно… И хорошо, ибо, как ни манили их накрахмаленные простыни в опочивальне принцессы, вставать и куда-то идти было просто влом. Некоторое время они целовались, но без особого пыла — нежность, которую они ощущали друг к другу в эти минуты, так и не перешла в страсть: Идэль слишком устала за вечер, а мысли Дэвида отчасти еще оставались в том русле, в котором они пребывали до прихода Идэль. Захлопнуть книжку было гораздо проще, чем выбросить из головы увлекательнейшее описание строения мирукхайдов, историю их происхождения и внушительный перечень их магических возможностей.

В общем, заниматься сексом здесь, на узкой и не очень удобной кровати Дэвида, они просто поленились.

— А когда мы поженимся? — спросила Идэль.

— Когда хочешь, — ответил. Дэвид. — Я за то, чтобы сделать это побыстрее.

Принцесса покачала головой.

— Не раньше, чем сенат выберет нового приора.

— Ты думаешь, после этого настанет спокойная жизнь? — В голосе Дэвида послышался скепсис.

— Нет, но, может, хоть небольшой спокойный периодик будет. Сейчас слишком много неизвестного. Сенат покажет, кто в действительности на чьей стороне.

— А если не покажет? С вашими бесконечными разборками оттягивать свадьбу можно еще сто лет. Давай определимся со сроком.

— Ну хорошо. — Принцесса надула губки. — Через десять дней после выборов. Удовлетворен?

— Вполне.

— Ты уже связывался с Тахимейдом?

— Насчет липы про Кетрава? Да, сегодня утром.

— Расскажи.

— Да нечего рассказывать, разговор был совсем коротким. Мол, Кетрав поговорил со мной и попросил держать его в курсе того, что происходит в Гэал. Тахимейд сказал «спасибо», и пообещал, что чуть позже мне будут даны подробные инструкции, что и как «рассказывать» Кетраву.

— Бедняжка Кетрав, — с преувеличенной жалостью вздохнула Идэль.

— Так ему и надо.

— Знаешь, — ирония из ее голоса исчезла, теперь в немясно слышался отголосок страха, — я как подумаю, что будет, если все это раскроется…

— Надеюсь, Кетрава убъют раньше.

Я тоже надеюсь.

— Значит, он тебе не нравится?

Идэль, прищурившись, искоса посмотрела на своего жениха.

— О чем ты? — Она засмеялась. — Ты что, ревнуешь?

— А почему ты не сказала, что он делал тебе предложение?

— Хватит, Дэвид! Это глупо.

— Глупо было мне ничего не говорить.

— Ну мало ли кто и что мне предлагал!

— Так, с этого места поподробнее. Кто еще тебе…

— Ты невыносим, животное! — фыркнула Идэль.

Дэвид решил не отвечать. Он чувствовал: принцессе совершенно не хотелось обсуждать эту тему, даже в шутливом тоне, а устраивать очередную бессмысленную перепалку он не желал. В чем же была причина такой реакции? Ей нравился Кетрав, но она скрывала это ото всех, в том числе и от самой себя? Или наоборот, он ей настолько не нравился, что даже в мыслях она не хотела допускать, что может испытывать к нему какие-то чувства? Дэвид подумал, что некоторых вещей лучше не знать. Женская психология — это болото в темном дремучем лесу: сначала заблудишься, а потом утонешь.

— Я давно хотел спросить, — сказал он через некоторое время — сказал в первую очередь для того, чтобы переключить разговор на другую тему; впрочем, этот вопрос и в самом деле его интересовал. — А каков состав сената? Кажется, ты говорила об этом раньше, но как-то вскользь…

— В полный состав сената входят все лигейсан, все министры, все преторы и все члены малого совета. Что тут непонятного? Ах да, еще и секонд. Секонд председательствует на сенате.

— Подожди. Что еще за малый совет?

— К приору каждый из кланов отправляет своего представителя, суффекта. Суффект — это как бы заместитель главы клана во дворце. Соответственно, приор и трое суффектов составляют так называемый малый совет.

— И каковы полномочия суффектов?

— Не очень велики. Малый совет — это скорее декорация, никакой существенной роли в управлении суффекта не играют. Хотя секонд выбирается именно на малом совете, суффекты, конечно, голосуют лишь за тех, на кого им укажут преторы. Легко можно было обойтись вовсе без

суффектов, но преторы держатся за эту декорацию, потому что каждый суффект дает им лишний голос в сенате, во время выборов приора или семилетних перевыборов.

— Почему суффектов трое? Ведь кланов — четыре.

— Приор, глава правящего клана, своего суффекта на малом совете не имеет. Он представляет себя самого. — Объяснила Идэль.

— Но приора нет. Что же, получается, от клана Кион на собрании сената не будет ни претора, ни суффекта?

— Верно, — кивнула Идэль. — Суффекта назначает претор. Существует закон, согласно которому нельзя выбирать нового претора раньше, чем пройдет месяц со смерти предыдущего. Это нужно для того, чтобы, в случае внутренней борьбы в клане, вероятный убийца не мог сразу получить власть и чтобы дать заинтересованным сторонам время провести расследование. Джейбрин был приором, но он также был и главой клана. Мы могли выбрать претора только через месяц.

Мы его и выбрали — на общем собрании клана Шераган получил четыре пятых голосов, только ита-Берайни и еще несколько высокорожденных из младших семей были против. А на следующую ночь его убили. Шераган даже не успел назначить суффекта. Новые выборы претора могут состояться не раньше десятого октября, но дата сената уже определена, и к десятому имя приора будет известно. Если приором станет Ксейдзан или Хаграйд, после десятого мы снова собермся и выберем претора. В этом случае претором станет Вомфад, я не сомневаюсь. А если выберут Кетрава приором… он автоматически станет и претором Кион.

— У вас странное законодательство.

— Оно не систематизировано, я согласна. Многие законы принимались, что называется, «по случаю», лишь бы решить текущие проблемы.

— А кто сейчас является суффектами? — Спросил Дэвид.

— Ты имеешь в виду конкретных персон? От Гэал — Сайрин, она лидер ветви ита-Шедан. Деятельная особа. Если Ксейдзан и Тахимейд погибнут, именно она, я уверена, станет главой клана. До Сайрин Гэал представлял Бралгар — сын Нидкольма, старший брат Берайни. Суффект от клана Аминор — Хенкарн. Ну, тут все понятно: единственный сын главы клана. Суффект Ниртога — Фэбран, племянник Хаграйда. В случае, если Хаграйд умрет, думаю, он поборется с Нерамизом за лидерство. Но пока Хаграйд жив, Фэбран на его стороне. Подчиняется, поскольку тягаться с дядей все равно не способен. По крайней мере, со стороны выглядит так.

— Понятно. А лигейсан сейчас… — Дэвид на секунду задумался, а

затем начал перечислять, по ходу загибая пальцы. — Фольгорм, Галдсайра, Кетрав, Цзарайн, Яльма, Сурейлин, потом этот… пчеловод ваш.

— Смайрен. Но он не придет.

— Кого я забыл?

— Майдлара и Финейру. Финейра родилась еще при дедушке Юлианара, очень-очень давно. Но она все равно лигейсан. Этот титул и связанные с ним права не меняются, к кому бы не переходила власть. Еще ты забыл Эрдана.

— Странно… Я от кого-то слышал, что правление Гарабинда было объявлено незаконным.

— Эрдан имеет право на голос не как внук Гарабинда, а как правнук Юлианара. Он родился за год до того, как Юлианар добровольно ушел с поста.

— А министры? — спросил Дэвид. — Насколько я помню, простой человек кресло министра получить у вас не может, только высокорожденные, и при том они оказываются связанными с Источником более тесно, чем все остальные.

— Да, министру дается особый министерский ключ.

— Кем дается?

— Приором, — ответила Идэль. — Но по закону принимает решение, кому давать — секонд. Приор в этом случае обязан подчиниться его решению. И наоборот: когда выбирается новый приор, все министры собираются вместе и, используя свои ключи, инициируют выбранного, и он получает ключ хозяина Источника.

— Они должны действовать сообща?

— Да.

— Но ведь Севегала нет.

— Сообща должны действовать все живые. Впрочем, не знаю… Наверное, инициацию можно провести и в том случае, если кто-то из министров жив, но не участвует в процессе. Главное, чтобы не участвующий не был против.

— И неважно, где он будет находиться? — уточнил Дэвид.

— Я не знаю, — призналась Идэль. — Они — то есть министры — не очень-то любят распространяться о том, какие способности приобретают, получая ключ-проекцию источника и как могут взаимодействовать с ним.

— Расскажи мне о министрах.

— Их девять. То есть сейчас, без Севегала, восемь. Про Вомфада ты все знаешь. С Авермусом, министром дворцового управления, ты тоже знаком. Еще из клана Кион в министрах ходит Етен, он из младшей семьи. Из

Аминор…

— Подожди. Какую должность занимает Етен?

— Министр финансов. Из Аминор — Гарауб и Вельдария. Дочь Самилера рулит департаментом юстиции, а его племянник — департаментом торговли. Из клана Ниртог — Санза и Сераймон. Санза из младшей семьи, под ее контролем департамент сельского хозяйства. Сераймон, еще один племянничек Хаграйда, занимается архитектурой и транспортом. К Гэал принадлежит только один министр — Лодиар-ита-Шедан. Он у нас заведует искусством.

Некоторое время Дэвид молчал, что-то мысленно подсчитывая. Ему даже пришлось применить небольшое псионическое заклинание, чтобы держать перед мысленным взором имена всех вышеперечисленных персонажей.

— Получается, — сказал он. — Гэал имеет в сенате только три голоса, Аминор и Ниртог по четыре, а Кион — тринадцать. Нет, четырнадцать, если Ведаина прибавить. Или даже пятнадцать, если Смайрен все-таки объявится.

— Наверное, так, — меланхолично отозвалась Идэль. Она лежала таким образом, что ее голова покоилась у Дэвида на коленях. Указательным пальцем левой руки она иногда, поддразнивая, трогала кончик его коса. — Если, конечно, ты все правильно посчитал.

— Ну хорошо, допустим, Кетрав отрывает у Вомфада четыре голоса… Но за Вомфадом все равно большинство.

— Неизвестно, за кого отдадут свои голоса министры, — сказала Идэль. — Их принадлежность к младшим семьям кое-что значит, но меньше, чем ты думаешь. И совсем неизвестно за кого проголосует Аминор.

— Так, ясно. Точнее, ничего не ясно. Вернулись к тому, с чего начали.

— В любом случае, все решится через три дня. Пошли спать? — Во второй раз предложила принцесса.

— Пошли.

Они приняли ванну, предварительно побросав в воду целую охапку лепестков иширги — кильбренийского растения, масла которого оказывают благоприятное воздействие на кожу и вдобавок сообщают телу слабый, но устойчивый, приятный запах. Иширга и накрахмаленные простыни разбудили желание, и они долго любили друг друга под аккомпанемент цикад и сверчков за окном, под вздохи осенних ветров, вкрадчиво шепчущих о скором наступлении зимы, о приближении смерти, которая всегда следует за жизнью, даруя ей неповторимый, невозвратимый

изысканный горько-сладкий вкус.

13

Страничка из записной книжки Кетрава.

Диспозиция на 5 октября: За Вомфада — 7. За Ксейдзана — 8. За меня — 12. Смайрен —? Все учтены. Доживу до завтра — стану приором.

* * *

Когда-то, давным-давно, принц Эрдан, внук приора Гарабинда владел обширными землями в Кильбрене; еще большие территории принадлежали его ближайшим родственникам — отцу, дядьям, двоюродным братьям и сестрам. Теперь, три века спустя, Эрдан снимал квартиру в городе, и это была единственная собственность в Кильбрене, которую он мог бы назвать «своей».

Конечно, это была хорошая квартира — с точки зрения простого обывателя. Шесть комнат на втором и третьем этажах небольшого трехэтажного дома в центре Геиля. Многие высокорожденные из младших семей, приехавшие в столицу, жили схожим образом, у иных были собственные особняки за городом, и далеко не все из них впечатляли своими размерами. Те, кто селился во дворце, вообще были вынуждены довольствоваться двумя или тремя комнатами. Но у них были свои владения, свои дворяне, селения и замки, толпы слуг, огромные статьи доходов и расходов, домашние маги, личная гвардия — у Эрдана же ничего этого не было.

Каждый из высокорожденных по-своему интересен, о каждом можно было бы рассказать какую-нибудь историю, а то и несколько. Однако, лишь весьма немногие из высшей кильбренийской знати имели или будут иметь какое-либо отношение к истории Дэвида Брендома, и лишь для них есть место в рамках сего повествования. Эрдан — один из этих людей. Эрдан интересен еще и тем, что в описываемый период — то есть, в то время, когда в Кильбрене находился Дэвид Брендом — Эрдан, не имея ни богатства, ни гвардии, ни влияния, был при этом в плане личной силы, пожалуй, сильнейшим среди прочих высокорожденных. На поле системной магии с Эрданом мог бы потягаться лишь Тахимейд, однако по складу ума и по направлению, в котором Эрдан развивал свои способности, он системным магом ни в коей мере не был. Он целиком и полностью был боевым чародеем, и в этой сфере в то время в Кильбрене сравниться с ним

не смог бы никто. Но — обо всем по порядку.

Эрдан-лигейсан-Саутит-Кион родился всего лишь на семь лет позже Джейбрина — будущего убийцы Гарабинда и истребителя всех (за единственным исключением) потомков приора. Первые восемьдесят лет жизни Эрдана малоинтересны — он был обычным высокорожденным и не отличался никаких особенными талантами, исключая разве что любовь к холодному оружию — преимущественно к длинным и полуторным клинкам. Владел он этим оружием мастерски, что, впрочем, среди потомков Гарабинда не являлось такой уж редкостью, ибо эта ветвь клана Кион почти целиком состояла из воинов и боевых магов.

Потом началась гражданская война и родственники Эрдана гибли один за другим. В одной из стычек — которая планировалась как операция возмездия, а обернулась бойней, потому что Джейбрин и Вомфад прознали о готовящейся атаке и устроили нападавшим «теплую» встречу, — Эрдан едва не расстался с жизнью и сам. Будучи тяжело ранен, он успел использовать подвешенное заклинание телепортации и был выброшен в один из своих замков. К тому моменту, когда он встал на ноги, все уже было кончено. Ямбраг, возглавлявший последних сторонников партии Гарабинда, погиб, поддерживавшие его высокорожденные из младших семей были истреблены или пленены, а сторонники Джейбрина методично захватывали их владения — замок, где укрывался Эрдан, был на очереди. Эрдан оказался в одиночестве. Он не был трусом, но силы были слишком не равны, и он бежал. Бежал, не зная, когда опять вернется в Кильбрен — и вернется ли. Джейбрин был методичен и целеустремлен, в его правление Эрдана на родине ожидало только одно: смерть.

В поисках места, где можно было бы поселиться и начать новую жизнь, Эрдан покинул нимриано-хеллаэнский поток миров. Если бы он выбрал один из сателлитов Хеллаэна — Джейбрин рано или поздно отыскал бы его. Эрдан хотел жить, не прячась, не оглядываясь через плечо и не помня о прошлом. Память наполняла душу болью, и он хотел забыть то, что не мог изменить.

Спустя несколько десятилетий странствия привели его в мир под названием Шийбир, сателлит Янтаники. Метамагаческое поле планеты было искажено, насыщено Смертью и Тьмой, значительная часть поверхности — безжизненна, там же, где растения и животные сохранились, они принимали странные, подчас уродливые и страшные формы. Здесь было множество демонов, а так же стихиалей и зверей, застывших на пути перехода от их прежней природы к демонической.

Людей в Шийбире было немного — остатки стремительно

распадающейся цивилизации. В их памяти жили воспоминания о катаклизмах, произошедших, по их мнению, на каких-то высших пластах бытия и затей перелившихся в видимый, человеческий мир. О причиннах катастрофы люди знали немногое, а то, что знали, изрядно разбавляли выдумками и предположениями. К тому моменту, когда в Шийбире появился Эрдан, настоящих колдунов в этом мире уже не осталось, и ему, желавшему узнать, что же здесь произошло, пришлось собирать информацию по крупицам, выцеживая зерна правды из сказок и легенд, общаясь с шаманами и ведьмами, и с природными духами, которые, как и люди, сопротивлялись нашествию нечисти. Центральным звеном в тех мифах, которыми его потчевали, был рассказ о падении Властелина — темного бога, правившего этим миром. Даже теперь, после его гибели, люди и духи предпочитали не называть его имени. Эрдана, который, хотя и родился в Кильбрене, но, как и прочие высокорожденные, по духу, образу мысли и крови принадлежал к нимриано-хеллаэнской аристократии — историями о богах, живых или павших, удивить было сложно, благовейного трепета перед могущественными воплощениями «Высших Сил» он был лишен начисто и поэтому имя конкретного бога все-таки постарался узнать, дабы мысленно не путать его с еще сотней-другой Властелинов, Темных Владык и Повелителей Ужаса, хроники падений — или вознесений — которых при желании без труда можно было найти в любой хеллаэнской книжной лавке. Шийбирского Властелина звали Нэйдбералуг. У него существовал свой культ, но в жизнь простых смертных Властелин практически не вмешивался, и люди — не считая тех, кто поклонялся ему — жили сами по себе. Но человек всегда желает больше того, что имеет, и вот, в поисках силы группа демонопоклонников установила связь с одним из властителей Преисподней, который как раз искал подходящий мир для вторжения. Многие владыки Ада существа столь же древние, как само мироздание, и владения их обширны, но есть среди демонской знати и те, кто моложе адских властителей и демониц. Получить власть в аду они могут либо повернув кого-либо из старших (если, конечно, достанет силы справиться с ним) и забрав себе то, что ему принадлежало, либо создав свои собственные владейия. Разрушения, боль, смерть, страдания насыщают демонов, демонские же князи, собирая приобретенную таким образом силу, могут создавать пространства в аду — своего рода небольшие миры размером с крупный человеческий город… впрочем, при постоянном притоке силы эти миры могут расширяться и намного превосходить планеты Царства Сущего. С одним из таких демонов, молодым и честолюбивым, и связалась секта демонологов

Шийбира. Они хотели власти и мало задумывались о последствиях, демонский же князь, хотя уже и располагал некоторыми владениями в Аду, желал их расширить, и побыстрее. Нэйдберадуг, однако, вызывал у него определенные опасения. Для того чтобы расправиться с темным богом, он, действительно, наделил своих почитателей некоторой силой и дал им оружие, откованное в Преисподней; позже, когда началось вторжение и два бога сошлись в битве на тех пластах бытия, которые недоступны восприятию обычного человека, сектанты, использовав данное им оружие, поразили Нэйдберадуга и демонский князь сумел одержать верх. Однако, он был ранен в сражении и вскоре пропал, так же без вести исчезли его апостолы, а мелкие демоны, во множестве появившиеся в Шийбнре во время вторжения, стали действовать спонтанно и неорганизованно. Никто из тех, с кем общался Эрдан, не знал, в чем причина, в силу которой демонский князь так и не спалил этот мир. Одни предполагали, что он был ранен слишком тяжело, чтобы оставаться в Сущем, он ушел в свой дворец, чтобы исцелиться и лишь затем, по прошествии времени, вернуться и завершить начатое. Другим же мнилось, что он погиб вслед за Нэйдберадугом, столкнувшись с иными божествами, о которых людям вообще ничего не известно, но которые живут в Сущем, поддерживают его и защищают. Могли быть и другие причины, однако, при отсутствии надежных источников информации заниматься установлением этих причин можно было вечно. Эрдан покинул мир людей и миновал пространства, населенные демонами и духами — он хотел посмотреть на место, где произошла битва. Одни миры духов совершенно отличны от человеческих, другие имеют меньшее или большее подобие, кроме того, люди, заглянувшие в них, очеловечивают эти миры для себя, ибо восприятие их устроено таким образом, что неизвестное всегда познается через известное. На своем пути Эрдан встретил самые причудливые сочетания цветов и предметов; невозможные, фантастические формы окружали его — небо, переходящие в скалы; камни, подобные струям воды; твердый свет; изогнутые пространства в полых корнях деревьев, парящих в пустоте — такие образы принимали реальности, через которые он проходил. Духи стихий служили ему проводниками. В пустоши, границы которой таяли, превращаясь в окаменевший туман, он увидел большую воронку. Воздух насыщали испарения, танцевали разноцветные огни, сияния и блики блуждали повсюду, темные сгущения стекали, подобно струям воды. В провале лежало нечто, отдаленно напоминавшее тело великана, именно падение этого существа и проломило землю. Эрдан понял, что это тот, кто ему нужен. Он спустился вниз и подошел к изуродованному телу бога.

Грудь Нэйдбералуга была разворочена демонскими клинками, кости иссохлись и торчали наружу. Над его телом колыхались пранные серые и черные растения — как будто бы все это место находилось под водой и растения плавно раскачивались в такт течению. Подойдя ближе, Эрдан понял, что ошибся: это были не растения, а огни. Он протянул руку к одному из них и почувствовал боль как от ожога — однако боль была терпимой и вскоре прошла, а по руке разлился холод. Второй рукой Эрдан расстегнул камзол; затем он вложил росток темного пламени в собственную грудь. Мир взорвался. Страдание было ужасным. Но он знал, что это пройдет, должно пройти, и мучался молча, пока сила павшего бога преобразовывала его под себя.

Он должен был стать демоном Нэйдбералуга. Шумным одержимым, или, возможно, аватарой бога, первой ступенью возвращения шийбирского Властелина из небытия. Эрдан знал, что сам не способен справиться с силой, которую пытался заполучить — однако он, хотя и был изгнан из Кильбрена, по-прежнему оставался посвященным Источника, и поработить его практически невозможно. Даже бога Эрдан победил. Божество ночи — его сознание, индивидуальность, воля — убралось в ничто, из которого пыталось выбраться, в то время как сила — осталась. Ее, этой силы, было не так уж много по сравнений с той мощью, которой Нэйдбералуг обладал до битвы с демонским князем, но то, что покажется маленьким слону, может быть огромным для воробья. Эрдан прикоснулся к Высшему Волшебству, таящемуся в пламени, что произрастало из тела мертвого бога, ибо в этом ростке пылающей темноты было заключено Имя.

Истинная Речь является той основой, к которой восходят все прочие способы общения — от человеческих языков до бессловесного общения призраков и духов. Язык цифр и алгебраических формул; символика, использующаяся в ритуальной магии; Искаженное Наречье, на котором пишут классические заклинания и сами Формы — все это лишь в большей или меньшей степени искаженные образы подлинных Имен. Чем ближе язык к своей основе, тем большую силу он имеет. Слово — на каком бы языке не произносилось оно — не есть просто звук или набор букв; оно является также незримой тонкой структурой, влагающей смысл, содержание в ту или иную форму. Эта тонкая структура — ни смысл, ни внешний знак, указывающий на смысл, а то, что собирает их воедино; и в эту структуру, как необходимая ее часть, входит и собственная воля произносящего слово. Поэтому простой человек не может вместить в себя много Форм — ведь Формы весьма сильны по причине близости к Истинным Именам, и слабого Дара недостаточно, чтобы удержать их. Тем

более трудно вместить в себя Имя — большинству младших богов известно, в лучшем случае, лишь несколько Имен. Колдовского Дара Эрдана хватило, чтобы вместить одно, и Имя, которое он получил, было Именем Тьмы. Ему казалось, что он чувствует Имя в себе — когда он думал о нем, перед мысленным взором возникал то образ сложного вращающегося символа, то сгустка пульсирующей темноты, то неописуемых врат в никуда, на предельную глубину Стихии. Тьма поселилась в его груди, потому что Имена произносятся не устами, а сердцем.

Он долго стоял там, у иссохшего тела бога, привыкая к изменениям, которые производила в нем приобретенная сила. Восприятие его изменилось, стало больше и глубже, а также сместилось в ту часть энергетического спектра, где властвуют ночь, пустота и тайна. Нельзя сказать, что он перестал быть человеком — Имя не поработило его, он был достаточно силен, чтобы принять его мощь, но он уже был не только человеком, но и кем-то большим; его природа усложнилась, и хотя сама личность, кайи — то, что воплощается в природе — осталась прежней. Прежняя человеческая природа включалось в новую природу как часть. «Человек» стало для него лишь одним из возможных состояний, но были и другие, и для существования здесь, в мире духов, они подходили куда больше. Он изменился, перешел в иной способ существования. Он стал терафимом, потоком живой темноты, и вошел в Стихию как в открытую дверь. Каждая из Стихий внутри себя — это целая вселенная; так же, как Эрдан мог теперь переходить из состояния человека в состояние высшего демона, так же и Стихии имеют свои способы существования, величайшие из которых именуются Царствами: вся совокупность Стихий, организованная по общим правилам, — и составляет одно Царство; организация Стихий по другим правилам — иное Царство. Но если войти в саму Стихию и погрузиться в ее недра, различия между Царствами будут иными либо вовсе не будут иметь никакого значения. Можно провести аналогию с предметом, который разглядывается с разных сторон: разные стороны предмета — это разные Царства, а сам предмет — Стихия. Но внутри предмета различия между сторонами видятся иначе: внешние образы пропадают, внутренний же образ дает понимание нерасторжимого единства предмета, который со стороны хотя и может выглядеть по-разному, внутри всегда остается единым целым.

Так началось его странствие в глубинах Тьмы, продолжавшееся, по людскому летоисчислению, более столетья. Его ждало множество тайн и открытий, невообразимые опасности и удивительные создания таились

там, далеко за пределами обыденности — рассказать о путешествий Эрдана можно было бы многое, но здесь этому повествованию нет места. Он сам, пребывая в состоянии демона, свободно общался с обитателями Тьмы — в своей новой форме он мыслил, чувствовал и действовал, как демон. Иногда ему приходилось сражаться, отстаивая свое право на существование или ради того, чтобы заполучить желаемое. Он жил в согласии с логикой тех миров, в которых находился, и не смотря на все опасности, чувствовал себя в них как дома. В образе демона он совершал действия, которые, будучи описаны на языке людей, представились бы людям чем-то совершенно омерзительным, неестественным, невозможным, однако для Эрдана-демона они были совершенно естественны и нормальны. Он беседовал с темными богами и древними созданиями, помнящими еще эпоху великой империи, воздвигнутой здесь двуликой Богиней Ночи — одной из шести Истинных Богов, некогда владевших всем мирозданием. Он бывал в Пределах и в Преисподней, возвращался в Сущее и поднимался на Небеса — во всех этих Царствах Тьма проявляла себя, хотя и по-разному: как боль, ненависть, злоба и страх, как беспроглядный мрак, как столбы дыма от бескрайних пожарищ, как душная темнота подземелий — в Аду; как отсутствие света, холод и пустота, равнодушие смерти — в Пределах; как отдых и тайна, как тишина спящего мира, как темнота немеречья, как время сов и волков — в Сущем; как бескрайная звездная ночь, как молчание, которое глубже слов, как понимание, которое невозможно выразить, как откровение, не имеющее ни образа, ни вида — в Небесах. Четыре формы Тьмы, и Эрдан узнал их все. Он не был в Чарах, потому что ни одна из Стихий там не изобильна, Чары — место знаков при все более и более тускнеющим и выцветающем их содержании, место голых структур без всякого наполнения; и не вступал в Царство Бреда, потому что хотя безумие и может быть рассмотрено как форма Тьмы — помрачение разума, затемнение сознания — но при погружении в это Царство все Стихии сливаются в единую кипящую аморфную массу, и в этом смысле Безумие совершенно противоположно Чарам — в Царстве Безумия величайшее изобилие силы, но эта сила никак не оформлена, она не поддается никакому порядку, привносимому извне, но, напротив, сама пожирает как те структуры, в которые ее пытаются заключить, так и тех, кто пытается.

Но и четыре Царства, где Тьма может существовать в своем естественном виде, не исчезая и не становясь чем-то другим, открыли Эрдану столько тайн и дали ему столько знаний, что, как уже говорилось выше, он более полутора столетий постигал открытое и насыщался

Даруемым, не вспоминая о мире, в котором когда-то родился, равно как и о собственной человечности — которая, впрочем, не исчезла совсем, но затаилась в нем до времени. Его возвращение началось с того, что он узнал, что миры Тьмы, которые казались ему столь далекими от реальности людей, на самом деле соприкасаются с ними весьма близко. Ведь в человеке Тьма — как, впрочем, и остальные стихии — так же по-своему выражает себя. Человек не замкнут на себе самом, он — точка пересечения огромного множества реальностей, соединение всех Стихий, отделенное от них лишь по видимости, только лишь с его собственной точки зрения. В этом — причина того, почему многие духи предпочитают приходить в человеческие реальности через человека или при его посредстве: им, пребывающим в пространствах в их собственных Стихиях, человек видится некой дверью, ведущей вовне, в миры, которые им неизвестны и чужды, а потому — интересны и привлекательны. Естественно, человек не единственная точка выхода из Стихии, лишь одна из возможных, но именно человек, что вполне естественно, служит для духов знаком, ориентиром того, «куда» надо идти, дабы выйти в человеческую реальность. Ведь самих реальностей, иных по отношению к Стихии, внутри которой они обитают, духи и демоны часто не видят вовсе, и, чтобы перейти в эти реальности, им приходится использовать пути, проложенные самой Стихией, и самый удобный и короткий в реальность, задаваемую восприятием человека — через человека или посредством человека. Как правило, люди даже не подозревают о том, что служат дорогой для духов и демонов, те осуществляют свои переходы, не показываясь, если это не служит их целям. Даже в своем, человеческом, мире люди слишком слепы, чтобы их видеть; беспричинный порыв, гнев, желание, страх — вот колебания в душе, оставленные тем или иным бесплотным созданием, что пробралось по незримым нитям, узловое сплетение которых человек называет своей душой, пришло из ниоткуда и проследовало дальше, не особенно задумываясь о том, что послужило — вернее, кто послужил — ему дорогой.

Узнав об этих путях, посмотрев на человека «изнутри», Эрдан стал вспоминать о том, что и сам когда-то жил среди людей. Память о том, как он тогда воспринимал мир, привела его в замешательство. Глубина стихии становилась одновременно глубиной человека — по той простой причине, что не существовало никакой границы между тем, что человек мог бы назвать «своим внутренним миром» и бескрайними пространствами Стихии. Субъективное для человека становилось вполне объективным для духов. Впрочем, границу можно было провести, хотя и весьма условно, там

где заканчивалась власть человека над собой. В этом смысле, человек в мире духов не владел практически ничем — ибо даже над возникающими внутри эмоциями и влечениями большинство людей не имели никакой власти, но слепо подчинялись им, воображая, будто бы поступают по своей воле — в то время как, напротив, эти самые колебания, задаваемые во многих случаях всего лишь случайными движениями духов и демонов, прошедшими мимо человека, и становились тем, что определяло расположение человеческой воли. Так же, как деревья и камни в мире людей, так и сами люди в мире духов нередко воспринимались их обитателями как некий материал, инертная бессознательная данность, как объекты, не имеющие — или, по крайней мере, не проявляющие — никакой собственной воли. Как бесконечное величие — ведь они содержали в себе весь мир, и как бесконечное ничтожество — ведь это мир владел ими, а не они миром — вот как увидел терафим Тьмы людей, к числу которых некогда принадлежал и он сам. Его созерцание длилось годы, а может быть и десятилетия — внутренний мир человека, из которого сам человек знает лишь самую малую часть поверхности, тот «узел», место пересечения стихий, для духов — это целый лабиринт; нет — огромный многоуровневый город; сложнейший мир, не менее реальный, чем прочие, нечеловеческие, миры в глубинах Тьмы, образованные сознанием богов и демонических властителей.

В мире, называемом Омрон, жил некий граф, который вел безнадежную войну против вторгшихся на его земли захватчиков. Покорив его земли и разбив спешно собранное войско, нападавшие уже подступили к самим стенам графского замка и должны были в скором времени захватить его, друзья и союзники, которых граф просил о помощи, предали его и не прислали войска. В черном отчаянии он хотел собственноручно убить жену и дочь, потому что знал: их участь, если они попадут в руки врага, будет страшнее смерти. Однако он так и не смог заставить себя совершить то, что намеревался. Тогда он взошел на самый верх донжона, в залу, служившую ему в качестве заклинательных покоев, и, совершив ритуал, предложил свою душу обитателям Тьмы в обмен на помощь в этой войне. Хотя он и не был сильным колдуном, некоторым Даром обладал, и он сумел вызвать в человеческую реальность весьма могущественного демона… и этим демоном был Эрдан. По крайней мере, так ситуация выглядела с точки зрения человека, с точки зрения же вызванного было иначе: потратив некоторое время на изучение конгломерата психоэнергетических структур в бессознательном отдельных людей и человеческих коллективов, Эрдан пришел к мысли, что пора бы вернуться назад, в форму человека, и

взглянуть на мир сдругой стороны. Из всех путей, которые он видел, он выбрал ближайший, и этим ближайшим оказалась воля графа, предающего себя Тьме. У графа, конечно, не хватило бы ни силы, ни знаний, чтобы заклясть столь могущественного демона, но путь, который он создал, был пригоден для Эрдана, и последний прошел по нему, распугав мелких демонов, привлеченных предложением сделки: часть из них желала обмануть человека и урвать что-нибудь из предлагаемого так, чтобы заплатить мало или не заплатить вовсе, другие же служили посыльными у более могущественных демонов, и стремились купить душу для того, чтобы затем отнести ее хозяевам, располагавшими разнообразными способами выжимания сока из приобретенных душ.

Граф стоял в колдовском круге, предназначенном для вызывающего, Эрдан появился в круге, предназначенном для вызываемого, — сразу же, для удобства, перейдя в свою прежнюю человеческую форму. Хотя ему не составляло никакого труда сломать заклятья, предназначенные для того, чтобы удержать вызванное существо, создавшаяся ситуация позабавила его и он не стал демонстрировать силу и пугать человека. К тому же ему было любопытно, для чего тот его вызвал. Граф, который вовсе не был уверен в том, что удастся призвать вообще хоть кого-то сложнее импа или лидриса, преисполнился уверенности в собственных силах и вообразил, будто удерживающие заклятья действительно являются препятствием для демона. Впоследствии этот обман или, скорее, самообман графа, принес немало бед им обоим.

Эрдан согласился помочь графу — ему было несложно выполнить эту просьбу. Однако душа графа, предлагавшаяся в обмен на помощь, была ему ни к чему. Он был готов выполнить просьбу просто так, однако граф не поверил ему: он подозревал демона в обмане и думал, что тот лишь для виду выказывает себя этаким благодетелем. Ведь, если не будет заключен договор, Демон, выйдя из круга, сможет делать все, что ему заблагорассудится. Эрдану не хотелось спорить, доказывая, что все, что ему нужно от этого человека — немного пожить в его замке, дабы привыкнуть к человеческой реальности, к тем схемам восприятия, которые прелагают единый мир в тот мир, каким его видят люди. Поэтому он согласился, сказав, что заберет душу графа после его смерти. На самом же деле они так и не заключили полноценный договор, ибо Эрдан не прибег к магическим узам, которыми скрепляются подобные сделки, а граф был слишком плохим демонологом и полагал, что колдовские узы появляются сами собой по достижении устной договоренности. На деле же, заключать договор с демонами могут лишь те, кто способен соединить с устной

договоренностью соответствущее колдовское действие гэемона, своим согласием демон открывается этому действию. Может быть и наоборот, когда Узы накладывает демон, однако в этом случае колдун, как минимум, должен уметь чувствовать их, иначе договор не будет иметь никакого значения.

Граф выпустил его из круга и подведя к окну, показал на людей, которых следовало уничтожить — захватчики в это время готовились к новому штурму. Став потоком живой тьмы, Эрдан перетек на поле. Здесь он обернулся к Стихии, частью которой после обретения Имени стал сам. Так же для людей есть направления вперед-назад, вправо-влево, вверх-вниз, для Эрдана одним из направлений была Тьма — он был сращен с ней; и между ним и Стихией не было никаких границ. Ему не хотелось возиться с людишками и, выполняя условия договора, лично давить каждого, поэтому он просто вызвал из Тьмы нескольких демонов рангом пониже и приказал им очистить местность. Сейги, мунглайры и шуд-хо взялись за работу, а когда, в скором времени, никого из нападавших уже не осталось, Эрдан приказал им вернуться обратно. Сам же он, переместившись в башню, сообщил человеку, что свою часть договора он выполнил. Граф был поражен могуществом, которому стал свидетелем, и, когда Эрдан выразил желание остаться и погостить в замке некоторое время, отказать ему не посмел.

Лизаре, дочери графа, было шестнадцать лет. Эрдан был красив от природы, его сила, присущее демонам обаяние, тьма, которая таилась в нем, страх, который он внушал даже самым благородным и сильным рыцарям, служившим отцу Лизары, и даже самому графу породили в сердце девушки влечение к таинственному гостю. В своих мечтаниях она представляла, как ложится с ним. И иногда в тех грезах ее герой был самим воплощением нежности, иногда, напротив — жестокости и силы: Лизара представляла, как он терзает ее, и сильнейшее возбуждение охватывало ее. В этих мечтаниях не было ничего необычного, ведь многие люди предаются им, полагая, что воображаемый внутренний мир недоступен никому, кроме них самих. Однако Эрдан, хотя и жил как человек, был не только человеком. Стихия была по-прежнему открыта ему, ведь он носил ее Имя в собственном сердце. Он мог полностью перестать быть человеком, но полностью перестать быть порождением Тьмы — не мог: мог лишь спрятать от чужих взоров свою темную сущность, но она всегда была с ним, и он, носитель Имени, всегда какой-то своей частью смотрел во Тьму. Поэтому души людей были открыты ему, и хотя он, живя в замке, не особенно к ним приглядывался, однако желания Лизары невозможно

было не заметить. Эти желания, настойчивые и страстные, он воспринял как открытый призыв, ведь то, что казалось Лизаре ее внутренним миром, для Эрдана-демона было внешним миром, объективной реальностью. Она сама неотвязно приглашала Эрдана войти в пространство ее душ, усилием ума проецируя внутрь себя его образ и наполняя образ силой своих желаний. Связь же между образом и первообразом, для людей совершенно неочевидная, ддя демонов очевидна вполне. Для обитателей замка Лизара была скромной и кроткой девочкой, и это было правдой, для Эрдана же она была неудовлетворенной развратницей, уличной шлюхой, которая хватает клиента за рукав и тащит к себе в дом — и это тоже было правдой. В конце концов он решил поддаться ее уговорам и войти туда, куда его так настойчиво приглашали — и вот, один из самых страстных, мучительных снов Лизары стал реальностью: Эрдан создал эту реальность для нее. Впрочем, это не совсем верно: реальность создала сама Лизара — Эрдан лишь пришел туда, куда его звали, соединившись со своим образом в ее воображении, и, кроме того, утянул ее в это «воображаемое» пространство целиком, вместе с телом. Там они предались неистовой любви, ибо таковы были условия реальности, определенные самой Лизарой, и эти законы исключали трезвое восприятие мира, и вопросы «что происходит?», «как я здесь оказалась?» были невозможны, как невозможно было здесь и само мышление, способное породить сомнения или ясное, бесстрастное осмысление действительности. Когда они насытились друг другом, то расстались, Лизара же, очнувшись в своей кровати, не могла понять, что это было; нечто действительное или же необычайно яркий сон. Она не понимала, что между «действительным» и «сном» нет непреодолимой границы. Она не могла и спросить Эрдана о произошедшем: как ей, девушке, не всходившей еще на супружеское ложе, задать такой вопрос мужчине, с которым она в обычной жизни никогда не общалась? Сомнения томили ее, а Эрдан никак не давал знать о том, что было, потому что днем в замке они оба были на виду. Кроме того, по его мнению, он и без того уделил ей немало времени ночью, днем же он предпочитал заниматься своими делами: приноравливать восприятие к человеческому миру и потихоньку разбираться с тем, как можно реализовать способности и силы, приобретенные им в состоянии демона, в человеческом мире, какие непредвиденные последствия и новые свойства приобретает здесь его волшебство.

Через некоторое время Лизара пожелала его вновь, и он вновь пришел, и так происходило несколько раз. В конце концов ей стало ясно, что эти мечты и сны — не просто мечты и сны, а нечто большее. Она поняла, что

может определять, как будет выглядеть реальность, обстановка их встреч, и стала чаще «заказывать» такие миры, в которых их отношения развивались в романтической обстановке. Поняв, что происходящее — нечто больше, чем сон, отказываться от встреч Лизара не стала: ведь ей нравилось то, что происходило с ней, а выказывать скромность и целомудрие после того, как она неоднократно, по собственной воле, возлегла с Эрданом, после того как предалась с ним в своих мечтах едва ли не всем возможным извращениям, было бы слишком большим лицемерием.

Все это продолжалось к их взаимному удовольствию до тех пор, пока Лизара не обнаружила вдруг, что беременна. Осознав это, она пришла в смятение и не нашла ничего лучшего, как рассказать о своем положении отцу и матери. Граф чрезвычайно разъярился, и эту ярость питало подспудное чувство вины: ведь он сам пригласил в дом демона, соблазнившего затем его дочь. Отец и мать пришли в ужас от мысли о том, что может родиться от такого союза. Графиня позвала знахарку, и, пока они готовили зелье, предназначенное для того, чтобы вытравить нечестивый плод, граф собрал верных ему людей, Хотя сила демона и страшила ею, он все же полагал, что сумеет удержать Эрдана чарами, по крайней мере какое-то время — ведь тогда, в башне, в самом начале их знакомства, демон подчинился его заклинаниям и сделал все так как желал граф. Уповая на то, что, пока граф будет удерживать демона посредством волшебства, они сумеют добраться до врага и изрубить в капусту. Рыцари и воины отправились в те покои, где жил Эрдан. Для Эрдана это вторжение стало неожиданностью, поскольку в это самое время он ставил один очень тонкий и напряженный магический эксперимент, суть которого состояла в преобразовании энергий на весьма высоких планах существования. Все его внимание было поглощено процессом, и он не сразу отвлекся, когда в его комнату ворвались вооруженные люди. План графа едва не удался, и воины даже сумели ранить Эрдана — последнее, впрочем, чрезвычайно разозлило его, когда он все-таки пришел в чувство и понял, что происходит. Обычные люди не живут долго с проткнутым сердцем, но он, перейдя в демоническое состояние, исцелил себя и уничтожил всех, кто находился в комнате. Он пожелал отомстить графу за его вероломство и, подобный столбу черного дыма, проник в заклинательные покои. Хозяин замка в это время проводил там свои жалкие и бесполезные ритуальные процедуры, направленные на то, чтобы обессилить врага, ведь он еще не знал о смерти своих воинов. Здесь же находилась Лизара, покрывшаяся испариной и впавшая в бессознательное состояние от зелья, которое ей

дали. Эрдан убил графа, а затем прикончил графиню и служившую ей знахарку — ведь если первый предал его, то последние пытались лишить жизни его ребенка. Он исцелил Лизару и вывел отраву из ее тела, захватил замок и объявил себя владельцем этих земель. Часть прислуги бежала в страхе перед демоном, другие предпочли остаться, ибо им некуда было идти. Жители окрестных деревень пытались оказать Эрдану сопротивление, но он раздавил их ополчение без труда, и тогда они покорились, признав его силу и получив заверения в том, что ни им, ни их семьям ничего не угрожает. Эрдан пришел к мысли, что статус демона сильно вредит ему и стал выдавать себя просто за могущественного мага — впрочем, его сложная природа, преобразившаяся после принятия Имени, включала в себя, как уже говорилось выше, и человеческую составляющую, и поэтому Эрдан не лгал: человеческой своей половиной он и был магом, о другой же половине теперь он предпочитал умалчивать.

Лизара родила дочь, однако счастливой семьи у них с Эрданом так и не получилось. Ведь Лизара терзалась виной за случившееся: она полагала, что если бы не ее утехи с Эрданом, ее родители были бы живы. Вскоре после рождения ребенка она покончила с собой. Эрдану ее поступок был неприятен, однако он не слишком горевал, поскольку не любил ее (хотя и был готов заботиться о ней и защищать ее, как свою женщину). По-настоящему была дорога ему не Лизара, а Дана, их дочь, в которой Эрдан видел свое продолжение. Когда-то давно у него была семья, но все ее члены погибли в ходе внутренней войны в Кильбрене, теперь же, как-то неожиданно и вдруг, Эрдан перестал быть одинок — рядом с ним появилось родственное существо, требующее заботы и внимания.

Он вырастил Дану и обучил ее волшебству. Король тех земель, где он жил, пошел войной на «демона», но Эрдан убил его, и наследник трона, наученный горьким опытом, предпочел де-юре признать то положение, которое установилось де-факто. Графство, спустя много лет после захвата, было признано принадлежащим Эрдану, и походов в его земли больше не объявлялось. Дела по управлению графством самого Эрдана интересовали мало. Дабы не тратить на них лишнее время, он предпочел устроить все так, чтобы все совершалось и без его постоянного вмешательства. Выпущенные из замка порождения тьмы быстро покончили с разбойниками, а лидрисы и подобные им мелкие твари бдительно следили за тем, что происходит в подвластных Эрдану землях. Новый граф существенно снизил налоги, потому что ему, чтобы защищать свои владения, не нужна была большая армия, он не тратился на роскошь, предпочитая балам и приемам спокойную жизнь, сводившуюся к изучению

того, как работает демонская магия в человеческом мире, и к обучению Даны.

По мере того, как Дана росла, он все чаще вспоминал о мире, в котором когда-то родился. Друзья и родные, истребленные Джейбрином, представали в его воспоминаниях живыми и деятельными. Размолвки и серые будни стерлись о время. О родных и друзьях память сохранила только самые дорогие воспоминания, И вместе с воспоминаниями возвращалась ненависть к их убийцам. Он слишком долго был оторван от миров людей, там, в мирах демонов, человеческие переживания казались чем-то невзрачным и тусклым. Теперь они снова обрели яркость. Вернуться в Кильбрен его побуждала и мысль о Дане: Кильбренийский Источник мот бы раскрыть ее Дар быстро и легко. Эрдан решил вернуться в Кильбрен тайно и разузнать, что там произошло, и ему не составило труда осуществить свое намерение. Так, оставаясь незамеченным, он узнал обо всех событиях, произошедших за два последних столетия, о репрессиях приора, о мятежах, о расколе клана Кион на две враждующие партии ита-Риттайн и ита-Берайни. Большинство личных врагов Эрдана отошло в мир иной, но оставалось еще как минимум четверо высокорожденных, чьи жизни он должен был забрать, чтобы иметь возможность вернуться к Кильбрен без опасений: Джейбрин, Майдлар, Вомфад и Халгар. Джейбрин стоял здесь на особом месте — последняя цель, самая желанная и самая опасная. Эрдан начал с убийства Халгара, старшего сына приора, принимавшего самое деятельное участие в истреблении потомков Гарабинда — выследил и прикончил принца без всякой жалости. Джейбрин затеял расследование, и Эрдан едва не попался, несмотря на то, что он пользовался заклинаниями, искажающими эфирные и информационные следы, его все же сумели вычислить. В месте, которое он использовал в качестве базы в Кильбрене, организовали засаду. К счастью для себя, Эрдан почувствовал неладное и успел бежать во Тьму. Некоторые из прихвостней Джейбрина увязались за ним, но в пространствах своей Стихии Эрдан имел огромные преимущества и без труда перебил преследователей. Некоторое время он не появлялся в Кильбрене, понимая, что следует изменить свои планы: несмотря на приобретенное могущество, в человеческих мирах несколько высокорожденных, действуя сообща, сумели бы скрутить его — ведь многие из них так же, как Эрдан, были причастны к Высшей Магии: у Эрдана было Имя, у них — различные хеллаэнские Тертшауры, инициацию в которых они прошли. Действовать в одиночку было слишком рискованно. Требовались союзники, и Эрдан пришел к мысли, что разумнее всего будет присоединиться к какой-либо

партии, противостоящей приору. Собственно, выбор был невелик, потому что и Ксейдзан, и Хаграйд некогда поддержали Джейбрина. Он встретился с Кетравом и быстро сошелся с ним, возникло даже некое подобие дружбы. Кетрав сумел кое-что узнать о приобретенных Эрданом силах и справедливо ценил столь могущественного союзника, в то время как Эрдану Кетрав требовался для того, чтобы быть в курсе происходящих при Дворе событий и действовать продуманно и организовано, полагаясь не на удачу, а на трезвый расчет. Ибо Эрдан не был стратегом, он практически никогда не строил далеко идущих планов, не загадывал наперед. Он привык действовать интуитивно, спонтанно, но понимал, что на одном только везении и вдохновении Джейбрина не победить. Ита-Берайни подготавливали убийство приора, и в нем Эрдану отводилась немаловажная роль, однако приор был убит иначе, без их участия. С одной стороны, это путало все карты, нарушало все планы, часть из которых была осуществлена, но, другая, большая, еще не успела реализоваться, с другой же стороны случившееся открывало новые возможности. Еще раньше Кетрав спрашивал Эрдана о его семье, Эрдан упомянул о том, что у него есть дочь, и Кетрав выразил желание познакомиться с вей. Эрдан отказал в просьбе под каким-то благовидным предлогом, однако само предложение Кетрава заставило его задуматься о том, как и при каких обстоятельствах он будет знакомить Дану с родней. За себя он не опасался, но дочь была слишком юна и уязвима, и даже если к моменту открытого появления Даны и ее отца в Кильбрене все личные враги Эрдана будут мертвы, у этих врагов имелись друзья и родичи, которые наверняка захотят отомстить. Тогда Эрдан на некоторое время вернулся в Омрон, но еще прежде ушел во Тьму и прислушался к голосам людей, которые звучали там. Ибо когда человек мучается от боли, пребывает в отчаянье, ненависти, в безразличии, в злобе, в предвкушении тайны — голос его души слышен во Тьме. Эрдану-демону нужен был голос молодой девушки. Таковая незамедлительно нашлась — одна из великого множества самоубийц, совершающих свой последний шаг. Эрдану нужна была самоубийца, потому что душа самоубийцы, равно как и душа религиозного мученика, добровольно отдается им в руки тех сил, которые владели им в момент смерти. Выбранной Эрданом девушкой владело отчаянье; Эрдан, как ангел смерти, бесстрастно следил за ней, пока она подходила к краю. Когда она сделала последний шаг и полетела вниз, и сердце в ее груди разорвалось от страха, Эрдан подхватил ее тело и душу — телу он не дал разбиться, а душе — утонуть в бесконечном ужасе миров, в которые готовилась перейти эта душа — а ждали ее, готовясь принять как свою, владения

Гарасхэна, Повелителя Отчаянья, что расположены в глубинах Преисподней. С этой девушкой Эрдан вернулся в Омрон. В своем замке он долго работал над ней, стремясь превратить ее в точную копию Даны. Он изменил все, что мог: тело, гэемон, душу, воспоминания, переписал ту часть информационных полей, которая соответствовала ей. Он собирался взять ее с собой в Кильбрен и показывать всем, как свою дочь, и лишь перед инициацией в Источнике совершить обратный обмен. Настоящую Дану он не собирался ни с кем знакомить — по крайней мере, в ближайшие сто лет. Он уже и так потерял всех, кого любил, и не собирался допускать, чтобы это повторилось вновь.

Смерть Джейбрина, как уже говорилось выше, внесла коррективы во многие планы. Эрдан счел, что пора открыто появиться на сцене. Копия Даны была представлена всем, как его настоящая дочь. Эрдан предполагал, что в ближайшее время Вомфад или Майдлар — а может быть, и вместе — попытаются убить его: они должны что-нибудь предпринять, потому что слишком много крови протекло между последним потомком Гарабинда и соратниками покойного приора. Они должны убить его, чтобы жить спокойно, равно как и он должен сделать то же самое. К нападению он был готов. Сунься Вомфад со своими людьми в приготовленную для него ловушку — их бы встретил не только Эрдан, но и потомки Берайни, и в противостоянии Кетрав-Вомфад была бы поставлена жирная точка, а Эрдан избавился бы от еще одного личного врага. Майдлара он в качестве серьезного противника не рассматривал, но Кетрав попросил не трогать его до сената, и Эрдан выполнил его просьбу. Однако ловушка, приготовленная для военного министра, так и осталась незадействованной. Вомфад предпочел похитить Дану и прибегнуть к шантажу. Эрдан, следуя своей роли, повел себя как отец, более всего дорожащий жизнью единственного ребенка: он принял все условия, согласился поддержать Вомфада в сенате и даже сделал вид, будто поверил — или надеется вопреки логике — что Дану оставят в живых и отпустят, когда все закончится. Целью Эрдана было заставить Вомфада думать, что военный министр держит его на коротком поводке — в перспективе это давало возможность подобраться к нему поближе. Вомфаду служило слишком много магов, чтобы лобовая атака могла бы привести к успеху — задавят массой; если же нападающие, в свою очередь, соберут такие силы, что явный перевес окажется на их стороне, что помешает Вомфаду сбежать, не ввязываясь в бой? Прежде чем бить, надо было быть уверенным в том, что удар достигнет цели; в противном случае Эрдан подставится сам, а Вомфад получит представление о силах, приобретенных внуком Гарабинда во

время изгнания, и начнет активно искать способы противостоять им.

Историям похищенной «дочери» получила неожиданное развитие, когда с Эрданом связался Фольгорм. Появление физиономии этого субъекта в настенном зеркале Эрдана удивило, но еще больше удивило его то, что поведал ему этот субъект. Во-первых, принц сообщил, что за домом следят (это Эрдан знал и без него), во-вторых — показал картинку и передал Слепок места, где содержалась псевдо-Дана. Фольгорм полагал, будто оказывает Эрдану важную услугу авансом: действительно, если бы в плену находилась настоящая Дана, то своими действиями принц, возможно, спасал как ее жизнь, так и жизнь ее отца. Взамен он хотел, чтобы в будущем Эрдан выступал на его стороне. Фольгорм либо не знал, кто убил его собственного отца, Халгара, либо делал вид, будто не знает, поскольку собирался использовать Эрдана в своих целях. Эрдана позабавило то, как ложатся карты: предательство на предательстве, Вомфад совершает подлость, и Эрдан «вынужденно» предает Кетрава, поддерживая иллюзию того, что эта девушка важна для него. Кетраву, со своей стороны, выгодно, чтобы Вомфад убил Дану — это вернет Эрдана в его собственную партию и крепко привяжет к ней еще большей ненавистью к общему врагу. Со своей стороны, Фольгорм предает Вомфада и предлагает Эрдану столь «ценные» для нею сведения… Столько сложностей из-за одной особы, само появление которой было задумано Эрданом в качестве отвлекающего маневра. Впрочем, псевдо-Дана прекрасно со своей задачей справилась: запутала все, что только можно.

Выслушав Фольгорма, Эрдан задумался. Его одолели сомнения. С одной стороны, ему было выгодна ситуация, при которой «Дана» находилась у Вомфада — поскольку это обстоятельство в перспективе открывало возможность добраться до военного министра, уверенного, что он «обезопасил» себя от Эрдана. С другой, предательство Фольгорма несколько иначе рисовало всю обстановку в клане Кион: помимо Кетрава, Вомфада и безвременно покинувшего сей мир Шерагана, в клане имелся еще один лидер, неявный, очень осторожный, до сих пор предпочитавший оставаться над схваткой, выжидая, пока остальные претенденты не перебьют друг друга. Попутно он формировал собственную партию, но тут он действовал наверняка, и если бы лже-Дана была настоящей, Эрдан и в самом деле оказался бы у него на крючке, при том исключительно по доброй воле, в благодарность за спасенную дочь.

С третьей же стороны, это «предательство» со стороны Фольгорма могло оказаться большим мыльным пузырем: возможно, он разыгрывал спектакль для того, чтобы заманить Эрдана в нужное ему место, а там, вместе с Вомфадом и Майдларом, убить, и таким образом сразу решить все связанные с Эрданом проблемы. Правда, чего-то подобного стоило бы ожидать уже после сената, после того, как Вомфад получит от Эрдана его голос — но, с другой стороны, может быть, его голос военному министру не так уж нужен?

Так или нет — в любом случае, следуя выбранной роли, Эрдану приходилось идти и спасать свою любимую «дочурку», что он и сделал. К атаке Вомфада и Майдлара он был готов, но встретился лишь с несколькими обычными магами, приставленными охранять девушку, — их он раздавил по ходу, даже не прибегая ни к Имени, ни к тем силам, к которым стал причастен за полтора столетия своих странствий в глубинах Тьмы. Итак, Фольгорм не обманул. Значит, теперь, он должен делать вид — по крайней мере, для Фольгорма — будто находится на его стороне. Это оказалось не так уж плохо. Фольгорм знал откуда-то, а может быть, только догадывался, — что он объединился с ита-Берайни, и правильно понимал основной движущий мотив Эрдана: месть. Он пообещал, что поможет Эрдану добраться до горла военного министра гораздо раньше, чем это мог бы сделать Кетрав — ведь он и сам стоял к Вомфаду очень близко. Фольгорм сказал, что он уже все рассчитал, ему нужен был только исполнитель, лидер боевой группы, потому что Вомфад, даже загнанный в ловушку, опасен, — смертельно опасен. На роль «исполнителя» Эрдан подходил идеально, и это, вдобавок, соответствовало его собственным планам. Все активные действия должны были начаться после сената —

стремительная развязка напряженного внутреннего противостояния, продолжавшегося длительное время. Фольгорм предсказал, что будет море крови. Завтра. Эрдан возбужденно мерил шагами гостиную в своей скромной квартире. Сенат состоится завтра. Он, в согласии со своей ролью, припрятал «Дану» до лучших времен. Копия еще пригодится: когда все враги будут убиты, он вновь извлечет ее из морозильной камеры и посмотрит, не появится ли кто-нибудь, желающий отомстить за убитых. Псевдо-Дана была отличной ложной мишенью. Вытаскивая ее из особняка, он не стал уничтожать информационные поля по заранее изъявленной просьбе Фольгорма; по словам принца, так ему будет проще обмануть Вомфада, внушив, что нападение совершал кто угодно, но только не Эрдан. Это казалось странным, но в этом была своя логика. Фольгорм собирался создать у Вомфада иллюзию того, что внук Гарабинда еще не знает о «перепохищении» Даны. Эрдан, проведший полтора века среди демонов и чудовищ, иногда поражался тому, насколько же лжив — чудовищно лжив — тот мир, в котором ему довелось родиться.

14

И вот день, которого все так долго ждали, настал. Идэль и Дэвид прибыли в новый дворец около одиннадцати утра, их сопровождала дюжина гвардейцев и десяток слуг — свободных и атта. Несмотря на внушительные размеры нового дворца, там уже и утром накопилось столько народу, что яблоку упасть было негде, а высокорожденные продолжали прибывать и прибывать. На фоне прочих свита Идэль выглядела весьма скромной: если не считать гвардейцев, в свите принцессы не было ни одного дворянина — в время как иных высокорожденных сопровождали степенные главы дворянских семей, также тянущие за собой нехилую свиту из собственных телохранителей, слуг и вассалов. Огромное множество высокорожденных из младших домов по своей пышности мало чем отличались от старших собратьев — они также прибыли со своими вассалами, гвардией, слугами и рабами. В итоге в новом дворце началось настоящее столпотворение. Звучали голоса, что, дескать, часть всей этой толпы неплохо бы и отослать восвояси, но практически никто доброму совету не последовал. Представители четырех враждующих партий не желали отсылать никого из своих, поскольку это могло бы убавить им весу в глазах остальных, кроме того, никто не знал, чем закончится сегодняшнее заседание. Вполне могло случиться и так, что до, во время или сразу после голосования, кто-нибудь может попытаться решить все проблемы разом, попросту перебив конкурентов — сделать это было тем более удобно, поелику все означенные конкуренты разом собрались в одном месте. Поэтому распускать свиту, в которой каждый человек, не считая разве что только слуг, был самостоятельной боевой единицей, никто не хотел. Представители четырех партий опасались нападения, а сохранявшие нейтралитет представители старших и младших семей — хотели располагать хоть какими-то силами на случай конфликта, чтобы иметь возможность защитить себя. Авермус и Ведаин и подчиненные им люди как-то пытались организовать всю эту толпу, распределить эту прорву народа по дворцу так, чтобы исключить возможность давки и не сводить вместе кровных врагов, которых в избытке хватало как среди высокорожденных, так и среди дворян, но практически все их усилия никакого результата не дали: все, начиная от преторов и заканчивая последними дворянчиками в их свитах, были твердо уверены в

том, что лучше, чем кто-либо, знают, где им находиться и что делать. В конце концов, объявили о начале собрания, но занять свои места все сенаторы смогли лишь спустя час после того, как прозвучало объявление: каждая из партий желала сопроводить своих представителей до самих дверей зала, где должно было происходить голосование, и там же, у дверей, остаться, ожидая итогов и бдительно следя за происходящим вокруг — в результате оба коридора, что вели к залу собраний, были мгновенно закупорены сопровождающими. Новым сенаторам приходилось пробиваться через эту толпу; их сопровождали неменьшие толпы дворян и младших высокорожденных, также желавших занять места у дверей. Но все места уже были заняты, попытки потеснить стоявших приводили в лучшем случае, к еще большему забиванию прохода, либо к ссорам и стычкам — к счастью, ни одна из них не перелилась во что-то большее, что, в общем-то, легко могло бы произойти без всякого специального умысла, просто в силу того, как много скопилось здесь людей, готовых схватиться за оружие по любому поводу, агрессивно настроенных и, вдобавок, подогретых ожиданием выборов и близостью своих кровных врагов. Общее настроение в коридорах было таковым, что Дэвид Брендом не отпускал рукояти меча — и пока провожал Идэль до дверей, и затем, когда, став во главе гвардейцев принцессы, ждал ее возвращения. Тут в любой момент могла начаться свалка, представители различных партий поглядывали друг на друга с агрессией и подозрением, в воздухе пахло напряжением и едва сдерживаемой злостью.

Изнутри сенаторский зал выглядел просторным и почти уютным — по крайней мере, если сравнивать его обстановку с той, что царила в примыкавшим к нему коридорах. Однако Идэль чувствовала, что ее начинает колотить нервная дрожь — несмотря на свободное пространство и уют, здесь напряжение было не меньшим чем снаружи — вот только удерживавшие это напряжение волевые тиски были крепче: здесь собрались сами игроки, там, снаружи остались их союзники и слуги, друзья и клевреты.

Их, долженствующих решить, кто на неопределенный срок — неопределенный, потому что семилетние перевыборы мало что значили и действующий приор почти всегда сохранял свой статус до самой смерти — станет новым правителем Кильбрена, было всего двадцать пять человек. Смайрен, как и ожидалось, так и не появился. Они заняли два ряда кресел, а секонд — отдельное, председательское место, расположенное как бы в оппозиции к остальным. Слева и справа от секонда находились четыре длинные панели с выемками для табличек; эти панели были установлены

вертикально и имели разный цвет, кроме того, каждая из панелей венчалась именем кого-либо из претендентов.

Всем собравшимся были розданы золотые таблички, каждому — по четыре. На лицевых сторонах табличек были выгравированы имена претендентов, на обратных — имена самих сенаторов. Все, кроме Идэль, уже участвовали в голосованиях и хорошо знали правила, однако Ведаин, как и положено, перед началом еще раз, вкратце разъяснил эти правила и затем объявлял каждый последующий шаг. Все было предельно просто: предстояло выбрать одно из четырех предложенных имен и опустить табличку, на которой оно было начертано, в мешочек, с которым Ведаин обходил зал. Возможности проголосовать «против всех» или «воздержаться» не предполагалось, вернее сказать, эта возможность предполагалась как раз в той форме, которую избрал пчеловод Смайрен; можно было просто проигнорировать данное собрание и не придти.

Когда были собраны все голоса, Ведаин (свою собственную золотую пластинку он опустил в мешочек первым) стал доставать из мешочка его содержимое и объявлять о результатах, каждый раз спрашивая подтверждения у того, кому принадлежал голос. Выборы, конечно, не могли быть тайными — в этом случае у проигравших было бы слишком сильное искушение объявить их итог подтасовкой; но они не могли быть и совершенно открытыми, поскольку если бы голоса учитывались сразу, то немалый процент сенаторов мог бы изменить свой выбор в самый последний момент по причинам личного характера.

Таблички различались по форме: треугольные у суффектов, четырехугольные у министров, шестиугольные у преторов, овальные у лигейсан, не занимавших никаких постов, но имевших право голоса в сенате по праву крови. Сначала объявлялись решения министров, затем — суффектов и преторов, и только после них — лигейсан. Таблички секонда и приора были многогранными, во время перевыборов написанное на них объявлялось в самом конце — сейчас же, по понятным причинам, табличка приора отсутствовала, и Ведаин, первым опустивший свою пластинку в мешочек, должен был достать ее последней.

Сам порядок объявления голосов в каждой группе не имел значения; первая министерская табличка, которую вытащил Ведаин, принадлежала Гараубу, министру торговли. Вообще, секонд вытаскивал пластинки быстрыми, привычными движениями и объявлял имена не задерживаясь, но для Идэль время как будто спрессовалось: ее разум с бешенной скоростью анализировал происходящее. На поверхности сознания эта мыслительная деятельность воплощалась не в виде последовательных

рассуждений — как это будет изображено ниже — а, скорее, в виде чего-то, близкого к чувственному переживанию: Идэль почти физически ощущала, как меняется баланс с каждым произносимым именем. Из восьми министров за Вомфада, не считая его самого, отдали голоса только Етен и Авермус. Двое — за Кетрава: Сераймон и Санза. Трое — за Ксейдзана: Вельдария, Гарауб, Лодиар. За Хаграйда не проголосовал никто. Шераган среди министров, без сомнения, набрал бы больше, но его не было — и все изменилось, В условиях, когда управленческий аппарат шатался, трещал но швам и грозился в любую минуту вовсе исчезнуть, на первый план выступила клановая принадлежность. Голос Лодиара, отданный за Гэал, был понятен. Куда больше Идэль насторожило то, что Гарауб и Вельдария, происходившие из Аминор, проголосовали за Ксейдзана. Аминор, так долго существовавший в виде клана, целиком поддерживавшего политику Кион, решил-таки сменить покровителя? Похоже, что да. Лицо Вомфада ничего не выражало, он умел держать удар. Голоса ниртогцев, Сераймона и Санзы, удивили Идэль еще больше. Чем их купил Кетрав? Почему они не за Хаграйда?

Начался второй раунд, совсем короткий — Ведаину нужно было объявить всего три голоса, а затем и третий, равный ему по длине. По идее, тут никаких сюрпризов не должно было быть, исключая только вопрос о том, кому отдаст голос Самилер, претор аминорцев — но, учитывая итог первого раунда, уже можно было предсказать, кем будет этот счастливчик. Суффекты всегда голосовали так, как и преторы, ибо ставились преторами и являлись в малом совете всего лишь их представителями… По губам Ксейдзана пробежала улыбка, когда Самилер, а затем и его сын Хейкарн отдали свои голоса за претора Гэал. Эта улыбка исчезла, когда собствено суффект Ксейдзана, Сайрин, на вопрос Ведаина — признает ли она только что названное им имя своим действительным выбором? — спокойно подтвердила, что да, признает, что именно за Кетрава отдан ее голос. Сайрин, возглавлявшая ветвь ита-Шедан, спелась с Кетравом, и оставалось только гадать, что посулил ей расчетливый ита-Берайни… «Впрочем, — подумала Идэль, — гадать не нужно: если «вдруг» Тахимейд и Ксейдзан отойдут в лучший мир, главой клана, и это несомненно, станет Сайрин, а Кетрав, с его «тайным оружием», вполне мог бы это устранение организовать…» В Гэал наметился явный внутренний разлад и можно было не сомневаться, что Сайрин перестанет быть суффектом сразу же, как только покинет зал сената — вопрос в том, надолго ли ее отставку переживет гэальский претор?… Но сюрпризы со вторым и третьим этапами объявления голосов на этом не закончились. Потому что Хаграйд не стал

голосовать за себя — и он сам, и его суффект Фэбран отдали свои голоса за Кетрава. Теперь улыбался Кетрав, широко и открыто.

События последних недель начали проясняться. Идэль все поняла — да и не только она. Это было грандиозное надувательство. Хаграйд осознавал, что ему не победить, и поэтому просто продал голоса своей партии Кетраву, взамен получив… Стоило вспомнить об ита-Жерейн, как становилось вполне ясным — что было получено взамен. Идэль с ненавистью и омерзением посмотрела на лидера ита-Берайни. Кетрав устранил Дифрини и Дагуара, покушался на жизнь дочерей Вилайда, и, вероятно, пообещал Хаграйду окончательно разобраться с этой мятежной веткой Ниртога сразу после выборов. И этот подонок, хладнокровно вырезающий ближайших — по материнской линии — родственников Идэль, еще имел наглость предлагать ей руку и сердце! Принцессе хотелось закатить ему пощечину или громко, во всеуслышанье, назвать подлецом… но она, конечно, не сделала ни того, ни другого. Как ни циничны были действия Кетрава, приходилось признать, что своего он добился. Почти все лигейсан проголосовали за него же: четыре голоса — от ита-Берайни, включая собственный голос Кетрава, голос Финейры, слишком тесно связанной с кланом Ниртог, чтобы противиться решению Хаграйда и Нерамиза, голос Майдлара — ну, этому Идэль почти не удивилась, и, что ее просто убило — голос Фольгорма… Когда она пораженно посмотрела на последнего, дядюшка тепло улыбнулся и подмигнул, как бы говоря: все путем, племяша, не переживай… Немного отлегло от сердца: оставалась еще возможность думать, что Фольгорм — не на стороне Кетрава, тут шла какая-то большая игра, и даже сенат был лишь этапом этой игры, а не ее итогом. Она сама честно подтвердила, что отдает голос за Вомфада; следом за ней то же самое сделала Галдсайра. Удивительно, но Эрдан проголосовал за него же… Идэль вспомнила свой короткий разговор с Майдларом — да, так и есть, старый клоун был прав — Вомфад нашел способ заручиться поддержкой своего старого врага, и принцессе даже думать не хотелось о том, что это мог быть за способ. Зато по всем остальным пунктам Вомфад проиграл, и Ксейдзан, сумевший-таки перетянуть к себе Аминор, проиграл так же. Выбор Ведаина, хриплым сбивчивым голосом объявлявшего свое собственное решение, уже ничего не мог изменить. Военный министр получил семь голосов, Ксейдзан — шесть, Кетрав — двенадцать. Наступила тишина: все видели результаты, размещенные на четырех панелях — точнее сказать, на трех, ибо панель Хаграйда оставалась пустой, — видели и пытались осознать произошедшее. Кетрав улыбался, лицо Вомфада казалось каменной

маской, Ксейдзан, прищурившись, шевелил губами, разглядывая панели и еще раз все подсчитывая, лицо Хаграйда странно сочетало в себе кроткое выражение глаз и блудливую полуулыбку. Было тихо, и эту тишину первым нарушил Кетрав.

— Господин секонд, — сказал он, глядя в глаза Ведаину, — соблаговолите обьявить дату инаугурации, мы ждем.

Ведаин бросил отчаянный взгляд на Вомфада, но военный министр остался безмолвен. Да и что он мог сказать? Приор вступал в должность ровно через месяц после выборов, так гласил закон, и не было никаких причин, чтобы отдалять или приближать эту дату. Обязанности секонда в данном случаи сводились исключительно к формальной стороне дела: он должен был, как и требовал Кетрав, объявить о дате, а не определять ее.

— Инаугурация состоится шестого ноября в старом дворце, — как-то скомканно и поспешно произнес Ведаин.

Кетрав величественно и спокойно — как и положено властелину целой планеты — кивнул:

— Благодарим вас, секонд.

Он поднялся и двинулся к выходу из зала, за ним потянулись и остальные. Идэль осталась сидеть. Она представляла, что начнется в коридорах дворца, как только будет объявлено об итогах голосования. Дэвид как-то рассказывал ей о поведении футбольных болельщиков на своей родной планете, и принцесса ничуть не сомневалась, что полторы сотни высокорожденных из младших семей и более двух тысяч сопровождавших их дворян — будут реагировать не менее остро. Учитывая же, что как проигравшие, так и победители были вооружены и знакомы с боевой магией — ей выходить в коридор совершенно не хотелось.

Кетрав победил. Что теперь будет? Страх перед будущим вернулся. Нужно было как можно скорее найти Дэвида — он один умел изгонять этот страх. Он скажет что-нибудь идиотское в своем стиле, что-нибудь вроде «Да ну, забей, рано или поздно все само утрясется, все твои страхи и выеденного яйца не стоят!..» и принцессе захочется дать ему своим хрупким высокорожденным кулачком прямо в челюсть или, схватив за воротник, долго трясти, вдалбливая в его тупую башку, что нельзя так легкомысленно относиться к жизни, что все серьезно — что все очень серьезно — и как только она начнет злиться на этого идиота, ее страх пройдет и будущее перестанет казаться таким безнадежным.

Фольгорм прибыл в замок Йрник поздним вечером. Волна посетителей, спешащих обсудить насущные вопросы с будущим приором, поздравить

его и выразить ему свою верность, уже отхлынула, настало время для частных и скромных визитов, о которых не стоило информировать широкую общественность. Кетрав ждал его в своих личных апартаментах — именно туда, а не в портальную комнату и не в одну из многочисленных гостиных замка был открыт колдовской путь. Не время для церемоний. Кетрав казался усталым — но, конечно, не настолько усталым, чтобы не иметь возможности принять своего будущего военного министра.

Они говорили около получаса. Кетрава интересовала реакция Вомфада и той части клана Кион, с которой был близок Фольгорм — реакция Галдсайры, Идэль и младших высокорожденных, подчиненных наследникам первой жены Джейбрина.

— Девушки дезориентированы, — с улыбкой сообщил Фольгорм. — В клане настроения самые разные, но те, кто мог бы хоть что-нибудь сделать, так или иначе, все они связаны со мной. С этой стороны сюрпризов не будет. Во всяком случае, пока. Что же касается Вомфада, теперь, как ты понимаешь, на особое доверие с его стороны я рассчитывать не могу. Конечно, я попытался сделать вид, что перешел на твою сторону исключительно для вида, но, боюсь, он не слишком-то в это поверил, — улыбка Фольгорма стала шире. — Так что рассчитывать на какую-то откровенность с его стороны теперь вряд ли разумно. Безусловно, он в самом ближайшем времени начнет перетягивать младших высокорожденных к себе; можно не сомневаться, что он не успокоится, а попытается нанести удар. Он в безвыходном положении, точнее сказать, его единственный выход — как можно скорее устранить тебя, пока ты не взял власть и не стер его в порошок.

Кетрав некоторое время молчал. Он сидел в мягком кресле, положив локти на подлокотники, и, соединив кисти рук «домиком», задумчиво постукивал кончиками пальцев, слегка разводя, а затем вновь сближая кисти.

— Ты ведь понимаешь, что Вомфад — это только одна из наших проблем, — наконец произнес лидер ита-Берайни. — Была проделана, и весьма спешно, большая работа, — теперь стоит ожидать реакции. Кто-то сложит два и два, захочет предъявить счеты… мы к этому готовы, но период, который нас ждет, будет не из легких. Во-первых, мне нужна Идэль. Наш союз подведет черту под расколом в доме Кион. А для этого мне нужно, чтобы рядом с ней не ошивалось никаких неведомо откуда взявшихся выскочек. Мы с тобой это уже обсуждали.

— Да, я помню, — кивнул Фольгорм. — Но я не могу просто устранить Дэвида — это разрушит все мои отношения с племянницей. Я уже пытался

сделать так, чтобы его смерть произшла естественным путем, как бы сама собой. Я привел его в Курбанун в тот момент, когда там проходил преображение в терафима один местный колдун. Я рассчитывал, что в ходе боя мне удастся незаметно для Идэль убить его или подставить так, чтобы его смог убить терафим — но увы, этот дурачок вообще не принял участия в бою. Он оказался еще большим неумехой, чем я предполагал. После инициации в Рунном Круге он на некоторое время практически утратил способность создавать заклинания и был вне игры все время, пока мы с Идэль разбирались с терафимом. Я поддержал идиотскую идею заслать Дэвида в Гэал, выдавая его за потомка Ксейдзана — потомка, имеющего преимущественное право претендовать на место претора. Увы, эта попытка так же провалилась. Гэал быстро раскрыли его, как я и рассчитывал, но убивать по непонятным причинам не стали. Похоже, они сами еще не определились, как с ним быть. Дэвиду повезло…

— Мне нужны результаты, а не оправдания, — негромко произнес Кетрав. Он говорил как будто бы совершенно без нажима, спокойно, почти по-дружески, но как только он начал говорить, Фольгорм замолчал. Кетрав определял окружающее пространство. Ему не нужно было выказывать силу — он просто имел ее, и все вокруг, добровольно иди вынужденно, это признавали. Когда он начинал говорить, все замолкали: Кетрава можно было ненавидеть, но невозможно было не замечать.

— Мне нужен стопроцентно несчастный случай, с которым твоя племянница никак не сможет меня увязать, — сказал он. — Мальчик запарил ей мозги любовью и прочей чушью, в результате чего она перестала здраво соображать. Впрочем, у нее и раньше были с этим проблемы. Сильный, независимый характер, но ума не на грош… К Идэль нужен особый подход. Я поручил это деликатное дело тебе и хотел бы видеть результат, а не слушать истории о том, почему у тебя ничего не получилось.

Фольгорм дернулся — то ли от этих слов, то ли от какого-то неприятного воспоминания, но ничего не сказал.

— Второе, — сказал Кетрав. — Мне нужен архив Севегала.

Фольгорм покачал головой.

— Боюсь, с этим все еще хуже. Она даже не дала мне с ним ознакомиться.

— Ты выяснил, где она его прячет?

— Идэль уничтожила все сайдеары, на которых Севегал оставлял записи. Вероятно, перенесла информацию на свой сайдеар. Или просто запомнила.

Кетрав сделал печальное лицо. Фольгорм подумал, что даже если бы он и располагал архивами Севегала, черта с два он отдал бы их чванливому ита-Берайни. Хотя… может быть, и отдал бы. Ту часть архивов, где содержались бесполезные, общеизвестные или устаревшие сведения.

— Задача номер три — это Вомфад, — продолжал Кетрав. — Но от тебя тут почти ничего не требуется. Конечно, никто не рассчитывает, что военный министр станет делиться с тобой важной информацией. Сейчас ничего, кроме дезы, ты ничего от него не дождешься. Мне нужно, чтобы ты внимательно наблюдал за младшими высокорожденными. Когда Вомфад станет собирать силы для нападения, они не останутся в стороне. Учти, ты не единственный мой источник информации на этом поле, — Кетрав посмотрел на Фольгорма, в складке губ пряталась улыбка. — Поэтому не заигрывай со всеми сразу, как ты обожаешь это делать. Время, когда можно было выбирать сторону, уже прошло, и я надеюсь, ты выбрал правильно.

— Ты в чем-то меня подозреваешь? — спросил Фольгорм.

— О нет! — Кетрав рассмеялся. — Я лишь обрисовываю свое виденье ситуации. Моя партия открыта для всех. И ты получишь то место, которое было тебе обещано. Но нам нужны результаты, а не разговоры. Иди. Надеюсь, уже в самом ближайшем будущем ты принесешь хорошие вести.

Фольгорм поднялся, но не спешил уходить.

— А как же Ксейдзан?

— Что — «Ксейдзан»?

— Я полагаю, он должен беспокоить вас в первую очередь, — поскольку Кетрав ничего не отвечал, молча рассматривая Фольгорма, последний продолжал говорить:

— Я понимаю, что вы, быть может, хотите отложить эту проблему на потом. Ксейдзан обозлен и даже может воспринимать произошедшее как «предательство», но он будет некоторое время занят разборками в собственном клане, что как будто бы дает вам возможность разобраться с другими делами и лишь потом сосредоточиться на Гэал. На мой взгляд, этот расчет, сам по себе вполне трезвый, может не сработать, поскольку Ксейдзан, оценивая ситуацию в общем, наверняка поймет, к чему все идет и предпримет какие-нибудь меры против такого развития ситуации. В конце концов, он даже может временно объединиться с Вомфадом…

— Фольгорм, — ласково сказал Кетрав, и Фольгорм мгновенно замолчал. — Ксейдзан не должен тебя беспокоить. У тебя другие задачи. Займись ими. О Ксейдзане мы помним и в ближайшее время все наши… ммм… разногласия с Гэал… будут полностью улажены. Не волнуйся.

Задача составлять общий план действий не лежит на твоих плечах.

— Прошу прощения, — Фольгорм коротко поклонился. — Я понял.

Попрощавшись, он перешел в Холгомияр и более часа бродил по собственному жилищу, обдумывая текущее положение вещей и то, к чему все может прийти в зависимости от его нынешних действий. Проблема была в том, что в этом уравнении он не был единственным неизвестным, способным самостоятельно определять свое значение, — наличествовало еще множество других персон, чей выбор был вовсе не столь ясно определен, как это могло показаться. Любой план действий должен был быть динамичным, учитывающим переменные чужих выборов. План Фольгорма и был таким, и слабым звеном в этом плане был Ксейдзан. В идеале Ксейдзан должен был быть устранен раньше, чем Кетрав, а Кетрав — раньше, чем Вомфад. Но этот идеал казался недостижимым. Ему нужно было спровоцировать Кетрава на открытое выступление против главы Гэал, но когда и как это сделать? Что, если Кетрав решит договориться со своим прапрадедом? Они уберут Вомфада и поделят власть. Это было бы хуже всего. Фольгорм хотел связаться с Вомфадом немедленно, но заставил себя отложить разговор до утра. Несколько часов он общался со своими собственными агентами. Вести были неутешительными. Сайрин ита-Шедан баламутила воду в Гэал, настаивая на собрании клана в самые ближайшие дни и ее, похоже, могло поддержать чертовски много высокорожденных из младших семей. Ксейдзан будет очень занят тем, чтобы удержать власть в своем собственном клане и сделается безопасен для Кетрава, а значит, и прямой необходимости в его устранении у ита-Берайни не возникнет. Значит, нужно было прыгать сразу на вторую ступеньку, забыв о первой. Едва дождавшись утра, Фольгорм попытался связаться с Вомфадом. Военный министр не отвечал. Откликнулось зеркало, висевшее в кабинете у секретаря: оказалось, что военный министр очень занят каким-то разговором и в категорической форме запретил его отвлекать. Фольгорм подождал и связался вновь. Вомфад уже убегал, он мог встретиться и поговорить не раньше, чем в середине дня. Фольгорм отправился спать — ему требовался отдых не столько для тела, сколько для ума. Через несколько часов, однако, он не почувствовал себя лучше. Сознание мутилось, приоритеты, обычно столь четкие и ясные, таяли, все ставилось неопределенным. Он знал, в чем причина и каково лекарство для этой болезни. Ему нужно попасть в кабинет Вомфада. Как можно скорее. Там мир перестанет смазываться и снова станет четким.

Вомфад принял его, как принимал обычно, казалось, после сената все в их отношениях осталось по-прежнему. Но Фольгорм понимал, что это

иллюзия. Как обычно, военный министр предложил продолжить партию, но на этот раз принц отказался. Он решил, что нет никакого смысла ходить вокруг да около, следует сразу переходить к сути и спросил прямо:

— Что ты собираешься делать?

Губы военного министра изогнулись в усмешке.

— А что ты предлагаешь?

— Я предлагаю устранить Кетрава, — сказал Фольгорм. — И сделать это надо как можно скорее.

— У тебя, наверное, уже и план готов? — Вомфад продолжал улыбаться.

«Он уверен, что я действую по поручению Кетрава, — подумал Фольгорм. — Пытаюсь заманить его в подготовленную ловушку.

— Плана нет. Зато я знаю место, в котором они собираются. Это замок Йрник. Я был там вчера. Кетрав полагает, что может распоряжаться мной, но он ошибается. — Фольгорм в двух словах пересказал содержание вчерашнего разговора.

— Кетрав был там вчера, — Вомфад пожал плечами. — Но почему ты думаешь, что он будет там и завтра? Или даже сегодня? У ита-Берайни много замков, и любой из них может стать временной базой.

— Я полагаю… нет, я уверен, что Йрник — основная.

— Ты хочешь сказать, что они тебе настолько доверяют, что позволили узнать…

— Нет, нет. Дело не в этом. Кетрав не пустил меня дальше собственных апартаментов, и никого, кроме него, я в этом замке больше не видел. Но у меня при себе была одна вещица… Вот эта — Фольгорм снял кольцо с пальца и положил на стол. — Позволяет читать информационные поля, не отвлекаясь от разговора. Естественно, глубоко проникнуть таким образом нельзя, можно узнать лишь самые поверхностные вещи… У Кетрава там до меня побывала уйма людей, включая его брата и сестричек. Они живут в этом замке и будут жить ближайшие дни. В Йрнике полно тех, кто им верен — гвардейцев, младших высокорожденных.

— Похоже, они там хорошо укрепились, — заметил Вомфад.

— Да, они готовы к нападению. Но лучшей возможности уже может и не представиться. Я полагаю, нам нужно собрать все силы и ударить немедленно. Нельзя затягивать подготовку: у Кетрава среди младших высокорожденных нашего клана есть собственные тайные сторонники и агенты.

Вомфад некоторое время задумчиво рассматривал собеседника. «Мои аргументы недостаточно убедительные, — подумал Фольгорм. — Он не

верит мне и побоится лезть в место, где может быть расставлена для него отличная ловушка…»

Принц думал так, и то, что сказал после этих слов Вомфад, весьма его удивило.

— Ты все-таки на моей стороне, — военный министр чуть кивнул. — Меня это радует.

Фольгорм не понял, исходя из чего был сделан такой вывод, и тень замешательства на его лице заставила Вомфада улыбнуться.

— Подожди немного.

Военный министр вышел из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся вместе с Тахимейдом, которого Фольгорм видел чуть раньше, на пути к кабинету, — тогда эта встреча показалась принцу случайной: мало ли что могло понадобиться внуку гзальского претора в старом дворце? Теперь он понял, что Тахимейд приходил к Вомфаду, но то, что этих двоих могут связывать какие-то дела, заставило сердце Фольгорма болезненно сжаться. Неужели Ксейдзан и Вомфад решили заключить союз против Кетрава? Это было бы весьма некстати, — но худшие опасения Фольгорма не сбылись, напротив — произошло то, на что он не смел и надеяться.

Вомфад занял свое кресло и кивком предложил Тахимейду сесть.

— Расскажи ему то, что сегодня рассказал мне.

На лице Тахимейда отразились сомнения.

— Ты уверен, что…

— Вполне. Его предложение настолько похоже на твое, что я начинаю подозревать, не сговорились ли вы.

Тахимейд удавленно посмотрел на принца. Фольгорм сделал недоуменное лицо. Ксейдзан предложил организовать совместный штурм замка Йрник?

— Ксейдзан убит, — сообщил Тахимейд. — Во сне, тем же способом, что Шераган. Это произошло сегодня около четырех утра. Пока об этом никто не знает, кроме вас двоих и меня. Слуга, который принес мне это известие, обо всем забыл. Я не хочу объявлять о случившемся, потому что известие о смерти претора вызовет анархию в клане, и Сайрин, эта сучка, соберет всех немедленно, чтобы взобраться наверх по еще не остывшему телу деда. Я лично имею крайне мало влияния — я всегда пренебрегал политикой в пользу магии и, вероятно, был не совсем прав… Впрочем, это уже неважно. Суть в том, что как только о смерти Ксейдзана узнают, я стану не больше чем обычным членом клана, может быть, кто-то и будет видеть во мне наследника, но только одного из возможных. Но пока этого не произошло — сегодня, максимум завтра, смерть деда нельзя скрывать

бесконечно — я еще могу отдавать распоряжения, выступая в качестве доверенного лица деда. Я хочу отомстить. Немедленно. Я могу взять часть гвардии, служащей нашему дому, и отобрать среди младших высокорожденных тех, кому можно доверять. Я знаю, где находится — и будет находиться, по крайней мере, в ближайшие дни — штаб ита-Берайни: у деда были осведомители среди их приближенных. Если ты, — Тахимейд посмотрел на Фольгорма, — предлагаешь напасть на замок Йрник и сделать это немедленно, я буду рад увидеть в тебе союзника.

Фольгорм сидел молча, не в силах вымолвить и слова. Он был поражен такой неожиданной удачей. Слишком часто его планы — безупречные с чисто логической стороны — рушились из-за сущей ерунды, каких-то нелепых совпадений. Но сейчас, кажется, полоса невезения закончилась… Должна же она была хоть когда-нибудь закончиться!

— Добавлю пару слов, — сказал Вомфад. — У меня есть собственные наблюдатели. Устранение Кетрава я планирую уже давно. Мы могли убрать его и до сената, но мне очень хотелось посмотреть, кого этот умник сумеет перетянуть на свою сторону. Теперь очевидно, что министерский состав придется менять практически полностью. Сложно работать вместе с людьми, которые высказывают верность, но готовы предать по малейшему поводу. Но это так, к слову. О текущем местонахождении Кетрава мне известно. Тем не менее я очень рад, что вы решили ко мне присоединиться, — в голосе военного министра прозвучала ирония. — Фольгорм, я повторю то же, что чуть раньше сказал Тахимейду. Пока Декмис собирает людей и заканчивает подготовку, ты не должен отлучаться из дворца. Можешь связаться с теми, кто тебе верен и пригласить их сюда, но, пожалуйста, не вздумай болтать лишнего и учти, что все разговоры можно проводить только по зеркалам, установленным в этом крыле — и все они, естественно, прослушиваются. Если ты вдруг хочешь что-нибудь добавить, у тебя есть возможность сделать это сейчас.

— Нет, ничего, — Фольгорм покачал головой. — За исключением того, что обязательно должна быть устранена Яльма. Может быть, это даже важнее, чем убить Кетрава, — во всяком случае, не менее важно. Шерагана убила она, а значит, — Фольгорм посмотрел на Тахимейда, — и твоего деда, вероятнее всего, тоже она. По не совсем ясным причинам она не смогла добраться до Вомфада, хотя такое покушение было, — Фольгорм знал об этом, поскольку Вомфад не так давно сам рассказал ему о нападении, которому подвергся. — Скорее всего, дело в министерском ключе… Впрочем, это только предположение. Как бы там ни было, я не хочу испытывать на себе действие ее магии и ты, полагаю, также. Поэтому

ее обязательно нужно устранить. Не считая Кетрава, это самая приоритетная цель.

— Да, это дело рук Яльмы, — подтвердил Тахимейд. — Хотя мне очень интересно, откуда ты об этом узнал.

— Совершенно прозаические источники. Слежка. Все ита-Берайни в тот момент, когда умирал Шераган, были на виду Все, кроме Яльмы, которая в это самое время находилась в своих заклинательных покоях. Я знаю также — это можно понять по характеру воздействия — что для убийства Шерагана использовались Черные Нити Сияния, хотя мне и не понятно, как Яльма умудрилась достать свою жертву дистанционно, проигнорировав как общую защиту замка, так и поле амулета. Однако мастеров, владеющих этим волшебством, в нашем мире не так много. Как член Ордена селпарэлитов, Яльма могла быть знакома с волшебством Нитей, а то, что от этих чар погиб Шераган именно в то время, когда она была занята в своих заклинательных покоях чем-то очень важным при том, что смерть Шерагана была нужна ита-Берайни и ими же спланирована… В общем, пусть все имеющиеся улики — лишь косвенные, но их сумма создает ясную и совсем недвусмысленную картину.

— Понятно, — кивнул Тахимейд. — Действительно, обескураживает, когда оказывается, что вещь, которая тебе самому представлялась неким секретом, уже давным-давно кому-то известна — при том это знание получено путем наблюдений и логических умозаключений. Ну ладно. Поскольку вы и так все знаете про Яльму, я заполню последнее белое пятно. Мне кое-что известно о ней, поскольку я состою в том же самом Ордене, что и она, — Тахимейд поднял руку, демонстрируя кольцо с печаткой селпарэлитов, — и до недавнего времени мы были едва ли не союзниками… Впрочем, мы и были союзниками — до смерти Джейбрина. Но дед оказался не таким, ммм… гибким, как ита-Беранйи, кроме того, он не хотел видеть в них врагов, потому что они были его потомками, а Берайни, от которой идет весь их проклятый род — его любимой внучкой… В то же время ни Кетрав, ни остальные на подобные сантименты никогда не разменивались, и, как это теперь видно, не ставили наше родства ни во что. О деле. Яльма действительно является в Ордене немаловажной фигурой, и твое предположение о том, что ей известно не только волшебство Селпарэлитского Тертшаура, но еще и та магия, за счет которой праотец Гельмор когда-то создал и сам Орден Ткачей и Рунный Круг, находящийся в их распоряжении — это предположение верно. Она знакома с волшебством Черных Нитей и даже более чем знакома — в Ордене она считается одним из лучших специалистов в этом деле. Как вам

может быть известно, длительное время она жила в Хеллаэне, но вы вряд ли знаете, что там же она познакомилась с неким мастером снов и довольно близко сошлась с ним — до такой степени близко, что даже сумела выбить из магистров разрешение для него пройти Селпарэлйтский Тертшаур — без обязательной присяги и прочего. Они на пару занимались экспериментальными исследованиями, направленными на соединение Орденской магии и волшебства, открытого тем, кто предпочитает постигать не Царство Сущего, а Царство Чар — которое столь же часто называют Царством Снов. Результаты своих исследований они, конечно, публично не оглашали, хотя полагаю, что руководство Ордена и может что-то о них знать — но, если судить по тому, что Яльма учинила с Шераганом, а затем и с моим дедом, эти результаты были более чем успешными. Вероятно, Яльма научилась проникать в сны и делать их реальными, а также преобразовывать часть окружающего мира в пространство сновидений. Но все это, я полагаю, требует какой-то подготовки, и если мы нападем неожиданно, Яльма не сумеет или не успеет сбежать в сновидение.

Фольгорм покачал головой, не находя, что сказать. Ита-Берайни осторожничали и до сих пор не применяли свое «тайное оружие» слишком часто, но страшно было представить, каких бед могла натворить Яльма, если им не удастся взять ее в замке Йрник. Вомфада защитит министерский ключ, но у него самого такого ключа не было… И даже если бы Яльма не смогла проникнуть в его сны, как она проникла в сны Шерагана и главы Гэал, она могла понять, что что-то не так с его снами и с самим рассудком. И это было бы хуже всего.

15

Яльма брела по Лабиринту Судеб — сложной, запутанной конструкции, расположенной в глубине снов. Царство видений, иллюзий и обманов, с которым люди соприкасаются каждые сути, на время расставаясь с повседневной реальностью, было знакомо ей чуть больше, чем обычному человеку. Чем больше знание, тем больше и граница с непознанным. Люди не обращали внимание на сны, не запоминали их и не видели в них тайны, для Яльмы же это Царство было огромной, невообразимой вселенной, которую она только-только начала изучать. Мастера снов, который учил ее, звали Авильт. Сотрудничество с ним было весьма плодотворным… до тех пор, пока он неожиданно не бросил Яльму — отказавшись иметь дело с ней и как с женщиной и как с партнером по изучению новых, экспериментальных областей волшебства. Авильт вбил себе в голову, что их союз принесет ему несчастье; он почти ничего не объяснял, он просто вдруг ушел из Сущего куда-то туда, в глубины Царства Чар. Яльма долго не могла понять причины столь странного поведения, короткие и сумбурные объяснения Авильта выглядели какими-то надуманными… но теперь, блуждая по Лабиринту Судеб в То время, пока ее тело неподвижно лежало в заклинательных покоях замка Йрник, она начинала понимать. В сновидениях все — загадка и тайна; обычный человек видит лишь картинку, иллюзию; сновидец проникает глубже и обнаруживает структуру, которая порождает картинку, однако и воспринимаемая сновидцем структура — такая же картинка, только принадлежащая иному уровню восприятия, и она также имеет свою структуру и причину возникновения, которые могут быть постигнуты теми, кто погрузился еще глубже — и так далее, до бесконечности. Царство Снов — иллюзии под оболочками иллюзий, совершенное отсутствие чего-либо настоящего. Здесь нет истины, но есть то, что может принести пользу; здесь невозможно найти ответ на вопрос «что есть реальность?», но можно узнать кое-что о том, как этой реальностью управлять. Правда, большая часть этих знаний не имеет никакого отношения к миру Сущему, и в этом смысле они бесполезны, но часть — имеет, и может быть применена…

Лабиринт Судеб, чьи стены сотканы из изображений, чьи камни — сегменты времени, чьи коридоры — чужие жизни, чьи развилки и повороты — водораздел между тем, что может быть и чего никогда не

будет — Лабиринт Судеб был одним из таких полезных мест. Он был связан с Сущим, и тот, кто рискнул войти в него, иногда мог узнать кое-что о своем будущем или о будущем тех людей, с которыми вошедший был связан.

Яльма посещала Лабиринт не впервые и неоднократно получала здесь знания, которые оказывались затем весьма ценными в обычной жизни, но то, что она видела сейчас, повергало ее в ужас… Казалось, Лабиринт сошел с ума; иногда ей казалось, что дело не в Лабиринте, а в ней. Как будто бы она утратила власть над сновидениями и вернулась к самому началу — к первым урокам Авильта, когда она уже научилась осознавать окружающий ее мир снов, но еще не научилась им управлять. Ей казалось, что она попала в кошмар, и не имела власти покинуть его или изменить по своей воле. Все было неправильно.

Поскольку будущее зависит от выбора, который не существует до тех пор, пока не совершен, Лабиринт показывал разное будущее — и характер этих «будущих» определился выборами, совершаемыми в различных точках. Его прогнозы не были стопроцентны, но они были весьма точны — прежде Яльма убеждалась в этом не раз. Она могла увидеть какую-нибудь линию развития событий, потом вернуться к повороту и посмотреть, что будет, если пойти в другую сторону — то есть если она или кто-нибудь еще совершит иной выбор. Основная проблема состояла в том, чтобы отделить увиденное внутри той или иной линии от соседней — образы накладывались друг на друга, взаимопроникали, смешивались. Так происходило потому, что время — нелинейно, линейным его видит человек, и человеку требуется рассечь сложное целое на множество простых составных элементов, чтобы понять хоть что-то. Тем не менее, несмотря на мешанину, обычно удавалось хоть в чем-то разобраться, но теперь…

Все коридоры, все ответвления предвещали смерть — смерть как самой Яльмы, так и всех, кто был ей дорог. Точнее, судьба Сурейлин и Цзарайна была еще не определена — Яльме во многих случаях не показывалось, что с ними будет. Сама она умирала почти всегда; кроме того, было видно, что все эти смерти взаимосвязаны с судьбой Кетрава. Все вертелось вокруг их лидера, именно в нем крылась причинах их скорой гибели и поражения.

Это было очень странно, потому что Яльма заглядывала сюда не так давно — и ничего зловещего Лабиринт Судеб для ита-Берайни не предвещал. Кетрав должен был стать приором, а Вомфада и Ксейдзана ожидала смерть — было несколько вариантов того, как все осуществится. Но теперь все изменилось — но изменилось не после какого-то события

или выбора. Изменения касались не только будущего, но и прошлого: как будто бы Лабиринт всегда предсказывал смерть. Но Яльма знала, что это не так.

Смерть Кетрава, вокруг которой все крутилось, не была определенной — Лабиринт уготовил для Кетрава сотни, тысячи смертей. Яльма ходила по его коридорам взад и вперед — но на всех развилках, на всех ответвлениях, которые она видела, Кетрав умирал. Событийные ряды выстраивались в совершенно фантастическом порядке, доходило до абсурда: Кетрав завтракал, давился бутербродом и умирал от удушья; спотыкался на ровном месте, неудачно падал и разбивал обо что-нибудь голову; рисунок выстраиваемого им заклятья нарушался из-за крайне неудачного расположения звезд в этот момент и Кетрав непреднамеренно убивал сам себя… Наличествовали и более «достоверные» линии будущего, но конец всегда был один. Больше всего Яльму поражало то, что изменился сам Лабиринт — события, которые прежде вели к благоприятному для ита-Берайни исходу, теперь, через цепочку случайностей и досадных совпадений приводили все к тому же гибельному результату. Как будто бы у них никогда не было никакого выбора и все было предопределено; как будто созерцаемое ею было не Лабиринтом Судеб — вневременной структурой, доступной сновидцам, а индивидуальным кошмаром, в который она сама себя загнала.

Почему Кетрав должен был погибнуть? В чем причина? Почему все событийные ряды выстраиваются именно так, а не иначе? Она не могла понять. Должно быть какое-то событие, которое предопределило такой исход — может быть, она не там его ищет? Она пытается заглянуть как можно дальше в прошлое, найти причину, из которой растут все эти смертоносные следствия, но что, если эта причина расположена совсем не так далеко, как ей кажется? Она где-то здесь, рядом, почти в настоящем, но эта причина столь значительна, что она переделывает под себя все — и будущее и прошлое-

Это должен быть какой-то выбор, совершенный Кетравом, вот только какой? И когда совершенный?

В конце концов Яльма причину нашла. Она не поверила себе, когда ее увидела, перепроверила все еще раз, и еще — но увиденное оставалось неизменным. Именно после этого выбора Кетрава, выбора, сделанного окончательно и бесповоротно, все начало меняться, и неопределенное прошлое стало подстраиваться к будущему, которое вдруг сделалось предельно определенным.

Кетрав накликал свою смерть в тот момент, когда решил устранить

жениха Идэль. Яльма помнила чужестранца и не могла понять, почему Дэвид стал камнем, который вызвал столь колоссальные колебания, нарушившие, переиначившие всю структуру Лабиринта Судеб. Он не мог этого сделать. В принципе. В нем не было силы — одна только смазливая мордашка и мягкая душа. Может быть, он идеально подходил для Идэль в постели, но он ни на что не мог повлиять — по крайней мере, не в таких масштабах. Он не был ни выдающимся магом, ни лидером, ни интриганом, у него не было могущественных родственников и за ним никто не стоял… Яльма вдруг усомнилась в последнем. Дэвид был никем — и вместе с тем влияние, которое он оказывал на события, было колоссальным. Значит, источник влияния — не он сам, а что-то, с ним связанное? Но что это? Или кто?

Она пыталась рассмотреть собственную историю мальчика, но так не смогла ничего найти. Лабиринт ничего — или почти ничего — ей не показывал. Дэвид не был прописан в Лабиринте, он действительно был «камнем», который невидимая рука бросала откуда-то сверху, нарушая весь существующий рисунок.

Что способно влиять не только на настоящее и будущее, но и на прошлое, подстраивать под себя события, самоопределять свое бытие, не быть зависимым от предшествовавшего ряда причин-следствий, но напротив, определять для себя этот ряд? Яльма знала ответ: Сила.

Дэвид не был Обладающим и не мог им быть, но существовала какая-то Сила, которая хранила его, распределяя события неким, угодным лишь ей одной, образом. Совпадения выстраивались так, что Дэвид оставался жив, а его враги — проигрывали или погибали; их личное могущество переставало иметь какое-либо значение, потому что сама реальность, в рамках которой они существовали, восставала против них. Кетрав был лидером ита-Берайни, героем, он закручивал события вокруг себя и определял бытие согласно своей воле — но перед Силой, которая оберегала Дэвида, он был лишь песчинкой. Он, по незнанию, стал действовать вопреки тому ходу событий, который она создавала, и был сбит — вместе со своей волей, личной силой, харизмой и прочим — с пути так же легко, как человек щелчком пальцев отправляет в свободный полет таракана. Более того: неверный выбор Кетрава, как бы вступающий в противоречие с течением этой Силы, на самом деле — ничуть ей не противоречил: он был вобран ею и использован в своих целях, стал еще одним камнем на том пути, который она мостила и который в конечном итоге должен был привести Дэвида Брендома к чему-то, что было угодно ей и только ей. Силу не интересовали ни высокорожденные, ни эта

муравьиная борьба за власть, ни сам Кильбрен — имело значение только то, что препятствовало или способствовало тому пути, который определила для Дэвида эта Сила. Препятствия разгрызались и переиначивались, то, что должно было уничтожить Дэвида, наоборот, делало его сильнее. Яльма поняла, что у этого мальчика должна быть потрясающая и необъяснимая удача — проявляющаяся, впрочем, не всегда и не во всем, а лишь в каких-то ключевых пунктах, там, где это угодно Силе, а не Дэвиду. Ни она, ни Кетрав, ни кто-либо из высокорожденных, ни весь Кильбрен как совокупность населяющих его людей, животных и духов не были способны повредить этому мальчику. Скорее уж, Кильбрен рухнет в тартарары, чем произойдет что-нибудь в этом роде — возникшая вдруг цепочка событий совершенно «естественным» образом приведет к такому финалу. Противостоять этому могуществу мог бы только другой Обладающий либо, возможно, кто-то из младших богов рангом повыше, чем Ёрри. Но у ита-Берайни, конечно же, не было связей в столь высоких сферах.

Яльма устремилась к выходу из Лабиринта. Надо поговорить с Кетравом. Может быть» еще не поздно все исправить. Пусть сделает другой выбор, пусть бережет мальчика как зеницу ока — да черт с ними, с Дэвидом и Идэль, пусть живут как хотят — Кетрав может получить все, что хочет, и без принцессы, Идэль не так уж важна для его планов. Пусть Сила не вмешивается, надо сделать все, чтобы не связывать свою судьбу с судьбой Дэвида, пусть он идет своим путем — к тому ужасному нечеловеческому будущему, которое ему уготовано, а они пойдут своим, останутся в круге тех проблем, которые способны и могут решить. Не им лягаться с Обладающим, лучшее, что они могут сделать — не привлекать к себе внимание со стороны Силы ни в каком виде, и тогда, быть может, им будет позволено жить той жизнью, которая им привычна и в равных условиях добиваться целей, ничтожных с точки зрения Силы — но столь важных для них самих. Яльма проснулась в заклинательных покоях, села на ложе, расположенном внутри магического узора, распутала паутину чар и бросилась к дверям. Она не успела сделать и нескольких шагов, как замок содрогнулся от взрыва. Началось нападение, возглавляемое Вомфадом и Декмисом.

Сила, о существовании которой догадалась Яльма, позволила ей кое-что понять в подноготной происходящих событий лишь потому, что действия Яльмы, которые могли бы проистечь из этого понимания, уже не были способны изменить что бы то ни было.

* * *

Зеркала, с помощью которых маги общаются друг с другом, могут быть использованы для общения двояко: во-первых, тот, кто желает установить связь такого рода, может создать канал между собственным зеркалом и иным, находящимся в строго определенном месте; во-вторых, можно взять за точку отсчета не зеркало, а человека — в этом случае окажется задействованным то зеркало, которое находится ближе всего к искомому человеку. В особняке Идэль имелось около двадцати зачарованных зеркал, Фольгорм, конечно, понятия не имел, в какой части дома находится нужный ему человек, и поэтому воспользовался вторым способом связи, тихо надеясь, что рядом с зеркалом в момент вызова Дэвид будет один.

Так и случилось. Дэвид обнаружился в комнате, которую они с принцессой собирались использовать под библиотеку, — разбирал книги, закупленные сегодня в городе Диаром, и Лийеманом, и расставлял их по полкам. Увидев, что замерцало настенное зеркало, протянул к нему руку и со своей стороны активировал заклятье связи. Физиономия Фольгорма, нарисовавшаяся с той стороны стекла, его не удивила — в связи с обучением, которое проводил дядюшка принцессы, они виделись едва ли не каждый день.

— Привет, — кивнул землянин, наклоняясь, чтобы вытащить из коробки еще несколько книг. — Тебе нужна Идэль?

— Нет, мне нужен ты. — С легким нажимом произнес Фольгорм.

— Я к вашим услугам, мистер.

— Готов подраться?

Дэвид отложил книги и с интересом посмотрел на зеркало.

— То есть?

— Если готов, бери меч и все, что тебе надо, и приходи в Старый дворец. Немедленно. Идэль ничего не говори.

— Эээ… — сказал Дэвид. — А, собственно, почему?

— Потому что дело опасное, а зная характер своей племянницы, я предвижу одно из двух: она либо никуда тебя не отпустит, либо припрется сама. — Терпеливо разъяснил Фольгорм. — Идэль мне здесь не нужна. Все понятно?

— Эээ… В общем, да. А кого мы собираемся отпи… кхе-кхе… пардон, я хотел сказать: а с кем мы собираемся вступить в честный благородный поединок?

— С Кетравом. Подробности на месте. Давай, живо.

Изображение погасло, зеркало как будто покрылось жемчужно-радужным туманом, а затем, в течение нескольких секунд, опять прояснилось — вот только отражало оно уже не физиономию Фольгорма, а

комнату в особняке. Глядя на свое отражение, Дэвид задумчиво почесал затылок. Его зеркальный клон с той стороны стекла, как и положено, повторил движение.

— Бросай все, пошли мочить Кетрава, — пробормотал землянин. — Как будто мне заняться больше не чем… Вон, даже книжки еще не расставлены…

Он покинул библиотеку и быстро прошел в свою комнату. Подвески после боя с Кантором он теперь всегда держал наготове — у хеллаэнского ублюдка хватило бы мозгов вернуться за третьей добавкой. Амулет, как обычно, был на месте, оставалось только взять меч. А что если дело затянется? У Идэль может возникнуть вопрос, где, черт возьми, ошивается ее благоверный. Чтобы зря не тревожить любимую, Дэвид взял листок бумаги и составил короткую записку в духе: не волнуйся, милая, ушел по срочному делу, постараюсь вернуться к ужину. Он положил бумагу на подставку для книг, так, чтобы листок был сразу заметен, с порота, и совсем уже собрался открыть волшебный путь, как дверь в его комнату вдруг резко распахнулась… Первым из вломившихся был Лийеман, он придержал дверь, пока входила принцесса, а за ней нарисовалось еще с полдюжины дворян.

— Чему обязан, господа… и дамы?… — с некоторым недоумением поинтересовался землянин. Они даже не постучались!

Вперед вылез Керамар.

— Простите, кириксан Дэвид. Я установил подслушивающие заклинания на зеркалах… и даже сумел сделать это так, чтобы остаться незамеченным для ваших элементалей! — закончил старик не без гордости.

Дэвиду захотелось придушить пенсионера. Мало того, что тот поставил зеркала на прослушку и ничего ему, Дэвиду — человеку, который нанял Керамара на эту работу! — не сказал; мало того, что он настучал Идэль, так он еще и раскрыл перед всеми существование шпионов-элементалей в магической системе дома! Дэвид хотел рявкнуть старику, что тот уволен и может убираться к черту, но в этот момент Идэль подошла к нему вплотную и закрыла ладошкой рот. Землянин возмущенно сбросил руку, однако увольнение Керамара пришлось отложить.

— Тихо, — успокаивающе произнесла Идэль. — Не кипятись. Про элементалей и так все знают. Всем было очень интересно, как ты обнаружил Вилайда при том, что он был намного лучшим магом, чем любой из нас, и спокойно прошел через защиту… мои дворяне начали разбираться в системе и очень быстро обнаружили твоих существ. Но это не важно… а важно то, что ты, кажется, куда-то собрался.

— Я думал, мы играем на стороне твоего дяди, — произнес Дэвид.

— Конечно. Поэтому я отправлюсь с тобой и помогу дядюшке сделать то, что он собирается сделать.

— Нет, так не пойдет!

— Хорошо, — величественно согласилась Идэль. — Можешь оставаться в особняке, я пойду одна.

— Черт!.. — Дэвиду хотелось разразиться нецензурной бранью, и только присутствие дворян его остановило. — Я тебя не пущу!

— Не пустишь?! — удивилась Идэль. — Ты — меня? — Она посмотрела на Крайгема, на Яджи, Керамара, Сибана и Лийемана, молчаливо ждущих распоряжений своей госпожи, и снова перевела взгляд на Дэвида. — Это я тебя не пущу! Арестую и запру прямо в твоей комнате.

— Это… это… — Дэвид не знал, что сказать. Временами самоуправство этой женщины его просто бесило. — Это нечестно!

Идэль повернулась к дверям..

— Ты идешь или остаешься? — бросила она через плечо.

Дэвид не выдержал и все-таки процедил несколько крепких словечек — правда, на винландском, и из присутствующих его никто не понял. Он никогда раньше специально не задумывался о том, каково должно быть положение женщины в семье и в обществе, но в эту минуту с предельной ясностью осознал: феминизм есть великое зло. Жесткий патриархат, женщины в гаремах, выбирающиеся на улицу исключительно в парандже, робкие, безгласные создания, во всем подчиненные мужчине — вот каким должен быть идеальный мир, в этом не оставалось никаких сомнений.

То ли скорпионцы были слишком удивлены той решительной делегацией, которую возглавляла Идэль, то ли им был дан приказ пускать в Старый дворец всех желающих, но не выпускать никого — как бы там ни было, холл и путь на второй этаж Дэвид, Идэль и сопровождавшие их дворяне прошли беспрепятственно. На втором этаже крутилась куча народу — все при оружии, слегка напряжены и как будто чего-то ждали. Когда новоприбывших увидел Фольгорм, он схватился за голову.

— Ты все-таки привел ее…

— Кого это «ее»? — возмутилась Идэль. — Я, между прочим, здесь нахожусь! Прошу не говорить обо мне в третьем лице, это просто невежливо!

— Я же тебе сказал, чтобы ты… — пытаясь не обращать на племянницу внимания, продолжал Фольгорм.

— Дядюшка, — с укоризной произнесла Идэль. — Я тоже хочу в этом поучаствовать! Мне надоело думать о будущем, бояться, переживать,

просчитывать, что может сделать Кетрав, дрожать от каждого шороха… Я тоже хочу его убить.

— Боги мои, представляю, что скажет Вомфад. — простонал Фольгорм. — А, дождались. Вот и он.

Зеркала в старом дворце, которыми пользовались Фольгорм и Тахимейд для общения с теми, кого они собирались взять с собой на «мероприятие», находились, как и предупреждал Вомфзд, под наблюдением. Вомфаду не нужны были сюрпризы и своим союзникам он доверял не больше, чем врагам. Скорпионцы исправно сообщали ему обо всех переговорах — вот только у Вомфада имелись, кроме этого, еще и другие дела, состоявшие, в частности, в вызове и инструктаже высокорожденных из младших семей, подчиненных лично ему самому. Поэтому отчеты делались с некоторым запозданием. На самом деле своим появлением Идэль, возможно, спасла Фольгерму жизнь, поскольку Вомфад, получив наконец известие о переговорах Фольгорма и Дэвида, пришел в ярость. Чтобы понять причину такой реакции, необходимо встать на точку зрения военного министра и взглянуть на мир его глазами. Правду о том, кто такой Дэвид, не считая его самого, в Кильбрене знали еще двое: Идэль и Фольгорм. Все остальные знали либо ту версию, которая была наложена им публично, на обедах в кланах Кион и Гэал, либо ту, которая в спешке была приготовлена Дэвидом полторы недели назад, во время дружеского семейного обеда с Ксейдзаном и Тахимейдом. По последней версии, предназначенной для «особо избранных», Дэвид выходил этаким тайным агентом Кетрава. Эту версию Фольгорм сам, лично, продал Вомфаду в качестве «секрета» во время очередного сеанса их бесконечной партии в трехмерные шахматы… Неудивительно, что связь с «агентом Кетрава» непосредственно перед операцией Вомфада просто взбесила. Он вышел в коридор, еще не зная — отдать приказ убить Дэвида и Фольгорма или только пленить их, отменить операцию и допросить с пристрастием — когда увидел Идэль и ее дворян. Это слегка остудило его чувства. Связан ли Дэвид с Кетравом — еще неизвестно, Вомфад узнал об этом от Фольгорма и совсем не факт, что Фольгорму в этом вопросе можно было верить; но вот то, что Дэвид связан с Идэль, а через нее — и с той партией внутри клана Кион, которую возглавлял Вомфад — было куда более очевидно. Пусть даже изначально Дэвид был агентом Кетрава, Ксейдзана или еще чьим-нибудь, но это вовсе не означало, что его нельзя переманить на другую сторону; и появление здесь и сейчас этой чудной парочки — неизвестно откуда взявшегося «жениха» и широко известной своим взбалмошным поведением «невесты» — стало в своем роде манифестацией того, на чьей же на самом деле они

стороне. Вомфад раздумал рубить головы, но было что-то такое в его лице, когда он приближался к новоприбывшим, что заставило Дэвида смутиться, Идэль — принять наивно-детский вид, а Фольгорма — прикрыть глаза и мысленно досчитать до десяти. Некоторые дворяне рефлекторно опустили руки на рукояти мечей.

На расстоянии нескольких шагов от означенной группы Вомфад остановился и поманил к себе Фольгорма. Принц тихо вздохнул, но подчинился. Пока он шел к военному министру, думал, что будет говорить.

Хотя Фольгорм не особенно рвался выполнять заказ Кетрава на устранение мешавшего лидеру ита-Берайни жениха принцессы Идэль, сам он, в общем-то, совсем не возражал против того, чтобы Дэвид скончался — само собой, от совершенно естественных причин. Фольгорм с большим скрипом принял то, что Рунный Круг смог пройти посторонний, но даже когда он в это поверил, случившееся его отнюдь не обрадовало. У него не было личной неприязни к Дэвиду, напротив, внешне он выражал приязнь и расположение, даже взялся учить его вместе с Идэль, но смертный, инициированный в Кильбренийском Тертшауре, вносил слишком большой дисбаланс в политические игры двора. Фольгорм воспринимал все эти интриги, предательства, удары из-за угла и прочее как большую шахматную партию, и ему не нравилось появление на доске лишней пешки. Это выводило из себя. Пока жил Дэвид, всегда была вероятность того, что правду — настоящую правду — узнает кто-нибудь еще, а этого Фольгорму совсем не хотелось. Знание о том, что Рунный Круг можно обмануть, он собирался использовать исключительно в своих собственных целях. Дэвид был ценен тем, что благодаря ему это знание стало известным Фольгорму, и неудобен тем, что от него это знание мог получить еще кто-то. Однако Фольгорм не хотел ссориться с Идэль и именно поэтому не тратил усилий на устранение выскочки, но он был совсем не против того, чтобы Дэвид погиб сам. Во время штурма замка Йрник Дэвида легко могли убить, и это было бы неплохо. Если бы Дэвид остался жив, это тоже было бы неплохо — Фольгорм всегда мог бы сказать, что вызвал Дэвида исключительно потому, что заботился о его благополучии: ведь в самом деле выступление Дэвида в команде против Кетрава снимало с него все подозрения в том, что он — агент этого самого Кетрава, и заслугу в отбеливании своего «протеже» Фольгорм приписал бы себе. Наконец, Вомфад мог взбеситься и арестовать их обоих — и это было бы совсем хорошо: Фольгорм был уверен, что вывернется, у него уже была заготовлена подходящая история на этот случай, но Дэвид остался бы в плену, что, в конечном итоге, привело бы к ухудшению отношений

Вомфад-Идэль. Вомфаду осталось жить в лучшем случае всего несколько дней, и Фольгорм не хотел, чтобы принцесса болезненно восприняла его смерть или чтобы у нее возникли какие-нибудь сомнения насчет того, стоит ли голосовать за того, кто организует убийство военного министра и сам, после устранения последнего претендента, выдвинет свою кандидатуру на пост приора…

— Что они здесь делают? — тихо, но проникновен но спросил Вомфад.

Фольгорм решил, что самое лучшее в такой ситуации — сделать вид, как будто все идет по плану.

— По-моему, это очевидно, — спокойно сказал он, слегка пожав плечами.

Но Вомфада, конечно, сбить с толку так просто не удалось.

— Какого черта ты притащил сюда весь этот детский сад? — прошипел он.

— Протестую! — громко произнесла Идэль. — Выбирайте выражения, господин министр!

Вомфад скрипнул зубами. Фольгорм осторожно дотронулся до рукава его камзола и как можно мягче сказал:

— Спокойно, Там ведь нас встретят не только Берайни. Кому-то будет нужно разобраться с гвардией и с домашними магами Кетрава.

— Почему ты не согласовал со мной…

— Я посчитал, это слишком мелкий вопрос, чтобы тебя беспокоить, — Фольгорм сделал удивленное лицо. Вомфад несколько секунд мрачно смотрел на новоприбывших. В основном на Идэль. Он мог бы сказать, что на этом мероприятии у нее есть все шансы погибнуть, мог бы воззвать к ее благоразумию, мог бы посадить ее под замок на время сражения с ита-Берайни. Но ничего подобного он не сделал. Он достаточно хорошо знал эту девчонку и понимал, что если ей что-то взбрело в голову, то все предупреждения она пропустит мимо ушей. Оставлять людей для присмотра за ней и за ее вассалами — значило распылять собственные силы. И Вомфад решил, что в данном случае самое лучшее — позволить событиям развиваться естественным образом. Если эту дуру прибьют в замке Йрник, может быть, оно и к лучшему. Одним ходячим вулканом неприятностей в клане Кион станет меньше.

— Ладно, — сказал он, — делайте что хотите. Но учтите: оберегать вас никто не будет, и если вас перебьют в ходе штурма — это будет исключительно ваша и только ваша вина. Я понятно выражаюсь?

Идэль и Дэвид кивнули.

— Вам запрещается с кем-либо связываться или покидать Старый

дворец. Попытка выкинуть что-либо подобное будет рассматриваться как предательство и караться незамедлительно, без следствия и суда.

Бросив на прощание это предупреждение, Вомфад ушел. Идэль показала язык его удаляющейся спине.

Подготовка была завершена через два часа. По плану, Фольгорм и Тахимейд, как лучшие системные маги из всех, должны были вскрыть охранное поле Йрника и блокировать все магические пути из замка. За Вомфадом, Декмисом и еще двумя десятками высокорожденных из младших семей оставался штурм. Обычных боевых магов — скорпионцев и дворян — долженствовавших принять участие в нападении, было более трехсот.

Приблизительно за час до начала Кетраву о намечающемся штурме донесли: среди подчиненных Вомфада у лидера ита-Берайни были свои люди. Кетрав уже давно ждал открытого конфликта — в том, что такое нападение будет предпринято вскоре после его победы на выборах, он не сомневался. Вместо бегства он поднял на уши всех обитателей замка (исключая Яльму — ее выводить из транса побоялись, поскольку резкое пробуждение могло повредить сновидящей), приказал начать подготовку к отражению атаки и вызвал на помощь всех своих союзников и вассалов, которым мог доверять. Поколебавшись, он вызвал Эрдана — но тот, заранее предупрежденный Фольгормом, на вызов не ответил. Эрдану было невыгодно принимать участие в этой бойне на чьей-либо стороне, равно как Фольгорму было невыгодно его появление. Иные друзья и союзники Кетрава откликнулись, однако те, кто донес ему о предстоящем нападении, не сообщили, что в штурме примут участие Тахимейд и Фольгорм. Последних, естественно, должны были сопровождать их собственные фавориты из младших семей, их гвардейцы и дворяне. Это существенно влияло на общую расстановку сил; и если бы Кетрав точно знал, с чем ему предстоит столкнуться, он, вероятно, просто отступил бы, «подарив» замок Йрник врагам, а затем нанес бы ответный удар — так и тогда, когда ему это было бы выгодно. Несмотря на весь свой интеллект, он не мог и чисто логически предвидеть появление Тахимейда — по той простой причине, что он и понятия не имел о смерти Ксейдзана, и, следовательно, не мог и предположить, что кто-то захочет ему отомстить. Что же касается Фольгорма, то здесь Кетрав допустил фатальную ошибку — исходя из того, что Фольгорму выгоднее быть на его стороне, Кетрав вызвал его к себе — в качестве союзника. Фольгорм, вместе со своими людьми, не замедлил прибыть… собственно, с этого и начался штурм замка Йрник. Блокировка путей легла целиком на плечи Тахимейда, зато отпала

проблема вскрытия защиты: Фольгорму и приведенному им отряду нужно было только охранять и поддерживать путь, по которому их впустили. По открытому каналу немедленно переместился Декмис со своими людьми, за ним последовали младшие высокорожденные — битва началась. От высвобождаемых сил замок несколько раз тряхнуло, коридоры и комнаты заливало пламенем, этажи рушились вниз, и в этом хаосе, в потоках плазмы, каменного крошева и стихиальных всплесков парили маги внутри защищавших их энергетических пузырей, перебрасывались заклинаниями, все больше и больше способствуя разрастанию хаоса, зародившегося в глубине замка Йрник. Соратникам Кетрава все-таки удалось закрыть этот канал, но общая защита крепости к этому моменту уже была непоправимо повреждена и Вомфаду и Тахимейду не составило никакого труда открыть еще несколько путей, по которым устремились новые отряды. Замок разрушался, но несмотря на чудовищное количество энергии, высвобожденное в районе портальной комнаты, он не сложился сразу, потому что его стены были хорошо укреплены чарами и могли противостоять какое-то время даже и столь мощному напору. Там, где раньше находилась портальная комната, теперь была дыра диаметром в сотню метров и высотой в четыре этажа. Из этой дыры, целиком заполненной бушевавшими стихиями, пламя распространялось дальше — но никто даже не пытался его тушить. Противостояние двух больших групп — которое, собственно, и привело к столь быстрым и масштабным разрушениям — развалилось на отдельные поединки или на бои по двое-трое участников с каждой стороны, при том и нападающие, и защитники стремились как можно скорее покинуть ими же созданную зону огня и смерти. Однако, поскольку, отдаляясь, они не переставали вываливать на врагов все самые смертоносные заклинания, которые имели в своих резервах, новые разрушения следовали за ними по пятам. Один из отрядов нападавших возглавляла Галдсайра — Вомфад обещал, что возьмет ее с собой, когда соберется убивать Кетрава, и сдержал слово.

Отряд, во главе которого стояли Дэвид и Идэль, проник в крепость ита-Берайни последним. Замок пылал, сражение велось на всех еще сохранившихся этажах. Причудливые формы, в которые облекалось волшебство нападающих и защищающихся, казалось, перенесло замок то ли в Царство Бреда, то ли глубины Преисподней. Сгустки черноты пожирали огонь; потоки не воды, а чистой эссенции влаги смывали черноту, как река — нечистоты; Смерть входила в Воду и иссушала ее силу, влага становилась пустой — недвижной оболочкой без сущности, лишенной всякой энергии; брошенные в пустоту семена Жизни

превращали Смерть в свою пищу; Жизнь становилась Деревом с энергийным образом этой стихии, проникая повсюду своими корнями, ветвями, усиками, отростками… И Дерево снова сменял всепоглощающий Огонь. В этой фантасмагории стихии следовали друг за другом в совершенно произвольном порядке: в замке Йрник сошлось в битве слишком много магов, у каждого из них были свои стихии и каждый старался описать и зафиксировать тот порядок вещей, который был выгоден ему самому — в результате начинался полный бедлам, немыслимые превращения и такие соединения и взаимодействия стихий, которых не желал никто по отдельности. Дэвид и Идэль немедленно включились в этот хаос и внесли свою долю в его распространение… Очень долго нельзя было понять, на чьей же стороне, собственно, перевес. Уже в первые минуты боя Фольгорм был тяжело ранен — вассалы принца едва сумели вынести его с поля боя. Галдсайра и Декмис насели на Кетрава, но больше всего хлопот нападавшим доставила Яльма. Со стороны самая талантливая колдунья среди ита-Берайни, обратившаяся к наиболее разрушительным аспектам того Высшего Волшебства, что было ей доступно, выглядела как смутная, едва различимая фигура женщины в центре сияющего черного шара, свет которого состоял из нитей черноты. Эти нити уничтожали все, к чему прикасались — как материю, так и чисто энергайные структуры, создаваемые заклинателями, в то время как саму Яльму, окруженную огромным множеством этих нитей, достать было практически невозможно. Яльма нанесла союзникам Вомфада не меньший урон, чем все остальные защитники замка, вместе взятые. Ее пытались задавить числом — она сметала скорпионцев и дворян походя, даже не замечая их — пучки Нитей Сияния распространялись вокруг нее во все стороны, беспрестанно двигаясь, соединяясь, расходясь; перемещающиеся Нити схватывали и оплетались младших высокорожденных одного за другим — чтобы разгрызть их защиту, Яльме требовалось некоторое время, но, вцепившись в жертву, она ее не опускала до тех пор, пока не выжимала энергию защитного поля до конца и затем принималась за гэемон… На первое у нее уходило лишь несколько секунд, на второе — еще меньше; разорвав энергетическое поле одного высокорожденного, она тут же принималась за следующего. Никто — ни нападавшие, ни даже ее родственники — до этого боя и понятия не имели о том, насколько она может быть опасна. Из всех кильбренийцев в одиночку противостоять Яльме смог бы лишь Эрдан, а сумей ита-Берайни перед началом штурма заручиться еще и его поддержкой, вполне возможно, что в итоге победу в этом бою одержала бы их сторона.

В конце концов Яльму повергли — это стоило жизни десяти высокорожденным и сотне обычных магов. Тахимейд, принадлежавший, как и она сама, Ордену Ткачей Заклятий, сумел частично блокировать действие тех сил, которые она использовала, а Вомфад, окруженный призрачным светом, размазываясь в воздухе — уже не человек, а серая тень — врезался в окружавший Яльму шар из Черных Нитей Сияния и вонзил в нее меч…

Галдсайра и Декмис наседали на Кетрава и уже сумели ранить его, когда лидеру ита-Берайни на помощь пришел Цзарайн. Противостояние пара на пару быстро распалось на два одиночных боя: Галдсайра против Цзарайна, Декмис против Кетрава. В первой партии все решилось довольно быстро: оба использовали в первую очередь оружие, а магию рассматривали как вспомогательное средство; яростный, стремительный бой практически сразу выявил превосходство Галдсайры. Цзарайн дрался двумя легкими клинками; Галдсайра по обыкновению орудовала двуручным мечом, размахивая им с такой легкостью, как будто бы он вообще ничего не весил. Цзарайн вертелся, как мог, но так и не сумел подобраться на расстояние удара; заклятья, которые он применял, были отбиты, а сам он в конце концов — принужден блокировать летящее на него лезвие исполинского меча собственными клинками, уже не имея возможности увернуться, уйти с линии атаки. Галдсайра загнала его в угол, где и прикончила; воткнув меч в грудь поверженному противнику, она повернула оружие, выворачивая наружу кости и легкие, с удовлетворением наблюдая, как содрогается в муках молодой ита-Берайни. Цзарайн, уже теряя сознание, сумел ударить в последний раз. Движения его были беспорядочны и не имели силы; это была уже почти агония, а не целенаправленное действие. Он не мог нанести глубокую рану и лишь задел Галдсайру, пропоров ей штанину чуть ниже колена — рана настолько легкая, что она даже не почувствовала боли, но на движение отреагировала — наступила ногой на ту руку, в которой был зажат ударивший ее меч, и ударом каблука сломала кость. Цзарайн умер, но Галдсайра пережила его ненадолго. Сначала она ощутила сонливость, затем внутренний жар; ее попытки прибегнуть к магии для того, чтобы понять, что происходит и исцелить себя, стали катализатором тех изменений, которые и так уже происходили в ее теле и гэемона. Она упала вниз и бессильно наблюдала, как огонь, пожиравший замок, постепенно подбирается к ней. Поле амулета какое-то время будет удерживать его, но надолго ли его хватит? Впрочем, она умерла еще до того, как охранное поле иссякло и пламя пожрало ее тело: сознание помутилось, Галдсайра провалилась в

беспамятство. Ее парализовало, нервные клетки разрушались с неимоверной скоростью, затем связь между телом и гэемоном разорвалась. Цзарайн, этот талантливый отравитель, в последний раз, уже посмертно, засвидетельствовал свой профессионализм.

Кетрав и Декмис сражались с переменным успехом; здесь же, левитируя между потоков пламени и уворачиваясь от падающих сверху раскаленных камней, обменивались заклятьями дворяне и младшие высокорожденные. Общий бой был чрезвычайно сложным и запутанным; из-за постоянных перемещений противники менялись; то группа сталкивалась с группой, то вновь общее месиво распадалось на отдельные поединки. В один из тех периодов, когда бой опять ненадолго стал «общим», на Декмиса насели очень плотно и сняли практически всю защиту, которую он имел; Кетрав не замедлил воспользоваться ситуацией. Он использовал одну из своих подвесок, составленную на базе Огня и Земли, — тяжелое, медленное, неотвратимое пламя ударило младшего ита-Зурон, отшвырнув его назад и вниз; Декмис еще что-то пытался сделать; Кетрав добавил, став на мгновение похожим на архангела, поражающего огненным копьем дьявола, сбрасываемого с небес. Декмис полетел вниз, погружаясь в клубы пыли, дыма и огня; Кетрав добил его — и тут же сцепился со следующим противником…

В левом крыле замка сложился еще один очаг сопротивления — там, под руководством Сурейлин оборонялось около полусотни магов, противостоя вдвое превосходящим их силам нападавших. Сюда же подошел отряд принцессы Идэль и включился в сражение. Преимущество нападавших казалось несомненным до тех пор, пока Сурейлин не спустила с цепи ифрита — точную копию той твари, которая двумя неделями раньше едва не порвала в клочья Хенкарна и Альтану в их собственной спальне. Ифрит был похож на уродливого мускулистого великана, пышущего огнем из всех щелей. Кожу этому существу заменяла застывшая лава, голова отдаленно напоминала человечью — если бы не раскосые желтые глаза и широкая пасть с двумя рядами зубов. Огненный демон Преисподней изменил баланс сил — уже в течение первых тридцати секунд после своего появления он прикончил пятнадцать дворян, трое из которых принадлежали к отряду Идэль. Младшие высокорожденные, руководившие атакой, слишком увязли в противостоянии с Сурейлин и ее присными и не могли задавить ифрита общими усилиями; заклятья же дворян, исходящие от этого существа огненные энергии Ада по большей части попросту сжигали. Рирбин, сын герцога Камиата, предпринял попытку изгнать тварь туда, откуда она вылезла — но его экзорцизм

подействовал на ифрита как дробь на разъяренного буйвола. Демон взбесился еще больше и немедленно напал на того, кто совершил столь опрометчивый поступок. На прочие атаки он уже не обращал внимания, и ни Дэвид, ни Идэль, истратившие на чудовище по паре своих лучших боевых заклятий, так и не смогли причинить ему вреда. Рирбин оборонялся, ифрит проламывал его барьеры один за другим — сила у этого существа была невероятная, он не знал никаких тонких-заклинаний, но зато имел в своем распоряжении столько энергии, сколько и не снилось никому из людей, находившихся в замке. Рирбин пытался сбежать по волшебной дороге — путь вспыхнул, как попавшая в огонь паутинка, и здоровенная когтистая лапа схватила молодого герцога. Рирбин страшно закричал — впрочем, его крик быстро прервался — прикосновение к «коже» ифрита было подобно прикосновению к плавящемуся металлу.

Дэвид притянул Идэль к себе и, перекрывая крики, рев огня, рычание ифрита, шипение и визг воздуха, рассекаемого множеством стремительно несущихся и сталкивающихся друг с другом магических конструкций, прокричал:

— Действуем вместе! Приготовься!

Пока ифрит дожевывал несчастного Рирбина — злобные желтые глазки чудища при этом так и шарили по сторонам, выискивая новую цель, — Дэвид закончил рунную монограмму, нарисовал, точнее выцарапал на ближайшей стене, используя острие кинжала вместо пера. Преломляя силу Источника через монограмму, он мог вызвать пламя, которое накрыло бы не только замок, но и ближайшие окрестности — вот только ифриту сила, распыленная таким образом, ничуть бы не повредила, да и сражающиеся колдуны вряд ли бы ее заметили: несмотря на столь впечатляющий внешний эффект, заклятье оказало бы на защитные поля каждого из них слишком малое давление — собственно, все свободное пространство в замке Йрник и без того было заполнено постоянными выплесками стихийных сил, и еще одна волна пламени никого бы не удивила. Всю эту силу Дэвиду требовалось не распылять, а собрать в одной точке — тогда внешних эффектов от заклятья не было практически никаких, зато был результат. Но Дэвид понимал, что даже при таком подходе, задействовав все доступные ему ресурсы и даже потратив четверть минуты на создание монограммы — даже при всем при этом он вряд ли сумеет серьезно повредить ифрита — скорее уж, ранит и разозлит еще больше, что приведет к немедленной ответной атаке. Свои силы Дэвид не переоценивал и понимал, что его собственные попытки защититься в этом случае будут выглядеть еще более жалко, чем действия Рирбина, — молодой герцог

прошел инициацию в Источнике и начал осваивать техники, доступные на уровне Ильт-фар не четыре недели назад, а уже лет десять как и превосходил в волшебстве как Дэвида, так и Идэль на порядок. Умирать Дэвид не хотел, и поэтому план его состоял в другом. Задействовав заклятье, не причинившее ифриту никакого прямого вреда, он скомандовал принцессе: — Бей! — Сейчас!

Идэль поняла, что за чары он применил в тот момент, когда он их использовал, и привела в действие самую разрушительную подвеску из тех, которые еще оставались в ее распоряжении. К демону устремилась черная сфера Смерти, до предела насыщенная силой Источника — она низко гудела, пожирая воздух, пыль, сгустки энергий, оставшиеся от стихиальных выплесков — все, что стояло на ее пути. Сфера была переполнена мощью… вот только Рирбин обращал против демона еще более сильные заклятья, от которых ифрит отмахивался, как от надоедливых насекомых. И тем не менее, уступая заклятьям Рирбина во всем, сфера Идэль прошла сквозь ореол багрового пламени, окружавшего адское создание и ударила ифрита в середину груди, оставив в его устрашающем уродливом теле дыру, в которую мог бы проехать автомобиль.

Так произошло потому, что секундой ранее своим заклятьем Дэвид подавил его защиту. Кольцо показало ему, что тварь, защищаясь и атакуя, прибегает, как это зачастую и свойственно демонам, не к Искусству, а к грубой мощи, оформляя ее в простейшие наброски заклятий практически неосознанно, просто в силу способностей, присущих по рождению Преисподней по природе. Для мага его заклятья — то же, что паутина для паука; для демонов же — по крайней мере, таких как ифрит, сейг или обычный алементадь — их колдовские действия есть проявление себя во вне. Маг, создавая заклятье, собирает, пусть даже из собственной энергии, нечто внешнее по отношению к себе; демон же непосредственно воздействует на внешнее так, как ему самому, свойственно. И у того, и у другого подхода есть свои преимущества и недостатки, в данном же случае Дэвид, помня уроки, полученные еще в Академии, сумел противопоставить преимущества колдовского Искусства ограничениям природной магии демонов. Именно «встроенность» в демонов их волшебства, дающая немалые преимущества в прямом бою, становится недостатком в том случае, если заклятье направляется не демона, а на саму «встроенную» способность: Маг, чье заклятье развеяно или повреждено, может тотчас составить новое — он сам, если успел разомкнуть контура гэемона с нервными узлами заклятья, от повреждения своей конструкции нисколько не страдает — в то время как демон, чья способность, аналогичная по производимым эффектам заклятию мага, была парализована или повреждена, оказывается в куда худшем положении — он становится похож на силача, которому рассекли мышцы, на превосходного бегуна, которому перерезали сухожилия. Конечно, у демонов имеются регенерационные механизмы, эффективность работы которых поражает — однако Дэвиду нужно было заблокировать способность огненного ореола всего лишь на пару секунд, только чтобы дать Идэль возможность ударить, и своей цели он добился. Он применил заклятье на базе Огня — вот только оно не наносило ущерб при помощи этой стихии, а, наоборот, подавляло все ее проявления — ведь управляющий огнем может как вызвать сию стихию, как и изгонять. «Огненность» окружавшей демона защиты была нарушена, а поскольку эффекты этой защиты базировались исключительно на огне, то вместе с истощением стихии исчезла — пусть не полностью и совсем на короткое время — защита как таковая. Потом включившиеся регенерационные механизмы восстановили внешние слои гэемона ифрита — тот самый огненный ореол, который оберегал демона так же, как животного от опасных повреждений оберегает шерсть, толстая кожа и прослойка жира под ней. Заклятье Дэвида было разрушено, способность

восстановилась — но поздно: выброшенный принцессой сгусток Смерти уже проник внутрь ифрита и продолжал производить свою разрушительную работу. Ифрит еще пытался восстановиться, переработать убийственный комок чужеродной Стихии, который терзал его, медленно растекаясь по всему его существу — но ему, конечно, восстановить себя не дали. Ифрит бился в конвульсиях, оглушающе ревел и то переводил всю доступную ему силу на самовосстановление, то сосредотачивал ее на внешних защитных полях — он был вынужден делать это, потому что Идэль и Дэвид, и еще около десятка дворян поливали его всеми заклятьями, которые только могли вот так, на скорую руку, придумать и привести в действие. Нельзя было позволить этой твари ни секунды передышки. И в конце концов, ифрит иссяк. Он не мог сразу восстанавливать себя и защищаться — а приходилось делать и то, и другое. Смерть, слово отрава, растеклась по его энергетическим каналам, разрушая сначала их, а затем и узлы гэемона, к которым эти каналы неизбежно вели. Сила, которую мог контролировать ифрит, с каждой секундой становилась все меньшей меньше и внешняя защита уже не выдерживала атак. В конце концов его прикончили — полностью разрушили гэемон и развалили полуматериальное тело, которое он обрел, когда воплощался здесь, в Царстве Сущего. Это стоило больших усилий и времени, но это необходимо было сделать. Сурейлин была убита своими противниками практически одновременно с тем, как вызванное ею создание отправилось обратно в ад.

Кетрава убил Вомфад — собственноручно. Бой в замке Йрник к этому времени уже практически завершился, сопротивление подавили, и Кетрав возглавлял последнюю группу обороняющихся. Они пытались вырваться из замка, сбежать, но маги, которыми руководил Тахимейд, пресекли его поползновения — из Йрника, после того, как защитное поле замка было нарушено (а немногим позже — и вовсе уничтожено в ходе колдовского беспредела, творившегося внутри) можно было уйти лишь по каналам, контролируемым нападавшими — тем каналам, по которым нападавшие продолжали приходить в замок. Сражение не затянулось, оно было скоротечным и яростным, и к тому моменту, когда Кетрав схватился с Вомфадом, первый еще не знал, что его сторона проиграла, а второй — что его сторона победила. Вомфад убил Яльму, а Кетрав — Декмиса, а как обстоят дела на поле боя в целом, ни тому ни другому еще не было известно.

Была битва, столкновение лидеров двух враждующих партий, финальная стадия противостояния, длившегося так долго. Однако

рассказывать об этой битве нечего — не было поединка, сражения один на один, все началось и закончилось весьма быстро и бесславно, Вомфаду нужна была не слава, а минимизация потерь — плюс к тому он, имея значительное преимущество в сторонниках, не видел никакого смысла противостоять Кетраву «в честном бою». На отряд дворян, которыми руководил последний ита-Берайни, обрушились скорпионцы и дворяне, присягавшие Вомфаду, Фольгорму, Тахимейду, Идэль. Их было приблизительно раз в десять больше, чем тех, кто подчинялся Кетраву. Бой был недолгим. Одновременно несколько десятков дворян и полдюжины младших высокорожденных сосредоточили свои усилия на Кетраве — он отбивался как мог и даже сумел достать кого-то, когда Вомфад, вновь превратившийся в серую, расплывающуюся в воздухе призрачную тень, без всякой жалости прикончил его, уверенно и быстро — так же, как опытный охотник наносит решающий удар копьем зверю, загнанному, раненому, обложенному со всех сторон. Это и стало итогом сражения. Вложив в ножны меч с Истинным Раух-топазом, венчающим рукоять, Вомфад отдал приказ собирать людей и возвращаться обратно.

16

…Кантор кен Рейз крался по коридору. Он вернулся в фамильный замок несколько минут назад, твердо зная, что будет делать, и не был намерен встречаться ни с родственниками, ни со слугами. Он переместился в свою комнату из замка Ирбад, в котором отлеживался последние две недели — его, как и остальных членов баронской семьи, колдовская защита пропускала свободно, и поэтому хотя Локбар, хозяин местного Источника, и мог почувствовать его появление, но остальные — нет. Меньше всего Кантор хотел встречаться с отцом — впрочем, он знал, что отца в крепости сейчас нет. Локбар и Ирбад заняты развлечением благородных — охотой на демонов.

Дэвид отрубил ему руку, изувечил гэемон и оставил подыхать в пустыне — так воспринимал ситуацию сам Кантор. По окончании боя он был уже не в том состоянии, чтобы создавать волшебные пути. Кольца с фантомным зеркалом у него не было и связаться с кем-нибудь он не мог — чем больше времени он проводил под иссушающим солнцем пустыни, тем явственнее становилась перспектива сдохнуть на этом самом месте. Ему требовалась помощь, и немедленная. Он пытался излечиться собственными усилиями, но покалеченный гэемон восстал против такого насилия, и Кантор надолго впал в забытие. Очнулся он уже ночью. Сложные или требующие больших усилий заклятья накладывать кен Рейз не мог, и даже от самых простых, чар его начинало мутить, но ему все же удалось вызвать лидриса и отправить жутковатую кроху в замок Ирбад. Эту графскую семью соединяли с семьей кен Рейзов дальние родственные связи; Кантор — один или с родственниками — несколько раз гостил в их замке, и представители семьи кен Ирбад, в свою очередь, неоднократно посещали кен Рейзов. Из этой семьи Кантору сейчас нужен был самый младший, Карейн, шестнадцатилетний юноша, поступивший в Академию приблизительно через месяц после того, как Кантор — в полуживом виде — покинул ее навсегда. Карейн явился под утро — тонкий, почти хрупкий юноша, поглаживающий изящными пальцами музыканта портальный камень, серебряной цепочкой прикрепленный к браслету на левой руке. Кантору он всегда казался более похожим на девушку, чем на мужчину — но Кантор не говорил и никогда не сказал бы ему ничего подобного. Карейн мог легко убить за оскорбление, он был бесстрашен и имел

несгибаемую волю. Ссориться с ним Кантор совсем не хотел… Напротив, несмотря на разницу в возрасте они почти дружили, или, вернее сказать, были хорошими знакомыми, приятелями, представителями двух семей, связанными как браками, так и договоренностями против общих врагов. Слишком разные, чтобы их отношения могли перерасти в подлинную дружбу, Карейн и Кантор, несмотря на все различия, легко находили общий язык. Карейн имел гордость, но не был высокомерен — в силу первого Кантор уважал его, в силу второго — мог с ним ужиться. Оба увлекались фехтованием, оба были инициированы Воздухом и Тьмой, оба принадлежали к одному и тому же кругу общества — в последнем, впрочем, Карейн стоял немного выше, поскольку происходил из графской семьи, но он, рано потеряв родителей, был всего лишь одним из многочисленных потомков графа Рингаса кен Ирбада, могущественного хеллаэнского волшебника, почти не заботившегося о собственных детях. Карейн притащил его в замок Ирбад и последующие две недели помогал восстановить гэемон. К своим собственным родственникам Кантор обращаться не хотел. Категорически. Он просто не мог заставить себя появиться перед ними в столь жалком виде — еще раз, потерпев еще одно поражение от… от одного и того же человека: Кантор все еще считал его смердом, но уже не называл, даже мысленно, Дэвида — Бездарем. Слишком уж очевидно, что Дэвид им не являлся — Бездарь не смог бы победить Кантора в колдовском поединке. Думать, же о том, кем, в том случае, если Дэвид — Бездарь, выходит он сам, Кантору совершенно не хотелось.

Карейну он тоже ничего не собирался говорить, хотел просто воспользоваться его помощью и уйти, но Карейн мало-помалу вытянул всю историю. Про первую дуэль он знал и раньше — слухи о ней гуляли по Академии несколько месяцев, слишком уж она была необычной. Узнав, что Кантор проиграл во второй раз тому же самому человеку — слабому, беспомощному, жалкому, — Карейн не засмеялся и не посмотрел на Кантора свысока, за что кен Рейз был бесконечно ему благодарен. Карейн спросил — он сидел в этот момент в кресле, напротив кровати, на которой лежал Кантор и под которой таился Скубл, домашний демон Карейна, принимавшийся тихо подвывать каждый раз, когда паузы между репликами, которыми обменивались между собой хозяин и гость, становились слишком длинными, — спросил заинтересованно, но без малейшего следа личного участия или сочувствия;

— А тебе не кажется, что везение этого человека слишком велико?

— Не знаю, — буркнул Кантор, отворачиваясь. — Может быть. Не

хочу это обсуждать.

— Вопрос в том, чем может быть вызвана такая удача, — сказал Карейн, пропуская мимо ушей последнюю реплику гостя. Они помолчали. Демон под кроватью стал тихо подвывать.

— Скубл, заткнись!.. Возможно, у него есть какой-нибудь покровитель.

— Какой еще покровитель?! — прорычал Кантор. — Мы были одни.

— Ну и что? Те, кто наделены подлинным могуществом, боги и Обладающие Силой, могут хранить своих любимчиков столь незаметно, что никакое Око не покажет Силу, способствующую успеху всех их начинаний. Может быть, твой враг продал душу за дар везения.

Кантор задумался, Скубл попытался подать голос — Карейн быстро схватил сапог и метнул его под кровать. Испугавшись грохота и верно оценив настроение хозяина, демоненок замолчал.

— Такой магии не бывает, — произнес наконец Кантор. — Нет такого волшебства — «везение».

— Это не магия, — возразил Карейн. — По крайней мере, это не то, что мы называем «магией». Это Сила.

Кантор снова надолго замолчал. Потом они говорили о разном — о путях Тьмы, о демонах и женщинах, о текущей геополитической ситуации в Хеллаэне, но этого разговора Кантор не забыл. Необычное предположение Карейна заставило его взглянуть на ситуацию под новым углом. Это было очень, очень заманчивое предположение — по крайней мере, для самого Кантора. Его растоптанное чувство собственного достоинства реабилитировалось. Если смерду кто-то покровительствует, то это многое объясняет. Ему помогает некая Сила? Ну что ж, значит, следует противопоставить этой Силе — иную Силу.

Карейн и его дядя Ирбад собрались навестить семью кен Рейз. Ирбад и Локбар отправились на охоту. Локбара сопровождал его старший сын Сигран, в то время как Карейн от участия в сем развлечении отказался. Как только барон покинул замок, Карейн, извинившись, покинул гостиную, в которой его развлекали беседой две симпатичные дочки Локбара, связался с Кантором и вернулся обратно. Кантор перенесся в свою комнату — место, за которым, он был уверен, никто не следит. Он вышел в коридор, проследовал по нему до конца, обошел центральную лестницу, миновал несколько комнат, спустился вниз по другой, заброшенной, прошел еще один коридор, чутко прислушиваясь, не зазвучат ли где-нибудь поблизости чужие шаги или голоса. Его целью была оружейная. Он достиг двери, заблокированной несколькими слоями мощнейших заклятий, волнуясь, положил ладонь на ручку — дверь открылась. Он, как и любой

совершеннолетний представитель семьи, имел право приходить сюда, когда сочтет нужным. Кантор вошел внутрь. Волнение возросло — не только от того, что он собирался сделать, но и от того, что он увидел. Ему всегда нравилась оружейная комната. Большое помещение, разделенное на части перегородками. Чего здесь только не было. Множество мечей, кинжалов, топоров и метательных ножей, копья с наконечниками из рогов демонов, альвийские луки, загадочные устройства, принесенные старшим кен Рейзом из технологических миров — плазмаганы, лучеметы, гравитационные ружья. Чтобы «война элементов» не уничтожила хрупкие технологические изделия, все эти устройства были помещены в специальные силовые коконы, поддерживавшие внутри себя тот крайне низкий уровень стихийных энергий, при котором все эти странные, но очень красивые штуковины только и могли существовать. Локбаровская коллекция включала в себя даже биологическое оружие — небольшие баночки с насекомыми и бактериями, находящимися в состоянии сна. Но Кантору нужно было не это. Вся эта экзотика никак не могла ему помочь. Но здесь была одна вещица… Он не сразу вспомнил, где ее искать. Нашел у дальней стены, на специальной подставке, в окружении духовых трубок, иглометов и иных, не столь примечательных, арбалетов. Вернее сказать, внешне эти арбалеты как раз были намного более примечательны, чем тот, который требовался Кантору — изящные, хитроумно сделанные, каждый из них казался подлинным произведением искусства. Кантор взял простой черный арбалет… впрочем, нет — несмотря на всю внешнюю простоту исполнения, этот арбалет не казался простым. Даже находясь в окружении других, намного более совершенных моделей, он сразу привлекал в себе взгляд. Он казался… настоящим. Более реальным, чем все остальное. Когда Кантор прикоснулся к нему, ему показалось, что он дотрагивается до живого существа — то ли до скорпиона, то ли спящей змеи. На черном станке сбоку была начертана надпись «Убивает сердце, а не рука».

Этот предмет создали не человеческие руки. Его, среди массы подобного оружия, некогда сотворил хеллаэнский Лорд по имени Сагарус, Любовник Ненависти. Этот Обладающий давно был убит, и большая часть сотворенных им предметов сгинула в веках, но кое-что сохранилось. Этими вещами мог воспользоваться лишь тот, в ком жил отблеск Силы, некогда породившей все эти предметы — Ненависть. И чем более глубокой и всепоглощающей она была, тем лучше. Кантор, который еще несколько лет назад до дрожи боялся зловещей ауры, источаемой Арбалетом Ненависти, теперь был уверен, что Арбалет примет его. И не ошибся.

Взяв эту вещь, Кантор как будто погрузился в омут. Мир потемнел. Все

стало немного другим — звуки чуть более тягучими, запахи и ощущения — чуть более резкими. Кантору показалось, что у них с Арбалетом одна энергия на двоих — Предмет Силы жил его жизнью и пробуждался ото сна; но он не только отнимал, но и давал — дарил себя тому, кто был ему открыт и сродне. Он как будто бы заполнил пустоту внутри Кантора, вернул духу чистоту и уверенность, дал новый стержень взамен того, что был сломан и растоптан тогда, в пустыне. Кантор бережно прижал арбалет к себе и покинул оружейную. Он улыбался — искренней и немного детской улыбкой. Он раньше и не подозревал, что чистая эссенция ненависти и смерти может подарить душе такую прекрасную, невыразимую радость.

* * *

Секретарь распахнул перед Фольгормом двери такого знакомого кабинета. Фольгорм вошел внутрь. Он слегка прихрамывал, а правая рука висела на перевязи. Штурм замка Йрник состоялся два дня назад, но принц все еще не оправился от полученных ран. Повреждения, нанесенные телу, хотя и были обширны, значения не имели — а вот то, что магическое пламя сожгло часть тканей гэемона, было значительно хуже. Впрочем, Фольгорм еще легко отделался — двое высокорожденных и около трех десятков дворян сгорели без остатка в том огне, который выпустили Кетрав и его присные на нападающих в самом начале сражения. Короткое приветствие, кивок хозяина кабинета в сторону кресла, которое ему предлагалось занять, — все, как обычно…

— Как рука? — спросил Вомфад.

— Спасибо, Уже лучше.

Это была их первая встреча после штурма. Фольгорм видел, что Вомфад изменился… С одной стороны, избавившись от конкурентов, он уже сейчас ощущал себя полновластным правителем, с другой стороны — смерть брата, который до сих пор был опорой ему во всем, не могла оставить Вомфада равнодушным. Он казался намного более отстраненным, погруженным в себя, чем обычно. Возможно, впервые он усомнился в правильности того, что делает. Возникал вопрос, каким он выйдет из нынешнего состояния: еще более сильным и целостным чем прежде, или постепенно утратит былую волю и ум? Фольгорм поставил бы на первое. Вомфад всегда умел держать удар.

— Ты, конечно, знаешь, для чего я тебя пригласил? — поинтересовался военный министр.

— Догадываюсь, — кивнул Фольгорм.

Вомфад вздохнул:

— Откровенно говоря, меня иногда беспокоит твоя осведомленность…

— На твоем месте я бы начал беспокоиться лишь в том случае, если бы я солгал, сказав, что ничего не знаю. Давай ближе к делу. Что у вас не вышло?

Вомфад приступил к рассказу. После взятия Йрника он решил, что нужно ковать железо, пока горячо.

Он связался со всеми министрами и потребовал, чтобы они прибыли в здание Старого дворца, охрана которого была еще более усилена, а все посторонние — удалены. Никто из министров не посмел отказать — у партии Вомфада на данный момент просто не осталось противовесов: гибель Ксейдзана, а затем полное истребление всех ита-Берайни наглядно показали, кто именно станет будущим приором.

Когда министры явились, Вомфад пожелал получить ключ приора — здесь и сейчас, без всяких выборов, которые по закону могли состояться не ранее чем через месяц после смерти предыдущего кандидата. Вомфад не хотел торговаться с сенаторами, ломать голову, не составляется ли против него новый заговор, высматривать новых претендентов на приорат, — он хотел получить все и сразу, и текущая ситуация ему это позволяла. Пока все были дезориентированы стремительным развалом двух противостоявших Вомфаду партий, но через месяц ситуация могла измениться в худшую сторону.

Сераймон-кириксан-Саутит-Ниртог пытался возражать — его там же, на глазах у остальных, и убили. Больше несогласных не было. Министры прошли в зал Источника и использовали свои ключи для того, чтобы вызвать в явленный мир главный ключ — энергетическую матрицу хозяина Источника, ключ приора. Однако…

— Там не было ключа, — сказал Вомфад. Он откинулся в кресле назад и устало протер лицо руками. Он не спал уже несколько суток — сначала был занят подготовкой к «приему» министров, а затем — расследованием.

— Что? — переспросил Фольгорм, Ему показалось» что он ослышался. — Это как?

— Вот так. Я сам ничего не понимаю.

— Я знаю, что ключ после смерти приора переходит в Источник вместе с его душой. Верно? Он что, застрял где-то по дороге?

— Нет.

— Благая Ёрри… — пробормотал Фольгорм. Ему пришла в голову ужасная, невозможная, чудовищная мысль. — Джейбрин жив?

— Не смешно.

— Но… прочие министры не могли ведь собраться тайком, без тебя и вручить ключ кому-то еще? Или могли?

Вомфад покачал головой:

— Не могли. В том-то и дело. Инициация хозяина Круга происходит лишь по общему согласию министров.

— Тогда… получается какой-то абсурд.

— Именно.

— А вам удалюсь определить, где сейчас находится ключ приора?.

— Ясно только то, что он в Источнике был, но был оттуда извлечен. Как, когда, кем, каким образом — понять совершенно невозможно: работать с информацией в пространстве Источника крайне… ммм… затруднительно.

— То есть кто-то просто-напросто украл приорский ключ?

Вомфад кивнул.

— Совершенно верно. И этот кто-то находится сейчас среди нас. Здесь, в этом мире. Это стало ясно после того, как мы попытались определить, где же, если не в Источнике, матрица. Она где-то здесь. Это самое точное, что можно сказать. Министерские ключи открыты хозяину Источника, он может обнаружить нас, а нам он не доступен. Только очень и очень приблизительно, по косвенным данным, можно определить, где. — Вомфад вздохнул. — Я намерен вызвать и проверить всех высокорожденных. Лично. Ключ неявен, но если знать, что искать… можно найти. Между прочим, ты был первым кандидатом на роль вора. Перед тем, как ты вошел, я задействовал специальное определяющее заклинание, разработанное как раз для выявления эманации ключа…

— Ну что, я чист? — криво ухмыльнулся Фольгорм.

— В ином случае ты был бы уже мертв, — без улыбки ответил Вомфад. — Может быть, у тебя есть какие-нибудь соображения насчет того, кто уволок матрицу? |

— А можно взглянуть на заклинание, выявляющее присутствие матрицы в поле?

— Пожалуйста, — Вомфад открыл ящик стола и извлек стопку листов. — Писал полночи.

Фольгорм взял бумажные листы и, прищурившись, принялся просматривать убористый текст на Искаженном.

— Здесь все про нейтрализацию сторонних излучений — амулетов, подвесок, обычной причастности к Источнику, собственных излучений гземона… А где сами внешние характеристики ключа?

— Пару страниц переверни.

Фольгорм так и сделал. Пробежался глазами по тексту заклятья… Остановился. Что-то привлекло его внимание. Прочитал еще раз. Не поверил. Читая в третий, почувствовал оцепенение. Сердце замерло… и забилось вновь, более учащенно. Он все еще не мог поверить своим глазам, но… Нет, ошибки быть не могло.

Все встало на свои места. Он едва не застонал, осознав вдруг, каким дураком был все это время. Он строил сложные планы, просчитывал комбинации; хотя желаемое было так близко — только протяни руку.

Мозг бешено заработал. Нужно сохранить спокойствие Не выказывать эмоций. Если бы он только знал… Если бы…

Впрочем, и сложившаяся ситуация, если подумать, не так уж плоха. Все еще можно повернуть в нужную сторону — если не медлить и грамотно разыграть свои собственные козыри.

— Я так понимаю, — неторопливо сказал он, переводя взгляд на Вомфада, — что, если верить этой схеме взаимодействия гэемона и ключа, сам приор настолько близок к Источнику, что, возможно, просто не будет различать где кончаются его собственные энергии и начинаются энергии Источника? Так?

— Да, — подтвердил Вомфад. — Может возникнуть даже и такой субъективный эффект. Джейбрин упоминал о чем-то похожем вскоре после его собственной инициации. Поначалу это не очень удобно, потому что теряется чувство баланса — действуя вместе с Кругом, ты вкладываешь в заклинания больше энергии, чем хотел. Такой эффект характерен не для всех Тертшауров, но для нашего — да.

— Понятно, — кивнул Фольгорм. — Да, я думаю, что могу тебе помочь в поиске вора. Точнее сказать, я знаю одного человека, который может. Но он сюда не придет. Максимум, что я могу сделать — организовать встречу в своем замке. Ты, я и он. Учитывая ситуацию, наверное, лучше сделать это как можно быстрее. Можно прямо сейчас.

— Что это за человек? — Негромко спросил Вомфад. У Фольгорма от его голоса по спине побежали мурашки. Но уступать было нельзя.

— Увидишь сам.

— Что за бессмысленная секретность?

— Никакой секретности. Пойдем, и я тебя с ним познакомлю.

— Почему нельзя сказать, кто это, прямо сейчас? — продолжал допытываться Вомфад.

— Потому что нельзя. Сам поймешь, когда увидишь. Хотя, конечно, ты можешь не верить мне. — Фольгорм развел руками. — Можешь сидеть тут и вызывать тут к себе высокорожденных по очереди. Вместе с младшими

семьями нас несколько сотен, и развлекаться этим способом ты будешь очень долго. Вот только есть одна маленькая трудность: ты можешь вызвать к себе только тех высокорожденных, которых знаешь. Но ведь есть и те, кто давным-давно покинул наш мир, есть незаконнорожденные потомки, проходившие инициацию скрытно, еще при Джейбрине — с его ведома, но без твоего. Кое-кто-из них за прошедшее время овладел довольно любопытными силами… понимаешь? Но ты, повторяю, можешь не верить мне. И действовать так, как считаешь нужным.

Это была наживка, и Вомфад ее проглотил. Тупым перебором всех высокорожденных он в конце концов нашел бы того, кого искал — хотя конкретно на этого человека Вомфад подумал бы в последнюю очередь. Но Вомфад сам не очень-то верил в эффективность данного метода — иначе он не стал бы и спрашивать у Фольгорма совета. Военный министр был дезориентирован. Из обычных, нормальных высокорожденных, никто, кажется, не обладал силами, способными в обход министров извлечь из Источника ключ приора. Значит, действовал кто-то еще, неучтенный, и своим более чем прозрачным намеком Фольгорм подтвердил эту возможность. И Вомфад поверил. Точнее, с его собственной точки зрения, это выглядело как согласие на проверку. Вот только никакой проверки не предполагалось. Вомфад перешел в Холгомияр вместе с тем, кого собирался сделать своим приемником на посту военного министра. Перешел один, без охраны.

Фольгорм привел его в малый обеденный зал, где и оставил, пообещав вернуться через несколько минут.

Вомфад прогуливаясь, задумчиво рассматривал помещение. Просторное, дальняя стена — с узкими стрельчатыми окнами, столы сдвинуты к стенам… кроме одного, находящего на возвышении, несдвигаемого, каменного. Слуги, появившись, начали накрывать его — на три персоны. Наблюдение за тем, как они искусно сервируют стол, немного отвлекло Вомфада от напряженного ожидания сюрприза, обещанного хозяином замка. Принц отсутствовал намного дольше, чем несколько минут. Когда он наконец появился, от прежней неторопливой лености в движениях и мягкого тона не осталось и следа.

— Все вон! Живо!

Слуги бросились к дверям. Вомфад — слишком поздно — ощутил неладное. Подозрения переросли в уверенность, когда вслед за Фольгормом в малый обеденный зал вошел Эрдан. Внук Гарабинда улыбался, предвкушая предстоящее удовольствие.

Фольгорм немедленно атаковал, использовав одну из своих подвесок.

Вомфад выставил теневую преграду, сформировав ее из эфирной тени наступательного заклятья. Волшебство растаяло, будто «сложилось» само в себя.

Вомфад не стал контратаковать — он следил за тем, что предпримет Эрдан. Но тот не шевельнул и пальцем, чтобы помочь союзнику. Фольгорм быстро посмотрел на него. В глазах принца пылало бешенство.

— Фольгорм, не суйся, — спокойно, не отпуская взгляда военного министра, произнес Эрдан. — Этот бой — мой. Уйди.

— Так вот в чем дело! — Вомфад рассмеялся. — Фольгорм, что тебе даст это предательство?

Фольгорм не ответил. Он по-прежнему смотрел на своего союзника. На лице мешались злость и растерянность.

— Не глупи. Он очень опасен. Я не уверен, что даже вдвоем…

— Пошел вон! — рявкнул Эрдан.

Вомфад улыбнулся. Он ненавидел Эрдана, и Эрдан ненавидел его, но это была чистая, неприкрытая вражда. Смотреть на унижение Фольгорма было приятно. Этот предатель ничего лучшего и не заслуживал. А он поверил ему! Дурак. Смерть Декмиса выбила его из колеи, в этом все дело.

Фольгорм ощутил бессильную ярость. Раньше Эрдан таким не был. О да, он был очень вежливым и благодарным. Решил, что больше в нем не нуждается?… Как он только смеет так себя вести? Где благодарность за спасение Даны? Фольгорм заскрежетал зубами. Но ему пришлось уйти, потому что стало ясно: если он этого не сделает, Эрдан, вполне возможно, сначала попытается убить его, и только потом займется Вомфадом. Этот сумасшедший ублюдок, одержимый жаждой мести, вполне был на такое способен.

Ну что ж. Значит, придется наблюдать за сражением со стороны. Фольгорм вышел.

— Значит, все-таки ты выкрал Дану? — спросил Вомфад.

Эрдан кивнул.

— А рассказал тебе о ней Фольгорм?

Опять кивок.

— Ну что ж… — Вомфад грустно вздохнул — и вдруг резко выбросил руку вперед, приводя в действие одно из своих заклинаний, Молнии-змеи, сотканные из теней и призрачного света, будто поток гибких, сращенных друг с другом стрел, метнулись к противнику. Поток был столь широким, что полностью скрыл фигуру самого Вомфада — теневые блики возникали за его спиной и оформлялись в змеемолний по мере движения вперед, в направлении, указываемом рукой заклинателя. Сила переполняла это

заклинание, кроме того, его структура была сформирована не столько Формами и классикой, которые лишь дополняли плетение, сколько той разновидностью Высшего Волшебства, к которой имел отношение военный министр Кильбрена.

Эрдан раскинул руки, и Имя, подобное черному вращающемуся диску, бывшему чернее самой тьмы и источающему Темноту во вне себя, прежде скрытое в груди черного мага, явилось теперь во всей своей мощи и славе. Имя было подобно Тертшауру, рунному узору, вот только точная форма его оставалась непредставима и неопределенна, эта форма ускользала от глаз, затягивала в себя смотрящего и пожирала его: Имя было словом, способным читать читающего. Оно определяло реальность вокруг себя, в нем крылись истоки всякого волшебства, проистекающего из той Стихии, которую обозначало Имя. Силы столкнулись. Заклятие Вомфада погасло.

— Магия тебе не поможет, — произнес Эрдан. — Я мог бы без труда раздавить тебя с помощью волшебства. Но это неинтересно. Доставай меч. Я помню, ты был хорошим бойцом.

Его собственный клинок, столь же черный, как и то Имя, которое носил Эрдан, уже покинул ножны и теперь был обращен к военному министру Кильбрена. Демонстрация Вомфада впечатлила — во всяком случае, новых попыток достать старого врага при помощи магии он не предпринимал. Оценил он и новый облик Эрдана — облик, в который тот рефлекторно перешел, когда призывал Имя. Лицо Эрдана осталось прежним, вот только фигура теперь, скорее угадывалась, скрытая облаком тьмы. Магическим восприятием Вомфад видел, что эта темнота не была чем-то внешним, что окружало тело — само тело не имело теперь устойчивых границ, а плавно сливалось с темнотой, как бы выступая из мрака — показуя себя скорее намеком, чем явно. Он понял, что Эрдан уже давно не является человеком, что по существу он — демон, один из высших, а может быть даже — какое-нибудь мелкое божество; но точно — уже не человек. Однако у Вомфада имелись и собственные козыри.

На мгновение он стал призраком, тенью себя самого, метнулся — так быстро, глаз не успевал уследить за ним — к противнику: одно и тоже мгновение, но он — уже не там, а здесь… Он остановился и вновь обрел материальность, потому что увидел — Эрдан отступил не менее быстро.

— Я знаю это колдовство, — сообщил потомок Гарабинда. — Тем интереснее, если и ты его знаешь.

— Интересно, известно ли Фольгорму, какой демон убил его отца? — спросил Вомфад.

Эрдан улыбнулся.

— Теперь да. Но это уже неважно.

Они оба понимали, что Фольгорм следит за каждым их действием, подслушивает каждое слово. Вомфад надеялся, что Фольгорм выкинет какую-нибудь глупость… или, по крайней мере, усложнит Эрдану жизнь, если поединок завершится его победой. Но глупостей Фольгорм делать не стал, оставалась надежда лишь на последнюю безвкусную месть, направленную на создание раздора между двумя объединившимися высокорожденными… которые, впрочем, и без того не особенно ладили. Но об этом Вомфад уже не думал. Он снова стал тенью и с непостижимой скоростью скользнул к противнику — более не собираясь останавливаться, присматриваться, разговаривать. Все, что могло быть сказано — уже сказано. Оставалось лишь действие. И его итог. Он не думал, сумеет ли справиться с этим врагом. Он верил, что сумеет, и сделал все, чтобы эта вера стала реальностью.

Однако и тот, кто противостоял ему, ничуть в себе не сомневался. Два меча и две непреклонные воли, сошлись и закружились в смертельном танце.

В те дни, когда мирозданием правили Истинные Боги, Бог Мертвых владел третьей частью Царства Пределов, также под его властью пребывала часть Преисподней, Страна Мертвых, Страна Призраков и Обитель Блаженных на Небесах. Когда Боги пали, их великие империи распались, не избегла сей участи и та, во главе которой стоял Бог Мертвых. На обломках империи возникли новые королевства, независимые и подчас враждующие друг с другом. Хотя пути, по которым следуют умершие, были давным-давно определены, теперь Владыки Ада и младшие боги пытались отхватить от этих потоков побольше, расщепить дороги и перевести по крайней мере часть следующих по этим дорогам душ в свои владения. Сущее слабело, потому что души, расставаясь с телами, покидали его, и отправлялись в обители младших богов, на Небеса и в Ад — но не возвращались обратно. Ситуация ухудшалась до тех пор, пока обездоленная и погруженная в бесконечную череду внутренних войн Страна Мертвых не извергла на свет нового Владыку, Короля Дэсмонда, который железной рукой привел миры смерти к порядку. Страной Призраков правил иной Король, Гальманазар. Его владения чрезвычайно велики, хотя людям, демонам и духам стихий немногое известно о них. Эта Страна лежит как бы на границе между Царствами Сущего, Пределами и Чарами — она невообразима, многомерна, парадоксальна. Пока не был закончен передел собственности в масштабах вселенной и не было достигнуто новое равновесие, Гальманазар и Дэсмонд активно расширяли

свои владения, присоединяя к ним те миры и пространства, образ бытия которых был хоть в чем-то сроднен с собственными силами этих двух великих Владык. Их интересы пересеклись при дележе Тени — некоторых внешних пространств этой Стихии. Была война — намного более грандиозная, чем все, что способен представить человеческий ум — война, которая, не смотря на весь свой масштаб и величие сил, принимавших участие в ней, осталась для людей практически незамеченной. Только лишь смутные слухи, источниками которых служили либо теневые маги, либо некроманты, приближенные ко двору Короля Мертвых — жалкие крупицы информации о событиях, потрясавших те глубинные слои бытия, которые доступны лишь восприятию богов и Обладающих Силой. Ибо каждая Страна включает в себя миллионы обитаемых миров, а Дэсмонд и Гальманазар, стремясь добиться преимущества, не жалели ни сил, ни армий. Но в конце концов битвы стихли, каждый получил то, что смог взять, и стороны от активных действий перешли к вооруженному нейтралитету. Так к Стране Мертвых присоединились Долины Теней, слились с нею в одно. Гальманазар захватил то, что позже было названо Городами Теней — исполинские структуры, подобные ульям или тысячеэтажным зданиям, внутренние коридоры в которых выводили во многие миры Сущего, Чар и Преисподней. От соединения сил Гальманазар и Стихии Тени родились новые Источники Силы и переродились старые, попавшие в зону влияния Владыки. Множество новых созданий было воплощено в этих мирах — причудливые и необычные, эти существа в своем большинстве не имели никаких названий на человеческих языках, ибо люди вовсе ничего не знали о них. Однако, по мере развития призрачно-теневых миров и умножениях их насельников эти создания все чаще и чаще сталкивались с путешественниками, волшебство которых было причастно к Теням; а иные из них научились со временем самостоятельно отыскивать дороги в миры Сущего и в прочие Царства.

Случалось и так, что некоторые из них заключали браки — хотя естество людей, демонов или ангелов было этим призрачным существам слишком чуждо, с некоторой частью природных духов они могли соединиться и иногда заключенные союзы приносили плод; также они могли вступать в брак с альвами. Ибо альвы способны менять способ своего бытия — они могут как носить телесную оболочку, так и вовсе обходиться без нее, уподабливаясь в этом призракам и стихиалям. Есть несколько альвийских родов, наиболее известные из них светлые альвы и темные, пространства же Тени населены народом сумеречных альвов. Таким полукровкой — полуальвом, полупризраком, способным с

легкостью обретать плоть и вновь становиться нематериальным созданием, — был отец Вомфада, Кшейчжер, подданный Гальманазара. Он долго путешествовал перед тем как попасть в Кильбрен, где его и пленил герцог Зурон; приняв за некоего странного демона. Зурон желал подчинить пленника и постигнуть тайны той странной магии, которой обладал призрак, однако Кшейчжер не покорялся и, хотя и был удерживаем чарами, имел еще силы противиться попыткам демонолога сломить его волю, ибо его гэемон и душа были устроены столь странным образом, что Зурон никак не мог подобрать к ним подходящие ключи. В заточении Кшейчжер провел несколько лет, пока дочь Зурона, Узали, не сжалилась над пленником и не выпустила его из заколдованного крута, предварительно взяв слово, что призрачный воин не станет вредить ни ее отцу, ни кому-либо из их рода. Кшейчжер исполнил слово, однако он не ушел из Кильбрена, но, хотя и стал действовать осторожнее, не раз навещал Узали. В конце концов Узали родила сына; Зурон был в ярости, узнав, кто отец ребенка. Однако по прошествии времени он остыл и примирился с зятем. Кшейчжер даже научил его кое-какому волшебству, которым обладал. Так, без всякого насилия, демонолог получил от своего бывшего пленника то, что желал. Но о многих других своих способностях Кшейчжер ничего не рассказывал, а некоторым из тех, коими он был готов поделиться, Зурон не мог обучиться при всем желании, ибо его гэемон по своему устройству слишком отличался от энергетического строя полупризрака-полуальва. Намного больше Кшейчжер захотел и смог передать своему сыну, несколько раз он отводил Вомфада в пространства Тени и в те земли, что граничат как с Тенью, так и со Страной Призраков, и эти путешествия длились месяцами по времени Кильбрена. В конце концов он добился того, чтобы его сын был допущен к инициации в одной из тех магических систем, что образовалась на пересечении Тени и призрачного мира; так Вомфад приобрел вторую сущность, которой мог заменять по желанию свое обычное тело, становясь в новом состоянии смертоносным и трудноуязвимым призраком-убийцей. Во время междоусобицы в Кильбрене Зурон принял сторону Джейбрина, и он сам, и все его дети погибли в столкновениях с партией Гарабинда. После смерти Узали Кшейчжер покинул Кильбрен и никогда больше не возвращался в этот мир. О сыне он, казалось, вовсе забыл, но Вомфад не винил отца. Узали сообщала Кшейчжеру некоторую человечность, потому что любовь способна преодолевать пределы естества. Узали удерживала своего мужа в границах человеческого мира, в границах человеческих отношений и логики, она как бы жила с ним одной жизнью на двоих; после ее смерти

такой способ жизни стал для Кшейжера невозможен. Отец ушел, а Вомфад приложил все свои силы для того, чтобы отомстить убийцам деда и матери. И хотя Эрдан не принимал в тех убийствах непосредственного участия, Вомфад ненавидел его, равно как и прочих потомков Гарабинда, самой лютой ненавистью. За годы ненависть забылась, но старые чувства вернулись, стоило Эрдану вновь объявиться в Кильбрене. Вомфад мог бы организовать покушение на него еще в самом начале, однако не стал этого делать. Так он не ощутил бы удовлетворения. Он видел, что Эрдан стал намного сильнее, обрел некую внутреннюю уверенность, и было видно, что если его убить сейчас, он, вероятнее всего, умрет с гордой поднятой головой, смеясь в лицо врагам. Вомфада не устраивал такой исход, он хотел сломать врага, растоптать его, разрушить сначала его внутренний мир и лишь затем оболочку. Это и было тем личным мотивом, который заставил его отложить покушение и, похитив Дану, начать шантаж — ему очень хотелось посмотреть на то, как Эрдан отдаст в сенате свой голос за того, кому пришел мстить. Вомфад почти никогда не поддавался эмоциям, но это — был один из тех редких случаев, когда он поддался. Однако он действовал не слепо и полагал, что все рассчитал правильно. И в самом деле, если бы только Дана была настоящей и если бы Фольгорм по необъяснимым причинам не предал его, план, несомненно, завершился бы полным успехом. Против Вомфада сыграли те обстоятельства, учесть которые он никак не мог.

Однако теперь, столкнувшись со своим врагом лицом к лицу, он не чувствовал сожаления или раскаянья. Во-первых, на это не было времени, все силы и внимание были поглощены боем, во-вторых, он ощущал упоение: так или иначе, все подошло к концу, все поставлено на карту, на одной стороне жизнь, на другой смерть, на грани между ними — безжалостный бой, который, казалось, вынесен за пределы времени, вечен — так же, как причастен вечности каждый миг настоящего.

Вомфад двигался с неимоверной скоростью, но его противник ни в чем не уступал ему; уже не люди — две тени: одна истекающая темнотой, другая призрачно-серая — кружились в смертоносном хороводе. Они не двигались — мелькали, расплываясь в воздухе, обгоняя свет и саму мысль; для Фольгорма, наблюдавшего за этим поединком, прошло лишь несколько секунд от его начала и до его завершения, с точки зрения поединщиков же это был чрезвычайно долгий бой. Когда же они наконец остановились, Фольгорм увидел Вомфада у стены, приколотого черным клинком к камню, а над ним Эрдана — раненого и дышащего с немалым трудом. Истинное Имя давало Эрдану огромную силу, но даже его мощи едва

хватало на то, чтобы расправиться с этим врагом. В столкновении заклинаний Эрдан смял бы противника с намного большей легкостью, однако он не меньше, чем Вомфад, желал насладиться процессом, потанцевать на той грани, что отделяет жизнь от смерти, ощутить аромат смерти и почувствовать, как стекает по клинку, мешаясь с кровью, сама жизнь ненавистного врага. Легкие Эрдана раздувались, как кузнечные меха, левая рука висела плетью, но он, не отрываясь, смотрел в угасающее глаза Вомфада. Убийство врага почему-то не принесло того наслаждения, которого он ждал. Как будто бы с ненавидимым умерла некоторая часть его самого и на место согревавшего душу чувства пробралась пустота. Уже все закончено? Точка? Эрдан не мог в это поверить.

— Послушай. — Голос Фольгорма разнесся по залу. — Я слышал, что он сказал… насчет Халгара. — Я не держу никаких претензий! Никогда особенно не любил папу.

Эрдан обернулся. Обвел глазами зал, выискивая заклинание, передававшее голос. Заклинание он нашел, но выяснить, куда оно ведет, было невозможно — энергетическая нить практически сразу терялась во множестве других нитей, которыми было оплетено помещение. Дыхание Эрдана постепенно восстанавливалось.

— Выходи, поговорим, — предложил он.

Смешок.

— Думаешь, я идиот? Я не собираюсь мстить, мне нет до Халгара никакого дела, но ты мне не веришь и захочешь убить просто так, на всякий случай, для гарантии. Я знаю, как ты мыслишь. Я не собираюсь с тобой драться. Ты намного сильнее, чем я думал. Не смотря на твое поведение, я полагаю, мы все еще можем быть друг другу полезны…

— Выходи, — устало повторил Эрдан. Он ощущал тошноту. Надо поскорее заняться раной, нанесенной призрачным клинком. Впрочем, если Фольгорм появится, у него еще хватит сил прикончить крысу. Именно по тем причинам, которые обозначил Фольгорм: на всякий случай.

— Убирайся отсюда.

Эрдан так и сделал. Сотворил путь и ушел. Он находился сейчас не в том состоянии, чтобы гоняться за Фольгормом по всему замку. Крыса подождет.

17

Убедившись в том, что Вомфад мертв, Фольгорм перенес его в большую морозильную камеру, располагавшуюся поблизости от заклинательяых покоев, где, сняв с трупа все артефакты, и оставил. Он мертв, равно как и остальные претенденты, и до желанной Цели осталось совершить лишь несколько шагов. Перед смертью Вомфад успел ему подгадить, разрушив всякую возможность дальнейшего сотрудничества с Эрданом — но, если все пройдет так, как задумал принц, это уже не будет иметь никакого значения. Нужно было действовать не медля. Фольгорм перенесся к Старому дворцу, поднялся на второй этаж и вошел в приемную военного министра. Секретарь с вежливой улыбкой попытался сообщить, что Вомфада нет на месте, но Фольгорм не стал его слушать. Вырубил секретаря при помощи магии, закрыл, дверь в коридор и занялся той дверью, которая вела в кабинет. Кабинет был опутан сложной системой чар, и в иных условиях Фольгорм мог бы провозиться неделю, прежде чем сумел бы вскрыть эту систему, не задев сигнализации. Однако держать в одной только памяти столь сложное заклинание Вомфаду было неудобно — а ведь стоило учесть, что аналогичные защитные системы окружали не только его кабинет в Старом дворце, но и другие помещения, находившиеся в принадлежавших ему замках. Поэтому, как это обычно и делалось, заклинание-ключ помнил не он сам, а Тальдеар, Истинная Драгоценность в одном из его колец. На артефакте тоже стояла защита, ко разобраться с ней было намного проще — это Фольгорм сделал еще в замке. Использовав кольцо, он снял чары с двери и вошел в кабинет. Ему здесь нужна была только одна вещь.

Он знал, что в кабинете находится несколько следящих заклинаний, которые, будь Вомфад жив, немедленно сообщили бы ему о проникновении постороннего. Прежде, сунувшись сюда, он выдал бы себя и неминуемо погиб бы, но теперь ему было нечего опасаться. Он знал, где лежит эта вещь — чувствовал так же ясно, как слепой ощущает путеводную нить. Фольгорм подошел к столу, на секунду прислушался к своим ощущениям, а затем открыл нижний ящик. Чувство стало предельно ясным. Вот она. Он поставил на стол массивную шкатулку, открыл ее и вытащил Частицу. Все его существо охватили восторг и священный трепет. Вот она! Его лицо начало покрываться серебром. В голове как будто бы

подул холодный ветер, возвращая ясность и трезвость мысли. После уничтожения замка масок и всех Частиц Древнего он совершил несколько ошибок, поступал бестолково и необдуманно — причина была в том, что сила, которая определяла его бытие, почти иссякла. В нем начался внутренний разлад. Некоторые части души, значимые для старого, еще непричащенного Фольгорма, вышли из-под контроля, пытались навязать свои жалкие человеческие мотивы Серебряной маске, внутренняя целостность которой, увы, была повреждена! Поэтому он был так непоследователен, разбрасывался на то и на это, начинал одни дела и тут же бросал их, планировал свои ходы гораздо хуже, чем обычно. И все же, даже при таких, крайне невыгодных обстоятельствах, он смог реализовать большую часть плана. Осталось еще несколько простых шагов — намного более простых, чем смерть Вомфада или Кетрава.

Он достал коробочку, в которой хранил Частицу, полученную от Кариглема, и добавил к ней ту, которую Вомфад пытался использовать в качестве приманки. О боги, как же трудно было удерживаться от искушения забрать ее раньше. Однако и одно только присутствие Частицы поблизости успокаивало, возвращало нарушенную связность мысли и внутреннюю целостность. Вот почему он так полюбил совершать едва ли не каждодневные визиты в кабинет военного министра.

Фольгорм спрятал коробочку в карман и вышел в приемную. Он собирался забрать парализованного секретаря с собой в Холгомияр. Прежде чем все закончится, ему еще придется вернуться в Старый дворец один, а может быть, и два раза. Принцу не хотелось, чтобы скорпионцы препятствовали его действиям и задавали ненужные вопросы.

* * *

Дэвид утомленно опустился в кресло. Через пять дней должна будет состояться свадьба. Уже планировали торжественную церемонию в главном храме Ёрри, когда Идэль вдруг вспомнила, что он даже не посвящен богине. Пришлось срочно посвящаться. Собственно, этим и занимались сегодня с самого утра. Сначала Ёррианские жрецы знакомили его с кратким содержанием кильбренийской религии. Затем началась церемония. Молитвы, поклоны, невразумительные перемещения по храму. Потом его заставили раздеться и окунули в бочку с водой. И опять — молитвы, поклоны, перемещения, окуривания и прочие странные ритуальные действия. Дэвид все это стоически перенес — надо значит надо. Потом еще был официальный обед во дворце. Вернулись в особняк только вечером. Страдая от переизбытка общения, Дэвид прошел в свою

комнату, в блаженной тишине опустился в кресло и вытянул ноги. Боже, как хорошо… Боже? Кхе-кхе… После сегодняшней церемонии логичнее было бы начать взывать не к христианскому богу, а к кильбренийской богине. Но привычка — вторая натура. Негромкий стук в дверь.

— Ч-черт!.. — выругался Дэвид. Было так хорошо — и вот на тебе. Опять от него кому-то что-то надо. — Войдите…

Это был Лийеман. У Дэвида возникло желание послать его, но культура возобладала над инстинктами, и он промолчал.

— Дэвид, — сказал Лийеман. — Нужно поговорить.

— Слушаю.

— Не здесь.

Дэвид тяжело вздохнул и закатил глаза. Желание послать Лийемана усилилось. К сожалению только, этот страстный и легкоранимый дворянин душевной простоты землянина мог не оценить и обидеться. Всерьез. Вызывать на дуэль жениха своей госпожи он, может быть, и не станет, но, учитывая, как работали его мозги, запросто мог отчебучить что-нибудь похлеще. Харакири, скажем, совершить в знак дворянского протеста. Легко.

Дэвид искоса посмотрел на Лийемана. У него было такое серьезное выражение лица, такая безграничная уверенность в том, что все должно совершаться тогда и так, как он скажет, что отказывать было как-то даже неловко.

— Ладно. — Дэвид поднялся и следуя за Лийеманом, вышел из особняка. Но этого Лийеману показалось недостаточным — они остановились лишь тогда, когда деревья полностью скрыли дом.

— Ну? — раздраженно спросил землянин. — Что за тайны?

— Со мной связался Фольгорм, — произнес Лийеман. — Он хочет тебя видеть. Срочно. Дэвид опешил.

— А почему он сам не обратился ко мне?

— В доме все прослушивается, — объяснил Лийеман. А Фольгорм все еще… немного расстроен из-за того, что, когда он попросил тебя в прошлый раз прибыть лично и без сопровождения, ты привел с собой Идэль.

— Ах, вот в чем дело… Он хочет поговорить со мной, но не хочет, чтобы об этом знала принцесса? Еще какая-нибудь опасная миссия?

— Наверное, лучше спросить у него самого, — ответил Лийеман. — Меня в подробности он не посвящал.

— Хорошо, спасибо. Возвращайся в особняк, я перейду прямо отсюда…

— Нет. Фольгорм сказал, что ты должен взять меня с собой.

— Зачем?

— Понятия не имею.

— Ну хорошо… — Дэвид пожал плечами. Все выглядело немного странным, но… всем странностям наверняка отыщется разумное объяснение. Задавать вопросы, действительно, имело смысл принцу, а не посыльному.

Он сотворил дорогу Света и утянул Лийемана на волшебный путь. Хрустальный мост над океаном блистания… Холгомияр, казавшийся, если смотреть из Стихии, стеклянным сверкающим дворцом, отворил перед ними колдовские двери, приглашая войти внутрь. Они так и сделали, ощущая с каждым шагом, как возвращаются к реальности обыденного восприятия, в человеческий мир, где вместо лучей света и бликов господствовала инертная, грубая материя. Сделав последний шаг, они огляделись и увидели, что находятся в портальной комнате замка.

— Кстати, — сказал Дэвид. — Если Фольгорм опасался, что наш разговор услышат… как он с тобой-то связался? Так, чтобы об этом никто не узнал?

Он посмотрел на Лийемана. И в самом деле очевидная ведь нестыковка… Сейр-Варглат улыбнулся.

— Потом объясню.

— Почему не сейчас?…

Дверь скрипнула. В помещение вошел Фольгорм. Успокоил магических стражей, зорко следивших за прибывшими гостями, махнул рукой, приглашая следовать за собой.

— Что случилось? — спросил Дэвид, когда они вышли в коридор.

— Пока ничего. — Принц внимательно посмотрел на Дэвида. — Как твое чувство баланса? Магического, я имею в виду.

— Спасибо, возвращается.

— Боюсь, что проблема гораздо глубже, чем мы думали. Недавно я наткнулся на описание случая, аналогичного твоему… Это произошло довольно давно, но выглядит очень похоже. Как и ты, тот высокорожденный сразу после инициации утратил способность правильно балансировать заклинания, кроме того, он не различал своих энергий от энергий Источника. Кончилось все это очень плохо. Тертшаур просто поглотил его гэемон. Поэтому я и вызвал тебя так срочно.

— Но ведь чувство баланса ко мне возвращается…

— К сожалению, очень может быть, что это всего лишь временное улучшение. В любом случае необходимо провести еще кое-какие

исследования.

— Что, прямо сейчас? — Дэвид приуныл.

— Да, прямо сейчас.

— А я могу хотя бы ознакомиться с теми хрониками, в которых вы обнаружили описания случая, который показался вам похожим на то, что происходит со мной?

Фольгорм ответил не сразу. У Дэвида возникло чувство, что он задал какой-то «не тот» вопрос.

— Само собой разумеется, можешь, — произнес наконец принц. — Но я думаю, что сначала все-таки нужно провести исследования и лишь потом удовлетворять твое любопытство.

Хотя Дэвид никогда не отличался повышенной догадливостью, на этот раз даже до него дошло, что дело нечисто. Если все так, как говорит Фольгорм, зачем понадобилось скрывать это от Идэль? И что здесь делает Лийеман? Поэтому он уперся:

— Нет, давайте наоборот. Я настаиваю. Я хочу понимать, что происходит..

Фольгорм еще несколько секунд молча смотрел на него, а затем вздохнул и сказал:

— Ладно. Придется все-таки объяснить. Пойдемте в малую столовую. Поедим и поговорим.

Но обещанный разговор так и не состоялся. Когда они вошли в малую столовую, Фольгорм без всяких предупреждений напал на своего гостя. Все стены в замке были укреплены чарами, но малая столовая — особенно: это помещение специально было защищено так, чтобы выдерживать даже самые мощные колдовские атаки. По этой же причине несколькими часами ранее Фольгорм привел сюда Вомфада и Эрдана. Стены здесь лучше, чем где-либо в замке (исключая разве что заклинательные покои Холгомияра), изолировали магию, не давая ей выплеснуться наружу.

Поединок — если это так можно назвать — закончился очень быстро. Дэвид совершенно не ожидал нападения и опомниться не успел, как оказался вдруг без всякой защиты — первым же заклинанием Фольгорм полностью истощил его амулет. Он пытался сопротивляться, но равняться в Искусстве с высокорожденным, который был старше его на сорок лет и обучался волшебству едва ли не с самого рождения, конечно же, землянин не мог. Генератор элементалей позволил немного затянуть поединок, но Фольгорм, в отличие от канторовского мирукхайда, действовал оперативно и задавил Источник Огненных Существ практически сразу, так и не позволив этой заклинашке раскрыть свой подлинный потенциал. Еще

несколько секунд, и Дэвид почувствовал, как его защиты ломаются, и холод чужих чар проникает в его гэемон. Практически сразу навалилась сонливость, энергетически нити стали вырываться из рук. Он пытался очистить энергетическое поле — Фольгорм нейтрализовал его попытку в зародыше. Дэвид потерял сознание и упал. Последняя его мысль была о том, почему бездействует Лийеман? Как только начался бой, сейр-Варглат отошел в сторону, окружил себя защитным коконом и, с интересом наблюдая за происходящим, не сделал ни малейшего движения, чтобы помочь…

Фольгорм на эту бездейственность также обратил внимание.

— Почему ты не помог мне? — спросил он, закрепляя парализующее плетение на побежденном. Лийеман искренне удивился:

— А что, надо было? Я полагал, ты справишься и сам. Не хотел мешать.

Сейр-Варглат… Впрочем — нет, эта родословная была выдумана от начала и до конца… Сын Кариглема и Аллайги, которому от рождения было предначертано стать избранником Древнего, убрал защитные поля и огляделся.

— Это и есть твоя малая столовая? Хорошо укреплена. Для особых гостей?

Фольгорм кивнул.

— А что это там за пятно крови на стене? — Лийеман показал пальцем. — То, что осталось от предыдущего гостя?

— Ты угадал. Между прочим, твоя мечта осуществлена. Это кровь Вомфада. Он был убит на этом месте несколько часов тому назад.

— Замечательно… — Лийеман подошел поближе. Понюхал запекшуюся кровь, поковырял пальцем, попробовал на вкус. Сплюнул. Посмотрел на стол, оставшийся нетронутым в ходе двух коротких разборок, и спросил:

— Накрыто на три персоны. Мы кого-то ждем?

— Это был отвлекающий маневр, — объяснил Фольгорм. — Цель которого состояла в том, чтобы немного успокоить Вомфада, сообщив ему иллюзию предстоящей цивилизованной беседы. Сейчас слуги все уберут.

— Не стоит, — возразил Лийеман. — Давай лучше поедим. Я не очень хорошо понимаю, что происходит, а это неправильно. Ты мне все объяснишь. За едой, в строгом соответствии с нашими национальными традициями. — Юноша усмехнулся, направляясь к столу.

Фольгорм последовал за ним. С его точки зрения, не было решительно никакой разницы, где и как разговаривать. А поговорить следовало. Лийеман был нужен Причащенному для завершения плана.

Горячее уже остыло, поэтому ограничились холодными закусками. Разлили по бокалам вино.

Фольгорм в двух слова обрисовал, при каких обстоятельствах погиб Вомфад. Показал Частицу, вынесенную из его кабинета.

— Мне кажется, ты начал действовать слишком рано, — сказал Лийеман. — Кто за тебя сейчас проголосует.

— А это не нужно, — ответил Фольгорм. — Ключа все равно нет в Источнике, Вомфад узнал об этом, но так и не успел понять, кто унес его оттуда. Хотя ответ был у него под носом. Ключ приора должен был попасть в Круг сразу после смерти Джейбрина. За эти два месяца в нашем Тертшауре успели пройти посвящение три новичка. Гипрай из младшей семьи Сездри, входящей в дом Ниртог, Идэль, которая восстановила связь с Источником после первой, неудачной инициации и… Дэвид. Вомфад не знал, что Дэвид не был нормальным высокорожденным… То, что они сделали вместе с Идэль, — это… не по правилам. Это не обычная инициация. Источник собирал его заново, буквально с нуля, проводя преобразования на таких тонких и глубоких уровнях силы, которые неведомы ни мне ни тебе. Тогда Дэвид и подцепил ключ. Возможно, сработал какой-то механизм, который передает ключ любому — если, конечно, сам ключ находится в этот момент в Источнике — кто вообще сумел добраться до этого уровня, а в обычных условиях проникнуть туда способны лишь министры, да и то лишь по взаимному согласию. Конечно, это только предположение. Я не знаю, что именно произошло. Я понял в чем дело, когда Вомфад упомянул о том, что приор, получая ключ, на первых порах иногда теряет способность различать себя и Источник, силы Источника пронизывают его столь полно, что он, до тех пор пока не освоится с новым положением вещей, не может совершить почти никакого действия одними только собственными силами, не обратившись одновременно и к энергиям Круга. Огромная удача, что Вомфад начал свой поиск с тех, кто, как он полагал, в новых условиях мог бы составить ему хоть какую-то конкуренцию… Он и помыслить не мог, что ключ из Источника можно взять случайно, даже не зная об этом. Впрочем, раньше такого никто не совершал, и если бы я не знал, что происходит с Дэвидом, я, вероятнее всего, также ни о чем бы не догадался…

— Так значит, в его гэемоне ключ приора? — Лийеман с интересом посмотрел на неподвижно лежащего на полу Дэвида. — И правда, это все меняет. Как ты собираешься его извлечь?

— Пока не знаю. В крайнем случае, выпотрошу гэемон. Буду убирать все лишнее до тех пор, пока не останется то, что мне надо. Но я не думаю,

что здесь возникнут какие-то затруднения. Собственные эманации ключа я знаю — Вомфад показывал схему заклинания, позволяющего вычленить их. Фактически во время первоначальных исследований я этот ключ и так уже почти нашел. Осталось лишь закончить работу.

— Понятно, — кивнул Лийеман. — Да, хороший план. Но пока ты трудишься, у Идэль могут возникнуть вопросы.

— Не возникнут.

— Даже Дэвид что-то заподозрил, А твоя племянница не такая тупая.

— В отличие от Дэвида, Идэль мне доверяет, — возразил Фольгорм. — Нет, вопросов не будет. Если мы сделаем все быстро, наше Целое воплотится в этом мире прежде, чем кто-либо сумеет понять, что происходит.

— «Мы»? — переспросил Лийеман, — Какова моя роль в твоем замысле?

— Я не уверен, что, даже получив ключ приора, смогу внести Частицу в Источник, — признался Фольгорм. — Я буду хозяином Круга и смогу произвольно менять его структуру, но в том, что связано с нашей подлинной силой… здесь у меня нет уверенности. Я чувствую ее, как и всякий Причащенный, но я понятия не имею, как ее воплощать в это мире, как соединять ее с той магией, что господствует сейчас. Кариглему, твоему отцу, было ведомо больше. Он даже пытался разработать специальный заклинательный язык, которым можно было бы описать действие силы Древнего. Ты был рожден для того, чтобы проникнуть в это волшебство еще глубже, постигнуть его максимально полно. Поэтому я отдам ключ приора тебе. Но сначала ты должен пройти посвящение и принять Частицу. У нас их две. Одна — тебе, как это и было предназначено, вторая — Тертшауру.

Лийеман расплылся в улыбке.

— Как хорошо, что ты все-таки решил отдать ее мне! Я так боялся, что не получу ее и не выполню свою миссию.

— Мне бы пришлось рискнуть самому, если бы не удалось получить вторую, — сказал Фольгорм. — Но, как видишь, все складывается наилучшим образом. Идем прямо сейчас. Скорпионцы держат под контролем Старый дворец, но мне не станут чинить препятствий. Все уже знают о том, что я должен стать преемником Вомфада, а о его смерти еще никому не известно — вряд ли Эрдан станет кричать о сегодняшних событиях на каждом ушу Идем.

— Подожди!.. — Лийеман предупреждающе поднял Руку.

Фольгорм проследил за направлением его взгляда. Юноша смотрел на

Дэвида.

— Что?

— Мне показалось, он пошевелился.

— Не может быть, — сказал Фольгорм. — Чары на месте.

— В его энергетическом поле произошел какой-то сдвиг.

— Где? Я ничего не вижу.

— Он как будто пытался сбросить заклятье. Потом все вернулось на место, — объяснил Лийеман. — Знаешь, я думаю, ты зря не снял с него артефакты. Вот это колечко… и амулет. Там могут быть какие-нибудь скрытые чары, отторгающие чужеродное волшебство. Мы уйдем, а он тут очнется. Вот это будет весело.

— Ты прав. — Фольгорм встал и сделал то, что, по уму, следовало сделать сразу после пленения: избавил пленника от лишних предметов. Он не сделал этого потому, что не рассматривал жениха Идэль как угрозу. Но Лийеман прав: следует учесть любую мелочь. Тот, кто безупречен во всем, неизменно удачлив — так он, кажется, говорит?…

Когда Фольгорм вернулся к столу, Лийеман разливал остатки вина.

— Не время. Пойдем, — сказал Фольгорм. — После будем пировать.

— Хочу предложить тост, — Лийеман поднял бокал. — Мы на самом пороге. Нельзя просто так вот взять все и сделать, как будто происходит что-то обыденное. Мы входим в очень необычное время. И я хочу за это выпить.

Фольгорм не стал спорить. Причащенному были чужды эмоции, однако этот Причащенный жил в оболочке из человеческого тела и человеческой души. Поэтому он выражал свои реакции так, как было бы свойственно настоящему Фольгорму на его месте — радовался и печалился, восторгался и гневался. Все это было игрой, но игрой настолько искусной, что серебряная маска подчас верил в нее и сам. Чтобы выжить, он притворялся — притворялся прежним собой, еще неизмененным. Актер и роль срослись так тесно, что уже было не различить, где кто. Все это временно, конечно. Необходимость, которая отпадет, когда Древний вернется. Тогда он исчезнет как часть, сбросит надоевшую оболочку, делающую его до некоторой степени самостоятельным индивидуумом, и растворится в Едином. Но до тех пор, пока этого не произошло, оболочка нужна. Лийеману еще предстоит стать настоящим избранником — сейчас он все еще лишь человек, пусть и совершенно подготовленный для своей великой роли. Но — человек: и ему, человеку, важны все эти глупые условности, нужно как-то отмечать знаменательные события. Фолъгорму это не нужно. Зато ему нужно сохранить добрые отношения с Лийеманом — иллюзию

человеческой упорядоченности окружающего, к которой непричащенный мальчишка неизбежно привязан. Фольгорм поднял свой бокал.

— За удачу! — провозгласил Лийеман. — За будущее, которое мы определяем сами.

Фольгорм кивнул. Они осушили бокалы и поставили их на стол.

— Пойдем, — потребовал Фольгорм.

— Еще мгновение.

Лийеман подошел к Дэвиду, который по-прежнему пребывал в бессознательном состоянии, и несколько секунд рассматривал его лицо. Фольгорм так и не смог понять, каковым было выражение лица самого Лийемана при этом: задумчивость? напряженный поиск ответа на какой-то вопрос? скрытое торжество?…

— Да, пойдем. — Лийеман повернулся. Фольгорм попытался соткать магический путь… и не смог. Заклинание выходило каким-то кособоким, контура гэемона не могли удержать плетений. Он попытался еще раз. Совсем плохо. Сознание помутилось. Он все еще не понимал, что происходит. Сделал шаг. Упал на колено. Увидел, с каким напряженным любопытством смотрит на него Лийеман. Попытался сотворить еще одно заклинание — уже не для перемещений, а для простейшей диагностики, но не сумел сделать и этого. Упал на бок. Попытался встать — вновь упал, на этот раз окончательно. Сознание еще тлело… еле-еле.

— Это яд, — сказал Лийеман, подойдя ближе. — Яд без вкуса и запаха, блокирующий колдовские способности. Помнишь, ты сам дал мне его? Ну конечно же, помнишь…

Лийеман подтащил к лежащему человеку один из стульев и попытался утвердить его так, чтобы одна из ножек упиралась Фольгорму в живот. Однако стул в результате принял неустойчивое положение. Тогда Лийеман достал меч, воткнул его в Фольгорма, повернул, вытащил, и в образовавшееся отверстие погрузил ножку стула. И сверху уселся сам. Кровь, сочащуюся из раны и запах дерьма, распространяющийся от разорванного кишечника, он как будто бы совершенно не замечал, все его внимание было приковано к лицу Фольгорма. Взгляд Лийемана — чистый взгляд ребенка, пришпилившего бабочку к кусочку картона и теперь с безграничным интересом наблюдающего, как эта бабочка дергается и сучит лапками.

— Я знаю, что у тебя есть какая-то регенерационная система, которая сейчас очень бодро выводит яд из организма, — сказал Лийеман. — Эта же система, вероятно, не дает тебе до конца утратить сознание. Но прежде чем к тебе вернется хоть какая-то свобода движений, пройдет, как минимум,

минут пять — мне этого времени вполне хватит, чтобы сказать несколько прощальных слов. Не хочу просто убивать тебя, без объяснений. Ведь и в самом деле все, что делаешь, нужно делать красиво, и тогда вся жизнь станет искусством и удовольствием. Поэтому я хочу объяснить, хочу, чтобы ты понял, прежде чем сдохнешь в шаге от своей Великой Цели. Раньше эта Цель была и моею. Целых семнадцать лет. Всю жизнь. Огромное время. Меня зачали ради нее, родили ради нее, воспитывала ради нее, учили рада нее. Все — для того, чтобы воплотить Древнего. Интересно, в те дни, когда Аллайга прислала сюда моего отца, чтобы он прошел посвящение в Круге, а потом принял Частицу — интересно, испытывал ли он те же чувства, которые испытывал я? Изумление перед разнообразием мира, поразительный, густой аромат человеческих отношений, который бьет в голову, как… — Лийеман сжал кулак и на секунду задумался, подыскивая подходящее сравнение. — Как крепкое вино. Отношений, которые привязывают к себе как наркотик. Ненависть, любовь, страсть, вожделение. Я и не представлял, в каком тусклом, бесцветном мире жил до тех пор, пока, его не раскрасили этими красками. Миналь влюбилась в меня и захотела, чтобы я на ней женился. Я ответил, что постель — это еще не повод. Ба! Я и не ожидал, что возможен такой шквал эмоций. Она чуть не выцрапала мне глаза. Пожалуй, я все-таки женюсь. Это должно быть что-то с чем-то. Обиды на пустом месте, бессмысленная ревность, беспричинный гнев — это же просто великолепно! Меня семнадцать лет держали на голодном пайке, все было разумно, взвешенно, целесообразно, предопределенно… Боги мои, какая скукотища! А теперь меня будто вводят в королевский дворец, где все столы уставлены изысканными блюдами, и каждое следующее блюдо — восхитительнее и желаннее предыдущего. Я готов петь оды людскому вожделению, славить действия без причин, поклоняться совершеннейшему хаосу их сердец! Это так здорово. Так необычно. Я раньше такого не видел. Человеческий мир — это царство абсурда. Я не хочу возвращаться туда, вде все понятно и предельно просто — нет, пусть лучше все будет сложно и непонятно. Так интереснее. Конечно, — Лийеман кивнул Фольгорму так, как будто бы тот пытался возразить. Но возражать Фальгорм не пытался, он просто дергался, захлебываясь собственной кровью, которая, перемешавшись с кусочками пережеванной пищи, по пищеводу проникла в горло и наполнила рот. — Конечно, ты можешь возразить, что мне известна только текущая ситуация, а вот когда я приму Частицу и тем паче когда будет наконец воплощен Древний — все изменится, я испытаю то, чего не испытывал никогда. Глядя на своих родителей… Хотя мне их

сложно назвать «родителями», посмотрев на семьи в Кильбрене, я понимаю, что у меня-то самого семьи никогда не было и близко, были два воспитателя, которые сначала заделали меня, а потом учили, подготавливая к моей грядущей, чрезвычайно важной роли. Так вот, глядя на Аллайгу и Кариглема, да и на тебя, неудачник, и сравнивая вас с теми, кто нисколько не озабочен служению нашему Великому Делу, я сильно сомневаюсь в том, что мне нужен этот опыт. Потому что есть у меня подозрение, что это и не опыт вовсе, а лишение опыта, превращение в некую функцию, детальку самодвижущегося механизма. Может быть, это и есть Цель. Может быть, так и надо. Может быть, я просто разучился понимать самоочевидные вещи. Но! У меня лишь один вопрос Вот Древний придет и переделает все по-своему. Сожрет этот мир, займется другими. А что будет вместо театра абсурда? Голая сцена? Очевидно, да, ведь не драма же и не комедия нас ожидают в том миропорядке, который он тут заведет. И что в итоге? Где я в этом замечательном царстве найду вожделеющих юных красоток, ждущих, чтобы такой галантный кавалер, как я, обратил на них внимание? Где я отыщу — там, где все едино, где все во всем и нет ни страстей, ни конфликтов — дворянчиков, ненавидящих меня самой лютой, искренней ненавистью за то, что я посмел понравиться вышеупомянутым красоткам больше, чем они? Где я найду предательства, интриги, эстетику смерти и боли, верную дружбу, честь, ревность и презрение? Ты хочешь вызвать Древнего, а ведь я еще не успел трахнуть всех симпатичных девушек в Геиле — в своем ли ты уме?!

Фольгорм на этот прочувственный патетический монолог так ничего и не ответил. Не мог, да и вряд ли он вообще его слышал. Он все-таки сумел повернуть голову на бок и изверг на пол целый поток крови. Лийеман встал.

— Похоже ты приходишь в себя, мой друг. Меня так и подмывает посмотреть, как работает твое регенерационное заклятье. Врастет ли ножка стула в твой живот или нет? Впрочем, это все глупости. Пора заканчивать. Он поднял меч. Фольгорм попытался убрать голову, и поэтому первый удар вышел не совсем удачным. Лийеману пришлось ударить еще раз, прежде чем он сумел перерубить шею. Чтобы голова не валялась без дела, он водрузил ее на стул, с которого только что слез сам и который сейчас дрожал и трясся в силу того, что одна из его ножек по-прежнему была плотно утоплена в содрогающемся в агонии теле Фольгорма. Лийеман полюбовался созданным натюрмортом и с затаенным предвкушением подумал, что у Дэвида в душе наверняка возникнет потрясающий коктейль из эмоций, когда он все это увидит. Для него ведь так важна вся эта

человеческая ерунда.

Лийеман подошел к пленнику, изучил заклятье и снял его. Особо сложных плетений Фольгорм не создавал — было просто незачем.

Похлопал Дэвида по щекам, приводя в сознание. Землянин открыл глаза. Все плыло, но потихоньку обретало ясность.

— Что произошло?…

Лийеман помог ему сесть. С нежной заботливостью поддержал друга… при этом ненавязчиво развернув его лицом в направлении композиции из фольгормова тела, его головы, большой лужи крови и самого обычного стула.

— О Господи!.. — Дэвид содрогнулся, землянина едва не вырвало. — Это ты его?… Что произошло?!

— Это долгая история, — вздохнул Лийеман. — Вставай. Пойдем, съедим чего-нибудь. Там еще есть одна чистая тарелка. Мы с Фольгормом перекусили, но я так и не наелся. Заодно и поговорим. Как это принято у нас в Кильбрене.

18

Немногим позже Лийеману пришлось повторить свой рассказ еще раз — для Идэль. Принцесса захотела подтверждений, что все произошло так, как он говорит. В то, что любимый дядюшка был Причащенным, она не могла поверить. Возникла идея просмотреть тот участок информационного поля, в котором отпечатывались события, происходившие в малой столовой Холгомияра — это сразу многое бы прояснило. К сожалению только, Дэвид и Идэль данным видом магии владели еще очень плохо, а здесь требовалась работа специалиста. Пришли к мысли пригласить кого-нибудь со стороны. Дэвид предложил Тахимейда, Идэль — Вилайда…

— Не советую, — сказал Лийеман. — В ходе нашего разговора с Фольгормом он упоминал о вещах, которых посторонним лучше не знать. В частности, о том, что Дэвид прошел Круг далеко не самым обычным способом. Он не высокорожденный по происхождению.

Идэль закусила губу. Она не хотела верить, но если Лийеман лжет, откуда он мог узнать то, что в Кильбрене было известно только троим — ей, Дэвиду и Фольгорму? Дядя рассказал об этом одному из ее дворян?

Но зачем? В любом случае выходило, что их связывали какие-то близкие отношение — а это обстоятельство, в свою очередь, меняло всю картину в целом.

Лийеман упомянул еще несколько моментов, знать которые он никак не мог — если только не был тем, за кого себя выдавал. Подробно описал путь Частицы, которую Вайдер пытался поднести приору: из лабораторий Джейбрина — в тайное убежище Севегала, из убежища, после того как там побывала Идэль, — к Вомфаду, из кабинета военного министра — к Фольторму. Идэль была убита рассказом о том, что за исчезновением Севегала и Йатрана стоял человек, которому она доверяла.

— Моя госпожа, это уже не тот Фольгорм, которого вы знали когда-то, — сказал Лийеман. — После Причащения он стал совсем иным существом, лишь внешне похожим на себя-прежнего. Он и вас пытался сделать Причащенной, как только вы прибыли в Кильбрен. На первом же общем обеде он дал вам Частицу, подложил ее в ваше вино или блюдо. Но вы бессознательно отвергли предложенное, такое иногда происходит — хотя, вероятно, следующие несколько дней стали для вас не самым лучшим временем… Не так ли?

Идэль сдалась. Она больше ничего не говорила. Она поняла, что Лийеман не лжет, требовать каких-то новых подтверждений было бы бессмысленной суетой. Идэль покинуто и безмолвно сидела в кресле, а по ее щекам текли слезы. Человек, который был ей дорог, оказался чудовищем — мало того, именно он был ответствен за смерти еще двух других, не менее близких людей. У Дэвида душа выворачивалась наизнанку, когда он смотрел на свою невесту. Страдание, которое она испытывала, он переживал как свое. Невыносимо было видеть ее плачущей. Но все же он чувствовал, что с утешениями сейчас лучше не лезть, открыл шкатулку, отданную ему Лийеманом, и спросил, глядя на два затвердевших комка земли:

— Как такое можно проглотить, не заметив?

— Чарами, которые изменяют свойства вещей, — с легким недоумением пожал плечами Лийеман — для него это решение было очевидным. — Можно сделать Частицу невоспринимаемой зрительно, на вкус или тактильно. Не такое уж сложное заклинание.

— Но тогда тот, кому это подложили, увидит энергетическую структуру заклятья…

— Только в том случае, если заклятье висит на предмете, сообщая ему необходимые свойства. Тогда, если заклятье снять…

— …вещь восстановит свои свойства. Так, я, кажется, понимаю. Ты хочешь сказать, что Частица не находится под постоянным действием заклятья, а сама преобразуется?

Лийеман кивнул.

— Как можно избавиться от этой пакости? — с омерзением спросил Дэвид.

— Распылить землю и развеять по воздуху.

— Так просто? Что-то не верится. А если кто-нибудь вдохнет эту пыль?

— Ничего не будет. Сама по себе — это обычная земля. Частица привязана не к материи, а к целостности. Разрушь целостность, распыли или испари землю — и оборвутся последние две ниточки, связывающие Древнего с нашим миром.

Дэвид так и сделал. Вышел из особняка, сотворил Огненную Сферу и переместил туда шкатулку вместе с ее содержимым. Ничего не осталось, кроме дыма, которым Дэвид, несмотря на все уверения Лийемана, все-таки постарался не дышать.

Вернулся в гостиную.

— Если вас удовлетворили мои объяснения, — сказал Лийеман, — мне бы хотелось знать, будет ли мне позволено пройти инициацию в Рунном

Круге? По крови я…

— Думаю, препятствий не возникнет, — поспешно сказал Дэвид. Он смотрел на Идэль, по-прежнему неподвижно и безмолвно сидящую кресле, и не имел ни малейшего желания продолжать разговор с наследником Кариглема и Аллайги. — Сейчас не будем об этом говорить. Я благодарен тебе за то, что ты сделал, но сейчас оставь нас, пожалуйста.

Лийеман поклонился и вышел. Дэвид подошел к принцессе и сел на пол у ее ног. Щемящее чувство нежности заполнило сердце. Он отдал бы все на свете, чтобы печаль или горе никогда больше не омрачали ее душу, чтобы эти прекрасные глаза никогда больше не знали слез. Он взял ее за руку и улыбнулся, передавая женщине, чья душа была сращена с его душой, свою веру в лучшее будущее, свою надежду и любовь. Прошло совсем немного времени, и она улыбнулась в ответ.

Надо было что-то делать с ключом приора, который Дэвид носил в себе вот уже почти месяц, даже не подозревая, что именно он «подцепил» в Источнике, кроме того, о смерти Фольгорма должны были узнать и другие высокорожденные. Эти два обстоятельства все-таки побудили его обратиться к Тахимейду: требовался системный маг высочайшего уровня, способный, не повреждая гэемон Дэвида, обнаружить и извлечь ключ. Доверять Тахимейду в этим вопросе приходилось по необходимости — ни Идэль, ни Дэвид сами обнаружить и извлечь ключ не могли. Конечно, можно было пустить все на самотек, но в этом случае министры рано или поздно поднимут вопрос о «похищенном» ключе и в конце концов — найдут того, у кого он находится. Также было понятно, что если инициатива изъятия ключа будет исходить со стороны, имеются неплохие щансы на то, что землянина просто убьют, вернув таким образом ключ приора в Источник самым простым способом из возможных.

Тахимейду была изложена слегка отредактированная версия событий — в частности, вопрос о том, как Дэвид сумел получить ключ, остался без ответа. Договорились врать о том, что они и сами об этом не знают: Фольгорм-де был уверен в том, что ключ у Брендома, но о причинах своей уверенности Лийеману рассказывать не захотел. Тахимейд пригласил их прибыть в свой замок, Идэль, однако, настояла на том, чтобы исследования проводились на ее территории — лучше всего в особняке. Тахимейд возражал, но в конце концов был вынужден согласиться.

Его появление в особняке произвело фурор, поскольку прибыл он не один, а со своим «покойным» дедом Ксейдзаном.

Ксейдзан казался очень довольным собой. Когда первоначальный шок прошел, Идэль нецензурно выругалась.

— …что это, черт возьми, значит? — закончила она свою длинную и труднопереводимую тираду.

— Я восхищен вашей непосредственностью, принцесса, — Ксейдзан чуть наклонил голову.

— Вы ведь умерли, — напомнил Дэвид.

— Ты видел труп?

— Я — нет, но Тахимейд…

— Это была игра, Дэвид, — сказал Ксейдзанов наследник. Тахимейд улыбался — юный и ловкий паук, сопровождающий паука старого и мудрого…

— Предвыборная борьба создала равновесие между тремя партиями, нарушить которое одной из партий было непросто. Вомфад не мог просто напасть на Кетрава — он был вынужден оглядываться на нас. Ведь любой из трех партий было выгодно, чтобы две другие сцепились на смерть. И уже неважно, кто победит, потому что следующим ходом победителя добьет та партия, которая оставалась в стороне, сохраняя силы. «Смерть» моего деда развязала Вомфаду руки. Удара со стороны Гэал он мог больше не опасаться и немедленно атаковал Кетрава. Фольгорм на несколько дней выбыл из игры, Декмис погиб.

— А вы в это время планировали убийство Вомфада?

— Он нарушил закон, Дэвид, — произнес Ксейдзан. — Я не говорю про убийства — за то, что он сумел раздавить Кетрава, этого предателя, змею, которую я пригрел на своей груди, я ему искренне благодарен. Вомфад нарушил закон, заставив министров отдать ему ключ до выборов. Пусть у них ничего не вышло — важна сама попытка. Он пренебрег нашими обычаями, и это многим не понравилось. Будь он один — а он думал, что остался один — он, скорее всего, стал бы приором. Но тут он ошибся. И сам расчистил мне дорогу.

— А теперь все стало еще проще, не так ли?

Ксейдзан кивнул.

— Даже не придется штурмовать Старый дворец, арестовывать Вомфада или предпринимать еще что-либо. Все решилось естественным путем.

— У вас проблемы внутри клана, — сказала Идэль. — Не сегодня-завтра будет собрание, на котором настаивала Сайрин. Учитывая, что под угрозой находится твой статус претора… тебе будет очень непросто получить золотую цепь приора.

— Ты все еще не понимаешь? Это была часть плана, — Ксейдзан усмехнулся. — Сайрин снеслась с Кетравом по моей указке. Она

проголосовала за него для того, чтобы создать иллюзию разлада в Гэал. В этих условиях моя смерть была вполне естественной: Кетрав своим «тайным оружием» устраняет основную причину, мешающую Сайрин занять место главы клана, а затем Гэал занимается своими внутренними делами и выходит из игры. Достаточно убедительно, чтобы Вомфад поверил.

— Все поверили, — негромко произнесла Идэль.

— Может быть, мы пройдем куда-нибудь… Где у тебя гостиная?… И поговорим более обстоятельно? — предложил Ксейдзан. — Мой внук в это время посмотрит, что можно сделать с твоим женихом.

— Хочешь сразу получить ключ?

— Он ведь и так мой, ты ведь понимаешь. Больше просто некому его взять. Ну не Хаграйду же ты собираешься его отдавать.

Претор и принцесса ушли пить кофе, а Дэвид и Тахимейд остались в заклинательных покоях особняка. Тахимейду потребовалось около четырех часов работы, чтобы обнаружить и извлечь ключ.

Кильбренийские дома, и без того потерявшие уже немало своих представителей, продолжали сокращаться. За те немногие дни, которые прошли от визита Ксейдзана и Тахимейда в особняк принцессы Идэль и до дня, когда состоялась свадьба Идэль и Дэвида, погибли еще двое — Хаграйд и Майдлар, при том их убийства, которые хотя и не были никак связаны между собой, по совпадению произошли практически одновременно, в один и тот же час. Вилайд, рассчитывая на поддержку «воскресшего» Ксейдзана, решился-таки на месть. О том, что именно Хаграйд, заключивший союз с Кетравом, виновен в смерти Дифрини и Дагуара, а также всех их приближенных, в доме Ниртог, уже давно знали, В клане началась междоусобица. Часть младших высокорожденных отвернулась от Вилайда, другие же, слишком разозленные на Хаграйда и его партию, напротив, к Вилайду примкнули. Вместе с тем, как это и предсказывали, уже в самом начале противостояния в лагере наследников. Хаграйда начался раскол — и сын Хаграйда Нерамиз, и племянник Хаграйда Фэбран равно претендовали на первенство. Ксейдзан, действительно, поддержал Вилайда — ведь тот оказал ему немалую услугу, устранив последнего, пусть и не самого опасного, соперника. Было очевидно, что Ниртог, целиком увязший в своих проблемах, еще очень и очень долго не будет участвовать в борьбе за приорат. То же самое можно было сказать и о Кионе. До самого последнего времени — мощнейший клан в Кильбрене, теперь он состоял всего лишь из четырех человек. Из шести, если считать Дану, все еще не прошедшую посвящение и Финейру,

давным-давно перешедшую в Ниртог. Из многочисленного потомства Джейбрина выжили только Идэль — самая юная из высокорожденных, не успевшая еще стать чьим-либо смертельным врагом, и Смайрен — может быть, самый мудрый политик в Кильбрене, не вмешивавшийся вообще ни во что. На следующий день после гибели Майдлара его убийца пришел в особняк принцессы Идэль. Без предварительной договоренности, без сопровождения, даже не задавая вопроса о том, хотят ли здесь его вообще видеть? Эрдан действовал с подкупающей простотой. Вел он себя, впрочем, прилично. Смиренно подождал в приемной под бдительным оком немного обеспокоенных его присутствием дворян, пока принцессе докладывали о его появлении. Обеспокоенность дворян можно было понять: о том, что на руках этого визитера — кровь Вомфада, первого меча Кильбрена, широкой публике уже было известно. И предположение о том, что он пришел сюда для того, чтобы убить последнюю (не считая Смайрена) представительницу семьи, ответственной за уничтожение его собственного рода, выглядело вполне вероятным. А заодно и всех тех, кто попытался бы ее защитить. С учетом этой возможности немедленное бегство предполагаемой жертвы представлялось действием вполне разумным… Но убегать Идэль не стала — не позволяла гордость.

Она вошла в приемную во главе своей свиты — многочисленной и вооруженной, обвешанной Тальдеарами, готовой в любую секунду обрушить на противника самые грозные из своих заклинаний… Внушительное зрелище, если не знать подлинной расстановки сил. Эрдан встал и элегантно поклонился. Он казался бы самим воплощением смирения, если бы не легкая улыбка, которую он так и не сумел сдержать.

— Что тебе нужно? — ледяным тоном спросила Идэль. Ее бесило, что Эрдан прекрасно осознает свое преимущество и не скрывает этого.

— Поговорить.

— О чем?

Эрдан посмотрел по сторонам:

— Здесь слишком тесно.

Начав что-то делать, она уже не собиралась отступать. Наследник Гарабинда получил желаемую аудиенцию. Они прошли в кабинет Идэль, и свита принцессы осталась за дверью.

— До сих пор у нас не было случая познакомиться, — сказал Эрдан, усаживаясь в кресло. — Полагаю, сейчас самое время это сделать.

— Я знаю, кто ты, — ответила Идэль. — А ты знаешь, кто я. Что тебе нужно?

— От тебя? — Эрдан вопросительно приподнял бровь. — Ничего. Мне

ничего не нужно, но, тем не менее, я хочу кое-что предложить.

— Что?

— Мир. Все свои счета я оплатил. К войне, которая началась и закончилась за двести лет до твоего рождения, ты не имеешь никакого отношения. Сейчас клан ослаблен…

— И не в последнюю очередь — твоими усилиями, — процедила Идэль.

— Я должен был это сделать. Но сейчас я предлагаю мир, — терпеливо повторил Эрдан. — У тебя нет ко мне личных счетов… Или все-таки есть?

Говоря это, он внимательно следил за ее лицом — знает ли она, что именно он убил ее деда, Халгара? Вомфад догадался об этом лишь перед смертью, когда Эрдан проявил ту темную мощь, которую до сих пор скрывал. Говорят, что Фольгорм погиб через несколько часов после их дуэли — но теоретически была вероятность того, что он перед смертью успел рассказать кому-либо о том, что услышал. Из реакции Идэль он сделал вывод, что она, скорее всего, не знает.

— Ты убил Майдлара! — обвиняюще произнесла принцесса.

Эрдан прищурился.

— Он был тебе так дорог?

Идэль долго молчала, прежде чем ответить. Ей нравился Майдлар — добрый человечек, показывавший ей в детстве разные смешные и увлекательные фокусы, — но все же не настолько, чтобы враждовать из-за него с человеком… с существом, которое, если захочет, без труда убьет и ее, и Дэвида.

— Не настолько, — повторила она вслух свои мысли. Эрдан кивнул:

— Я так и думал.

— Это все?

— Торопишься меня выгнать? — Наследник Гарабинда усмехнулся.

— Нет, всего лишь интересуюсь, закончилась ли деловая часть, или ты хочешь сказать что-то еще? Если тебе хочется просто поболтать, я, честно говоря, не представляю, о чем мы могли бы…

— О будущем клана Кион, — перебил ее Эрдан. — Сейчас клан ослаблен. Все лидеры и партии уничтожены. Младшие высокорожденные дезориентированы. Мы на пороге распада. И либо этот распад будет идти своим естественным путем — чего я не хочу и чего, полагаю, не хочешь и ты — либо мы восстановим организацию. Это возможно. Причин для внутреннего конфликта больше нет. Джейбрин против Гарабинда, Вомфад против Кетрава — это все в прошлом. А чтобы начать новую главу, нам, оставшимся, нужно определиться, кто станет претором Кион.

Идэль хмыкнула.

— Метишь на место главы клана? Или сразу на место приора?

— Приором будет Ксейдзан, это ясно. Впервые за несколько тысяч лет претор Кион не будет приором. Однако претор нам нужен, и я, смотря вокруг, просто не вижу, кто еще, кроме меня, мог бы им стать. Ведь не ты же. И не Смайрен.

— Авермус, — сказала Идэль.

— Я говорил с ним вчера вечером…

— До или после того, как убил Майдлара? — издевательским тоном осведомилась Идэль.

— Сразу после, — в тон ей ответил Эрдан. — Но руки уже успел помыть. Какие еще подробности тебя интересуют?

— Спасибо, достаточно…

— Я говорил с Авермусом вчера вечером, — повторил Эрдан. — Он не хочет быть претором. Категорически. Его вполне устраивает та должность, которую он занимает сейчас Не такая нервная и намного более выгодная…

Идэль отвернулась. Она опасалась, что реакция Авермуса будет именно такой. Авермус не любил рисковать, бороться, принимать нестандартные, творческие решения. Он и в самом деле идеально подходил для своей должности — министр дворцового управления, командующий огромным штатом слуг, занятый исключительно имущественными и организационными вопросами…

— Финейра, — сказала Идэль. — Она может вернуться к нам.

— Да, Авермус тоже предполагал такую возможность, — кивнул Эрдан. — Представляешь, что будет в этом случае. С учетом того, что сейчас творится в Ниртоге, Кион будет втянут в их внутренние разборки. Все ресурсы, которые, став претором, получит Финейра, она употребит на то, чтобы помочь своему мужу Нерамизу в борьбе против Вилайда… а значит, и против Ксейдзана. Длинная, бессмысленная, изматывающая война, которая еще больше всех нас обескровит — вот что нас ждет в случае вознесения Финейры. Но зачем я об этом говорю? Столь очевидные вещи ты должна и сама понимать.

Идэль медленно кивнула. С какой стороны ни посмотри, Эрдан был прав. Избрание Финейры — которой в личном отношении Идэль очень симпатизировала — означало бы окончательный кровавый закат клана. Как отреагарует Смайрен на предложение войти наконец в большую политику, было заранее ясно, к гадалке не ходи. Смайрен с большой радостью воспримет распад клана — не будет возможности добиться власти, значит, не станут ее добиваться. А если все высокорожденные будут сидеть в

своих замках и разводить пчел, все междоусобные войны прекратятся сами собой, и на земле наступят мир да любовь. Мечта…

Итак, Смайрен отпадал. Формально права могла предъявить она сама, но было даже не смешно. Она не способна — и не будет способна еще много-много лет — заниматься этой работой. Да и желания нет. Значит…

Идэль посмотрела на своего гостя и сказала:

— Хорошо. Ты меня убедил. Я поддержу тебя на внутриклановых выборах.

19

Свадебная церемония проходила в храме Ёрри Аскальвери — второе имя, относимое к одному из атрибутов богини, можно было бы перевести как «ведущая по пути», «путеводительница». Всякое свойство есть постоянное, неизменное действие рассматриваемого объекта на того, кто воспринимает его; истекающие от объекта энергии — та их часть, что не меняется со времени, либо, по крайней мере, остается постоянной достаточно долго время — начинают осмысливаться субъектом как сущностные свойства воспринимаемого. Вещи, лишенные осознания, лишены, соответственно, и возможности управлять своими энергиями; люди и животные могут до известной степени управлять некоторой их частью — так, обычный человек не может усилием воли изменять цвет своей кожи и форму конечности, но может совершить рукой произвольное движение; маги существенно расширяют границы управляемых энергий — то, что для обычного человека является неизменным свойством его самого, которое дано и с которым ничего или почти ничего нельзя сделать, для мага становится лишь одним из возможных состояний. Степень осознания своей природы у богов и Обладающих Силой еще больше и глубже, у Владык она абсолютна. В силу этого постоянные энергии, излучаемые божеством, хотя и мнятся людьми его природными свойствами — то есть тем, что в человеческом мире дано и не поддается или почти не поддается никаким изменениям — целиком определены волей божества, которая неизменна не потому что вынуждена, а потому, что определена им самим. Это означает, что свойства божества не есть в точности то же самое, что свойства человека или предмета — хотя свойства божества и неизменны, но, поскольку они определены его волей и являются по существу постоянными осознаваемыми действиями, божество в каждом из этих действий присутствует непосредственно, и образ производимого действия всегда есть образ самого божества, его лик, в котором оно себя являет. А поскольку у большинства богов постоянных действий несколько, и каждый из образуемых действиями ликов отличен от других — поклоняющиеся этому богу склонны усматривать в каждом из ликов его собственную индивидуальность, некоторым уникальным образом выражающую непостижимую для человека божественную сущность. Часто доходит до того, что эти лики окончательно персонализируются и становятся

божествами более низкого порядка, вестниками и выразителями воли своего господина. Хотя это и может показаться людской глупостью, на деле, однако, верующий теснейшим образом связан со своим божеством, и поэтому процесс оформления вестников и аватар бога — не случаен. Реальность задается восприятием, а всякое действие — всегда взаимодействие, приняв во внимание эти два принципа магии, легко понять, что «выделение» из божества его вестников и аватар есть процесс со-творчества, двухстороннего действия как самого божества так и тех, кто ему поклоняется. Однако это — идеальная схема, на деле же положение осложняется тем, что, помимо бога и верующих, всегда есть другие боги и другие верующие, пересечение их воль нередко вызывает эффекты, которых никто не желал и не ждал. В силу этого обстоятельства у божества могут образовываться такие образы, которые ему чужды и неудобны, может быть и так, что прежнее божество вовсе теряет контакт с группой людей и заменяется новым божеством, которое по своему происхождению некогда было лишь образом, отражением того, кого после, набрав силу, изгнало. Взаимодействия в мире богов чрезвычайно сложны и интересны, но для подробного рассказа об этом здесь нет места. Достаточно сказать лишь, что сложный образ Ёрри Аскальвери как бы застыл на переходной стадии от атрибута богини к ее аватаре — некоторая самостоятельность Аскальвери хотя и наметилась в ходе развития Ёррианской религии в Кильбрене, но была еще слишком незначительна, чтобы претендоватъ на полноценную индивидуальность. В хеллаэнской шутке «боги размножаются почкованием» помимо сарказма содержалась немалая доля истины.

Храм Ёрри Путеводительницы — далеко не главный храм кильбренийской богини, не самый крупный, хотя и один из самых богатых и красивых — уже не одно столетье служил тем местом, где чтящие богиню высокорожденные приводили под ее благословление своих детей, женились и поминали умерших. Этот храм был выделен среди остальных тем, что обслуживал исключительно элиту кильбренийского общества, рабы и простолюдины сюда не допускались вовсе, дворяне — только в свите своих господ. Кильбренийское общество делилось на касты, и Ёррианство благословляло этот порядок — впрочем, оно, как и подавляющее большинство религий, с той же легкостью благословляло бы и любой другой общественный строй при условии что власть имущие предоставят Ёррианскому священноначалию мало-мальски удобное и сытное место. Внутри святилища все было великолепно убрано и отделано, все в золоте и серебре, рисунок источающего легкое благоухание пола

выложен из пород редчайших деревьев, священные статуи и изображения усеяны драгоценными камнями. Ритуал совершала жрица, чье положение в Ёррианском культе приблизительно соответствовало сану архиепископа в рамках той религии, к которой — пусть и чисто формально — до последнего времени принадлежал землянин Дэвид Брендом. Церемония была обставлена очень пышно — торжественные поздравления, молитвы, окуривания, благословления, особенные ритуальные подарки, которые полагалось подносить только в храме, и прочая, и прочая — все вперемешку. Дэвид и Идэль стали супругами после того, как кольцо, сплетенное из их волос, было сожжено на особой жаровне, дым которой они должны были вдохнуть. Храм был заполнен множеством людей, присутствовало немало высокорожденных — в основном, из младших семей клана Кион, хотя тут были и гэальцы, и даже будущий приор, занявший «скромное» место в первом ряду. Ксейдзан, чье отношение к Дэвиду существенно улучшилось после добровольной отдачи последним приорского ключа, согласился признать землянина своим «внучком», и в ходе бракосочетания Дэвида объявляли как полноправного члена этого клана. Присутствовали родственники Идэль из клана Ниртог и какая-то мелкая сошка от аминорцев; учитывая, в каких отношениях Идэль находилась с последними, хорошо было уже и то, что вообще хоть кто-то пришел. За спинами высокорожденных, на средних и задних рядах — высшее дворянство Кильбрена, герцоги и графы. Когда все закончилось, под торжественные звуки труб Дэвид и Идэль направились к выходу из храма. За дверьми они остановились, встреченные восторженными криками тех, кто не имел возможности видеть церемонию: небогатых дворян, слуг и атта — их было в несколько раз больше, чем тех, кто находился внутри. Аристократы покидали храм и, обходя новобрачных, смешивались с теми, кто до сих пор стоял снаружи; Дэвида и Идэль в это время осыпали цветами. Они должны были постоять на пороге храма несколько минут — считалось, что новобрачные на некоторое время получают от богини особые мистические дары, и те, кто любил, но не имел взаимной любви, подходили к ним для того, чтобы получить благословление, надеясь, что от щедрот богини немного достанется и им тоже, и сердце неуступчивой избранницы (или избранника) смягчится.

За всей этой пасторалью с легким отвращением наблюдал Кантор кен Рейз, устроившийся на крыше одного из зданий, окружавших храмовую площадь. Он видел, как Дэвид и его невеста входили в здание, но тогда все произошло слишком быстро и он не успел прицелиться. Кантор терпеливо прождал несколько часов, поглядывая на людей вишу, поглаживая арбалет

и внимательно следя за дверями. Новобрачные вышли и задержались на выходе — очень хорошо. Кантор прицелился. После того, как он взял Арбалет Ненависти, с его душой что-то произошло — с одной стороны, она как будто оцепенела, с другой — будто бы зажила какой-то новой, неведомой жизнью. «Убивает сердце, а не рука» было начертано на одной стороне станка, а на другой — «Мои стрелы — в колчане души». Второй надписи Кантор раньше не видел, он обнаружил ее лишь после того, как забрал артефакт из сокровищницы, но не нашел в этой надписи ничего удивительного. Конечно, обычные стрелы для такой необычной вещи никак не годились. Желобок для болтов был пуст, но кен Рейз обнаружил, что стоило ему только подумать о том, кого он собирается убить, как в арбалете сам собой возникал снаряд — сгусток черноты, почти мгновенно обретавший форму острого, похожего на большую иглу, болта.

Кантор знал, что такое оптический прицел — у некоторых технологических штучек в отцовском хранилище имелись эти устройства — нечто подобное было и у того оружия, которым он собирался воспользоваться. Нет, не трубка со стеклами — зачем помещать на оружие дополнительную вещь, если можно поместить ее свойства? Эффект тот же, и места не занимает. Когда Кантор, держа оружие в руках, смотрел сквозь прицел на площадь, то видел тех, кто находился там, так же ясно, как если бы стоял с ними рядом. Он понимал, что сам арбалет имеет физическое воплощение лишь потому, что Сагарус создавал это оружие для людей — людям было удобнее держать в руках что-то весомое, ощутимое; по сути же Арбалет был лишь сгустком Силы низвергнутого Лорда, воплощением его желания и воли.

Время как будто растянулось. Кантор не спешил приводить в действие спусковой механизм, смакуя этот момент. Он четко видел лицо своего врага — как всегда, тупое и самодовольное: физиономия зазнавшегося смерда, вознесенного из грязи на вершину славы благодаря счастливому стечению обстоятельств. Дэвид слишком много воображал о себе, не понимая, что его подлинное место — там, внизу, среди дебилов, крестьян и прочих полуживотных. В этой размазне нет настоящего внутреннего стержня, есть лишь его имитация, подпитанная парой выигранных боев и целой горой везения, а сам он — ничто, пустышка, и этого никак не изменить, чтобы он не делал и каких бы высот не достиг. Все его достижения — лишь пародия на настоящее восхождение, жалкая имитация пути, пройти который способен лишь человек, имеющий подлинную внутреннюю гордость. Настало время поставить зарвавшегося раба на место.

Кантор перевел взгляд на Идэль. Сердце болезненно сжалось. Как она красива… И хороша в постели, надо добавить — он прекрасно помнил то время, когда они были вместе. Конечно, она не заслуживает большего, чем быть просто одной из многочисленных подружек Кантора кен Рейза — но, увы, и она не понимала, где ее место. Во вселенной, похоже, царит эпидемия тупости, если вчерашние рабы мнят себя господами, если женщины бросают таких, как он, Кантор, и прилепляются к размазням вроде Брендома. Ты сделала мне больно, девочка, и мне придется сделать больно тебе. Да, этого не избежать, нет, никак не избежать… Кантор представил, каким будет ее лицо, когда ее новоиспеченный муженек сдохнет у нее на глазах — раньше надо было думать, моя сладкая, раньше!.. Твое иллюзорное обывательское счастье лопнет, как мыльный пузырь, как только в него войдет нечто подлинное, и имя этому подлинному — боль и смерть; кричи от страха, проси и плачь, не в силах отвести глаз от черной тени, вошедшей в твой мир — ничего не изменить. Мир — это не сказка, моя дорогая принцесса Идэль, и сейчас ты это поймешь…

Думая так и наслаждаясь моментом — самым счастливым моментом во всей его жизни, Кантор перевел взгляд обратно на Дэвида и, улыбаясь, выстрелил.

Сначала Дэвид не понял, что произошло. Идэль стояла справа от него, но он смотрел не на нее, а на очередного юношу, преклоняющего колено для того, чтобы получить благословление. Аналогичная очередь, только состоявшая не из юношей, а из девушек, выстроилась к Идэль. Молодых людей обоего пола, сохнущих от несчастной любви, было еще около дюжины; пара минут — и все, можно идти дальше, садиться в карету и отправляться во дворец, где, в Большом Пиршественном Зале их ждал заставленный деликатесами стол на полторы тысячи персон… Дэвид ощутил внезапную слабость и пустоту в груди за секунду до того, как толпа ахнула и заколыхалась — людское море из лиц и тел. Кто-то с ужасом смотрел за спину Дэвиду, другие спешно оглядывались по сторонам, будто выискивая что-то в окнах домов, окружавших площадь. Звуки окружающего мира пробивались к Дэвиду словно сквозь вату — он понимал, что что-то произошло, но пустота, образовавшаяся в нем, не давала мыслить связно. От него будто бы отрезали — легко и просто, единым движением всемогущего хирурга — половину тела, и он еще не успел ни испугаться, ни даже понять — какую… Он повернулся и увидел, что Идэль наполовину лежит, наполовину сидит на земле, безвольно запрокинув голову. Стоявший за спинами новобрачных Ксейдзан едва

успел подхватить ее и спешно накладывал какое-то исцеляющее заклятье. Дэвид бросился к своей невесте… к жене… ее тело оставалось целым, но то, что он видел магическим зрением, было ужасно. По гэемону стремительно расползалась чернота, каналы и чакры истлевали, энергетические связки рвались, структура поля разваливалась с катастрофической скоростью. Он присоединился к Ксейдзану и сделал все, что мог, чтобы остановить распад; через несколько секунд к ним присоединилось еще двое высокорожденных. Другие окружили это место всеми возможными защитами, а третьи, заметив наконец стрелка, бросились к нему — но Дэвид не думал ни о защите, ни о мести. Счет шел на секунды, гэемон распадался неимоверно быстро, обычные заклятья лечения он и не пытался применять — и так было видно, что они окажутся тут совершенно бесполезны. Он полоснул кинжалом по ладони и начертил на каменных плитах монограмму, действуя со скоростью и точностью, которые прежде расценил бы как «невозможные»… Он увидел растекавшуюся по жилам Идэль порчу, его заклинание — самое лучшее и совершенное из всего, что он когда-либо создавал — впитало этот яд, распад остановился… так ему казалось почти целую секунду. В прямом столкновении Искусство — ничто против Силы, поскольку Сила определяет те границы, внутри которых делается возможным Искусство. Впитавшее порчу заклинание перестало повиноваться Дэвиду, оно деформировалось, еще продолжая действовать, оно начало действовать иначе. То, что должно было послужить средством для спасения Идэль, стало частью убивавшего ее волшебства — Сила захватила заклятье и переработала его под себя. Ксейдзан, чей уровень познания в магии был неизмеримо выше, столкнулся с аналогичной проблемой. Он применял тончайшие и совершеннейшие конструкции, баланс которых был выверен до предела, сложнейшие комбинации Стихий и Форм, способные, казалось бы, остановить и повернуть вспять абсолютно любое воздействие — бесполезно. Заклятья, попадая в поле действия Силы, либо разрушались, либо менялись, преобразуясь в составляющие части разрушительного процесса. У них не было ничего, что они могли бы противопоставить магии, которая убивала Идэль.

Гэемон истлел менее чем за минуту. Физическое тело — лишь зримый образ некоторой части энергий, источаемых природой существа; когда человек умирает и его душа покидает мир, в котором она обитала прежде, часть низших энергий еще продолжает существовать в мире в виде остаточного следа того, кого здесь больше нет. Обычный человек видит труп, мертвое тело; маг способен увидеть эфирный труп, остатки гэемона,

задержавшиеся в метамагическом поле планеты — но и то, и другое есть лишь слабеющий образ ушедшего, образ, сформированный его энергиями, источник которых удален. Обычно тело остается, но разрушения, причиненные Арбалетом Ненависти, были столь обширны, что истлело все, в том числе и те низшие энергии, которые образуют видимость плотного тела. Идэль рассыпалась в руках обнимавшего ее Дэвида, как прах, мельчайший пепел; дуновение ветра — и тело стало осыпаться, по ходу превращаясь в дым, который таял в воздухе почти мгновенно. Еще несколько секунд — и на руках у Дэвида не осталось ничего, не было даже праха… как будто бы принцессы Идэль-лигейсан-Саутит-Кион никогда не существовало вовсе. Дэвид посмотрел вокруг. Его взгляд был безумен. Разум, сердце, воля — все в нем отказывалось принимать произошедшее. Не может быть так, чтобы той, которую он так любил, той, которая была для него всем, самой жизнью, — больше нет. Это невозможно. Неправда.

Он попытался встать, но пошатнулся и упал на спину. Мир стал багровым, перед глазами заплясали цветовые пятна. Он еще дернулся, открыл рот, чтобы сказать — или прокричать — что-то, но так и не сумел выдавить ничего, кроме сипения. Не супергерой — обычный человек, неспособный справиться с тем, что на него свалилось. Затем багровые цвета усилились, хоровод огней и бликов завертелся с сумасшедшей скоростью, и Дэвид потерял сознание.

У Кантора был шанс уйти невредимым. Шанс, прямо скажем, небольшой, но все-таки таковой имелся. Если бы только он смылся по волшебному пути сразу после выстрела, все, быть может, и обошлось бы. Конечно, его стали бы преследовать, но он мог бы… Впрочем, что толку обсуждать упущенные возможности? Кантор кен Рейз этого не сделал, вот что главное. Как и Дэвид, поначалу он тоже слегка растерялся и даже протер глаза, не веря в случившееся. Он стрелял в Дэвида. Почему тот еще на ногах? И почему упала Идэль? Что за чертовщина? Кантор тупо посмотрел на Арбалет. Может, выстрела вовсе не было? Но желобок был пуст и отпущенная тетива еще мелко вибрировала. Бракованное изделие? Болт отнесло ветром? Нет, в это невозможно было поверить. Арбалет создал Обладающий Силой. Этим все сказано.

Потом до него дошло. Как-то вдруг и сразу. Он понял, в чем была ошибка. Собственная глупость и невозможность что-либо исправить — там, внизу, началась суета, и Дэвида, опустившегося на колени перед умирающей принцессой, заслонили какие-то люди — почти мгновенно довели его до кипейия, он полностью утратил контроль над собой. Он взял предмет, который так коварно подвел его в самый решительный момент, и

что было силы треснул им по поребрику. Даже обычный арбалет сломать таким образом не так-то просто — но Кантор, уроженец Хеллаэна, был сильнее и быстрее обычного человека в несколько раз — и силы ему хватило. Впрочем, следует заметить, что, как бы ни был он силен, одних только мускулов для того, чтобы разрушить Предмет Силы, было недостаточно. Однако этот артефакт был сделан таким образом, чтобы, используя чужую ненависть, убивать; неописуемая же злоба Кантора кен Рейза в тот момент, когда он бил уникальным предметом по камню, целиком и полностью направлялась на этот же самый предмет.

Ну еще бы… Не самого же себя ему бить по голове за столь вопиющую оплошность! Арбалет послушно убивал того, к кому была обращена ненависть стреляющего. Кантор целился в Дэвида, но мучил в этот момент в своих мыслях Идэль, воображая, как она будет страдать после смерти своего мужа… Арбалет, полуживое порождение Силы, мыслями стрелка ничуть не интересовался, в момент выстрела имели значение лишь определенные чувства и — адресат этих чувств. Думая об Идэль, Кантор сам развернул ту стрелу ненависти, которой стала его душа, к ней, а не к Дэвиду. «Убивает сердце, а не рука»… Кантору хотелось выть. Чертов Сагарус! Не мог оставить внятные инструкции о том, как пользоваться его игрушками! Юный барон шел сюда для того, чтобы выполнить серьезное, ответственное дело, и ему было малость не до того, чтобы разгадывать лордские загадки! Сагарус должен был понимать, что люди берут его вещи в руки не просто так, что их волнуют не корявые надписи, начертанные вдоль станка, а вещи поважнее!.. Впрочем, что еще ожидать от Лорда? Они все — ублюдки, им доставляет извращенное удовольствие подсовывать смертным свои дары, а потом хихикать, наблюдая, как смертные обнаруживают у этих даров совершенно неожиданные свойства! Кантор проклял Дэвида, проклял Сагаруса, проклял весь этот чертов Кильбрен и Сущее в целом, проклял Идэль, которая сначала так предательски бросила его, а потом так предательски умерла в самый неподходящий момент — проклял всех. Все против него. Все ненавидят его, завидуют и втайне бояться. Последняя мысль — сколь абсурдной она не показалась бы постороннему человеку — немного успокоила кен Рейза. Нужно было выбираться отсюда. Он вернется. Обязательно. Придумает еще что-нибудь и все-таки доберется до ублюдочного везунчика. Он переломит судьбу, утвердит свою волю — так или иначе. Дэвид сдохнет. Это был уже вопрос принципа Кантор сотворил заклинание пути — но, увы, опоздал. Тахимейд уже оплел здание своей паутиной, и все волшебные дороги оказались перекрыты. Нужно было как можно скорее выбраться за пределы

территории, контролируемой кильбренийским магом. С площади, словно туча рассерженных пчел, наскоро зачитывая заклятья полета, уже поднимались в воздух дворяне и высокорожденные. Им, видите ли, не понравилось то, что кто-то посмел убить их любимую принцессу. Ба, какая неприятность!.. Но путь по воздуху был отрезан, и Кантор, цедя ругательства сквозь зубы, бросился к двери на чердак, через которую проник сюда. По лестнице топала стража, и заклятье невидимости, которое кен Рейз быстро наложил на себя, не помогло — часть стражников уже успела достать монокли, позволявшие обычным людям пусть смутно и неверно, но все же хоть как-то воспринимать мир чистых энергий. По Кантору выстрелили из спегхаты — он отмахнулся от стрелявших как от комаров, одним-единственным заклятьем разметав полтора десятка людей; дальше, вниз — на пути возник кто-то из дворян, почти не останавливаясь, Кантор прикончил и этих героев — взбесившийся медведь, прорывающийся сквозь свору собак. Но он понимал, что не успевает. Сеть, окружавшая это место, становилась все плотнее, каждое следующее заклинание давалось все с большим трудом. А между тем, тяжелая артиллерия была уже на подходе. Из межпространственного туннеля вышел Некларт, высокорожденный из младший семьи, чей Дар лишь немногим уступал Дару Кантора, а колдовское мастерство было намного выше. Учитывая сжимавшуюся сеть Тахимейда, в колдовском поединке Кантор был бы обречен; осознавая это, он прикончил Некларта без всякой магии, одним только мечом, «втиснувшись» в личное пространство высокорожденного в тот момент, когда тот заканчивал перемещение; Некларт умер, не успев выхватить оружия или защититься. Дважды побежденный Дэвидом из-за собственных ошибок и неестественного везения землянина, Кантор в тот короткий промежуток времени, пока он пробивался к выходу из здания, показал, на что способен настоящий хеллаэнец при прочих равных условиях. Он успел прикончить еще около десятка стражников и столько же дворян, тяжело ранил Сэан-узей-Вилайд и даже мимоходом отрубил голову волку-оборотню, служившему одному из высокорожденных… Кен Рейз споткнулся только на Лийемане, но, несомненно, прикончил бы и его, если бы только получил в свое распоряжение чуть побольше времени. Секунд десять они обменивались ударами, фехтуя с сумасшедшей скоростью, Кантор теснил соперника… но в этот момент колдовская паутина Тахимейда истощила наконец защиту кен Рейза, и одновременно кто-то из оставшихся стражников выстрелил из спегхаты. Кантор получил электрический удар мощностью в несколько десятков тысяч вольт и умер мгновенно; молния прожгла в его теле дыру

диаметром в три дюйма.

Возбужденный сын Кариглема и Аллайги хотел было отрезать голову убийцы для того, чтобы затем подарить ее Дэвиду — и отговортъ его от этой идеи Тахимейду удалось лишь с немалым трудом.

* * *

На измятой кровати лежали, тесно прижавшись друг к другуб два обнаженных тела. Голова Миналь покоилась на плече Лийемана, ее левая рука обнимала торс юноши, ее изящная ножка была перекинута через его ноги. Миналь была счастлива: час тому назад Лийеман предложил ей выйти за него замуж. Теперь, ей казалось, все будет по-другому — Лийеман перестанет волочиться за каждой юбкой, остепенится и начнет смотреть на жизнь чуть более серьезно. Он больше не будет мучить ее своими изменами, перестанет превращать их отношения в качели — то всепоглощающая радость, то холод и пустота оставленности. Она еще не знала, что ее будущий муж рассматривает брак как большое приключение, а предельную душевную близость двух людей — как способ выжать ее всю, до капли; он предполагал, что в браке можно будет добиться от нее таких взрывов счастья, ярости и внутренней боли, которых никогда не достичь при поверхностном знакомстве с лицом противоположного пола, и намеревался проверить это предположение. Он не отказался от реализации своего грандиозного мегаплана по соблазнению всех симпатичных девушек столицы, но отложил его до лучших времен. Нужно было копать вглубь, а не вширь, чтобы получить что-нибудь новенькое. Обыкновенный секс Лийеману уже слегка приелся.

Убийство Идэль-лигейсан-Саутит-Кион произошло три дня назад. Когда Миналь вспомнила об этом, то подумала, что совершает нечто недостойное, наслаждаясь жизнью в то время, когда ей следовало бы горевать о смерти своей госпожи. Но эта мысль пришла и ушла, не оставив следа. Нега, в которой она сейчас пребывала, поглотила целиком весь ее мир, для стыда, сомнений, забот, дворянской верности и прочего уже не осталось места. Однако признаться себе в этом она не могла и произнесла — прежде всего для того, чтобы обмануть саму себя:

— Я чувствую себя такой виноватой… Вассал не вправе быть счастливым до тех пор, пока продолжается траур по его господину… по госпоже…

Лийеман знал, что она лжет ему и себе, говоря так, и поэтому ничего не ответил. Ему не нравилась ложь. Во лжи нет искренности, глубины, самоотдачи. Ложь делает человека невкусным… для Лийемана.

Миналь провела рукой по его груди и сказала:

— А что с ее мужем?… О нем ничего не слышно с тех пор. Он ведь будет теперь нашим господином, правильно? Ему отойдут все земли Идэль, и все земли Севегала и Йатрана, и владения Фольгорма… наверное, даже часть владений ита-Берайни… Ведь теперь он единственный наследник потомков Джейбрина… ну, не считая Смайрена, конечно.

— Не знаю, — сказал Лийеман. Ее воркотня раздражала. — Не думаю, что так будет. Ему все это не нужно.

— Сейчас — может быть… — согласилась Миналь. — Но ведь не вечно он будет горевать по ней. В конце концов он вернется к жизни.

— Если это и произойдет, то не у нас.

— О чем ты?

Лийеман вздохнул. Ему не хотелось обсуждать эту тему, но было ясно, что иначе от Миналь не отвязаться.

— Он уехал. Совсем.

— Куда?

— Мне он не сказал, и… думаю, никому не сказал. Вряд ли он сам еще понимает, куда.

— Не нужно было его отпускать, — вздохнула девушка.

Лийеман усмехнулся:

— Запереть где-нибудь?

— Нет… просто поговорить. Объяснить, как он важен, что теперь он несет ответственность за немалую часть дома Кион…

— Дэвиду нет до этого дела, — резко сказал Лийеман. — Идэль была для него всем. Он почти сошел с ума, даже пытался убить себя… хорошо, что он уехал. Здесь он долго не протянул бы.

Говоря об этом, Лийеман ощутил злость, объектом которой являлся он сам. Ему очень хотелось, чтобы Дэвид остался. Дэвид испытывал потрясающее горе. Эта предельная глубина человеческого страдания манила Лийемана, как наркотик. Было так здорово находиться рядом с Дэвидом и переживать все это вместе с ним. Это могло бы стать подлинным украшением коллекции человеческих эмоций, которую собирал Лийеман. Но… они ведь друзья, не так ли? Он еще помнил рукопожатие в пустыне. Если они друзья, он должен думать не только о своей выгоде и удовольствии, но и — как это не было бы трудно — учитывать еще и интересы другого человека. Поэтому он не стал удерживать Дэвида в Кильбрене. Хотя очень хотелось.

— Интересно, куда он поехал?… — сонно пробормотала Миналь.

— Не знаю, — процедил Лийеман. Ну и дура! Она что, не помнит, что

задавала этот же самый вопрос всего лишь минуту назад?

Эпилог

Это было мрачное место. Темное, затянутое громадами туч ночное небо — без малейшего просвета, освещаемое лишь нитями молний, без конца бьющих в мертвую землю и лиловатыми и багровыми отсветами, не имеющими никакого видимого источника. Неровная, застывшая земля, каменные глыбы вперемешку с рытвинами и ямами. Слабо фосфоресцирующие участки воздуха, тени, текущие по камням, запах грозы, вой ветра, смешанный с завыванием призраков… И — темный замок вдалеке, зловещее строение, источающее силу: бездушный господин, возвышающийся над землей, рабски припавшей к его ногам.

* * *

Хеллаэн. Метрополия. Темные Земли.

По занесенной пылью, полуразрушенной, едва заметной дороге Дэвид все ближе и ближе подходил к сумрачному строению. Призраков и теней становилось все больше, на земле все чаще стали появляться скелеты — людей, животных и демонов. Это место напомнило ему Долины Теней, в которых он был однажды, и обнаруженное сходство не показалось ему удивительным. По сути, он ожидал чего-то подобного. Хотя Дэвид никогда не был здесь раньше, он без труда выяснил местоположение замка с помощью ИИП. Он знал, что сильно рискует, пытаясь осуществить задуманное, но собственная жизнь с тех пор, как погибла Идэль, перестала казаться ему чем-то значимым. Он всегда был дураком, не способным принять реальность такой, какая она есть, не способным спокойно и целеустремленно действовать во имя своей личной выгоды, метался то в одну сторону, то в другую, в погоне за мечтой выпуская из рук то, чем владел в данный момент… Он понимал это, но не мог остановиться: он действовал неправильно, глупо, но иначе он действовать не мог. До сих пор ему везло, и все как-то само собой разрешалось, но рано или поздно удача изменит ему, и он столкнется с последствиями своих непродуманных поступков, получит сполна и закончит свою жизнь так же, как заканчивали ее миллионы других иммигрантов, прибывших в Хеллаэн, преследуя мечты, которым не суждено осуществиться.

Замок стоял на высоком холме; петляя, дорога привела Дэвида к самым воротам. Он чувствовал рядом присутствие невообразимых существ и

заклятий, природу которых не сумел бы постичь, даже если бы проучился в Академии Волшебства тысячу лет: магия, которая царила здесь, не укладывалась в рамки классического Искусства.

Перед воротами он остановился. Напротив него возник призрак — кошмарное порождение чьей-то извращенной фантазии. Прозрачная нечеловеческая фигура — несколько голов и рук, обнаженное тело, вывернутое наизнанку. Существо было выше Дэвида в два раза и вооружено стеклянистыми лезвиями, выраставшими из тела; существо могло разорвать пришельца на части за секунду, и ни заклинания, ни мощь Источника, ни меч Гьерта ему бы не помогли: всего этого было бы слишком мало, чтобы справиться с порождением Силы, призванным стеречь владения своей госпожи.

— Я пришел к хозяйке этого замка, — хрипло сказал Дэвид. — Мы знакомы. Сообщи ей.

Прошло несколько секунд, существо оставалось недвижным; затем с протяжным скрипом врата распахнулись, призрачное чудовище повернулось и вошло внутрь. Дэвид расценил это как приглашение и последовал за ним. Они миновали сад костей и, взойдя по ступеням, вошли в цитадель; поднялись по парадной лестнице, и далее, оставив за спиной несколько комнат, приблизились к высоким двустворчатым дверям, которые должны были, как показалось Дэвиду, вести в центральное, помещение замка. Так и оказалось. Когда двери распахнулись, призрак отошел в сторону, предлагая гостю дальше идти самому; стоило Дэвиду войти в зал, как двери закрылись за его спиной. Это был тронный зал в виде восьмиугольника, чрезвычайно высокий — потолок терялся где-то во тьме. На возвышении в центре сидела женщина, лицо которой закрывала вуаль, ее длинное черной платье расстилалось по ступеням, ведущим к трону, — слишком длинное, чтобы в нем можно было ходить. Впрочем, Дэвид нисколько не сомневался, что если она захочет встать, платье мигом сделается нужной длины, либо, оставаясь таким, как и сейчас, ничуть не помешает женщине передвигаться. Обычная логика здесь пасовала, законы бытия — в замке и в землях вокруг него — определялись волей той женщины… того существа, которое сидело на троне.

Он подошел и низко поклонился, а когда поднял голову, то увидел, что она улыбается. Теперь она казалась почти человеком — обманчивое впечатление, которому нельзя дать обмануть себя.

— Госпожа Марионель, — сказал Дэвид.

— Дэвид, — нежно произнесла Говорящая-с-Мертвыми. — Неверный ученик Лэйкила кен Апрея. Я помню тебя. Зачем ты пришел?

Он глубоко вздохнул, набираясь решимости. В девяти случаях из десяти Обладающие жестоко наказывали людей за просьбы, подобные той, которую собирался он высказать — такова была политика этих существ, направленная на то, чтобы видеть докучливых посетителей в своих владениях как можно реже. Но люди все равно приходили — от отчаянья, надеясь, что благосклонность будет проявлена именно к ним, что Обладающий вопреки логике и здравому смыслу выполнит их просьбу, что Лорд, для которого жизнь человека не более ценна, чем жизнь муравья, который видит бесконечные превращения и перевоплощения существ в потоках силы и знает, что жизнь и смерть — всего лишь две стороны одной медали, что за гибелью последует новое существование так же, как и текущей жизни предшествовала иная, о которой перерожденное существо нисколько не жалеет, поскольку ее не помнит — что этот Лорд проявит необъяснимое снисхождение и выполнит нелепую просьбу. Надеялись так же, как надеялся сейчас Дэвид.

— Женщина, которую я любил, убита, — произнес Дэвид. — И я готов заплатить любую цену за то, чтобы вернуть ее из Страны Мертвых. Госпожа Марионель, молю вас, помогите мне в этом.

Приложение

Айтэль — государство, границы которой практически совпадают с границами Кильбрена, исключение составляют лишь варварские поселения гоблинов и огров на окраине.

Атта — «принадлежащий». Особый класс зависимых людей, своего рода привилегированных рабов. Аттой становился человек (плебей, реже — дворянин), добровольно отдавший себя в рабство тому или иному высокорожденному или же роду в целом. За все действия атта нес ответственность его личный хозяин (или глава рода, или тот из рода, кто отдавал атта распоряжения), и хозяин обладал правом безграничной власти над атта. Хозяин мог издеваться над атта как угодно, прав «пожаловаться» кому-либо у «добровольного раба» было не больше, чем у вещи. Однако своей властью хозяева до такой степени злоупотребляли редко, существовал определенный неписанный кодекс, регулировавший отношения между атта и хозяином. Атта должен быть бесконечно верен хозяину, и подобное качество высокорожденными не могло не цениться. Сам по себе атта был совершенно бесправен, однако, выполняя приказы высокорожденного или охраняя его персону, приобретал весьма высокий статус, считаясь стоящим выше плебеев и даже выше дворян. Как уже сказано, атта становились добровольно, иногда, впрочем, родители отдавали своих детей в услужений (присяга считалась действительной, если ее приносил ребенок старше семи лет); хотя положение атта не наследовалось автоматически, но если у атта все-таки появлялись дети (что редко, но случалось), они обычно отдавали их в услужение с самого раннего разрешенного возраста (с семи лет). Атта не мог получить дворянское звание и оставался рабом до смерти; впрочем, известны случаи, когда атта становились вольноотпущенииками (как правило, такое происходило в старости или после смерти их господина). С атта не могли вступать в брак другие категории населения, и сами они не могли образовывать семьи. Если наложница-атта рожала ребенка от высокорожденных, он мог быть формально усыновлен родителем, однако ни при каких условиях не мог стать лигейсан, приором, секондом или главой клана. Атта использовались как телохранители, личные слуги, наложники (наложницы). Иногда эти виды деятельности совмещались в одном лице. По-своему стать атта было почетно; существовал целый пласт

кильбренийской литературы, восхвалявший такие качества атта, как безграничная преданность, самоотверженность, бесстрашие, терпение.

Атта-прей — воин-раб.

Ита — ребенок, потомок. Так обозначали принадлежащих к ветви какого-либо клана, составлявших целостную группу. Например: ита-Берайни («семья», версии — «все ПОТОМКИ Берайни»).

Киртсан — титул всех высокорожденных, кроме лигейсан.

Лигейсан — титул, добавлялся после первого имени, означал прямого потомка приора, рожденного во время его правления.

Претор — глава клана. Выбирался посредством голосования всех членов клана, достигших совершеннолетня, в первую очередь рассматривались кандидатуры, имеющие титул лигейсан и/или прямые наследники предыдущею главм клана. Претор выбирался пожизненно, однако клан мог и переизбрать его в случае возникновения сильной оппозиции и разочаровании в нем как в правителе. Нельзя было пытаться снова переизбрать главу клана, если с момента последней попытки переизбрания не прошел год и один день.

Префект («поставленный во главе») — правитель локальной области, выбирался приором обычно из числа высокорожденных, иногда из приближенных дворян.

Приор («первый») — верховный правитель Айтэля. Избирается пожизненно, но переизбирается каждые 7 лет (смещается, если больше половины сената против). Назначает главнокомандующего и префектов. Следит за исполнением законов. Высший посвященный Рунного Круга.

Сейр (женский вариант — «сайи») — дворянин. Например, Лангус-сейр-Мойрон-Кион (Лангус, дворянин из семьи Мойрон, вассал клана Кион).

Секонд («второй») — со-правитель приора, высший судья в государстве. Выбирает министров и разрабатывает законы. Секонд выбирался на малом совете, состоявшем из приора (имея два голоса) и суффектов, представлявших три других клана. Представитель секондом стать не мог, кроме того, секонд не мог быть набран из того клана, от которого происходил приор. Приор (по крайней мере, официально) не имел права предлагать, кого бы он хотел видеть на месте секонда; неофициально же он обычно находил возможность сообщить об атом, если считал нужным. Секонд избирался пожизненно и навсегда лишался права стать приором (хотя бывший приор мог стать секондом, если власть переходила к другой семье). Лишить секонда полномочий мог только малый совет, и если при таком голосовании секонд оставался на своем посту, в течении

года и одного дня этот же вопрос ставить опять на голосование было запрещено.

Суффект — представитель приора либо клана на малом совете. Правящий клан своего суффекта не имел, его интересы представлял приор. Представитель как бы являлся голосом своего клана и при необходимости глава клана мог заменить его лично.

Сенат — орган управления, в неполном составе собирался из высокорожденных, занимавших высшие административные посты. В полном составе (все лигейсан + главы кланов + члены малого совета + министры + секонд) собирался редко, только для обсуждения какого-нибудь важного вопроса; например — для перевыборов приора или выборов нового.

Узан («сын»), Узей («дочь») — слово-связка, позволявшая именовать дворянина, плебея или высокорожденного «по отчеству» (атта так именовать не могли: считалось, что у атта нет ни родителей, ни национальности, ни родины — ничего, кроме господина). Например Рия-узей-Сорквейн (Рия дочь Сорквейн). Среди высокорожденных такое обращение использовалось нечасто и в некоторых случаях несло легкий пренебрежительный оттенок (так как конкретный живой человек определялся через его родителя). У дворян и особенно плебеев, напротив, определение человека через его родителя считалось вежливым. У высокорожденных, если оба родителя были высокорожденными, в качестве родителя после слова-связки мог указываться любой из них, но обычно мать. Если один из родителей высокорожденного был обычным человеком, как правило, указывался тот, который был высокорожденным (в противном случае это могли воспринять как серьезное оскорбление).